РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

2(107)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Власть и общество в России первой четверти XIX века
The Government and Society in Russia in the First Quarter of the XIXth Century

Глобализация в современном мире
Globalization in the Contemporary World

Деньги и товарооборот в СССР
Cash and Goods Turnover in the USSR

«Фейковые новости» в мировой политике
«Fake News» in Global Politics

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2020

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2020.02.00

ИНИОН РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, ИНИОН РАН, Россия, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, ИНИОН РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *О.Б. Константинова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА		**RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**
Киянская О.И. Империя упущенных возможностей. К истории общественных настроений в России конца 1810 – начала 1820-х годов	**6**	*Kiyanskaya O.I. The Empire of Lost Opportunities. On the History of Public Attitudes in the Russian Empire in the Late 1810s – Early 1820s*
Богомолов И.К. Сбор сведений о военных преступлениях австро-германских войск в годы Первой мировой войны (на материалах Московской губернии)	**50**	*Bogomolov I.K. Collection of Information on War Crimes of the Austro-German Troops During the First World War (Based on Materials from the Moscow Province)*
Пинюгина Е.В. Патриарх Сергий в политике памяти Русской православной церкви в конце XX – начале XXI в.	**61**	*Pinyugina E.V. Patriarch Sergius in the Policy of Memory of the Russian Orthodox Church in the End of the XXth – Beginning of the XXIst Century*
РОССИЯ И МИР, В XXI ВЕКЕ		**RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY**
Лапина Н.Ю. Национальные модели вступления в глобализацию	**73**	*Lapina N.Yu. National Entry Models to Globalization*
Веркёй Ж. Понять изменения в процессе современной глобализации: Экономические перспективы	**78**	*Vercueil J. To Understand the Changes in Modern Globalization: Economic Outlook*
Гордон А.В. Возвышение Китая в парадигме глобализации	**95**	*Gordon A.V. The Rise of China in Globalization Paradigm*

Захаров А.И.
Вступление Индии в глобальный мир: Особенности пути **113**

Яковлев П.П.
Латиноамериканские модели участия в глобализации: Региональные черты и страновые особенности **135**

Булатов А.С.
Современная российская экономическая модель и ее внешнеэкономические аспекты **158**

Комкова Е.Г.
Канада: Особый путь в глобализацию **169**

Лапина Н.Ю.
Не очень счастливая глобализация: Французский опыт **190**

Белинский А.В.
Изгнание из рая: Как глобализация и неолиберализм уничтожают немецкий средний класс **210**

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Плещенко В.И.
К вопросу об ограниченной функциональности наличных денег и специфике розничного товарооборота в СССР **228**

Zakharov A.I.
The Characteristic Features of India's Entry into the Global World **113**

Yakovlev P.P.
Latin American Models of Participation in Globalization: Regional Traits and Country's Features **135**

Bulatov A.S.
Today's Russian Economic System and its External Economic Aspects **158**

Komkova E.G.
Canada: Peculiar Path to Globalization **169**

Lapina N.Yu.
Not So Happy Globalization: French Experience **190**

Belinsky A.V.
Expulsion From the Paradise: How Globalization and Neoliberalism are Destroying the German Middle Class **210**

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

Pleschenko V.I.
About the Limited Functionality of Cash and the Specifics of Goods Turnover in the USSR **228**

Соколова Л.Д., Чёрный Ю.Ю. *Эвакогоспитали № 2002 и № 5397 на территории санатория им. А.М. Горького в Кисловодске в период Великой Отечественной войны* **240**

Sokolova L.D., Cherny Yu.Yu. *Evacuation Hospitals No. 2002 and No. 5397 in the Territory of the Sanatorium Named After A.M. Gorky in Kislovodsk in the Years of the Great Patriotic War*

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

Бубнова Н.И. *Устранение Сулеймани: Безрассудное убийство или опасный просчет Трампа?* **251**

Bubnova N.I. *Soleimani's Assassination: Reckless Murder or Trump's Dangerous Escapade on a Road to Nowhere?*

Казакова Н.Ю. *Диктатура духа: Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» в критике Серебряного века* **276**

Kazakova N.Yu. *Dictatorship of Soul: Dostoevsky's «The Demons» in the Criticism of the Silver Age*

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS. SUMMARIES

Манойло А.В., Попадюк А.Э. *Зарубежные научные подходы к исследованию «фейковых новостей» в мировой политике* **285**

Manoylo A.V., Popadiuk A.E. *Foreign Scientific Approaches to the Study of «Fake News» in World Politics*

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.01

О.И. Киянская

ИМПЕРИЯ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ. К ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В РОССИИ КОНЦА 1810 – НАЧАЛА 1820-х ГОДОВ

Аннотация. *В статье речь идет об общественно-политической ситуации в России 1814–1825 гг. Автор описывает изменение настроений мыслящей части общества этой эпохи: от восхищения царем-победителем до осознания необходимости цареубийства и коренного изменения государственного строя.*

Анализируя феномен императора Александра I, автор утверждает, что молодое поколение русских дворян, вернувшееся с войны, именно с ним, с его реформаторскими устремлениями, связывало возможность социальной реализации и участия в политической жизни страны. Однако к концу 1810-х годов тенденция «закручивания гаек» взяла верх над этими устремлениями: в армии основное внимание стало уделяться подготовке к парадам и поддержанию дисциплины, вводились военные поселения, в университетах насильственно насаждалось православие, изгонялись неугодные профессора, происходило ужесточение цензуры и т.п. Возможности участия молодых дворян в политике были сведены к нулю.

Конец 1810–1820-х годов в истории России – это «эпоха тайных обществ». Рассматривается эволюция этого феномена: от организации, официально не зарегистрированной, но созданной для «помощи правительству», до антиправительственной конспиративной организации, члены которой готовили «военную революцию». Делается вывод о том, что власть способствовала этому перерождению: обманутые в своих ожиданиях молодые люди начали искать альтернативные возможности проявления политической активности.

Подводя итоги, автор отмечает, что вооруженные восстания 1825–1826 гг. стали неизбежным следствием изменения политической обстановки в послевоенной России. Восстание декабристов на много десятилетий вперед определило вектор взаимоотношений власти и мыслящей элиты.

Ключевые слова: *Александр I; отмена крепостного права; конституционные проекты; тайные общества; военные поселения; Союз благоденствия; декабристы.*

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ); ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН

(ИНИОН РАН), Россия, Москва. E-mail: kianoks@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: H-8120–2013;
Scopus Author ID: 57212137038

Kiyanskaya O.I. The Empire of Lost Opportunities. On the History of Public Attitudes in the Russian Empire in the Late 1810s – Early 1820s

Abstract. *The article focuses on the social and political situation in Russia in 1814–1825, describing a change in the intellectual elite's sentiment – a shift from the admiration for the victorious tsar to the ideas of regicide and a necessity of radical change in the state system.*

Analyzing the phenomenon of Alexander I, the author argues that it was his reformatory intentions and the personality of the tsar himself on which the younger generation of Russian nobility, who had just returned from the war, based their hopes for their own social realization and wider opportunities for a more active role in the political life in Russia. Yet, by the late 1810s, there had prevailed a trend towards «tightening of the screws» in the country. The army focused of parades and more strict discipline, new military settlements were being set up, the Church orthodoxy was imposed at universities, while liberal professors were expelled and censorship became more and more severe. The opportunities for the participation of young nobility in political life were, in effect, reduced to zero.

The period from the 1810s to 1820s stands out in Russian history as an «era of secret societies». The paper traces the evolution of this phenomenon, starting with a loose organization for the «assistance to the government» all the way to the anti-government clandestine organization whose members planned a «military revolution». The government facilitated this transformation, as the young men, being frustrated in their expectations, began seeking alternative means for their political activism.

The author concludes that the military uprisings of 1825–1826 were an inevitable consequence of these political changes in the post-war Russia. The uprising of the Decembrists determined the vector of the relationship between power and the thinking elite for many decades to come.

Keywords: *Alexander I; abolition of serfdom; constitutional projects; secret societies; military settlements; Welfare union; the Decembrists.*

Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU);
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: kianoks@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: H-8120–2013;
Scopus Author ID: 57212137038

«Народов друг...»

1814 год – год освобождения Европы от владычества Наполеона – был для российского императора Александра I триумфальным.

Вступая на территорию Франции, император призывал своих солдат «понести» французам «не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку». «Слава россиянина», по словам императора, состояла в том, чтобы, победив врага, «благодетельствовать ему и мирным его собратьям. Сему учит нас свято почитаемая в душах наших православная вера. Она божественными устами вещает нам: “Любите враги ваша и ненавидящим вас творите добро”» [Собрание 1816, с. 151].

В марте был взят Париж – и великодушие императора-победителя тронуло сердца французов. Император не стал мстить: «Преисполненный чувствами высокой христианской любви, Александр в буквальном смысле слова осуществлял в Париже великую заповедь Спасителя. Он воздал французам за все зло, причиненное ими России, великими милостями и щедротами; своим неслыханным великодушием он заставлял краснеть сынов великой нации, опозоривших и ограбивших всю Европу… Повсюду, где ни появлялся Александр, он производил глубокое, неизгладимое впечатление. Во всех его словах и действиях выражалось самое высокое, гуманное, истинно человеческое миросозерцание. Чуждый всякого тщеславия, он разливал повсюду любовь и благодеяния…» [Надлер 1892, с. 185–194].

«Имя императора Александра гремело во всем просвещенном мире», Россия заняла «первое место между сильнейшими государствами в мире», гордилась своим императором и «ожидала от него новой для себя судьбы» [Трубецкой 1983, с. 217]. В Отечестве императора ждали бурные овации подданных.

В августе 1814 г. Синод, Государственный совет и Сенат решили преподнести императору титул «Благословенный». И хотя император от этого титула официально отказался, «Благословенным» его называли до самой смерти. Общественные настроения той поры передал Александр Пушкин:

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда [пред ним] раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!..

В сентябре 1815 г. Александр инициировал создание Священного союза. «Их величества император австрийский, король прусский и император российский» договорились соединиться «узами действительного и неразрывного братства» и «подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь».

«В отношении же к подданным и войскам своим» монархи брали на себя обязательства действовать «как отцы семейств», «управлять ими в том же духе братства, которым они одушевлены, для охранения веры, мира и правды» [Полное собрание 1830 b, с. 279].

* * *

Давно отмечено, что возникновение в России тайных политических организаций, которые, трансформируясь, подготовили восстание на Сенатской площади, во многом было следствием войны. Михаил Фонвизин вспоминал: «Чрезвычайные» события 1812–1814 гг. «возвысили» «дух наших войск и особенно молодых офицеров. В продолжение двухлетней тревожной боевой жизни, среди беспрестанных опасностей они привыкли к сильным ощущениям, которые для смелых делаются почти потребностью. В таком настроении духа, с чувствами своего достоинства и возвышенной любви к Отечеству большая часть офицеров гвардии и генерального штаба возвратились в 1815 году в Петербург» [Фонвизин 1982, с. 181–182].

Военное прошлое приучило молодых дворян к мысли о том, что от их личной воли, старания, мужества зависит, в итоге, судьба Отечества. Герои Бородина и Тарутина, Люцена, Бауцена, Кульма и Лейпцига, бравшие Париж, кавалеры множества орденов и владельцы золотых шпаг «За храбрость», они действительно «привыкли к сильным ощущениям». Ю.М. Лотман утверждал: трагедия, «разыгравшаяся на полях Европы, активно формировала психологию людей начала XIX века, в частности, приучала их смотреть на себя как на действующих лиц истории, “укрупняла” их в собственных глазах, приучала к сознанию собственного величия, и это не могло не сказаться на их политическом самосознании в дальнейшем» [Лотман 1994, с. 185].

Вернувшись в Россию, офицеры осознали, что для того чтобы быть «действующими лицами истории», следует учиться. Послевоенная эпоха – это эпоха повального увлечения молодых дворян науками. «Один меч, одна храбрость недостаточны для обороны государства... необходимо учение, необходимы книги», – утверждал начальник штаба Гвардейского корпуса Николай Сипягин [Грибовский 1817, с. 6].

Под руководством Сипягина и под патронажем корпусного командира Михаила Милорадовича при штабе корпуса в 1816 г. была образована библиотека, а при библиотеке – Общество военных людей. Цель же общества, по признанию одного из главных его деятелей Ивана Бурцова, «состояла в образовании молодых людей предпочтительно в военных науках» [Бурцов 2001, с. 190]. Адъютант Милорадовича Федор Глинка стал редактировать «Военный журнал». Глинка был убежден: для того чтобы быть «предводителем» или «сделаться достойным предводительства», следует читать книги «прилежно, неутомимо» [Глинка 1818, с. 35–36].

И обществу, и журналу покровительствовал сам император Александр.

Однако военными науками офицеры не ограничивались. «Поставляемо было в похвалу приобретение и прочих знаний», – констатировал Бурцов.

Столь же «прилежно» офицеры занимались науками политическими, слушали частные лекции известных профессоров. Тот же Бурцов, «подобно многим гвардейским офицерам, в свободные часы от службы… посещал профессоров Германа, Галича, Куницына, преподававших лекции о политических науках, и всемерно старался приобретать таковые знания» [Бурцов 2001, с. 190].

Матвей Муравьев-Апостол показывал, что в 1816 г. «слышал лекции политический экономии у профессора здешней академии господина Германа. Нас несколько человек собралось. Чтобы пройти сей курс, мы сделали подписку». Среди слушателей этих лекций он называл своего брата Сергея, Павла Пестеля, Сергея Трубецкого, Федора Глинку, Никиту Муравьева и некоторых других молодых офицеров. Евгений Оболенский, не воевавший, но охваченный тем же патриотическим порывом, показывал, что в 1819 г. «слушал лекции политической экономии у профессора Куницына». Оболенский рассказывал, что молодые офицеры после войны «большую часть свободного от службы времени проводили на лекциях или в занятиях дома» [Муравьев-Апостол 1950, с. 216; Оболенский 1925, с. 226, 251].

Бурцов пояснял, что учеба для офицеров не была самоцелью. «Приобретать политические знания» следовало для того, чтобы «по мере сил каждого» «распространять понятия о благодетельных намерениях его величества». «Смело могу сказать, что я готов был в точном смысле сделаться орудием правительства», – утверждал он [Бурцов 2001, с. 190].

«Благодетельные намерения правительства» – как они виделись молодым гвардейцам – состояли, прежде всего, в проведении радикальных реформ.

В том, что Россия нуждается в реформах, у офицеров сомнений не было. Сергей Муравьев-Апостол утверждал, что среди «последствий войны» – «введение представительного правления в некоторые государства, сочинения политические, беспрестанно являющиеся в сию эпоху и читаемые с жадностью молодежью, дух времени, наконец, обративший умы к наблюдению законов внутреннего устройства государств» [Муравьев-Апостол 1927, с. 273]. Иван Якушкин выражался точнее: «Пребывание во время похода за границей, вероятно, в первый раз обратило мое внимание на состав общественный в России и заставило видеть в нем недостатки» [Якушкин 1927, с. 44].

Положение, когда одни христианские души могли торговать другими христианскими душами, казалось невозможным для гуманной державы – победительницы Наполеона. «Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало», – показывал на следствии по делу о «злоумышленных обществах» Павел Пестель. Ивану Якушкину «крепостное состояние людей» казалось

единственной преградой к «сближению всех сословий и вместе с сим общественному образованию в России» [Пестель 1927, с. 90; Якушкин 1927, с. 44]. В большинстве следственных дел арестованных впоследствии деятелей тайных обществ можно найти высказывания о «пагубности» крепостного права.

Императору Александру – и это прекрасно знали вернувшиеся с войны офицеры – тоже не были чужды антикрепостнические идеи. Речи о необходимости отмены крепостного права громко зазвучали в России задолго до войны, в 1801 г., когда Александр вступил на престол. Об этом говорили, в частности, на заседании Негласного комитета, пытавшегося подготовить для императора программу реформ. В 1803 г. Александр издал Указ о вольных хлебопашцах, разрешавший помещикам освобождать крестьян с землей за выкуп. Консерватор Александр Шишков, в 1812 г. занимавший должность государственного секретаря и в этой должности писавший и редактировавший императорский манифест об окончании войны, подчеркивал, что государь имеет «несчастное… предубеждение против крепостного права в России, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка» [Шишков 1870, с. 308].

Согласно мемуарным свидетельствам, от императора ждали, что он, «утвердив спокойствие всеобщим миром в Европе», займется «устройством внутреннего благоденствия вверенного провидением державе его пространного государства» [Трубецкой 1983, с. 217]. И поначалу император оправдывал надежды: в 1816 г. он отменил крепостное право в Эстляндии, еще через год – в Курляндии, а в 1819 г. – в Лифляндии.

Параллельно с обсуждением крестьянского вопроса шли разговоры о конституции, представительном правлении и реформе государственного управления. Некоторые довоенные планы удалось воплотить в жизнь: была проведена министерская реформа, образован Государственный совет. И хотя они не представляли собой чего-то принципиально нового, меняющего основы российского абсолютизма, «самый недальновидный человек понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут верх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная еще, в чем именно состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имевшие крепостных, теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право» [Рунич 1901, с. 355–356].

Неотвратимость наступления «новых порядков» после войны ощущалась особенно сильно. В 1815 г. Царство Польское, вошедшее по результатам Венского конгресса в состав Российской империи, получило конституционную хартию. Русский царь, согласно этому документу, объявлялся польским монархом и обязан был править в соответствии с хартией. При этом в Польше образовывался двухпалатный парламент; в 1818 г. он приступил к работе. Император, лично открывший заседание парламента, произнес знаменитую

речь, из которой следовало, что «законно-свободные учреждения» желательно распространить на всю Россию.

Эта речь породила у современников бурную реакцию: одни испугались будущих нововведений, другие были оскорблены тем, что конституцию получили поляки, воевавшие на стороне Наполеона. Третьи – и среди них вернувшиеся с войны молодые офицеры – горячо приветствовали начинания «Агамемнона». «Варшавские речи сильно отозвались в молодых сердцах: спят и видят конституцию», – писал Николай Карамзин [Письма Карамзина 1866, с. 236–237].

В показаниях декабристов восхищение «варшавской речью» императора стало общим местом. Так, по словам Бурцова, речь эта, «в коей изложено было высочайшее намерение распространить со временем и на Россию подобное образование гражданского управления», «много» усилила «общее стремление к снисканию сведений», которые «могли быть употребленными в исполнении общественных обязанностей» [Бурцов 2001, с. 190]. Пестель, «воздействуя» на только что вступивших в общество заговорщиков, тоже призывал их «постигнуть» «речь, произнесенную в Варшаве к представителям народным» [Комаров 2001, с. 394]. Никита Муравьев показывал, что «свободный образ мыслей» утвердился в нем благодаря речи «покойного государя императора к Сейму Царства Польского, в коей он объявлял свое намерение ввести представительное правление в Россию» [Муравьев 1925, с. 295].

Император на самом деле был уверен: «либеральные начала», к которым он относил и введение конституции, и отмену крепостного права, «одни могут служить основою счастия народов» [цит. по: Шильдер 1898, с. 40]. Высшие государственные деятели составляли такого рода проекты; большинство из них разрабатывалось тайно. После дарования конституции Польше началась работа над «Государственной уставной грамотой» – российским основным законом; слухи об этом быстро расползлись по России.

Иногда конституционные искания становились достоянием общественности: должностные лица и крупные душевладельцы выступали с речами, в которых – с большей или меньшей степенью радикализма – звучали призывы отменить крепостное право. Каждое такое выступление вызывало волну обсуждений и надежд в обществе.

Идеи учебы и помощи императору имели совершенно очевидные последствия для офицеров-реформаторов. Они, по справедливому замечанию В.М. Боковой, хотели видеть себя людьми – «в первую очередь», и только потом уже – офицерами [Бокова 2003, с. 212]. Соответственно, изменился и их внешний вид. По словам Федора Глинки, после войны,

Окончив полевые драки,
Носили офицеры фраки.

И даже когда офицеры не надевали фраков, соблюдать правила ношения форменной одежды они не желали. Пример показывали Милорадович и Сипягин: Андрей Розен, например, описывал в мемуарах непорядок в одежде высших должностных лиц корпуса. Он писал: «Когда Н.М. Сипягин был начальником штаба, то он сам, и граф М.А. Милорадович, и Я.А. Потемкин, и вообще генералы-щеголи или франты, а за ними и офицеры носили зеленые перчатки и шляпу с пóля». И вспоминал эпизод, когда, копируя поведение начальников, тоже оделся «против формы, по образцу тогдашнего щеголя»: «Под расстегнутым мундиром виден был белый жилет, шляпа надета была с пóля, а на руках зеленые перчатки». На улице Розен встретил императора Александра: «Я остановился, смешался, потерялся, успел только повернуть поперек шляпу. Государь заметил мое смущение, улыбнулся и, погрозив мне пальцем, прошел и не сказал ни слова» [Розен 1984, с. 111].

Кроме того, между офицерами и солдатами еще на войне установились «добрые отношения»; после войны они только окрепли. «В Семеновском полку палка почти совсем уже была выведена из употребления. В других полках ротные командиры нашли возможность без нее обходиться. Про жестокости, какие бывали прежде, слышно было очень редко», – вспоминал Иван Якушкин [Муравьев-Апостол 1922, с. 42; Якушкин 2007, с. 24]. Офицерам было ясно: просвещение и палки – вещи между собою несовместимые.

«Эпоха тайных обществ»

Бурная общественная жизнь породила в среде молодых дворян желание найти единомышленников и обсуждать с ними текущие политические дела. Давно отмечено, что послевоенная эпоха в России – это «эпоха тайных обществ» [Бокова 2003]. Образовывались полковые артели, политические клубы, кружки, в которые, наряду с офицерами, вступали и их штатские единомышленники. Так, в 1815 г. образовалась артель в Семеновском полку, офицеры которого «сложились, чтобы иметь возможность обедать каждый день вместе», а после обеда – обсуждать политические события и читать иностранную прессу [Якушкин 2007, с. 9]. В Генеральном штабе существовала Священная артель, «мыслящий кружок», участники которого беседовали «о предметах общественных» [Пущин 1988, с. 56], артель была и в гвардейском Измайловском полку. В Москве возникло Военное общество и т.п. Все они были тайными, однако «их “тайна” – только принятая форма собраний, – негласных, более или менее замкнутых, непубличных» [Пресняков 1925, с. 35]. Между тайным и антиправительственным объединением ставить знак равенства пока еще было невозможно.

В феврале 1816 г. (по показаниям Сергея Трубецкого – 9 февраля) в Петербурге был образован Союз спасения. Его основали шестеро молодых

гвардейцев, связанных между собою узами родства и фронтовой дружбы. Среди основателей – четыре представителя разветвленной и дружной семьи Муравьевых, «муравейника», как их называли в свете: Александр и Никита Муравьевы, Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы. При этом четверо – братья Муравьевы-Апостолы, Иван Якушкин и Сергей Трубецкой – служили на момент образования общества в гвардейском Семеновском полку, а еще двое – Александр и Никита Муравьевы – были гвардейскими квартирмейстерами.

М.В. Нечкина считала, что Союз спасения – «первая русская революционная организация… с которой и начинается в собственном смысле этого слова движение декабристов» [Нечкина 1955 а, с. 81]. Однако вряд ли в данном случае она права. В Союзе шли споры о том, что есть «благо России»: противодействие ли немцам на русской службе, «конституционное правление» или необходимость «даровать свободу крепостным крестьянам и для того пригласить большую часть дворянства к поданию о том просьбы государю императору» [Пестель 1927, с. 101].

Ни о каких конкретных «революционных действиях» Союза историкам не известно. «Похоже, что на практике, кроме споров вокруг устава, бурного обсуждения текущих политических дел и приема новых членов, Союз спасения ничем не ознаменовал своего существования», – справедливо утверждает В.М. Бокова [Бокова 2003, с. 263].

Однако Союз спасения – притом, что для власти он был абсолютно безопасен – стал первым, еще робким сигналом того, что власть теряет доверие мыслящего общества. Осенью 1817 г. возник – и сразу же был оставлен «московский заговор», когда молодые конспираторы решили убить императора в Москве.

Повод, в связи с которым возник цареубийственный план, заговорщики трактовали по-разному. Многие из них подтвердили на следствии, что план возник вследствие письма из Петербурга, от Сергея Трубецкого. В письме содержалась информация, что император намеревается присоединить к Царству Польскому часть бывшей польской территории и уехать со всем двором в Варшаву. Причины, по которым это было нужно императору, заговорщики запомнили по-разному. Никита Муравьев утверждал, что из Варшавы император собирался издать «манифест о вольности крепостных людей и крестьян», этот «манифест» мог сподвигнуть народ на применение оружия «противу дворян»; государь же, пользуясь «всеобщим смятением», «присоединит польские губернии … к новому царству». Якушкин показывал, что государь таким образом «старается… привлечь к себе привязанность поляков, дабы иметь в них верную опору в случае сопротивления в России угнетениям, угрожающим ей при учреждении военных поселений и прочее». Трубецкой писал, что он действительно «полагал», что император вскорости объявит о присоединении «российско-польских провинций к Царству Польскому», а о других

«мнимых намерениях государя императора» ничего на следствии сказать не смог [Муравьев 1925, с. 306; Якушкин 1927, с. 52; Трубецкой 1925, с. 49].

Сначала заговорщики решили – для того чтобы выбрать из своих рядов цареубийцу – «бросить жребий». Иван Якушкин, согласно его собственным показаниям, вызвался сам, «не хотя подвергнуть себя жребию» и желая «пожертвовать собой, дабы спасти Россию от погибели». Против этого замысла высказался Сергей Муравьев-Апостол: «На другой день, обдумав неосновательное намерение наше и быв болен, я изложил на бумаге мое мнение, коим остановлял предпринятое действие, показывая скудость средств к достижению цели» [Якушкин 1927, с. 52–53; Муравьев-Апостол 1927, с. 256].

В итоге замысел был оставлен, император остался цел.

Дело было, конечно, не в том, что царь в 1817 г. решил переехать в Польшу, отдать Польше российские территории или специально спровоцировать в России крестьянский бунт. И не в том, что к 1817 г. он отказался от реформаторских замыслов; это произошло позже. Дело было в другом: молодые офицеры впервые поняли, что для реализации планов реформ они императору не нужны. И к реальной российской политике в государстве они – при всей своей учености и влюбленности в «Агамемнона» – никакого отношения иметь не будут.

Год спустя основатель Союза спасения Александр Муравьев получил возможность почувствовать на себе отношение императора к собственным антикрепостническим идеям. Возражая одному из «обскурантов», публично критиковавшему идею отмены крепостного права, но желавшему при этом конституции, он написал записку, которую сумел передать царю. В записке, между прочим, были такие слова: «Непостижимо, как можно с таким восхищением говорить о собрании представителей и в то же время оскорблять вольность и противиться сообщению мыслей!» [Муравьев 1986, с. 133].

Получив записку, монарх, согласно воспоминаниям Сергея Трубецкого, прочел ее и сказал: «Дурак! не в свое дело вмешался» [Трубецкой 1983, с. 223]. А в мае 1818 г. отвечавший за цензуру министр духовных дел и народного просвещения князь Александр Голицын предписал «обратить внимание» на «издаваемые журналы и другие сочинения, дабы в них ни под каким видом не было печатаемо ничего ни в защищение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян, не только здешних, но и иностранных, ни вообще материй, касающихся до распоряжения правительства» [цит. по: Семевский 1888, с. 405].

Однако ни в 1817, ни в 1818 гг. разрыва молодых либералов и власти не произошло. В 1819 г. император благосклонно отреагировал на записку Николая Тургенева «Нечто о крепостном состоянии». Написанная в осторожных выражениях, она тем не менее хорошо передавала взгляды декабриста: «Не зная и не смея угадывать намерения правительства насчет общего освобож-

дения крестьян, можно, однако же, быть уверену, что оно будет предпринимать все возможные по обстоятельствам меры к достижению сей благотворной цели. Дух справедливости, ознаменовавший наше правительство в глазах целой Европы, позволяет ожидать, что еще в настоящее царствование, столь славное многими победами, совершится славнейшая победа справедливости над несправедливостью, просвещения над варварством, света над тьмою». Кроме того, Тургенев в записке осуждал запрет на гласное обсуждение крестьянского вопроса: «Нет сомнения, что благонамеренные и пристойные суждения о предметах сего рода в журналах и в книгах могли бы принести великую пользу; вреда же никакого» [Тургенев 2001, с. 539, 550].

Александр поручил Милорадовичу «передать свое благоволение автору». При этом монарх пообещал – для облегчения участи крепостных – выбрать «самое лучшее из поданных ему записок по этому вопросу» [Шебунин 1925, с. 72].

В том же 1819 г. император благосклонно отнесся к стихотворению Пушкина «Деревня»:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Александр велел передать автору, что его стихи внушают «добрые чувства» [Жихарев 1989, с. 365].

«Споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия…»

Молодых дворян конца 1810-х годов делали союзниками власти не только императорские намерения отменить рабство и ввести конституцию. Серьезной поддержкой в обществе пользовалась религиозная политика, тесно связанная с политикой гуманитарной.

В конце 1812 г. в России было организовано Библейское общество – как отделение одноименной английской организации, в 1813 г. в него вступил сам император. Еще год спустя Библейское общество стало независимым и получило статус общероссийского. Официально декларируемая цель этой организации – перевод Библии на языки народов, населяющих Россию. Но, как видно по результатам многих исследований, деятельность Библейского общества оказалась гораздо шире декларируемой цели. Во главе этого общества стоял один из временщиков императора, князь Александр Голицын.

Время управления Голицыным Библейским обществом ознаменовано ожесточенными спорами о роли Церкви в Русском государстве и русском обществе. Князь был сторонником «универсального христианства», стирающего конфессиональные различия; пропагандируемая им «внутренняя церковь» допускала единение с Иисусом Христом, минуя церковь официальную [Флоровский 2006, с. 133]. Религиозные воззрения князя распространяли подчиненные ему преподаватели учебных заведений.

Начинания Библейского общества, безусловно, влияли и на развитие науки, в первую очередь языкознания. Согласно мнению А.Н. Пыпина, «непосредственный результат библейской деятельности – новые издания Библии, и в особенности издания на русском языке и переводы на различные инородческие наречия, во всяком случае, были явлением высокой важности в истории русского образования» [Пыпин 2000, с. 126–127].

Идеи взаимодействия религии и просвещения как раз и лежали в основе концепции образованного в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения, главой которого и был назначен Голицын. Это, по выражению современников, «сугубое» министерство подмяло под себя не только собственно ведомство просвещения, но и иностранные вероисповедания, и православный Синод, и периодические издания (за исключением нескольких ведомственных газет и журналов), и Академию наук, и вольные общества, и цензуру (через посредство цензуры – и литературу); «по совместительству» Голицын возглавлял и Почтовый департамент. На посту министра князь как мог развивал просвещение, учреждал школы и университеты: в частности, при нем был основан Санкт-Петербургский университет. С его санкции открывались новые периодические издания, выходили книги.

Исследователи спорят, была ли политика Голицына «протестантским проектом, глобальной попыткой Реформации сверху», «мессианско-эсхатологическим синтезом», «католической конверсией», «утопией общехристианского государства» или «христианским экуменизмом»[1]. Кроме того, вызывают споры и политические воззрения князя. Так, М.Л. Майофис видит во главе Библейского общества либерала: по ее мнению, насаждавшаяся посредством этого общества «модель христианства» была орудием «либерализации режима и модернизации» [Майофис 2008, с. 292]. А.Г. Готовцева полагает, что «многие инициативы лично Голицына и возглавляемого им Министерства духовных дел и народного просвещения укладываются в проевропейский космополитический дискурс» [Готовцева 2018, с. 19].

А.Ю. Минаков, напротив, считает князя «деятелем с консервативной репутацией». Однако он уточняет, что «вариант консерватизма, который он

1. Свод и анализ мнений о религиозной политике властей в первой четверти XIX в. см.: [Вишленкова 2002, с. 46, 99–100].

отстаивал, существенно отличался от магистрального направления русского консерватизма, в основе которого лежали прежде всего православные ценности и патриотизм» [Минаков 2018, с. 146].

Впрочем, спор о взглядах Голицына и «направлении» Библейского общества и «сугубого» министерства – это всего лишь спор о терминах. Главным было другое: согласно Пыпину, Библейское общество было, по сути, общественной организацией. Согласно Пыпину, «действия общества проникли в слои жизни, до которых редко касались какие-нибудь подобные влияния; и для людей, не задававших себе никаких вопросов, проводивших жизнь по принятому обычаю и переставших что-нибудь думать о ней, такое возбуждение религиозно-нравственных вопросов все-таки могло быть шагом вперед как пробуждение из нравственной спячки» [Пыпин 2000, с. 126].

В годы деятельности Голицына в России выходили многочисленные журналы – и почти у каждого из них было свое лицо. И в журналах, и отдельными книгами печатались произведения Александра Пушкина, Василия Жуковского, Петра Вяземского, Евгения Баратынского. Министр искренне любил многих из своих неспокойных подчиненных, поддерживал при дворе Жуковского (о взаимоотношениях Голицына и Жуковского см., в частности: [Зорин 2001, с. 269–295]), помогал выкупу из крепостной неволи талантливого юноши Александра Никитенко, живо интересовался судьбой служившего рядовым в Финляндии Баратынского.

Президент Библейского общества одним из первых русских правителей понял силу общественного мнения и старался в своей деятельности опираться на это мнение. Более того, он зачастую сам инициировал ту или иную общественную инициативу. В частности, он пытался внедрить в отечественное образование ланкастерский метод взаимного обучения.

В 1816 г. император поручил Голицыну отправить «в Англию для изучения методы Ланкастера» четырех студентов столичного Педагогического института [Сборник постановлений 1875, с. 889] – и с этого момента Голицын стал яростным пропагандистом новой системы. Он лично наблюдал за обучением студентов и докладывал об их успехах императору, а в октябре 1817 г. организовал в Педагогическом институте специальное отделение «для образования учителей приходских и уездных» [Сборник постановлений 1875, с. 1020]. При Главном правлении училищ был создан особый комитет для учреждения училищ народного просвещения [Сборник постановлений 1875, с. 1286]. В 1818 г. ланкастерская школа была организована в Гвардейском корпусе, в январе 1819 г. возникло Общество для заведения училищ по методе взаимного обучения [Сборник постановлений 1875, с. 1230–1233]; в состав общества на разных этапах входили деятели тайных антиправительственных организаций.

* * *

В январе 1818 г. в Москве было организовано второе тайное декабристское общество – Союз благоденствия.

Историки долго спорили о том, что представлял из себя Союз благоденствия. Пыпин считал, что его основатели хотели «заявить о нем правительству и просить его содействия» [Пыпин 2001, с. 393]. Пыпину возражала Нечкина, ставившая знак равенства между тайным и революционным обществом. Она удивлялась, зачем общество – если оно преследовало вполне благонамеренные, легальные цели – «оставалось тайным» [Нечкина 1955 а, с. 186–187]. По ее мнению, этот союз, как и предыдущий, был организацией революционной.

Сегодня Союз благоденствия мало кто из историков считает революционной организацией. Самое многочисленное тайное общество в России 1820-х годов задумывалось вовсе не как собрание революционеров, стремящихся во что бы то ни стало убить царя и разрушить самодержавие. Между деятельностью этого союза и последующими событиями на Сенатской площади можно выявить лишь весьма условную связь. И это хорошо видно при анализе устава союза (см. о нем: [Пыпин 2001, с. 361–446; Дубровин 2009, с. 219–233; Чернов 1960, с. 1–45; Нечкина 1955 а, с. 185–212; Андреева 2009, с. 340–362] и др.).

Устав декларировал: целью союза было «споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена» [Устав 1951, с. 241–242]. Ничего, противоречащего «видам правительства», в союзе, согласно уставу, быть не могло: он создавался для того, чтобы обратить «собственную волю» частных людей «к цели правительства, к *пользе общей*». Устав гласил: «Всякий член имеет право учреждать или быть членом всякого рода правительством одобренных обществ. <…> Вступление же в такие общества, кои правительством не одобрены, членам союза воспрещается; ибо он, действуя к благу России и, следовательно, к цели правительства, не желает подвергнуться его подозрению» [Устав 1951, с. 240, 248–249].

Однако никто из исследователей не задавался вопросом: а какое именно «правительство» имеется в данном случае в виду: императора окружали разные люди, выражавшие разные мнения относительно происходивших в России и в Европе политических процессов. Понятно, что Союз благоденствия не мог был создан для поддержки Аракчеева, начальствовавшего над канцелярией Комитета министров и тем самым имевшего непосредственное отношение к «правительству». Почти ничего не говорится в уставе и о военной сфере деятельности «правительства» – несмотря на то что многие члены союза были офицерами, а послевоенное положение армии оставляло желать лучшего.

Как известно, деятельность членов Союза благоденствия должна была охватывать «четыре главные отрасли»: «человеколюбие», «образование», «правосудие» и «общественное хозяйство». Две из них – «человеколюбие» и «образование» – дублировали деятельность возглавлявшихся князем Голицыным государственных и общественных организаций.

Как следует из текста устава, Союз благоденствия «вменял» себе в «святую обязанность» распространение «истинных правил нравственности и просвещения» [Устав 1951, с. 241–242].

И эта благая цель полностью согласовалась с целью Министерства духовных дел и народного просвещения. Согласно «Учреждению» этого министерства, оно как раз и должно было блюсти «истинное просвещение». Авторы «Учреждения» утверждали, что основанием такого просвещения должно быть «христианское благочестие» [Полное собрание 1830 с, с. 814]. Авторы устава тоже считали истинную веру необходимой принадлежностью «образования». Члены союза были обязаны «распространять истину» о том, что «человек не иначе, как с помощью веры, может преодолеть свои страсти, противостоять неприязненным обстоятельствам и таким образом шествовать по пути добродетели» [Устав 1951, с. 265].

Устав признавал желательность вступления в ряды Союза благоденствия священников. Вполне в духе «внутренней церкви» Голицына, устав утверждал, что «вера наша состоит не в наружных только признаках, но в самых делах наших» [Устав 1951, с. 266]. Духовные особы, состоявшие в союзе, должны были «иметь надзор» за своими собратьями, «вне союза состоящими», сообщать в союз «замечания свои насчет их поведения, дабы он мог споспешествовать трудам добродетельных и уничтожать козни порочных» [Устав 1951, с. 267].

Устав Союза благоденствия утверждал: под надзором этой организации должны были «находиться все без исключения народные учебные заведения» [Устав 1951, с. 243]. Однако «заведение и устройство училищ» было предметом деятельности входившего в министерство Департамента народного просвещения [Полное собрание 1830 с, с. 819]. Союз благоденствия должен был заниматься сочинением и переводом «книг, как хороших учебных, так и тех, кои служат к изяществу полезных наук» [Устав 1951, с. 244]. Однако составление учебных пособий тоже было прерогативой этого департамента.

Союз собирался «исправлять нравы» «изданием повременных сочинений, сообразных степени просвещения каждого сословия, сочинением и переводом книг, касающихся особенно до обязанностей человека» [Устав 1951, с. 243]. Но цензура, которую эти «сочинения» не могли миновать, опять-таки находилась в ведении Министерства просвещения.

Еще более показательны предполагаемые действия Союза благоденствия в сфере «человеколюбия». «Под надзором союза» должны были состоять,

согласно уставу, «все человеколюбивые заведения в государстве, как то: больницы, сиротские дома и т.п., также и места, где страждет человечество, как то: темницы, остроги и проч.» [Устав 1951, с. 243].

И это вполне согласовалось с деятельностью возглавлявшегося тем же Голицыным Императорского человеколюбивого общества и основанного им Попечительного общества о тюрьмах. Вообще членам союза предписывалось работать в тесном контакте с этими организациями, уговаривать «соотечественников к составлению человеколюбивых обществ и заведений» и вступать «во все, уже ныне существующие» [Устав 1951, с. 262].

Союз благоденствия собирался снабжать «праздношатающихся людей работами, стараясь помещать их сообразно их способностям и учреждая рабочие заведения, в которых бы упражняющиеся находили верное и безнуж[д]ное пропитание» [Устав 1951, с. 262]. Императорское же человеколюбивое общество старалось «выводить из состояния нищеты тех, кои трудами своими и промышленностью себя пропитать могут» [Полное собрание 1830 b, с. 938]. Человеколюбивое общество создавалось, в частности, «для призрения дряхлых, увечных, неизлечимых и вообще к работам не способных» [Полное собрание 1830 b, с. 939]; члены Союза благоденствия собирались «устраивать пристанища» «для таких, которые уже не в силах кормиться трудами своими» [Устав 1951, с. 262].

Конечно же, сфера деятельности союза – в той мере, в какой она была заявлена в уставе – была шире сферы деятельности голицынских организаций. В частности, по его «ведомству» не проходили две из четырех «отраслей» союза: «правосудие» и «общественное хозяйство». И если «общественное хозяйство» хоть в какой-то мере интересовало Голицына (в докладе об образовании Библейского общества утверждалось, что «чтение Священного Писания» благотворно влияет «на поощрение к промышленности» [Полное собрание 1830 a, с. 474]; доверенным лицом Голицына был министр финансов Дмитрий Гурьев), то «правосудием» князь, по-видимому, не интересовался вовсе.

Однако в реальности основная работа членов союза шла как раз в области литературы, просвещения, благотворительности и т.п. И можно, в принципе, представить себе, что авторы устава не понимали: коль скоро они собираются сотрудничать с правительством, вторгаясь в компетенцию Голицына, им придется иметь дело и с его министерством, и с ним самим.

Однако организовывая, к примеру, Общество для заведения училищ по методе взаимного обучения (1819), они не могли не знать, что это общество числилось подразделением Министерства духовных дел и народного просвещения [Месяцеслов 1820, с. 711]. По делам ланкастерского обучения члены общества тесно общались с министерскими чиновниками.

Таким же подразделением министерства было и Вольное общество любителей российской словесности, которое многие исследователи считали и считают «легальным» филиалом Союза благоденствия. Либеральные журналы 1820-х годов были наполнены славословием в адрес Голицына и Библейского общества.

Факты свидетельствуют о том, что роль Союза благоденствия в русском обществе 1820-х годов была, скорее всего, сходна с ролью Библейского общества. Библейское общество существовало для поддержки религиозных инициатив министра, Союз же благоденствия – для поддержки его просветительских и гуманитарных инициатив.

«Страшная картина несправедливостей…»

Политика императора в конце 1810-х годов была крайне непоследовательной. Образованные дворяне Александровской эпохи не могли не видеть, что параллельно с разговорами об отмене крепостного права, о конституции и либерализации церковной жизни набирает силу прямо противоположная тенденция: тенденция, говоря сегодняшним языком, «закручивания гаек».

Естественно, что гвардейская «вольница» привела к падению дисциплины в войсках. Официальные документы Гвардейского корпуса содержат немало сведений о дисциплинарных проступках офицеров. Они, стоя в карауле у городской заставы, могли забыть записать в списки выезжающих из города графа Аракчеева или морского министра маркиза де Траверсе, могли – «в фуражной шапке, в расстегнутом мундире, в рейтузах и без шпаги» – случайно попасться на глаза великому князю Николаю Павловичу, могли и просто быть «неисправными» в карауле «в экспедиции заготовления бумаг» и «у присутственных мест».

Далеко не все офицеры, говоря словами Федора Глинки, «перо и книгу брали в руки» и действовали «на поле мысли»; некоторые из них, «нарядясь в штатские фраки и сертуки», приставали к гуляющим по улицам женщинам, заводили скандалы и с ними, и с их мужьями. «И когда полиция вступалась с намерением отдалить нахала, то они сказывались, что они – офицеры гвардии, которых полиция не имела права брать» [РГВИА.Ф. 14664. Оп. 1. Д. 744. Л. 6 об., 32 об., 41 об., 176 и др.; Толстой 2001, с. 175–176].

Однако реакция императора и тех, кто исполнял его волю, была, мягко говоря, неадекватной. Власти не ограничивались наказанием конкретных виновных, они «подтягивали дисциплину» в масштабе всей гвардии и – шире – армии. В 1817 г. командиром Гвардейского корпуса – вместо Милорадовича – стал Илларион Васильчиков; впрочем, Милорадович остался столичным генерал-губернатором. В 1819 г. был переведен в армию Николай Сипягин,

его место занял Александр Бенкендорф. В том же году закрылся «Военный журнал».

Военный историк А.А. Керсновский писал, что после войны войска стала «засасывать» «вязкая трясина мелочей»: «Вальтрапы и ленчики, ремешки и хлястики, лацканы и этишкеты сделались их хлебом насущным», «в 1815–1817 годах не проходило месяца, чтобы не издавались новые правила и добавления к оным, усложнявшие и без того сложный… строевой устав. Замысловатые построения и перестроения сменялись еще более замысловатыми. Идеально марширующий строй уже не удовлетворял – требовались плывущие стены!». «Особенно тяжело пришлось гвардии, бывшей все время на глазах государя и становившейся в первую очередь объектом все этих жестоких нововведений», – констатировал Керсновский [Керсновский 2017, с. 298].

«Экзерцицмейстерская ловкость», которую требовали от солдат и офицеров, раздражала и обижала не только их. Недовольство сквозит и в письмах великого князя Константина, и в переписке генералов и офицеров, и в мемуарах.

Кроме того, в 1810 г. начался – в виде эксперимента – процесс введения в России военных поселений. В 1816–1817 гг. процесс этот стал необратимым. Про военные поселения написано много: послевоенный экономический кризис привел к тому, что содержание миллионной армии стало России не по карману, а демобилизация солдат – в условиях рекрутского набора – оказалась невозможной. Идея состояла в том, чтобы «поселить» солдат на землю, заставить их кормить самих себя, т.е. хотя бы отчасти сделать армию самоокупаемой. Историки считают, что поселения «задумывались как специфический государственный институт, и их введение нужно рассматривать как серию мероприятий (пусть и паллиативных по своей сути), призванных сократить государственные расходы на армию, стабилизировать экономику страны», ликвидировать рекрутские наборы, «путем создания зажиточного военно-земледельческого сословия расширить социальную базу самодержавия» [Ячменихин 2006, с. 320]. Некоторые исследователи и вовсе усматривают в идее военных поселений часть «либерального модернизационного проекта» Александра I [Кондаурова 2009, с. 13].

Можно спорить, было ли в идее военных поселений здравое зерно. Пестель, умный и дальновидный современник, прекрасный специалист в военном деле, например, утверждал, что государственные «выгоды» от поселений – «мнимые»: в военное время поселения не спасут страну от рекрутского набора, соединение военного и крестьянского сословий, оседлость солдат лишит армию «воинского духа». Кроме того, хотя поселения и давали возможность государству содержать армию «без особых на то издержек», поселенцы освобождались от «всякого вида податей» – а значит, государство вполне может оказаться в финансовом проигрыше. Поселения, по мнению Пестеля, пагубны и для государственной безопасности: поселенцы образуют вооруженное

«особое государство», живущее по своим законам, – «между тем, как остальное государство», в случае поселения всей армии, останется без всякой защиты.

«Одна мысль о военных поселениях… наполняет каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом. Сколько пало невинных жертв для пресыщения того неслыханного зловластия, которое с яростью мучило несчастные селения, для сего заведения отданные!.. И все сие для удовлетворения неистовому упрямству одного человека», – эмоционально утверждал Пестель [Пестель 1958, с. 161–162].

Вводя поселения, император не оглядывался на мнение подданных. Против такой формы организации армии выступали не только армейские оппозиционеры, но и крупные военачальники, в частности фельдмаршал Михаил Барклай де Толли. Император никого не слушал, он утверждал, что поселения «будут во что бы ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова» (цит. по: [Шильдер 1898, с. 26]). Во главе пехотных поселений встал Аракчеев, во главе кавалерийских – генерал Иосиф Витт.

Военные поселения оказались постоянным источником недовольства. Солдаты и поселенцы, которым объясняли «выгоды» нового устройства армии, «от всех этих несказанных благодеяний» приходили «в страх и онемелость» (цит. по: [Шильдер 1898, с. 32]). Летом 1817 г. происходили волнения в Бугском казачьем полку, поселяемом в Херсонской губернии; тот же Пестель, рассказывая на следствии о «московском заговоре», называл поводом к цареубийственному замыслу «известия» «о тех ужасах, которые якобы происходили в Новгородской губернии при введении военных поселений» [Пестель 1927, с. 112]. В 1819 г. вспыхнул и был жестоко подавлен бунт в Чугуевских поселениях. «Военные поселения представили мне страшную картину несправедливостей, притеснений, наружного обмана, низостей – все виды деспотизма», – показывал декабрист Гавриил Батеньков, много лет прослуживший под началом Аракчеева [Батеньков 1976, с. 95].

В 1819 г. началось растянувшееся на несколько лет «университетское дело»; первой жертвой пал Казанский университет. Проведенная Михаилом Магницким, членом Главного правления училищ при Министерстве духовных дел и народного просвещения, ревизия заклеймена в большинстве мемуаров и исследований. Так, например, М.В. Нечкина утверждала, что Магницкий «учинил в университете настоящий разгром», а С.В. Мироненко видел в ревизии начало широкого «наступления на университеты» [Нечкина 1955 а, с. 279; Мироненко 1989, с. 210–211]. В современной исследовательской литературе делаются попытки взглянуть на эту ревизию по-другому, доказать, что в деятельности университета были «несомненные вопиющие недостатки, злоупотребления и должностные преступления» – и именно с ними в первую очередь боролся Магницкий. После ревизии Магницкий был назначен попечителем Казанского учебного округа.

Но даже соглашаясь с необходимостью этой ревизии и «исправления недостатков», нельзя не увидеть в ее последствиях торжества «обскурантизма»: «решено было ввести преподавание богопознания и христианского учения, уволить “ненадежных” профессоров, учредить должность директора для экономической, полицейской и нравственной части, преобразовать гимназию и главное народное училище». Преподавание в университете стало вестись исключительно в соответствии с «духом Святого Евангелия», причем с этим «духом» следовало согласовывать все дисциплины: физику, историю, астрономию, словесность.

А.Ю. Минаков предпринимает детальный разбор инструкции директору Казанского университета, которую Магницкий подписал в январе 1820 г. Согласно этой инструкции, в преподавании философии нужно было следовать утверждению, что «все то, что не согласно с разумом Священного Писания, есть заблуждение и ложь». Правоведение должно доказывать, что «правление монархическое есть древнейшее и установлено самим Богом», «профессора физики, естественной истории и астрономии, согласно инструкции, обязаны были “указать на премудрость Божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания непрестанно окружающих нас чудес”», а на занятиях по истории студенты должны были усвоить, что «Отечество наше в истинном просвещении упредило многие современные государства», а доказать это следует «распоряжениями по части учебной и духовной Владимира Мономаха» [Минаков 2018, с. 153–155].

* * *

Между тем «кипящий слой» молодых офицеров, сконцентрировавшийся после войны в столице, начал растекаться по России. Первым активным участником Союза спасения и Союза благоденствия, кто по долгу службы уехал из столицы в провинцию, был Пестель. От остальных молодых офицеров Пестеля отличали талант политического лидера, серьезные познания в политических науках, решительность и радикализм взглядов.

Пестель покинул Петербург в начале 1817 г. Генерал от кавалерии граф Петр Витгенштейн, у которого он служил адъютантом, получил назначение командовать 1-м пехотным корпусом со штабом в Митаве. Там Пестель попробовал завести тайное общество, но потерпел неудачу.

В мае 1818 г. Пестель, уже штабс-ротмистр, сопровождая назначенного главнокомандующим 2-й армией Витгенштейна, появился в Тульчине, месте дислокации армейского штаба. Здесь его действия были удачнее: ему практически сразу же удалось собрать вокруг себя штабную молодежь. Сам Пестель был уверен, что завел в Тульчине управу Союза благоденствия. В.М. Бокова же склонна считать тех, кто сгруппировался вокруг Пестеля, отдельной орга-

низацией, которую она называет «тульчинское офицерское общество» [Бокова 2003, с. 101]. Через год во 2-й армии появился новый начальник штаба – Павел Киселев, а с ним в Тульчин приехал его адъютант, капитан Гвардейского генерального штаба Иван Бурцов – как и Пестель, признанный лидер Союза благоденствия. Бурцов тоже стал руководителем «офицерского общества».

И вне зависимости от наличия или отсутствия у этого общества формальных связей с Союзом благоденствия, Пестель и Бурцов принесли на юг тот образ действий, к которому привыкли в столице. Декабрист Николай Басаргин вспоминал, что у общества было «серьезное» направление: штабные офицеры старались «употребить свободное от службы время на умственное свое образование». Собираясь вместе, они «отдавали друг другу отчет в том, что делали, читали, думали», а также «толковали о современных событиях и вопросах» или об «отвлеченных предметах». Слова Басаргина подтверждал Иван Якушкин: «В Тульчине члены тайного общества, не опасаясь никакого особенного над собою надзора, свободно и почти ежедневно сообщались между собой и тем самым не давали ослабевать друг другу» [Басаргин 1988, с. 51, 58–59; Якушкин 2007, с. 36].

Радикализация – и в Петербурге, и на юге – началась в 1820 г. В начале года, сопровождая Витгенштейна, Пестель приехал в Петербург и настоял на сборе Коренной думы Союза благоденствия и гласном обсуждении вопроса о будущем России.

На следствии Пестель показывал, что на одном из заседаний – на квартире Федора Глинки – он изложил «все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правлений с тем, чтобы потом каждый член объявлял свои суждения и свои мнения». После этого, судя по его показаниям, произошло формальное голосование «таким образом, чтобы каждой член говорил, чего он желает: монарха или президента». Голосуя, каждый присутствующий должен был объяснять свой выбор, а когда дело дошло до Николая Тургенева, «он сказал по-французски: Le president – sans phrases; т.е.: президент без дальних толков». «В заключение приняли все единогласно республиканское правление». И только один Федор Глинка не согласился с республикой, предлагая передать престол жене Александра, императрице Елизавете Алексеевне. Пестель настаивал на том, что именно с этого момента целью Союза благоденствия стала ликвидация русской монархии [Пестель 1927, с. 101–102].

Версию Пестеля подтвердил участвовавший в этих заседаниях Сергей Муравьев-Апостол. Он рассказал и о следующем совещании, «если не ошибаюсь, на квартире у [Ивана] Шипова, в казармах Преображенского полка». Тут снова «было говорено о цареубийстве», причем главным сторонником этой меры оказался Никита Муравьев. «Говоря о средствах ввести в Россию

народное правление», он «коснулся до необходимости смерти тогда царствующего государя», однако не все присутствующие поддержали его – и заседание кончилось «большим спором» [Муравьев-Апостол 1927, с. 291]. Никита Муравьев, подтверждая факт обоих совещаний, показал тем не менее, что собрание у Глинки не имело «никакого влияния на последующие соображения членов». При этом он подтвердил, что на втором заседании согласился с предложением Пестеля о цареубийстве – хотя «собрание разошлось, ничего не постановив» [Муравьев 1925, с. 311–312].

Другие участники заседаний опровергали на следствии эти показания. Глинка показывал, что «торжественного и важного заседания, где трактовали о правлении для России», не было [Глинка 2001, с. 103]. Иван Шипов обтекаемо отвечал, что решение Коренной думы ввести в России представительное правление ему «показалось бы нелепым и здравому смыслу противным» [Шипов 2001, с. 428].

И вне зависимости от того, кто говорил на следствии правду: Пестель или Глинка, было или не было проведено формальное голосование о будущем государственном устройстве России, стало или не стало это решение обязательным для всех членов Союза благоденствия, сама возможность таких обсуждений говорит о том, что идея помощи монарху в деле преобразования России дала серьезный сбой. И чем сильнее власть «закручивала гайки», тем глубже оказывалась трещина между ней и мыслящей частью общества.

«Vivere in sperando, morire in cacando»

Особняком среди событий конца 1810 – начала 1820-х годов стоит Семеновская история.

В ночь с 16 на 17 октября 1820 г. солдаты 1-й гренадерской, «государевой» роты лейб-гвардии Семеновского полка самовольно собрались на перекличку и заявили о желании принести жалобу на полкового командира, полковника Федора Шварца. На следующий день рота была отправлена в Петропавловскую крепость. За товарищей вступились солдаты других рот, уговоры ротных и батальонных командиров, как и руководства Гвардейского корпуса и военных властей столицы, не помогли – и 18 октября весь полк оказался под арестом.

О том, чем была эта «история», сразу же сформировались противоположные мнения. Так, император Александр I, находившийся в тот момент в Троппау, на конгрессе Священного союза, писал своему временщику графу Аракчееву, что «никто на свете» не убедит его, «чтобы сие происшествие было вымыслено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жестокого обращения с оными полковника Шварца. <…> Внушение, кажется, было не военное, ибо военный умел бы их заставить взяться за ружье. <…>

Вопрос возникает: какое же? Сие трудно решить; признаюсь, что я его приписываю тайным обществам, которые, по доказательствам, которые мы имеем, в сообщениях между собою, и коим весьма неприятна наша работа в Троппау. Цель возмущения, кажется, была испугать» (цит. по: [Богданович 1871, с. 515]).

Мнение императора вроде бы можно подтвердить фактами: в столице нашли анонимные прокламации, обращенные, в частности, к солдатам Преображенского полка. Автор или авторы прокламаций призывали последовать примеру семеновцев, восстать, взять «под крепкую стражу» царя и дворян. И «между собою выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата солдата и поклясться умереть за спасение оных» (текст прокламаций см.: [Семевский 1907, с. 83–86, 92–93; Лапин 1991, с. 150–153]). Однако вскоре выяснилось, что ни солдаты, ни офицеры полка к этим прокламациям отношения не имели. А связь происшествия с какими бы то ни было тайными обществами следователи найти так и не смогли.

Другая версия произошедшего, ставшая общим местом в рассуждениях о причинах «истории», состоит в том, что Шварц был патологическим садистом, мучившим солдат. Дежурный генерал Главного штаба Арсений Закревский утверждал в письме к начальнику штаба, князю Петру Волконскому: «Сему есть не иная причина, как совершенное остервенение противу полковника Шварца, и других побочных причин совершенно никаких нет» [Сборник 1890, с. 109].

Автор полковой истории П.П. Карцов, ссылаясь на материалы полкового следствия, утверждал, что солдаты, недовольные командиром, только ждали повода, чтобы выразить свое негодование. И такой повод представился: «Во время ученья 16 октября 1820 г., когда не был еще сведен полк и роты учились отдельно, 2-я рота, кончив ружейные приемы, стояла вольно. Ротный командир, увидя приближавшегося полковника, скомандовал: “Смирно!” При этом один из рядовых, исполнявший естественную надобность, стал во фронт, не успев застегнуть мундир. Тогда Шварц “подбежав к нему, плюнул ему в глаза, потом взял за руку и, проводя по фронту передней шеренги, приказывал рядовым на него, Бойченку, плевать. Сверх того, некоторых из нижних чинов, имеющих знаки отличия военного ордена, он наказал тесаками”» [Карцов 1883 b, с. 85].

М.И. Богданович утверждал: «Полковник Шварц соединял в себе грубое невежество с необыкновенною вспыльчивостью и крутым характером. Он ничего не знал, кроме фронта, зато перед фронтом он являлся в виде фанатика. На ученьях он выходил из себя, бранился, ревел диким голосом, бросал шляпу оземь, топтал ее ногами; нередко случалось ему ложиться на землю, чтобы лучше видеть, хорошо ли на марше солдаты вытягивают носки – “игру носков”, как выражался сам Шварц. <…> Не проходило в полку ни одного учения

без палок, не довольствуясь тем, Шварц бил солдат своеручно, дергал их за усы, заставлял их плевать в лицо один другому и томил беспрестанными учениями даже в воскресные дни и праздники» [Богданович 1871, с. 491–492]. В русле рассказов о «зверствах» Шварца написана и книга В.А. Лапина [Лапин 1991].

Конечно, Шварц был жестким и даже жестоким командиром, не сумевшим снискать уважение ни офицеров, ни солдат. Но, по-видимому, рассказы о его садизме преувеличены. До Семеновского Шварц четыре года командовал Екатеринославским гренадерским и три месяца – Лейб-гренадерским полком. Ни о каких его особых «зверствах» в этих полках сведений нет.

Рассказы об этом вполне могли быть плодом договоренности: 1-й батальон полка оказался в Петропавловской крепости, солдат двух других батальонов в итоге отвели в Свеаборг и Кексгольм. Естественно, на время следствия солдаты не были изолированы ни друг от друга, ни от своих офицеров – и, соответственно, могли сочинять и подтверждать какие угодно версии. Но даже в том случае, если все в этих рассказах – правда, вряд ли именно эти «зверства» стали причиной «истории». Тот же рядовой Бойченко, на которого Шварц велел плевать, служил во 2-й фузилерной роте, а первой заявила о «неудовольствии» 1-я гренадерская рота.

Еще одно – наиболее спокойное и взвешенное – мнение высказали двое современников событий, отставной полковник Семеновского полка Дмитрий Ермолаев и командир 3-й фузилерной роты капитан Сергей Муравьев-Апостол. Ермолаев из-за личного конфликта со Шварцем вышел в отставку незадолго перед «историей», а Муравьев-Апостол, напротив, активно в этой «истории» действовал. Капитан пытался удержать свою роту от участия в беспорядках, но не преуспел в этом. 19 октября, на следующий день после событий, они написали письмо своему приятелю, штабс-капитану Ивану Щербатову, командиру 1-й фузилерной роты, находившемуся в отпуске в Москве.

Несмотря на неповиновение, солдаты, по словам авторов письма, были готовы «служить государю до последней капли крови». Преданными слугами престолу показали себя и офицеры: «Мы не могли остановить зло, и кто бы его остановил; но ежели люди не предались беспорядкам, обыкновенно сопровождающим подобные случаи», то «сему обязаны офицерам, которые от них не отходили и держали их в некотором повиновении».

Ермолаев и Муравьев-Апостол усматривали истоки солдатского гнева в том, что Шварц не давал своим подчиненным «воскресенье на отдых», «всякий божий день требовал десятки», т.е. по десяти солдат от роты для учения, а «по воскресеньям делал батальонные церковные парады» – «вместо того, чтобы водить в церковь». Солдаты сетовали, что «им нет покоя ни дня,

ни ночи и что они все распродали до последней рубашки, чтоб чиститься» [Письмо 2006, с. 260–263].

Причины событий в полку были, по-видимому, столь же далеки от «зверств», сколь и от привнесенных извне либеральных идей. Солдаты были недовольны тем, что полковой командир, добиваясь от них парадной «экзерцицмейстерской ловкости», отнимал их законное свободное время, в том числе время на отдых и на заработки, и при этом требовал, чтобы пришедшую в негодность амуницию солдаты чинили за свой счет. Формальная вина роты состояла, по мнению Карцова, только в «неповиновении фельдфебелю, приказавшему людям разойтись, чего они не исполнили, равно как и в том, что жалоба принесена была в совершенно неуместную пору» [Карцов 1883 а, с. 700].

Виноватыми в том, что неправильным образом поданная бытовая жалоба переросла в «историю», были прежде всего военные власти столицы – и конкретно командир Гвардейского корпуса Илларион Васильчиков, отдавший приказ арестовать «государеву роту». Николай Тургенев справедливо отмечал в дневнике: «Главная ошибка состояла в том, что первую роту посадили в крепость. Прочие не хотели ни к чему приступить без сей роты и требовали ее с ними соединения. В течение сих двух дней Василь[чиков] и генералы сидят в Главном штабе и советуются. < …> Едва ли из мухи эти господа не сделали слона! Кто же виноват, что они не знали, что делать?» [Тургенев 1921, с. 245].

Об этом же можно прочесть, например, в письмах современников: «Наш корпусной [командир] Васильчиков себя замарал, потерялся и струсил, из мухи сделал слона», «Васильчиков в сей истории вел себя как нельзя хуже, потерялся совершенно и выслал против людей невооруженных заряженную конную артиллерию, конногвардию, пехоту с боевыми патронами. Полки драгунский и уланский прискакали сюда во весь карьер из Петербурга и Стрельны. Словом сказать, навели всеобщий ужас на горожан и сделали из мухи слона. Вся столица принимает большое участие в семеновцах и негодует на начальников, кои везде соблюдают только личные свои выгоды...» (цит. по: [Лапин 1991, с. 191]).

Подобный отзыв читаем в мемуарах декабриста Андрея Розена, служившего в 1820 г. в гвардии: Васильчиков ошибся, «сделав из мухи слона. Всякий начальник впадет в ту же ошибку, если будет действовать по внушению или страсти своей или под влиянием напрасных опасений или предубеждений, – тогда все устрашены были карбонаризмом. Когда есть закон и суд, то они должны были разобрать жалобу этих недовольных, требовать к допросу не массу, а уполномоченных, выслушав показания свидетелей, и дело было бы окончено правильно, тихо и спокойно» [Розен 1984, с. 75].

Семеновская же история окончилась плачевно: полк был раскассирован. Шварц, приговоренный к смертной казни, был в итоге отправлен в отставку. Некоторые особо активные солдаты были подвергнуты телесному наказанию и сосланы в Сибирь. Других перевели в Оренбургский, Сибирский и Кавказский корпуса и в полки 1-й армии. Офицеров тоже перевели в армейские полки – без права отпуска и отставки. Четырех из них, в том числе отставного полковника Ермолаева и штабс-капитана Щербатова, судили отдельно – и суд продолжался до февраля 1826 г.

Естественно, отправив офицеров в армию, власть нанесла им тяжелое оскорбление: наказали даже тех, кто, будучи ни в чем не виновны, пытались удержать солдат от неповиновения. В этом смысле показательна биография Сергея Муравьева-Апостола. Современник вспоминал: «В первой половине ноября (1820 г. – *О. К.*), шедши пешком по Гороховой улице, встретил я Сергея Муравьева с каким-то однополчанином. “Что с вами? – спросил я его, – мне кажется, вы нездоровы”. – “Нет, здоров, – отвечал он, – только не весел: радоваться нечему”. – “И полноте, – сказал я, – скоро царь придет; он не даст детей своих в обиду; потерпите, надейтесь”. Грустно взглянув на меня, промолвил он: “Vivere in sperando, morire in cacando”[2], – поклонился и пошел далее. Боюсь, сказал я себе, что он что-то недоброе замышляет» [Вигель 2003, с. 979].

Боевой офицер, участник Союза спасения и Союза благоденствия, в 1817 г. письменно высказавшийся против цареубийства, один из тех, кто, «окончив полевые драки», надел фрак и взял в руки «перо и книгу», Сергей Муравьев-Апостол был наказан без вины. Не по своей воле он попал в армейский полк – и вокруг него, как до того вокруг Пестеля, быстро сформировался кружок недовольных властью офицеров. В 1820 г. он ничего криминального не «замышлял», но спустя два с небольшим года проголосовал за цареубийство, а спустя пять лет поднял не мифический, а вполне реальный военный мятеж и – в результате – окончил свои дни на виселице.

* * *

Многие исследователи склонны объяснять «консервативный поворот» в политике императора Александра осложнениями во внешней политике.

В марте 1819 г. в немецком Мангейме студент Карл Занд убил русского подданного, немца Августа Коцебу. Это убийство было во многом символическим; удар кинжала предназначался правителю России, в котором немецкие студенты видели противника объединения Германии.

2. «Жить в надежде, умереть в дерьме» (ит.).

В начале 1820 г. подполковник испанской армии Рафаэль Риего поднял военный мятеж против короля Фердинанда VII, восставшие дошли до Мадрида, король был вынужден вернуть отмененную в 1814 г. конституцию. Вскоре вспыхнули революции и в других европейских странах. В августе на сессии польского Сейма, император заявил, что «дух зла покушается водворить снова свое бедственное владычество; он уже парит над частию Европы, уже накопляет злодеяния и пагубные события» (цит. по: [Шильдер 1898, с. 179]). Семеновская история казалась императору логичным звеном в цепи начинавшегося революционного брожения в Европе.

В ноябре 1820 г., на конгрессе Священного союза в Троппау, был подписан протокол, дающий право австрийскому, русскому и прусскому монархам осуществлять интервенцию в случае революции в одной из стран. «Когда государства, где совершились подобные (революционные. – *О. К.*) перемены, будут грозить соседним странам явной опасностью, и когда союзные державы могут оказать на них действительное и благодетельное влияние, в таком случае они употребляют для возвращения первых в недра союза: сначала дружеские увещания, а потом и принудительные меры, если употребление силы окажется необходимо» [Пичет 1912, с. 72–73].

Однако только поступком Занда и европейскими революциями объяснить внутриполитическое поведение Александра сложно: постепенный поворот к «реакции» начался в России до этих событий. После них процесс просто пошел быстрее: например усилилось давление на университеты. В 1820 г. была запрещена книга Александра Куницына «Право естественное», поскольку в ней обнаружились «ложные начала» и «вредное учение», противоречащее «истинам христианства и клонящимся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных». В феврале 1821 г. Куницына изгнали и из Санкт-Петербургского университета, и из Царскосельского лицея (цит. по: [Кобеко 1911, с. 157]).

В конце того же года последовало «дело профессоров», инспирированное попечителем Санкт-Петербургского учебного округа Дмитрием Руничем. В ходе этого дела пострадал, в частности, Карл Герман: его книги были запрещены. Запрещено было и публичное преподавание, поскольку в лекциях профессора обнаружились «зловредные правила» – «в отношении к нравственности, образу мыслей и духу учащихся и благосостоянию всеобщему» ([Санкт-Петербургский университет 1919, с. 148]; см. подробнее: [Жуковская 2019, с. 96–111]).

Естественно, общественное мнение было на стороне изгнанных профессоров. Один из них, Константин Арсеньев, вспоминал впоследствии, что Рунича, Магницкого и их «сателлитов» «огласили везде обскурантами, гасильниками просвещения», а тех, кто покинул университет, «величали мучениками за науку и за правду» [Пекарский 1872, с. 35].

Тогда же была готова «Государственная уставная грамота», однако император не ввел ее в действие.

1820 год разделил послевоенную эпоху на «до» и «после». Точка невозврата была пройдена: от влюбленности в «Агамемнона» через шесть лет после возвращения российских войск с войны не осталось и следа.

Собственно, к началу 1820-х годов у молодых ветеранов Отечественной войны было три варианта построения собственных биографий. Первый – смириться с положением винтика в военной машине России, забыть о вчерашней кипучей деятельности и терпеливо выслуживать ордена и чины. Второй вариант предполагал отставку и «чтение книг» в деревне. Третий вариант – это вариант радикального реформаторства, подразумевавший попытку сломать сословный строй и построить новую Россию на принципах равенства и закона.

«Le premier acte de la révolution»

Н.К. Шильдер вынес суровый приговор послевоенной Александровской России: «Спрашивается, что же представилось взорам русских победителей, освободивших Европу, при возвращении их в отечество: полнейшее неуважение к правам личности, насильственное введение чудовищных военных поселений, подвиги Магницкого и других сходных с ним деятелей по народному просвещению, наконец полный расцвет крепостного права. Сверх всего этого, утонченные требования, господствовавшие тогда по фронтовой службе, довершали среди военных развитие общего неудовольствия. Поэтому нисколько не удивительно, что бедствия, тяготевшие тогда над русским народом, нашли в себе сочувственный отклик в сердцах людей, охваченных в ту пору сильным патриотическим воодушевлением.

Естественным последствием этой нерадостной обстановки русской жизни явился скрытый протест, приведший к учреждению тайных обществ ввиду отсутствия, при тогдашней полной безгласности, возможности политических суждений с ведома правительства. Таким образом совершилось замечательное явление: с одной стороны, русская общественная мысль искала себе исхода и разрешения томивших ее вопросов, а с другой – император Александр, разочаровавшись в прежних политических идеалах и став во главе европейской реакции, сделался неожиданно поборником стремлений, не имевших ничего общего с теми мыслями, представителем которых он являлся в лучшую пору своей жизни. Это обстоятельство вызвало во внутренней жизни России перелом, незаметно подготовивший почву для событий, небывалых дотоле в русской истории. <…> Офицерские кружки, в которых велись беседы о язвах России, о закоснелости народа, о тягостном положении солдата,

о равнодушии общества к отечественным делам, незаметно превратились в организованные тайные общества» [Шильдер 1898, с. 216].

В конце 1820 – начале 1821 г. в деятельности тайных обществ наступает бурный период.

На юге, в Тульчине, шли споры о методах действия тайных обществ. Вернувшийся из столицы Пестель столкнулся с сопротивлением со стороны другого лидера «тульчинской молодежи» – Ивана Бурцова. Суть спора, согласно показаниям Бурцова, заключалась в следующем: Пестель «утверждал, что для образования нравов нужны века, но надлежало исправить правление, от коего уже и нравы исправятся». Сам же Бурцов «непоколебимо оставался в прежних правилах и почитал за великое счастие, если бы в течение своей жизни хотя на одну каплю успел улучшить в своем малом кругу действия» [Бурцов 2001, с. 195–196]. В этих спорах – развилка истории российского заговора: если бы победил Бурцов и его сторонники, если бы им удалось оттеснить Пестеля от руководства тайным обществом, история пошла бы, вероятно, по другому пути.

Однако победа сторонников «малого круга действия» после 1820 г. уже вряд ли была возможна.

В начале 1821 г. на знаменитом Московском съезде Союз благоденствия был распущен. Известно, что решение о роспуске было фиктивным: следовало избавиться и от полицейского надзора, активизировавшегося после Семеновской истории, и от радикально настроенного Пестеля. Однако Пестель, не присутствовавший на съезде, с его решением не согласился. Собрав верных себе штабных офицеров, он спросил, имели ли право «собравшиеся в Москве члены… разрушать общество, и согласны ли мы его продолжить?» Естественно, присутствующие постановили, что «без дальнейших размышлений желают сохранить прежний состав». После этого Пестель объяснил собравшимся, что средством для введения в России «нового порядка вещей» должна стать «смерть блаженной памяти государя императора Александра Павловича» [Барятинский 1953, с. 279].

Бурцов, присутствовавший на Московском съезде и голосовавший за роспуск союза, прекратил свое членство в обществе. Пестель же, единолично возглавивший южных заговорщиков, не считал, что возникло новое общество; по его мнению, продолжал существовать «Южный округ Союза благоденствия» [Пестель 1927, с. 105]. В 1822 г. последовал императорский указ о запрещении тайных обществ. Однако общеизвестно, что цели указ не достиг: тайные общества ушли «окончательно в подполье» – и «Южный округ» продолжил свое существование [Пресняков 1925, с. 35].

Естественно, что общество Пестеля, получившее на следствии название Южного, не было единой монолитной организацией. Участники общества конфликтовали между собой, делали карьеры, занимались домашними делами,

сомневались в правильности избранного пути, уходили в тень, потом опять возвращались – или не возвращались – к активной деятельности. Сам Пестель тоже колебался и сомневался: его посещали идеи отъезда за границу, он собирался «принесть государю свою повинную голову» и рассказать о тайном обществе, чтобы тем самым заставить Александра I вернуться к идее преобразований [Волконский 1991, с. 371; Лорер 1984, с. 74].

Но сомнения и колебания не отменяют того очевидного факта, что в январе 1823 г., на совещании главных членов Южного общества, произошло голосование за республику – и теперь это был не просто неформальный разговор. Несколько месяцев спустя все руководители общества согласились и с идеей «истребления» императора; «несогласия» и споры теперь вызывал вопрос о судьбе других членов «фамилии». Возникла идея «обреченного отряда» – особой группы цареубийц, формально не входящих в тайное общество. Убийство монарха Пестель называл «le premier acte de la révolution», т.е. первым актом революции [Муравьев-Апостол 1950, с. 254].

Согласились участники общества и с основными положениями «Русской правды» – написанного Пестелем проекта послереволюционного российского законодательства. «Гражданские общества, а следовательно, и государства составлены для возможно большего благоденствия всех и каждого, а не для блага некоторых за устранением большинства людей. <…> Все люди в государстве имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют ровные обязанности нести все тягости, нераздельные с государственным устроением. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть пред законом совершенно ровны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным», – гласил этот документ [Пестель 1958, с. 152].

Южный заговор охватывал большую территорию Украины и Бесссарабии, где были расквартированы части 1-й и 2-й армий. В нем состояли генерал-майор князь Сергей Волконский, генерал-интендант Алексей Юшневский, несколько полковых командиров, пехотные и кавалерийские офицеры, офицеры квартирмейстерской службы, штабные чиновники 2-й армии. В курсе деятельности заговорщиков был начальник штаба 2-й армии генерал-майор Павел Киселев, среди заговорщиков – сын главнокомандующего ротмистр Лев Витгенштейн.

С вербовкой офицеров в тайное общество проблем не возникало: ситуация в армейских частях была принципиально не такой, как в гвардии.

Многие армейские офицеры, отпрыски бедных дворянских родов, тоже прошли войну и заграничные походы, тоже смотрели на себя как на «действующих лиц истории» и тоже мечтали преобразовать «любезное отечество». Но у них не было возможности учиться, нанимая для этого столичных

профессоров, вступать в тайные общества, предлагать свои услуги правительству. О новых книгах и свежих газетах приходилось только мечтать.

Жизнь провинциальных офицеров была серой и скучной: фронтовые учения занимали почти все время, а редкие часы отдыха офицеры проводили за игрой в карты, в попойках и ухаживаниях за дочерями соседей-помещиков. Исследователи многократно описывали «беспросветную атмосферу скуки и однообразия жизни провинциальных гарнизонов и далекие от уставных требований и столичных образцов методы несения воинской службы» [Гордин 1997, с. 27].

В армии, как и в гвардии, бывали всякого рода «истории» и нарушения дисциплины. Однако полковые «истории» мало напоминали Семеновскую, с благородными солдатами, верноподданически просившими избавить их от Шварца, и благородными офицерами, уговаривавшими солдат сохранять дисциплину. События в полках красноречиво свидетельствуют о жестоких нравах, царивших в послевоенной армии.

Так, в Одесском пехотном полку избранный по жребию офицер из числа недовольных полковым командиром избил его на дивизионном смотре перед строем [Басаргин 1988, с. 63–64]. Подобное же происшествие было и в Нарвском драгунском полку [Нечкина 1955 b, с. 19].

Поручик Пензенского пехотного полка Игнатий Ракуза, «быв пьян», отказался исполнять приказ батальонного командира, а на следствии сообщил, что «якобы он его в сенях канцелярии и потом на улице бил рукою по лицу, чего свидетелями не доказано» [РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 432. Л. 35 об.–36]. В Полтавском пехотном полку штабс-капитан Дмитрий Грохольский отпускал «дерзкие грубости» в адрес батальонного командира майора Дурново; «история» закончилась банальной дракой между Дурново и вставшими на сторону Грохольского двумя офицерами того же полка [РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 313].

Поведение Кондратия Рылеева, до 1819 г. служившего прапорщиком в 12-й конно-артиллерийской роте 1-й резервной артиллерийской бригады, в годы службы мало чем отличалось от поведения армейских офицеров. По воспоминаниям его сослуживца, «по приказанию его, солдаты-квартирьеры наказали фухтелями мужика литовца за грубость, но так жестоко, что стоило больших усилий привести его в чувство и в самосознание. Жалоба дошла до генерал-губернатора, и дело едва кончилось мировою; Рылеев заплатил обиженному сто руб[лей] за увечья; в противном случае он был бы под судом и, конечно, разжалован» [Воспоминания 2010, с. 216].

Офицеры Черниговского полка, в котором в конце 1825 г. началось восстание, тоже не были образцами гуманизма. Например, поручик Михаил Щепилло, который в 1826 г. погибнет от правительственной картечи, за шесть лет до того, согласно документам Рязанского нижнего земского суда,

«призвав» в свою квартиру двух крестьян, «бранил их всякими неблагопристойными словами за то, для чего они в квартире его не делают трубы, и бил по щекам». Затем приказал унтер-офицерам раздеть крестьян и «бить палками, кои и били нещадно».

Это дело было замято, однако два года спустя карьера Щепиллы сильно пострадала. Именно тогда младший брат будущего декабриста был отставлен от службы «за жестокое наказание фельдфебеля» своей роты. Щепилло вынужден был уйти из полка вслед за братом и два года пробыл в отставке (цит. по: [Никитин 2006, с. 241]; [РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 370; РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 436; Высочайшие приказы 1822. Приказ от 29.06.1822 г.]).

Конечно, причины, по которым люди вступали в заговор, могли быть разными. Кто-то был идейным сторонником перемен, кто-то хотел власти, кто-то – славы, кого-то обошли по службе и т.д. Однако было и нечто общее, что объединяло декабристов. Участие в заговоре выводило «из душного и бесцветного быта» «шагистики и угоднического царедворничества». Член тайного общества начинал «новую жизнь», его обуревало «гордое чувство» «долга уже не верноподданного, а гражданина» [Волконский 1991, с. 359]. Большинство из тех, кто в 1820-е годы стал декабристом, получали возможность, говоря словами Ю.М. Лотмана, «смотреть на себя как на действующих лиц истории» – возможность, которой они были лишены в «легальной» жизни.

Естественно, лидеры учитывали настроения рядовых участников заговора и, строя планы переворота, опирались на эти настроения. Сергей Муравьев-Апостол был уверен, что заговорщикам удастся захватить власть с помощью военной революции, он утверждал, что она не приведет к жертвам, поскольку «угнетенные крестьяне их помещиками и налогами, притесненные командирами солдаты, обиженные офицеры и разоренное дворянство по первому знаку возьмут их сторону» [Муравьев-Апостол 1927, с. 394]. Доказывая Пестелю необходимость немедленного революционного похода, Муравьев-Апостол убеждал его, что «первая масса, которая восстанет, увлечет за собою прочие и что посланные войска против нас к нам же и присоединятся» [Бестужев-Рюмин 1950, с. 112].

«Нам должно действовать мечом»

После Московского съезда столичный тайный союз прекратил активную деятельность. Однако обстоятельства заставили заговорщиков собраться вновь.

Политическая жизнь в России в конце 1810 – начале 1820-х годов характеризовалась острой борьбой нескольких придворных группировок. Собственно, главных акторов этой борьбы, кроме самого императора, было трое: заведующий канцелярией Кабинета министров, главный начальник военных

поселений граф Алексей Аракчеев, начальник Главного штаба князь Петр Волконский и министр духовных дел и народного просвещения, президент Библейского общества князь Александр Голицын. Около каждого из них был достаточно большой круг единомышленников, сотрудничавших с ними по идейным, экономическим, карьерным соображениям.

До 1823 г. Александр «умело лавировал» между временщиками и возглавляемыми ими лагерями [Готовцева 2018, с. 21]. Но в этом году стало ясно: поставившие на Волконского и Голицына проигрывают, Аракчеев – с помощью придворных интриг – успешно нейтрализует своих врагов.

Весь год Россию потрясали громкие отставки. Именно тогда получил отпуск – а фактически отставку – Волконский; его место занял Иван Дибич, аракчеевский ставленник. В бессрочном отпуске оказался Виктор Кочубей, министр внутренних дел, умный, опытный и независимый политик, не пожелавший служить под контролем Аракчеева. Его место занял бесцветный, но всецело преданный Аракчееву Балтазар Компенгаузен. Лишился поста друг Голицына, министр финансов Дмитрий Гурьев; его заменил верный Аракчееву Егор Канкрин. Женатый на дочери Гурьева министр иностранных дел Карл Нессельроде тоже едва не лишился поста; однако в итоге он договорился с Аракчеевым.

Режим, который стал формироваться в России в 1823 г., современники и историки называли аракчеевщиной. Этот режим, согласно характеристике великого князя Николая Михайловича, состоял в том, что «по всем делам государь начал слушать только одного Аракчеева, принимать исключительно его доклады по всем отраслям государственного управления; а всесильный граф окружил монарха исключительно своими ставленниками и клевретами» [Николай Михайлович 2010, с. 239].

К 1823 г. свои позиции при дворе сумел сохранить, кроме Аракчеева, только один человек – Голицын. Пока он находился во главе своего министерства, тотального контроля Аракчеева над Россией не было. Однако слухи о возможной ликвидации «сугубого» министерства и отставке его руководителя активно циркулировали в свете [Кондаков 2005, с. 288].

Естественно, новости «большой политики» не сулили «помощникам» Голицына из Союза благоденствия ничего хорошего. Оставалось либо выходить в отставку и уезжать из столицы, либо дожидаться репрессий со стороны всесильного временщика, либо идти на поклон к Аракчееву. Был еще вариант возродить тайный союз на новых основаниях: к концу осени 1823 г. небольшой «инициативной группе» удалось провести «учредительное совещание петербургского общества» [Бокова 2003, с. 454].

В.М. Бокова называет новое общество «Союзом соединенных и убежденных» [Бокова 2003, с. 448], а на следствии оно получило название

Северного. Среди его «восстановителей» – активные участники Союза благоденствия: Николай Тургенев, Никита Муравьев, Сергей Трубецкой.

Программным документом Северного общества стала Конституция Никиты Муравьева. Несмотря на конституционно-монархическое содержание конституции, в главном она повторяла «Русскую правду»: «Русский народ, свободный и независимый, не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства… Все русские равны пред законом... Каждый обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям Отечества… Раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным… Разделение между благородными и простолюдинами не принимается» (цит. по: [Дружинин 1985, с. 268–269]).

В конце 1823 г. в Северное общество вступил Кондратий Рылеев – правитель дел Российско-Американской компании, крупнейшей торгово-промышленной организации России, либерально настроенный поэт, много лет сотрудничавший с Голицыным. В 1820 г., после Семеновской истории, он написал и опубликовал в журнале «Невский зритель» нашумевшую сатиру «К временщику», обвинявшую в «истории» лично Аракчеева [Готовцева, Киянская 2013, с. 107–123, 132–137].

И хотя о совместных действиях с Южным обществом договориться не удалось (в 1824 г. окончились провалом «объединительные совещания», которые в столице проводил Пестель), с момента восстановления общества в нем стал активно обсуждаться вопрос о судьбе императора и его «фамилии». Северные заговорщики поначалу не хотели убивать монарха. Они разработали другой план, план вывоза императорской семьи за границу. «Донесение Следственной комиссии» констатировало: мнение о вывозе императорской семьи за границу с Рылеевым разделяли «Трубецкой, Никита и Матвей Муравьевы, Оболенский и Николай Тургенев» [Донесение 1980, с. 49].

Истинным вождем заговора Рылеев становится во второй половине 1824 г. – после отставки Голицына и воцарении в России аракчеевщины. Рылеев сформировал вокруг себя кружок радикально настроенных молодых офицеров, литераторов и деятелей Российско-Американской компании, для которых он стал единственным начальником; кружок этот получил название «рылеевской отрасли» общества. Большую часть сгруппировавшихся около поэта недовольных составляли гвардейские моряки: флот в годы правления Александра I влачил жалкое существование, поскольку император не видел в нем надобности. Корабли гнили на рейде в Кронштадте, а морские офицеры, не имевшие возможности выйти в море, ненавидели власть.

Рылеев же мог набирать моряков на службу в Российско-Американскую компанию – и уже по одному этому пользовался в их среде серьезным авторитетом. Именно с кругосветными экспедициями, организуемыми компанией,

был связан план вывоза императорской семьи за границу: ее планировалось отвезти в Америку. Очевидно, что деятельность Рылеева после вступления в заговор как раз и была направлена на организацию этой акции (см. об этом: [Готовцева, Киянская 2013, с. 243–266]).

«Рылеевская отрасль» от либеральных разговоров перешла к делу: стала готовить государственный переворот. Сам же поэт, в отличие от южных лидеров, хотевших «военной революции», «делал ставку на одномоментное и краткое выступление, военный бунт» [Бокова 2003, с. 463, 469]. Накануне восстания на Сенатской площади Рылеев сформулировал и план цареубийства. Он предложил отставному поручику Петру Каховскому убить вступавшего на престол Николая Павловича. И был уверен, что если этого не сделать – «непременно последует междуусобная война» [Рылеев 1825, с. 188].

Исключительная роль Рылеева в подготовке восстания определялась не только его действиями в тайном обществе. Поэт лучше других выражал мысли и чувства людей, которые – ради возможности построить общество всеобщего равенства и стать «действующими лицами истории» – готовились вступить в битву с самодержавием.

Молодым заговорщикам поэт дал уверенность в своих силах, в собственной гражданской значимости, а накануне 14 декабря – и в том, что

Нет примиренья, нет условий
Между тираном и рабом;
Тут надо не чернил, а крови;
Нам должно действовать мечом.

* * *

Конечно, далеко не все вернувшиеся с войны офицеры пошли в декабристские союзы. Лидеров заговора, прошедших все его этапы, вряд ли было больше пяти человек. Однако и пятерых оказалось достаточно, чтобы определить вектор развития российской истории на много десятилетий вперед.

Идея вооруженного сопротивления попала на подготовленную почву: власть очевидным образом обманула ожидания общества. Император обещал «законно-свободные учреждения», конституцию, отмену крепостного права – а в итоге Россия получила аракчеевщину, военные поселения и гонения на университеты. Офицеры, желавшие социальной активности, получили лишь право добиваться от солдат «экзерцицмейстерской ловкости». Император, находившийся после войны в зените славы, отказался прислушаться к подданным.

К 1825 г. примирение власти и мыслящей элиты стало уже невозможным. Тем более что бóльшая часть из тех, кто был готов идти до конца, командовали

вооруженными соединениями. Смерть императора, присяга Константину, незаконность закулисных договоренностей о воцарении Николая сделали ситуацию катастрофической. Вооруженное столкновение стало неизбежным.

Библиография

Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительства, политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 911 с.

Барятинский А.А. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 336 с.

Басаргин Н.В. Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. 544 с.

Батеньков Г.С. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 29–145.

Бестужев-Рюмин М.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. Т. 9. С. 26–176.

Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1871. Т. 5. 530 с.

Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.

Бурцов И.Г. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 189–203.

Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 610–1358.

Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 467 с.

Волконский С.Г. Записки. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991. 512 с.

Воспоминания о службе К.Ф. Рылеева в конной артиллерии // Готовцева А.Г., Киянская О.И. Правитель дел: К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К.Ф. Рылеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 205–234.

Высочайшие приказы о чинах военных за 1822 год. СПб., 1822.

Глинка Ф.Н. Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг; также о пользе и настоящем положении учрежденного при Гвардейском штабе для военных читателей книгохранилища. СПб.: Типография Гвардейского штаба, 1818. 72 с.

Глинка Ф.Н. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 93–143.

Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 288 с.

Готовцева А.Г., Киянская О.И. Рылеев. М.: Молодая гвардия, 2013. 350 с.

Готовцева А.Г. «Он всегда будет жертвой интриг»: придворная борьба Александровской эпохи // Россия и современный мир. 2018. № 1. С. 8–28.

Грибовский М.К. Отчет Военной библиотеки за первый год, протекший от ее учреждения. СПб.: б/и, 1817. 11 с.

Донесение Следственной комиссии (Его императорскому величеству высочайше утвержденной комиссии для изыскания о злоумышленных обществах всеподданейший доклад) // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 24–61.

Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 5–304.

Дубровин Н.Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX в.). Наши мистики-сектанты. СПб.: Издательство ДНК, 2009. 608 с.

Жихарев М.И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи. Мемуары современников. М.: МГУ, 1989. С. 48–120; 358–371.

Жуковская Т.Н. «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интерпретации // Ученые записки Казанского университета. Казань, 2019. Т. 161. Серия: Гуманитарные науки. Кн. 2–3. С. 96–111.

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла… Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

Карцов П.П. Событие в Лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г. // Русская старина. 1883 a. Т. 37. № 3. С. 685–702.

Карцов П.П. Событие в Лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г. // Русская старина. 1883 b. Т. 38. № 4. С. 61–94.

Керсновский А.А. История русской армии. М.; Берлин: Директмедиа, 2017. Ч. II. 307 с.

Кобеко Д. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811–1813. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. 553 с.

Комаров Н.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 393–412.

Кондаков Е.Ю. Либеральное и консервативное направление в религиозных движениях в России первой четверти XIX в. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 343 с.

Кандаурова Т.Н. Военные поселения в контексте либеральных реформ Александра I // Вестник Университета дружбы народов. 2009. Серия: История России. № 2. С. 5–17.

Лапин В.А. Семеновская история 16–18 октября 1820 года. Л.: Лениздат, 1991. 251 с.

Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. 416 с.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПб., 1994. 412 с.

Майофис М.Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1820. Часть 1: Министерство духовных дел и народного просвещения. Особые заведения. Санкт-Петербургское общество учреждения училищ по методе взаимного обучения. СПб., 1820. 971 с.

Минаков А.Ю. Предтечи С.С. Уварова в поисках идеологического обоснования правительственной политики в области народного просвещения в 1817–1825 годах // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 145–164.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. 448 с.

Муравьев Н.М. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Центрархив, 1925. Т. 1. С. 288–331.

Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Былое, 1922. 96 с.

Муравьев-Апостол М.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 177–284.

Муравьев-Апостол С.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 227–412.

Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига: Издание книгопродавца Н. Киммеля, 1892. Т. 5. 643 с.

Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Издательство АН СССР, 1955 a. Т. 1. 484 с.

Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Издательство АН СССР, 1955 b. Т. 2. 508 с.

Никитин А.О. Новое слово о декабристе М.А. Щепилло // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань: Край, 2006. С. 236–256.

Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I: биография. М.: Захаров, 2010. 320 с.

Оболенский Е.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Центрархив, 1925. Т. 1. С. 219–286.

Пекарский П. О жизни и ученых трудах академика Константина Ивановича Арсеньева // Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1872. С. 1–60.

Пестель П.И. Русская Правда // Восстание декабристов. Документы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. 692 с.

Пестель П.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 1–226.

Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1866. 727 с.

Письмо полковника Ермолаева и Сергея Муравьева-Апостола князю Ивану Дмитриевичу Щербатову // Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). М.: ГПИБЛ, 2006. С. 260–263.

Пичет В.И. Александр и Европа // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Юбилейное издание. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1912. Т. VII. С. 57–87.

Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1830 a. Собрание 1-е. Т. 32 (1812–1815). № 25.287. 1107 с.

Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1830 b. Собрание 1-е. Т. 33 (1815–1816). № 25.943. 1125 с.

Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1830 c. Собрание 1-е. Т. 34 (1817). № 27.106. 959 с.

Пресняков А.Е. Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов // Каторга и ссылка. 1925. № 8 (21). С. 35–64.

Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М.: Худ. лит., 1988. 559 с.

Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Академический проект, 2001. 560 с.

Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб.: Академический проект, 2000. 477 с.

РГВИА.Ф. 14664. Оп. 1. Д. 744.

РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 370.

РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 436.

РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 313.

РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 432.

Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. 480 с.

Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 325–357.

Рылеев К.Ф. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Центрархив, 1925. Т. 1. С. 147–218.

Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. Пг.: 2-я Государственная типография, 1919. Т. 1. 1819–1835. 759 с.

Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1890. Т. 73. 616 с.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825. Изд. 2-е. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1875. 1864 с.

Семевский В.И. Волнение в Семеновском полку // Былое. 1907. № 2. С. 82–118.

Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1888. Т. 1. 517 с.

Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб.: Морская типография, 1816. 212 с.

Толстой Ф.Н. Записки. М.: РГГУ, 2001. 337 с.

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983. Т. 1. 416 с.

Трубецкой С.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Центрархив, 1925. Т. 1. С. 3–145.

Тургенев Н.И. Дневники и письма за 1816–1824 годы. Пг.: Академическая двенадцатая государственная типография, 1921. 528 с.

Тургенев Н.И. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. 744 с.

Устав Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 1. С. 237–276.

Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Минск: Белорусский экзархат, 2006. 608 с.

Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1982. Т. 2. 432 с.

Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1960. 424 с.

Шебунин А.Н. Николай Иванович Тургенев. М.: Госиздат, 1925. 132 с.

Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1898. Т. 4. 654 с.

Шипов И.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 425–430.

Шишков А.С. Записки мнения и переписка. Berlin: B. Behr's Buchhandlung, 1870. Т. 1. 479 с.

Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. СПб.: Наука, 2007. 740 с.

Якушкин И.Д. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: 1927. Т. 3. С. 37–60.

Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов: Сіверяньска думка, 2006. 444 с.

References

Andreeva T.V. Tajnye obshhestva v Rossii v pervoj treti XIX veka: Pravitel'stva politika i obshhestvennoe mnenie [Secret societies in Russia in the first third of 19 th Century: Governments politics and public opinion]. Saint Petersburg: Liki Rossii, 2009. 911 p. (In Russ.)

Baryatinsky A.A. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1953. 336 p. (In Russ.)

Basargin N.V. Vospominanija. Rasskazy. Stat'i [Memoirs. Stories. Articles]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1988. 544 p. (In Russ.)

Batenkov G.S. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Nauka, 1976. Vol. 14. P. 29–145. (In Russ.)

Bestuzhev-Ryumin M.P. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1950. Vol. 9. P. 26–176. (In Russ.)

Bogdanovich M.I. Istorija tsarstvovanija imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremja [History of the reign of Emperor Alexander I and Russia in his time]. Saint Petersburg: Printing House by F. Sushchinskiy, 1871. Vol. 5. 530 p. (In Russ.)

Bokova V.M. Jepoha tajnyh obshhestv. Russkie obshhestvennye ob'edinenija pervoj treti XIX veka [Age of secret societies. Russian public associations of the first third of the 19th Century]. Moscow: Realii-Press, 2003. 656 p. (In Russ.)

Burtsov I.G. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Rosspen, 2001. Vol. 20. P. 189–203. (In Russ.)

Donesenie Sledstvennoj komissii (Ego imperatorskomu velichestvu vysochajshe utverzhdennoj komissii dlja izyskanija o zloumyshlennyh obshhestvah vsepoddanejshij doklad) // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Report to the Commission of Inquiry (to His Imperial Majesty the highest approved commission for investigation of malicious societies is the all-signed report) // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 17. P. 24–61. (In Russ.)

Druzhinin N.M. Dekabrist Nikita Murav'ev // Druzhinin N.M. Izbrannye trudy. Revoljucionnoe dvizhenie v Rossii v XIX veke [Decembrist Nikita Muravyev // Druzhinin N.M. Selected works. Revolutionary movement in Russia in the 19th Century]. Moscow: Nauka, 1985. P. 5–304. (In Russ.)

Dubrovin N.F. Posle Otechestvennoj vojny 1812 goda (Iz russkoj zhizni nachala XIX veka). Nashi mistiki-sektanty [After the Patriotic War of 1812 (From Russian life in the beginning of the 19th Century). Our mystic-sectarians]. Saint Petersburg: DNK Publishing House, 2009. 608 p. (In Russ.)

Florovsky G.V. Puti russkogo bogoslovija [Ways of Russian theology]. Minsk: Belarusian Exarchate, 2006. 608 p. (In Russ.)

Fonvizin M.A. Sochinenija i pis'ma [Essay and letters]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1982. Vol. 2. 432 p. (In Russ.)

Glinka F.N. Rassuzhdenie o neobhodimosti dejatel'noj zhizni, uchenyh uprazhnenij i chtenija knig; takzhe o pol'ze i nastojashhem polozhenii uchrezhdennogo pri Gvardejskom shtabe dlja voennyh chitatelej knigohranilishha [Discussion about the necessity of active life, scientists' exercises and reading books; also about the usefulness and the present situation of the book repository established at the Guards headquarters for military readers]. Saint Petersburg: Publishing House by the Guards headquarters, 1818. 72 p. (In Russ.)

Glinka F.N. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: ROSSPEN, 2001. Vol. 20. P. 93–143. (In Russ.)

Gordin J.A. Dujeli i dujeljanty [Duels and duelists] Saint Petersburg: Pushkin Foundation, 1997. 288 p. (In Russ.)

Gotovtseva A.G. «On vsegda budet zhertvoj intrig»: pridvornaja bor'ba Aleksandrovskoj jepohi [«He Will Always Be the Victim of Intrigues»: Court Fight in the Reign of Emperor Alexander I] // Russia and the contemporary world. 2018. N 1. P. 8–28. (In Russ.)

Gotovtseva A.G., Kiyanskaya O.I. Ryleev. Moscow: Molodaja gvardija Young Guard, 2013. 350 p. (In Russ.)

Gribovsky M.K. Otchjot Voennoj biblioteki za pervyj god, protekshij ot ejo uchrezhdenija [Report of the Military Library for the first year of its existence]. Saint Petersburg, 1817. 11 p. (In Russ.)

Kandaurova T.N. Voennye poselenija v kontekste liberal'nyh reform Aleksandra I // Vestnik Universiteta druzhby narodov [Military settlements in the context of liberal reforms of Alexander I // Bulletin of Peoples' Friendship University]. 2009. Series: History of Russia. N 2. P. 5–17. (In Russ.)

Kartsov P.P. Sobytie v Lejb-gvardii Semenovskom polku v 1820 godu // Russkaja starina [The event in the Semyonovsky Leib Guards Regiment in 1820 // Russian Antiquity]. 1883 a. Vol. 37. N 3. P. 685–702. (In Russ.)

Kartsov P.P. Sobytie v Lejb-gvardii Semenovskom polku v 1820 godu // Russkaja starina [The event in the Semyonovsky Leib Guards Regiment in 1820 // Russian Antiquity]. 1883 b. Vol. 38. N 4. P. 61–94. (In Russ.)

Kersenovsky A.A. Istorija russkoj armii [The History of Russian army]. Moscow. Berlin: Direct media, 2017. Part II. 307 p. (In Russ.)

Kobeko D. Imperatorskij Carskosel'skij licej. Nastavniki i pitomcy. 1811–1813 [Imperial Lyceum of Tsarskoye Selo. Mentors and pets. 1811–1813]. Saint Petersburg: Publishing House by V.F. Kirshbaum, 1911. 553 p. (In Russ.)

Komarov N.I. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: ROSSPEN, 2001. Vol. 20. P. 393–412. (In Russ.)

Kondakov E.Yu. Liberal'noe i konservativnoe napravlenie v religioznyh dvizhenijah v Rossii pervoj chetverti XIX veka [Liberal and conservative direction in religious movements in Russia in the first quarter of 19th Century]. St.-Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University, 2005. 343 p. (In Russ.)

Lapin V.A. Semenovskaja istorija 16–18 oktjabrja 1820 goda [Semenovskaya history 16–18 October 1820. Leningrad: Lenizdat, 1991. 251 p. (In Russ.)

Laurer N.I. Zapiski dekabrista [Notes of the Decembrist]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1984. 416 p. (In Russ.)

Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture [Conversations about Russian culture]. Saint Petersburg: Art-SPb. 1994. 412 p. (In Russ.)

Mayofis M.L. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshhestvo «Arzamas» i rossijskij modernizacionnyj proekt 1815–1818 godov [Appeal to Europe: Literary Society «Arzamas» and Russian modernization project in 1815–1818]. Moscow: New Literary Review, 2008. 800 p. (In Russ.)

Mesjaceslov s rospis'ju chinovnyh osob, ili obshhij shtat Rossijskoj imperii na leto ot Rozhdestva Hristova 1820. Chast' 1: Ministerstvo duhovnyh del i narodnogo prosveshhenija. Osobye zavedenija. Sankt-Peterburgskoe obshhestvo uchrezhdenija uchilishh po metode vzaimnogo obuchenija [Calendar with paintings of officials, or the general staff of the Russian Empire for the summer of the Nativity of Christ in 1820. Part 1: Ministry of Spiritual Affairs and National Education. Special institutions. St. Petersburg society of schools by the method of mutual learning]. Saint Petersburg: 1820. 971 p. (In Russ.)

Minakov A.Yu. Predtechi S.S. Uvarova v poiskah ideologicheskogo obosnovanija pravitel'stvennoj politiki v oblasti narodnogo prosveshhenija v 1817–1825 godah // Tetradi po konservatizmu [S.S. Uvarov's Forerunners in Searching of an Ideological Basis for Government Policy in the Sphere of Public Education in 1817–1825 // Conservatism notebook]. 2018. N 1. P. 145–164. (In Russ.)

Mironenko S.V. Samoderzhavie i reformy. Politicheskaja bor'ba v Rossii v nachale XIX veka [Autocracy and reforms. Political struggle in Russia in the beginning of the 19th Century]. Moscow: Nauka, 1989. 240 p. (In Russ.)

Muravyov A.N. Sochinenija i pis'ma [Compositions and letters]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1986. 448 p. (In Russ.)

Muravyov N.M. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Tsentrkhiv, 1925. Vol. 1. P. 288–331. (In Russ.)

Muravyov-Apostol M.I. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Gospolitizdat, 1950. Vol. 9. P. 177–284. (In Russ.)

Muravyov-Apostol M.I. Vospominanija i pis'ma [Memoirs and letters]. Prtrograd: The past, 1922. 96 p. (In Russ.)

Muravyov-Apostol S.I. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. Vol. 4. P. 227–412. (In Russ.)

Nadler V.K. Imperator Aleksandr I i ideja Svjashhennogo sojuza [Emperor Alexander I and the idea of the Holy Alliance]. Riga: Publication of the bookseller N. Kimmel, 1892. Vol. 5. 643 p. (In Russ.)

Nechkina M.V. Dvizhenie dekabristov [Movement of Decembrists]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1955 a. Vol. 1. 484 p. (In Russ.)

Nechkina M.V. Dvizhenie dekabristov [Movement of the Decembrists]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1955 b. Vol. 2. 508 p. (In Russ.)

Nikitin A.O. Novoe slovo o dekabriste M.A. Shhepillo // Rjazanskaja starina [New word about Decembrist M.A. Shchepillo // Ryazan Antiquity]. 2004–2005. Ryazan: Krai, 2006. P. 236–256. (In Russ.)

Nikolai Mikhailovich, Grand Duke. Imperator Aleksandr I: biografija [Emperor Alexander I: biography]. Moscow: Zakharov, 2010. 320 c.

Obolenskiy E.P. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Tsentrkhiv, 1925. Vol. 1. P. 219–286. (In Russ.)

Pekarskiy P. O zhizni i uchenyh trudah akademika Konstantina Ivanovicha Arsen'eva // Istoricheskie bumagi, sobrannye Konstantinom Ivanovichem Arsen'evym [About life and scientific works of academician Konstantin Ivanovich Arseniev // Historical papers collected by Konstantin Ivanovich Arseniev]. Saint Petersburg: Printing House by Imperial Academy of Sciences, 1872. P. 1–60. (In Russ.)

Pestel P.I. Russkaja Pravda // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Russian Truth // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1958. 692 p. (In Russ.)

Pestel P.I. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. Vol. 4. P. 1–226. (In Russ.)

Pichet V.I. Aleksandr i Evropa // Otechestvennaja vojna i russkoe obshhestvo. 1812–1912. Jubilejnoe izdanie [Alexander and Europe // Patriotic War and Russian Society. 1812–1912. Jubilee edition]. Moscow: Printing House by Sytin's Society, 1912. Vol. VII. P. 57–87. (In Russ.)

Pis'ma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu [Letters from N.M. Karamzin to I.I. Dmitriev]. Saint Petersburg: Publishing House by Imperial Academy of Sciences, 1866. 727 p. (In Russ.)

Pis'mo polkovnika Ermolaeva i Sergeja Murav'eva-Apostola knjazju Ivanu Dmitrievichu Shherbatovu // Pis'ma glavnejshih dejatelej v carstvovanie imperatora Aleksandra I (1807–1829) [Letter from Colonel Ermolaev and Sergei Muravyov-Apostle to Prince Ivan Dmitrievich Shcherbatov // Letters of the most important figures in the reign of Emperor Alexander I (1807–1829)]. M.: GPIBLI, 2006. P. 260–263. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Printing house by II Branch of His Imperial Majesty's Own Office, 1830 a. Collection 1. Vol. 32 (1812–1815). N 25.287. 1107 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Printing house by II Branch of His Imperial Majesty's Own Office, 1830 c. Collection of the 1 st. T. 34 (1817). N 27.106. 959 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Printing house by II Branch of His Imperial Majesty's Own Office, 1830 b. Collection of the 1 st. T. 33 (1815–1816). N 25.943. 1125 p. (In Russ.)

Presnyakov A.E. Tajnye obshhestva i obshhestvenno-politicheskie vozzrenija dekabristov // Katorga i ssylka [Secret societies and social and political views of Decembrists // Penal servitude and exile]. 1925. N 8 (21). P. 35–64. (In Russ.)

Pushchin I.I. Zapiski o Pushkine. Pis'ma [Notes about Pushkin]. Letters. Moscow: Belletristic Literature, 1988. 559 p. (In Russ.)

Pypin A.N. Obshhestvennoe dvizhenie v Rossi pri Aleksandre I [Public Movement in Russia under Alexander I]. Saint Petersburg: Academic Project, 2001. 560 p. (In Russ.)

Pypin A.N. Religioznye dvizhenija pri Aleksandre I [Religious movements under Alexander I]. Saint Petersburg: Academic Project, 2000. 477 p. (In Russ.)

RGVIA.F. 14664. Op. 1. D. 744. (In Russ.)

RGVIA.F. 16231. Op. 1. D. 370. (In Russ.)

RGVIA.F. 16231. Op. 1. D. 436. (In Russ.)

RGVIA.F. 16231. Op. 1. D. 313. (In Russ.)

RGVIA.F. 16231. Op. 1. D. 432. (In Russ.)

Rosen A.E. Zapiski dekabrista [Notes of the Decembrist]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1984. 480 p. (In Russ.)

Runich D.P. Zapiski // Russkaja starina [Notes // Russian Antiquity]. 1901. N 2. P. 325–357. (In Russ.)

Ryleev K.F. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Tsentrkhiv, 1925. Vol. 1. P. 147–218. (In Russ.)

Sankt-Peterburgskij universitet v pervoe stoletie ego dejatel'nosti [Saint-Petersburg University in the first century of its activity]. Petrograd: Second State Printing House, 1919. Vol. 1. 1819–1835. 759 p. (In Russ.)

Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Saint Petersburg: Printing house by I.N. Skorokhodov, 1890. Vol. 73. 616 p. (In Russ.)

Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. T. 1: Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I [Collection of resolutions for the Ministry of National Education. Vol. 1: Reign of Emperor Alexander I]. 1802–1825. Saint Petersburg: Printing house by V.S. Balashev, 1875. 1864 p. (In Russ.)

Semevskiy V.I. Krest'janskij vopros v Rossii v XVIII i pervoj polovine XIX veka [Peasant question in Russia in XVIII and first half of the 19th Century]. Saint-Petersburg: Printing house by «Public benefit» association, 1888. Vol. 1. 517 c. (In Russ.)

Semievskiy V.I. Volnenie v Semenovskom polku // Byloe [Excitement in Semyonovsky regiment // The Past]. 1907. N 2. P. 82–118. (In Russ.)

Shebunin A.N. Nikolaj Ivanovich Turgenev. Moscow: Golizdat, 1925. 132 p. (In Russ.)

Shil'der N.K. Imperator Aleksandr Pervyj, ego zhizn' i tsarstvovanie [Emperor Alexander I, his life and reign]. Saint Petersburg: Publishing House by A.S. Suvorin, 1898. Vol. 4. 654 p. (In Russ.)

Shipov I.P. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: ROSSPEN, 2001. Vol. 20. P. 425–430. (In Russ.)

Shishkov A.S. Zapiski mnenija i perepiska [Notes of opinions and correspondence]. Berlin: B. Behr's Buchhandlung, 1870. Vol. 1. 479 p. (In Russ.)

Sobranie vysochajshih manifestov, gramot, ukazov, reskriptov, prikazov vojskam i raznyh izveshhenij posledovavshih v techenii 1812, 1813, 1814, 1815 i 1816 godov [Collection of the highest manifestoes, letters, decrees, rescript orders to the troops and various notices from 1812, 1813, 1814, 1815 and 1816]. Saint Petersburg: Marine Printing house, 1816. 212 p. (In Russ.)

Tchernov S.N. U istokov russkogo osvoboditel'nogo dvizhenija [At the origin of the Russian liberation movement]. Saratov: Saratov University Publishing House, 1960. 424 p. (In Russ.)

Tolstoy F.N. Zapiski [Notes]. Moscow: RGGU, 2001. 337 p. (In Russ.)

Trubetskoy S.P. Materialy o zhizni i revoljucionnoj dejatel'nosti [Materials about life and revolutionary activity]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1983. Vol. 1. 416 p. (In Russ.)

Trubetskoy S.P. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Tsentrkhiv, 1925. Vol. 1. P. 3–145. (In Russ.)

Turgenev N.I. Dnevniki i pis'ma za 1816–1824 gody [Diaries and letters for 1816–1824]. Petrograd: Academic Twelfth State Printing House, 1921. 528 p. (In Russ.)

Turgenev N.I. Rossija i russkie [Russia and Russians]. Moscow: OGI, 2001. 744 p. (In Russ.)

Ustav Sojuza blagodenstvija // Izbrannye social'no-politicheskie i filosofskie proizvedenija dekabristov [Statutes of the Union of Welfare // Selected social, political and philosophical works of the Decembrists]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1951. Vol. 1. P. 237–276. (In Russ.)

Vigel' F.F. Zapiski [Notes]. Moscow: Zakharov, 2003. Vol. 2. P. 610–1358.

Vishlenkova E.A. Zabotjas' o dushah poddannyh: religioznaja politika v Rossii pervoj chetverti XIX veka [Caring about the souls of subjects: religious policy in Russia of the first quarter of the 19 th Century]. Saratov: Saratov University, 2002. 467 p. (In Russ.)

Volkonsky S.G. Zapiski [Notes]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1991. 512 p. (In Russ.)

Vospominanija o sluzhbe K.F. Ryleeva v konnoj artillerii [Memoirs of K.F. Ryleev's service in equestrian artillery] // A.G. Gotovtseva, O.I. Kiyanskaya, Pravitel' del: K istorii literaturnoj, finansovoj i konspirativnoj dejatel'nosti K.F. Ryleeva [Business manager: To the history of literary, financial and conspiracy activity of K.F. Ryleev]. Saint Petersburg: Nestor History, 2010. P. 205–234. (In Russ.)

Vysochajshie prikazy o chinah voennyh za 1822 god [The highest orders about the ranks of the military for 1822]. Saint Petersburg, 1822. (In Russ.)

Yachmenikhin K.M. Armija i reformy: voennye poselenija v politike rossijskogo samoderzhavija [Army and Reforms: military settlements in politics of Russian autocracy]. Chernigov: Siveryanska Dumka, 2006. 444 p. (In Russ.)

Yakushkin I.D. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: 1927. Vol. 3. P. 37–60. (In Russ.)

Yakushkin I.D. Zapiski, stat'i, pis'ma [Notes, articles, letters]. Saint Petersburg: Science, 2007. 740 p. (In Russ.)

Zhikharev M.I. Dokladnaja zapiska potomstvu o Petre Jakovleviche Chaadaeve // Russkoe obshhestvo 30-h godov XIX veka. Ljudi i idei. Memuary sovremennikov [Report note to posterity about Peter Yakovlevich Chaadayev // Russian society of the 30s of the 19th Century. People and ideas. Memoirs of contemporaries]. Moscow: Moscow State University, 1989. P. 48–120; 358–371. (In Russ.)

Zhukovskaya T.N. «Delo professorov» 1821 g. v Sankt-Peterburgskom universitete: novye interpretacii // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [«The case of professors» 1821 at Saint Petersburg University: new interpretations // Scientists' notes of Kazan University]. Kazan, 2019. Vol. 161. Series: Humanities. Iss. 2–3. P. 96–111. (In Russ.)

Zorin A.L. Kormja dvuglavogo orla… Literatura i gosudarstvennaja ideologija v Rossii v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka [Feeding the Two-headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Century]. Moscow: A New Literary Review, 2001. 416 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.02

И.К. Богомолов

СБОР СВЕДЕНИЙ О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ АВСТРО-ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на материалах Московской губернии)

Аннотация. *В статье рассмотрена практика сбора сведений среди раненых и беженцев Московской губернии о преступлениях австрийской и германской армий в годы Первой мировой войны. Задача сбора этих сведений была возложена на Чрезвычайную следственную комиссию для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками (ЧСК). Сбором показаний и свидетельств занимались не только члены Комиссии, но и сестры милосердия, губернские канцелярии, полиция. Выявлена последовательность, исполнители, а также основные проблемы при опросах беженцев и чинов армии, проходивших лечение в лазаретах Московской губернии.*

Автор приходит к выводу, что не все полученные свидетельства могли служить доказательством беспощадности и жестокости врага, а зачастую показывали сложные, неоднозначные отношения между пленными и беженцами, с одной стороны, и австро-германскими войсками – с другой. Не всегда пленные русские солдаты и офицеры подвергались издевательствам, нередки примеры соучастия, сострадания со стороны представителей вражеских армий и местного населения. Это расходилось с реальными задачами ЧСК по пропаганде сведений о преступлениях армий Германии и ее союзников в России и за рубежом. В результате многие свидетельства так и не были оглашены, оставшись в архивах ЧСК, полиции и губернских канцелярий.

В качестве примера приведен найденный в делах канцелярии московского губернатора текст кратких воспоминаний подпрапорщика И.А. Назарова о его пребывании в германском плену.

Ключевые слова: *Первая мировая война; военные преступления; зверства; русская армия; германская армия; австрийская армия; беженцы; плен; пропаганда; Чрезвычайная следственная комиссия.*

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: boga_igor@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAI-8746–2020

Bogomolov I.K. **Collection of Information on War Crimes of the Austro-German Troops During the First World War (Based on Materials from the Moscow Province)**

Abstract. *Discussing the practice of collecting information among the wounded and refugees of the Moscow province about the crimes of the Austrian and German armies during World War I, the author describes the procedures, collectors and the main problems in interviewing refugees and army officials who were treated in the hospitals of the Moscow province. The primary responsibility for collecting such data was assigned to the Extraordinary Investigative Commission (EIC) whose task was to investigate the violations of laws and customs of war on the part of the Austro-Hungarian and German troops. Practically, the information and testimonies were collected not only by members of the Commission but also by army nurses, provincial authorities and the police. As a conclusion, the texts states that not all data obtained could serve as evidence of the ruthlessness and cruelty of the enemy, as the relationship between prisoners and refugees on the one hand, and Austro-German troops on the other were often complex and ambiguous. Not always the Russian prisoners of war were subjected to abuse; it was not uncommon that the army officials of the enemy as well as the local people treated them with sympathy and compassion. Such facts ran counter to the Commission's tasks and therefore were not made public, being buried in the archives of the Commission, local authorities and the police.*

As an example, given is the text of brief memoirs of ensign I.A. Nazarov about his captivity in Germany, found in the papers of the office of the Moscow governor.

Keywords: *World War I; war crimes; atrocities; Russian army; German army; Austrian army; refugees; captivity; propaganda; Extraordinary Commission of Inquiry.*

Bogomolov Igor Konstantinovich – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Russia, Moscow. E-mail: boga_igor@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAI-8746–2020

С начала Первой мировой войны в центре внимания российского общества была тема жестокого обращения с русскими военнопленными и гражданскими лицами в Германии. Периодическая печать публиковала большое количество свидетельств и воспоминаний бывших пленных о жестоком обращении с ними немецких войск и населения. Уже осенью 1914 г. огромный массив сообщений прессы о «немецких зверствах» стал компилироваться в отдельные книжки, некоторые из них выдержали даже второе переиздание [Резанов 1914; Резанов 1915]. Тема «немецких зверств» серьезно повлияла на общественные настроения в России, а затем и на внутреннюю политику Российского государства в отношении вражеских подданных и «русских немцев». Для военной пропаганды тему «германского варварства» русское правительство поначалу использовало не слишком активно. Этого

и не требовалось, учитывая общий эмоциональный подъем общества в связи с началом войны. Всю пропагандистскую «работу» за правительство делала печать, которая живо реагировала на общественные запросы и сообщениям которой общество поначалу вполне доверяло.

К началу 1915 г. ситуация начала меняться. Общественный подъем постепенно затухал, война становилась тяжелой повседневностью. Популярные летом 1914 г. призывы к «защите славянства от германизма» [За что воюет Россия 1914] не оказывали на солдатскую массу серьезного влияния. Для большинства солдат – бывших крестьян, значительная часть которых была неграмотной, – война представлялась непреодолимым «роком», ударом судьбы, с которым оставалось только смириться [Поршнева 2000, с. 104]. В образованных слоях общества росло критическое отношение к газетным публикациям о «немецких зверствах»: все чаще эти материалы воспринимались как попытка привлечь читателя, а нередко – и как часть конкурентной борьбы, сведение экономических, политических и личных счетов [Лор 2010, с. 77]. Появился общественный запрос на достоверную информацию о войне, в том числе и о преступлениях противника. Личный фронтовой опыт, передававшийся письменно и устно в тыл, все больше вытеснял из информационного поля газетные сообщения о немецкой и австрийской армиях, о положении во вражеском тылу и о вражеском плене [Асташов 2014 b, с. 132]. Иными словами, для обвинений врага уже нельзя было обойтись газетными заголовками, требовались прямые доказательства военных преступлений Германии и Австро-Венгрии.

На этом фоне в правительстве и Ставке Верховного главнокомандующего осознали необходимость пойти по стопам союзников по Антанте и создать собственную комиссию, которая бы фиксировала преступления вражеских армий на фронте и на оккупированных ими территориях. В результате 9 апреля 1915 г. была создана «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками» (ЧСК). Для начала собственно «расследований» ЧСК должна была собрать доказательную базу. Информацию предоставляли прежде всего солдаты и офицеры, а также сестры милосердия, пострадавшие или бывшие свидетелями военных преступлений.

В историографии на деятельность ЧСК до сих пор обращалось мало внимания. Только в последние годы вышли исследования с общей характеристикой целей и задач ЧСК в годы войны, результатов ее деятельности [Асташов 2014 a]. Практически не освещен процесс сбора сведений «на местах»: в крупных и провинциальных городах, лазаретах, всевозможных общественных организациях. В данной статье этот пробел частично восполняется при помощи новых документов, обнаруженных в архиве канцелярии московского губернатора.

ЧСК изначально стремилась максимально упорядочить процесс сбора информации и подключить к этому как можно больше местных органов власти. Эти меры стали еще более актуальными со второй половины 1915 г. Великое отступление русской армии повлекло за собой огромную волну беженцев, вынужденных оставить свои дома. Основной поток беженцев шел через крупные города – Киев, Минск, Вильно, Рига, Москва. Часть отправлялась дальше, в провинцию, но большинство старались задержаться в городах, где было больше возможностей получить помощь и найти приют [Алферова 2017, с. 19]. В сотрудничестве с местными властями ЧСК пыталась собрать максимальную информацию обо всех бедах, которые беженцы претерпели от действий германо-австрийских войск. Информаторами были также раненые, находившиеся в лазаретах.

Для централизации сбора «точных и проверенных данных» ЧСК подключила чиновников на местах. Губернаторы, начальники областей и градоначальники должны были организовать «в безотлагательном производстве через подведомственных чинов полиции» опросы раненых и беженцев [О сборе сведений, л. 1]. Для проведения опроса были подготовлены специальные опросные листы. Губернаторы и градоначальники возлагали задачу по опросам на уездные земские управы и уездных исправников [О сборе сведений, л. 3, 4]. Те, в свою очередь, запрашивали информацию о свидетелях военных преступлений различные общества помощи беженцам и раненым. Так, опросные листы были направлены в Польский комитет в Москве по оказанию помощи жертвам войны, а также в местные отделения Союза помощи больным и раненым воинам [О сборе сведений, л. 4 об.]. После опроса общества возвращали листы обратно в канцелярию для дальнейшей отправки в ЧСК [О сборе сведений, л. 8].

В архиве канцелярии московского губернатора найдены два вида опросных листов: для опроса беженцев и воинских чинов. Опросный лист беженца состоял из 20 вопросов, большая часть которых (помимо информации о самом беженце) представляет собой список преступлений, которым беженец, возможно, был свидетелем или стал их жертвой. Среди пунктов – применение врагом разрывных пуль и удушливых газов, злоупотребление белым флагом, ограбление и добивание раненых, обстрел санитарных пунктов, выставление мирных жителей в качестве прикрытия, насильственный призыв и привлечение на работы, изнасилования, ограбления, надругательство и уничтожение храмов и святынь [О сборе сведений, л. 9, 9 об.]. Опросный лист для воинских чинов был меньше – 12 вопросов, они в основном касались преступлений непосредственно на фронте [О сборе сведений, л. 6].

Ответы очевидцев вражеских преступлений записывали либо сами очевидцы, либо (если очевидцы, к примеру, были неграмотными) полицейские. Так, к примеру, отвечала на вопросы Стефания Петровна Насторович, беженка

из г. Сувалки. При опросе она утверждала, что видела четверых умерших от газа, «видела, как двух казаков раненых привязали к повозке, тащили до десяти верст и наконец расстреляли», видела обстрелы санитарных поездов, расстрел мирного жителя, два изнасилования, угон на работу в Германию, ограбления магазинов [О сборе сведений, л. 10, 10 об.].

Хотя опросные листы были составлены достаточно подробно, на практике полицейские при опросе могли опустить подробности, которые им показались лишними. Глава ЧСК, сенатор А.Н. Кривцов в письме губернаторам посетовал, что «в некоторых случаях полицейские чины, составляя <…> протоколы, излагают в них показания потерпевших и свидетелей без указания – где именно, когда и при каких обстоятельствах имело место то или иное <…> нарушение неприятелем законов и обычаев войны» [О сборе сведений, л. 26]. Зачастую у полицейских не было напечатанных опросных листов в достаточном количестве, из-за чего показания той же С.П. Насторович записывались на отдельном листе бумаги.

В отдельных случаях свидетели и жертвы немецко-австрийских преступлений записывали показания в виде подробных рассказов. В деле московской губернской канцелярии по вопросам ЧСК найден такой пример – письмо подпрапорщика 7-го Туркестанского стрелкового полка Ивана Андреевича Назарова, в августе 1914 г. попавшего в плен в Восточной Пруссии, потерявшего ногу и в августе 1915 г. отпущенного немцами в Россию. Вероятно, Назарова – грамотного крестьянина, учившегося на писаря – попросили подробно описать свое пребывание в германском плену.

Нужно отметить, что в этот период были особенно востребованы свидетельства о невыносимых условиях австрийского и немецкого плена. В русской армии нарастала усталость от войны, росло количество добровольных переходов к противнику. Все большему числу русских солдат вражеский плен казался лучшей долей по сравнению с бытовыми условиями в русских окопах [Асташов 2014 b, с. 452–457]. Понимая опасные последствия таких настроений, Ставка и правительство стремились демонизировать образ вражеского плена в массовом сознании армии. В печати запрещалось публиковать письма и воспоминания бывших пленных «ввиду возможного соблазнительного воздействия на других» [Инструкции, л. 7]. В пропагандистских целях необходимо было всемерно распространять свидетельства о тяжелом положении русских солдат и офицеров в Германии и Австро-Венгрии. Роль ЧСК в этом деле была велика, так как комиссия могла предоставить свидетельства «из первых уст», документированные показания за подписью конкретных людей. Эти материалы были нужны для массового распространения через периодическую печать, брошюры и книги. Но первичный опрос нижних чинов вовсе не гарантировал «нужные» показания. Бывшие пленные

далеко не всегда свидетельствовали о плене как о беспросветном ужасе [Нагорная 2010, с. 303].

Воспоминания подпрапорщика И.А. Назарова были как раз таким примером «усредненной», умеренной оценки германского плена. В начале своего рассказа он явно удивляется отношению немцев к себе. Вопреки ожиданиям Назарова, нашедшие его немецкие солдат и санитар не добили его, не стянули сапоги и не оставили умирать на поле боя. На перевязочном пункте Назаров, явно под впечатлением ранее услышанного или прочитанного о «немецких зверствах», ждал, что над ним будут издеваться и выколют глаза. Однако и этого не произошло: раненую ногу постоянно перевязывали, за ранеными русскими присматривали. Потерю ноги Назаров также не считал жестокостью немцев по отношению к себе, скорее – некомпетентностью первого врача. Сильный голод был главной претензией Назарова к немцам, однако из рассказа не выходит, что раненых и пленных морили голодом специально. В целом рассказ Назарова мог произвести на других солдат неоднозначное впечатление: одни могли увидеть и положительные детали (например, угощение табаком), другие, из числа переживших плен, могли поспорить насчет отношения персонала, солдат и офицеров противника.

Воспоминания подпрапорщика И.А. Назарова [О сборе сведений, л. 28, 28 об., 29, 29 об.] – пример сложной, неоднозначной судьбы «маленького человека на большой войне». Переживший плен, голод и лишения, оставшийся без ноги, воронежский крестьянин Иван Назаров борется с тяжелыми обстоятельствами и ищет любые возможности прокормить свою большую семью. Судьба занесла его на курсы волостных писарей, вероятно в Москве или в Московской губернии, где Назарова и попросили поделиться впечатлениями от германского плена. В его письме отразились не только повседневность во вражеском плену, но и социально-экономические условия жизни в России периода Первой мировой войны. Ниже впервые приводится полный текст воспоминаний И.А. Назарова.

Подпрапорщика 7-го Туркестанского
стрелкового полка, из крестьян
Воронежской губернии, Бобровского
уезда Александровской волости, села Самовца
Ивана Андреевича Назарова,
состоящего на курсах волостных писарей.

Состоя на строевой сверхсрочной службе фельдфебелем 7-го Туркестанского стрелкового полка с 5 декабря 1909 года, я при объявлении Германией войны России был отправлен вместе с полком на театр военных действий и в сражении 29 октября 1914 года на Восточно-Прусском фронте под Сольдау

был ранен в левую ногу шрапнелью, после чего как неподобранный своими отступающими войсками попал в плен в Германию. Наши солдаты перебежали вправо в лес, а я остался в окопе. Лежать пришлось часа три, не имея возможности перевязывать себе рану, которой (так в тексте. – *И. Б.*) у левой голени были перебиты обе кости. К вечеру огонь стал стихать, смотрю, подбегает немец, спрашивает: «русь, русь, капут?». Я, не понимая немецкого языка, говорю «капут», указывая на ногу. Он позвал другого, санитара. Я и думаю: «потянут они с меня сапог, и мне смерть». Но нет, санитар достал нож и быстро разрезал мне сапог, бросил сапог в сторону, развернул портянки и они стали вдвоем перевязывать мне рану. Перевязали и стали пробовать, гнется нога или нет. Я вскрикнул, и они чего-то поговорили, нашли палочку, которую и привязали мне к ноге. Нога не стала гнуться, и я сразу почувствовал облегчение. Затем они стали меня обыскивать. Взяли у меня призовые часы с двумя серебряными цепками, один (немец. – *И. Б.*) взял себе часы и цепку, другому дал цепку. Денег у меня не было, и поэтому не знаю, взяли бы они их или нет.

Потом положили меня на палатку и понесли к себе в закрытие, где их (немцев. – *И. Б.*) было две роты. Тут обступили меня их солдаты и подошел офицер, который спрашивает: «Офицер?». Я сказал: «Нет, фельдфебель», он это сказал солдатам, и они стали называть меня фельдфебель. Офицер этот курил сигару, а мне страшно хотелось курить. Я попросил у него курить, он достал сигару, обрезал ей кончик, зажег и подал мне, потом позвал солдата, и тот налил мне кофия кружку и дал хлеба с маслом. Я стал есть. Они собрали всех нас, раненых и убитых, своих и наших, и понесли всех нас под лес, где была вырыта большая яма. В эту яму сбросили двенадцать человек убитых немцев, потом семь человек наших, и уже стал думать, что сбросят и нас. Нет, офицер послал куда-то солдата и велел яму закапывать. Потом прибегает посланный солдат и приносит маленький крестик, и этот крестик поставили на эту общую могилу. Потом офицер указал, куда нас нести, а сам пошел к роте. Стало темно, и солдаты понесли нас на перевязочный пункт. Тут я стал ожидать, что вот, мол, время пришло глаза-то нам выкалывать, но нет. Нести нас им пришлось не менее трех верст, но нисколько над нами не издевались. На перевязочном пункте нам снова перевязали раны, накормили и обращались очень хорошо. Одним словом, подбор раненых, производившийся на моих глазах, очень хороший.

На следующий день нас отправили в лазарет в город Марвенверд. На поезде было уже плохо ехать, так как вагоны очень тесные, и нас поклали не на лавки, а прямо на пол. В лазарете нас встретили сестры милосердия, обмыли нас как бы усердно, но в воде несменной, может быть человек трех в одной ванне, так как вода была наполовину с кровью. Мне сразу казалось, что рана моя не так опасна, и я думал, что месяца через два я уже буду ходить

на своей ноге. Но они (сестры милосердия. – *И. Б.*) ежедневно стали носить меня в перевязочную и ежедневно разламывали ногу. Я стал просить, нельзя ли делать перевязку на койке, но они мне сказали, что для всех ходить к койке, да и перевязывать на койке неудобно. И недели две мне лечили ногу, а потом наложили на нее гипс. И через два дня нога заплыла, и гипс заплыл, и она (нога. – *И. Б.*) почернела. Я просил перегипсовать, но мне сказали, что трогать ее нельзя. Потом гипс разрезали, и мне стало свободнее, но нога моя стала опять ломаться, и гипс закладывать не стали. Рана моя все больше и больше стала разрастаться. Потом сестра мне сказала, что вылечить мою ногу невозможно и ее придется отнять. Я попросил ее, нельзя ли какие-нибудь меры, чтобы ее залечить. Она об этом сказала доктору, и доктор стал рассматривать ногу, раскопал ее щипцами, затем ее завернули и четыре дня не делали перевязки. Боль была невыносимая, и я сам стал просить скорее бы отрезать. И таким образом в неделю нам отрезали пяти человекам. С нами вместе лежал подпоручик 2-го Туркестанского стрелкового полка Кожевников, который высказал им (немцам. – *И. Б.*), что это не лечение, а зверство – так ампутировать, не приняв мер к залечиванию. За это его через два дня от нас отправили не знаем куда, но доктора они тоже сменили, и этот доктор уже старался не ампутировать, а почти всех залечивал.

Жилось в Марвенверде нам не совсем плохо, хотя и голодно. Курить нам разрешалось, и иногда из вольных приносили папирос нам в подарки, и сестры нам давали по две или по пять папирос. Через два месяца нас, с ампутированными ногами, отправили в город Данциг для приделывания искусственных ног. И вот в Данциге-то началось наше настоящее страдание. Нас отправили с утра, есть ничего не дали, мы приехали в Данциг часов в 11, там тоже разместили нас в лазарете, Вильгельма театр, но есть ничего не давали. На следующий день, как прибывшим, дали хлеба по половинной порции, но порция эта и вся-то составляла 150 грамм, или 31,5 золотник. К тому же пища очень редкая, и ее мало, и всего же мучительнее, когда пищу варили из брюквы, а на ужин давали какую-то балтулину. Иногда этот ужин заменяли кружкой чая, но без сахара и хлеба. Курить нам разрешалось 2,5 часа в сутки, т.е. с 2:30 до 4:30 дня. Если же в остальное время суток кто закурит и его увидят, то били за это или на два часа привязывали к столбу. От всего этого переворота многие на короткое время теряли рассудок[1]. Один такой, я помню, фамилия Бойков, потерял рассудок, и немцы над ним смеялись. Он, не вставая с койки, оправился. Тогда фельдфебель подходит и спрашивает, почему он это сделал. Начал ругать его «русь, швайн» и принялся бить его и бил, не считаясь с тем, что он без памяти.

1. Здесь имеется в виду – сходили с ума.

Наших раненых, которые выздоравливали, посылали работать. Эти рабочие крали картофельную шкурку и ели ее сырой. Это действие, позорящее Германию, так как она довела нас до такого голода. На целые сутки нам закрывали двери, чтобы никто не мог выходить, и в такие дни нам не давали ни обедать, ни ужинать. Голод до таких доходил пределов, что думалось: это и есть ад, из которого выбраться никакими судьбами нельзя. По реке Висле в Данциг ходили пароходы и с пароходов немцы один раз выбросили какой-то хлеб. Этот хлеб подбило к берегу, куда стекала вся вода из умывальников и уборных. Наши рабочие выловили этот хлеб, промыли его, высушили на солнце и стали есть. Но через два дня их стала схватывать холера, и от нее дня за три человек десять померли, и несмотря на это все-таки многие продолжали есть [этот] хлеб. Вдруг списывают нас, увечных, я говорят: «нахауз», т.е. домой, и собрались нас отправлять. Шведский приемник спросил, почему они (немцы. – *И. Б.*) отправляют нас такими грязными, оборванными? Они отвечали: «русь, швайн», т.е. как русского ни убирай, они всегда такие грязные. Перед отправлением нас уже накормили досыта, но один тут же помер – объелся.

В Швеции нас уже кормили хорошо, а лучше всего – в России, где мы пообедали, и от нас понесли остатки хлеба, чего мы десять месяцев не видели. По возвращении я помещен был в Петроградский клинический лазарет, а оттуда 25 августа [1915 г.] комиссией был освидетельствован и признан неспособным к службе и к физическому труду и уволен вовсе от службы. Прибыв на родину, я подал прошение Бобровскому воинскому начальнику и при прошении приложил увольнительный билет, который воинский начальник не возвратил мне и до сего времени. Мои родные встретили меня с радостью, но никто из них не подал мне, как пострадавшему, никакой помощи. И вот в такое-то время для нас, несчастных, открылись курсы. Я поступил на эти курсы, бросив дома жену и четырех малолетних детей, желая приобрести себе хоть что-нибудь для существования. Я перешел уже в третий класс. Вдруг говорят, что наши курсы как бы не были распущены! Что я мог думать о себе в такое время? Но, слава Богу, нашлись добрые люди, которые, может быть, дадут нам довести дело до конца.

Отставной подпрапорщик
И.А. Назаров

Библиография

Алферова И.В. Дорога на Восток (проблема беженцев как один из факторов повседневности в годы Первой мировой войны) // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, 2017. № 3. С. 16–24.

Асташов А.Б. Зверства войск антирусской коалиции в 1914–1918 гг.: военный опыт и пропаганда // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб.: СПбГУ, 2014 a. С. 65–73.

Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый Хронограф, 2014 b. 740 с.

За что воюет Россия. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. 16 с.

Инструкции военным цензорам, положение, штаты, приказы Московской военно-цензурной комиссии // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13839. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против вражеских подданных в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.

Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922 гг.). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.

О сборе сведений о случаях нарушения неприятельскими войсками законов и обычаев войны // Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 17. Оп. 93. Д. 32. 30 л.

Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг. Дисс. на… доктора исторических наук. Екатеринбург, 2000. 359 с.

Резанов А.С. Немецкие зверства: книга составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также по официальным документам. Пг.: М.А. Суворин, 1914. 220 с.

Резанов А.С. Немецкие зверства: книга составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также по официальным документам. Пг.: М.А. Суворин, 1915. 438 с.

References

Alferova I.V. Doroga na Vostok (problema bezhencev kak odin iz faktorov povsednevnosti v gody` Pervoj mirovoj vojny`). Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The road to the East (refugee problem as one of the factors of everyday life during the First World War). Bulletin of the Bryansk State University]. Bryansk, 2017. No. 3. P. 16–24.

Astashov A.B. Zverstva vojsk antirusskoj koalicii v 1914–1918 gg.: voenny`j opy`t i propaganda. Pervaya mirovaya vojna, Versal`skaya sistema i sovremennost`: sb. statej [The atrocities of the troops of the anti-Russian coalition in 1914–1918: military experience and propaganda. World War I, the Versailles system and modernity: collection of books. articles]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University, 2014 a. P. 65–73.

Astashov A.B. Russkij front v 1914 – nachale 1917 goda: voenny`j opy`t i sovremennost [The Russian front in 1914 – early 1917: military experience and modernity]. Moscow: New Chronograph, 2014 b. 740 p.

Instrukcii voenny`m cenzoram, polozhenie, shtaty`, prikazy` Moskovskoj voenno-cenzurnoj komissii. Rossijskij gosudarstvenny`j voenno-istoricheskij arxiv (RGVIA) [Instructions to military censors, regulations, states, orders of the Moscow Military Censorship Commission. Russian State Military Historical Archive (RGVIA)]. F. 13839. Op. 1. D. 5. L. 7.

Lore E. Russkij nacionalizm i Rossijskaya imperiya: Kampaniya protiv vrazheskix poddanny`x v gody` Pervoj mirovoj vojny [Russian nationalism and the Russian Empire: Campaign against enemy subjects during the First World War]. Moscow: New Literary Review, 2012. 304 p.

Nagornaya O.S. «Drugoj voenny`j opy`t»: rossijskie voennoplenny`e Pervoj mirovoj vojny` v Germanii (1914–1922 gg.) [«Another military experience»: Russian prisoners of war of the First World War in Germany (1914–1922)]. Moscow: New Chronograph, 2010. 440 p.

O sbore svedenij o sluchayax narusheniya nepriyatel`skimi vojskami zakonov i oby`chaev vojny. Central`ny`j gosudarstvenny`j arxiv g. Moskvy` (CzGA Moskvy`) [On the collection of information about cases of violation by the enemy troops of the laws and customs of war. Central State Archive of Moscow (TsGA of Moscow)]. F. 17. Op. 93. D. 32. 30 l.

Porshneva O.S. Mentalitet i social`noe povedenie rabochix, krest`yan i soldat Rossii v period Pervoj mirovoj vojny`, 1914–1918 gg. Diss. na… doktora istoricheskix nauk [The mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia during the First World War, 1914–1918. Diss... doctors of historical sciences]. Yekaterinburg, 2000. 335 p.

Rezanov A.S. Nemeczkie zverstva: kniga sostavlena po rasskazam poterpevshix i ochevidcev, a takzhe po oficial`ny`m dokumentam [German atrocities: the book is based on the stories of victims and eyewitnesses, as well as official documents]. Petrograd: M.A. Suvorin, 1914. 220 p.

Rezanov A.S. Nemeczkie zverstva: kniga sostavlena po rasskazam poterpevshix i ochevidcev, a takzhe po oficial`ny`m dokumentam [German atrocities: the book is based on the stories of victims and eyewitnesses, as well as official documents]. Petrograd: M.A. Suvorin, 1915. 438 p.

Za chto voyuet Rossiya [What Russia is fighting for]. Moscow: Type. I.D. Sytin, 1914. 16 p.

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.03

Е.В. Пинюгина

ПАТРИАРХ СЕРГИЙ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.*

Аннотация. *В статье рассматривается предпринятая РПЦ переоценка деятельности митрополита Сергия (Страгородского), возглавлявшего Церковь в годы сталинских репрессий и Великой Отечественной войны вплоть до своей смерти в 1944 г. Именно Сергий осуществил компромисс Церкви с советской властью. И если с 1991 по 2007 г. его деятельность оценивалась с критических позиций, то с 2007 г. по настоящее время эта деятельность оценивается позитивно.*

Легитимность митрополита Сергия не была бесспорной для многих священнослужителей и верующих. Сделка со Сталиным ради благих целей (предотвращение массовых казней священнослужителей) привела к появлению наиболее спорного документа в истории Церкви XX в. – так называемой Декларации 1927 г.

Этот текст подтверждал лояльность Церкви атеистическим властям и их политике, осуждая инакомыслящих, священников и верующих, превращая их тем самым во врагов одновременно Церкви и Советского государства. Фактически он согласился поставить Церковь под контроль спецслужб, включая назначения и увольнения священников. Более того, Сергий официально подтвердил в своих проповедях и выступлениях для СМИ, советских и зарубежных, ложь, согласно которой в СССР существует свобода вероисповеданий без каких-либо репрессий.

Автор статьи утверждает, что осуждение политики митрополита Сергия в 1991–2007 гг. было связано с желанием постсоветской Церкви соответствовать ожиданиям общества о независимости Церкви от власти. Утверждалось, что ради сохранения официальной, юридически законной в СССР церковной структуры он решил пожертвовать церковными принципами. До 2007 г. Церковь в своих комментариях заявляла об отказе от курса митрополита Сергия.

С 2007 г. его выбор стали оценивать как истинный. В оценках преобладает восхищение, его называют святым, проводившим мудрую политику по улучшению отношений Церкви и государства. Одной из важнейших причин такого пересмотра стала патриотическая позиция Сергия в годы Великой Отечественной войны

* *Исследование проводится при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и АНО «Экспертный институт социальных исследований» (грант № 19–011–31148\19).*

и потребность церкви в новых символах ее единства с российским обществом и государством, связанных с победой в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: *Русская православная церковь; политика памяти; митрополит Сергий; Декларация 1927 г.; СССР; Россия.*

Пинюгина Елена Викторовна – кандидат политических наук,
научный сотрудник, Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
старший преподаватель, МГИМО МИД, Россия, Москва.
E-mail: pinjugina@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAE-6337–2020

Pinyugina E.V. Patriarch Sergius in the Policy of Memory of the Russian Orthodox Church in the End of the XXth – Beginning of the XXIst Century

Abstract. *The article discusses the shift in memory politics of the Russian Orthodox Church with regard to the compromise of the Church with the Soviet authorities, the focus being on the personality of the Metropolitan Sergiy (Stragorodsky), who acted as Head of the Russian Church under Stalin's rule and during World War II (till his death in 1944). From 1991 to 2007, there prevailed a critical appraisal of his church policy, which now changes into an apologetic and positive assessment.*

His authority in the Church was never undisputable for many of the clergy and believers. The deal with Stalin undertaken by Sergiy for quite noble reasons (aimed, above all, at preventing mass executions of the clergy) had resulted in a most controversial document in the Russian Church history of the 20th century – the so called «Declaration of Metropolitan Sergey of 1927».

This text proclaimed the loyalty of the Church to the atheistic authorities and their policies, at the same time condemning dissent on the part of the clergy and believers, thereby picturing them as enemies both of the Church and the Soviet State. In fact, he consented to put the Church under the control of the secret services apparatus, this including the appointment and dismissal of the clergymen. What's more, Sergiy officially reiterated in his sermons and media appearances, both in Soviet and foreign, the false statements about freedom of conscience without any repressions in the USSR.

Condemnation of the Metropolitan Sergiy's legacy from 1991 to 2007 was prompted by the desire of the post-Soviet Church to meet the expectations of society striving to independence of the Church from authorities. Until 2007, the Church declared its rejection of this legacy. It was argued that he, in order to preserve the official and judicially legal Church structure, had sacrificed his principles. Since 2007, his choice has been assessed as an undoubtedly right one and useful for the Church. These days, he is estimated with admiration and even as a Saint who pursued a wise course aimed at improving relations between the Church and the State.

An important reason for this shift was Sergiy's patriotic position during the Great Patriotic War as well as the need of the Church for new symbols of its unity with the Russian society, committed to preserving historic memories of the huge human losses in the war and the great victory in it.

Keywords: *Russian Orthodox Church; politics of memory; Metropolitan Sergey; 1927 Declaration; USSR; Russia.*

Pinyugina Elena Viktorovna – Candidate of Political Sciences,
Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Associate Professor,
Moscow State Institute of International Relations, Russia, Moscow.
E-mail: pinjugina@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAE-6337–2020

Русская православная церковь (РПЦ) является одним из активных участников символической политики в современном российском общественно-политическом пространстве, и осмыслению этого феномена посвящены ряд исследований (см. напр.: [Филатов 2014; Морозов 2014]). Исторический материал трагического для русского православия XX в. используется Московским патриархатом в зависимости от собственных приоритетов, в том числе для создания из исторических фигур символов, олицетворяющих эти приоритеты. Так, например, разделяя общественную тенденцию 1990-х годов на размежевание с советским прошлым, РПЦ создала востребованный символ единства наиболее пострадавших от революционной смуты институтов – монархии и Церкви – из образа Николая II [Пинюгина 2015, с. 236], хотя в действительности в до- и послереволюционный период единства между монархом и Церковью не было [см. подробнее: Рогозный 2018; Российское духовенство 2006].

Приоритеты символической политики РПЦ обнаруживают себя в значительных изменениях первоначальной и последующей публичной интерпретации одного и того же исторического материала. Примером такого исторического материала является компромисс Церкви с властью в СССР, основой которого стал документ, известный как Декларация 1927 года[1], опубликованный митрополитом Сергием (Страгородским) от лица всей церкви, а также оценка значения личности и деятельности митрополита, ставшего в 1943 г. патриархом, для судеб церкви. В Декларации признано согласие церкви с целями и приоритетами советского государства (среди которых было полное искоренение религии). Из документа следовало, что так называемые враги советской власти из церковной среды, не согласные с политикой власти, наказываются законно, не за религиозные убеждения, а за политические. После подписания документа Сергий осуществлял полностью подконтрольную властям политику, сделав принцип приспособления к нуждам власти осново-

1. Официальное название документа – «Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и Временного при нем Патриаршего Священного Синода».

полагающим для легального церковного управления. Его действия вызвали внутрицерковные конфликты, но почти все его влиятельные оппоненты пали жертвами политических репрессий (аресты, ссылки, расстрелы) и не могли повлиять на ход событий. Руководство РПЦ в лице его единомышленников и преемников до последних лет существования СССР не оспаривало полной зависимости от власти, став подконтрольным ей через систематическое взаимодействие со спецслужбами.

Начавшийся с правлением Сергия в РПЦ период подчинения государству обычно называют компромиссом с властью. В среде оппонентов подневольного существования Церкви зародился и циркулирует по сей день термин «сергианство», намекающий на извращение самой сути христианства последствиями подобного компромисса. Сам же Сергий превратился в символ такого компромисса. Термин «сергианство» десятилетиями использовался образованной эмигрантами Русской православной церковью за границей (РПЦЗ) для критической оценки мировоззрения и практики руководства РПЦ.

Вопрос об отношении к компромиссу с властью, Декларации 1927 г. и лично к Сергию стал важнейшим для самоопределения самой РПЦ в период освобождения из-под государственного контроля в 1990-х годах. В этом году в ходе политических трансформаций государственности церковь получила – и сохраняет по настоящее время – возможность абсолютно свободно интерпретировать исторический материал советского периода, по своему усмотрению предавать забвению или коммеморации отдельные события и личности. С этой точки зрения политику памяти РПЦ можно условно разделить на два этапа – с 1991 по 2007 г. и с 2007 г. по настоящее время.

* * *

В июне 1991 г., вскоре после избрания патриархом, Алексий II дал интервью, в котором рассуждал о Декларации 1927 г. и связанными с ней вопросами.

Лейтмотивом интервью стало желание убедить общественность в разрыве с выбранным Сергием курсом: «Но сегодня мы вполне в состоянии заявить, что Декларация в целом ушла в прошлое и что мы не руководствуемся ею...». Основой самоопределения Церкви с 1991 г. становится разъяснение патриарха о том, почему и сам документ, и компромисс с властью ошибочны и пагубны для РПЦ: «Декларация не ставит Церковь в “правильное” отношение к государству, а, напротив, уничтожает ту дистанцию, которая даже в демократическом обществе должна быть между государством и Церковью». В тексте Алексий II не раз высказывает убежденность в том, что Сергий безуспешно пытался, соглашаясь «под страшным давлением» на Декларацию, спасти как саму Церковь, так и уже отбывающих заключение епископов.

Далее он отвечает на важный для общества в 1990-х годах вопрос – о степени дистанцированности постсоветской структуры РПЦ от власти: «Мы реально смогли выйти из-под навязчивой опеки государства, и потому теперь, имея как факт нашу дистанцированность от него, мы имеем нравственное право сказать, что Декларация митрополита Сергия в целом ушла в прошлое и что мы не руководствуемся ею». Патриарх заявляет о противоположном курсу митрополита Сергия понимании долга Церкви перед обществом в контексте отношений с властью: «Это не означает, что мы выступаем против государства. Это значит, что мы считаем, что государство может ошибаться – и очень тяжело и иногда даже преступно – и что у нас есть право и долг в этих случаях свидетельствовать перед Богом, перед нашей совестью, перед миром о нарушении правды Божией» [Принимаю ответственность 1991, с. 5]. Он попросил прощения у всех, кому высказывания и поступки священнослужителей, вызванные такой компромиссной формой существования, доставили нравственные или иные страдания.

За интервью последовало открытие архивов, содержащих информацию о масштабах антицерковных репрессий, развернувшихся после появления Декларации. Исследования биографий жертв репрессий раскрыли причины неоднозначного отношения многих авторитетных иерархов к личности и легитимности Сергия. Легитимным главой Церкви в период с 1925 по 1937 г., до своего расстрела, был находившийся в тюрьме митрополит Петр (Полянский), имевший учрежденный предшественником – патриархом Тихоном – статус одного из троих местоблюстителей (иерархов, исполняющих функции главы Церкви до созыва Собора для выборов патриарха; наличие троих кандидатов страховало Церковь на случай ареста любого из них). Отправляясь в тюрьму, он оставил Сергия в качестве своего заместителя. В 1990-е годы были опубликованы письма – свидетельства несогласия местоблюстителя не с тезисами Декларации 1927 г. (лейтмотив которой – лояльность государству – он разделял), а с последующей политикой Сергия, состоявшей в выполнении всех требований власти, нравственно неприемлемых для многих священнослужителей и мирян. Местоблюститель просил его вернуться к прежнему, не вызывающему столько разногласий и возмущения курсу, но никаких рычагов воздействия на него из тюрьмы он не имел [Петр, митр. 1994, с. 681].

До открытия этих фактов поведение несогласных с курсом церковного управления в 1920–1930-х годах клириков и мирян в РПЦ квалифицировали как раскол, поскольку Сергий подвергал их санкциям. Открытые архивные документы репрессированных церковнослужителей: их письма, протоколы допросов, иные свидетельства их жизни и гибели, независимо от принятия или непринятия ими позиции компромисса с властью и курса Сергия, интерпретировались как максимально возможная нравственная высота, сохраненная ценой страданий и самой жизни. Именно к таким феноменам Церковью

тысячелетиями было принято применять такие характеристики, как подвиг и служение. Архиерейским собором РПЦ 2000 г. многие жертвы репрессий, и согласные, и не согласные с действиями Сергия, были канонизированы как «новомученики и исповедники российские». К деятельности же самого Сергия такие оценки в тот период не применялись.

Приверженность выбранной в 1991 г. новой интерпретации прошлого подтвердил Архиерейский собор 2004 г. Тогда митрополит Смоленский Кирилл (Гундяев) в докладе заявил, что «свободный голос Церкви дает возможность взглянуть по-новому на "Декларацию"» и что курс отношения к государству, избранный в 1927 г., «не соответствует норме церковно-государственных отношений», а «эпохе церковной несвободы пришел конец». Он акцентировал внимание на согласии Церкви со святостью оппонентов автора Декларации: «Следует отметить, что среди прославленных новомучеников – многие из тех, кто не разделял церковно-политический курс митрополита, а впоследствии Святейшего Патриарха Сергия». Далее митрополит Кирилл специально процитировал интервью Алексия II газете «Известия» 1991 г., подтверждая солидарность с позицией относительно взаимоотношений Церкви и власти, в том числе и в демократическом обществе [Доклад митрополита 2008 b].

В процессе начавшихся в 2000-е годы переговоров об объединении РПЦ с РПЦЗ появилось совместное заявление обеих церквей, анализирующее причины, препятствующие объединению, а также совместное заявление, что «православные христиане пришли к ясному пониманию недопустимости абсолютизации государственной власти, что временная власть государства признается ценной в той мере, в какой его сила используется для поддержания добра и ограничения зла». Относительно прошлого признавалось, что компромисс с властью – не уникальное явление в истории христианской церкви в условиях гонений, но при этом «ни люди, шедшие на компромиссы ради сохранения легального существования Церкви, ни, конечно же, те, кто не соглашался с такой политикой, не считали путь компромиссов нормальным, единственным и естественным для Церкви Христовой» [Документы 2005].

Отдельный «Комментарий» к совместному документу комиссий РПЦ и РПЗЦ «Об отношениях Церкви и государства» констатирует, что Декларация не улучшила, а ухудшила положение Церкви тем, что она, во-первых, «внесла жестокое разделение в среду церковного народа, а во-вторых, на допросах оппонентов митрополита Сергия гонители Церкви ссылались на нее для выдвижения обвинений». Однако выделен пункт о том, что «критическая оценка упомянутого документа не означает осуждения Святейшего Патриарха Сергия, не выражает желания омрачить его образ и умалить подвиг его Первосвятительского служения в тяжелейшие годы существования Церкви

в Советском Союзе» [Комментарий 2005]. Это, на наш взгляд, отразило намечавшийся пересмотр политики памяти РПЦ.

* * *

В 2007 г. начинаются коммеморации РПЦ, посвященные персонально Сергию. Они были связаны со 140-летием со дня его рождения: в Арзамасе была произведена торжественная закладка камня на месте будущего памятника. Памятные мероприятия стали проводить с участием светских властей. В дискурсе этих мероприятий наметилась новая тенденция: рассматривать Сергия не столько как автора Декларации, сколько как патриота, своими воззваниями вдохновлявшего народ на борьбу с фашизмом.

Эта часть биографии митрополита хронологически была далека от его решений 1920–1930-х годов, ставших для многих камнем преткновения. Ранее ее рассматривали в контексте либо изучения темы «Церковь и Великая Отечественная война», либо разных позиций представителей расколотой русской церкви в период Второй мировой войны. Но теперь патриотическая позиция митрополита превращает его из автора Декларации в деятеля, внесшего как духовный (молитвенный, проповеднический), так и материальный (сбор средств верующих на нужды фронта, снаряжение танковой колонны) вклад Церкви в великую победу над фашизмом. Нравственность выбора митрополита позволили ему подняться над справедливой обидой Церкви на советское государство за гонения, руководствоваться чувством единства церковного пастыря с судьбой своей паствы – народа, которому выпали новые испытания. Таким образом, Сергий из символа сомнительного компромисса эпохи репрессий становится символом необходимого союза Церкви и власти перед лицом внешней угрозы.

В 2013 г. РПЦ провела новую череду коммеморций, связанных с празднованием 70-летия занятия митрополитом патриаршей кафедры. Патриарх Кирилл посвящает личности Сергия значительную часть своей проповеди в День памяти св. князя Александра Невского [Слово Святейшего патриарха Кирилла 2013]. Он сравнивает с Александром Невским патриарха Тихона, Николая Второго и Сергия, причем испытания последнего (скончавшегося своей смертью в почетном статусе патриарха) отмечены как «особенно тяжелые». Это сравнение, на наш взгляд, выполняет роль символического включения Сергия в ряд канонизированных политических (Александр Невский, Николай II) и церковных (патриарх Тихон) деятелей, которые, несмотря на их неоднозначные, с точки зрения современников, решения, впоследствии были причислены к лику святых. Впервые с церковной трибуны его называют спасителем Церкви. В 2014 г. продолжались коммеморации, теперь по поводу 70-летия со дня его кончины.

В частности, были опубликованы комментарии тогдашнего главы Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерея Вс. Чаплина, который писал, что Сергий «мудрейший церковный деятель, в высшей степени просвещенный, умевший в диаметрально разных политических обстоятельствах сохранять верность Христу, верность Церкви, независимость ума, способность говорить с сильными мира сего без потери подлинно христианского этоса» [РПЦ вспоминает 2014].

В 2015 г. патриарх Кирилл открыл монумент-стеллу памяти Сергия в Ульяновске, где последний некоторое время жил и работал в эвакуации во время войны. В 2016 г. опубликовано интервью заместителя председателя синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, профессора МГУ А.В. Щипкова [Щипков 2016]. Фигура патриарха, по его мнению, является символическим звеном, объединяющим в единое целое Церковь дореволюционную и послереволюционную.

В 2017 г. ревизия политики памяти закрепляется коммеморацией Декларации 1927 г. Пересматривается прежнее негативное отношение к ней. 29 июля 2017 г., на заседании Священного синода, патриарх Кирилл торжественно сообщил, что это – день 90-летия известной декларации митрополита Сергия. Кирилл уточнил обновленную позицию современного руководства РПЦ, приведя ряд аргументов в обоснование ее необходимости: а) «отсутствие легального существования Церкви в России могло привести вообще к полному уничтожению христианства в стране»; б) «митрополит Сергий пошел на этот шаг (никоим образом не нарушая ни догматики, ни канонов) для того, чтобы создать предпосылки для развития отношений с государством и укрепления положения Церкви в тогдашнем Советском Союзе»; в) «мы вспоминаем сегодняшнюю дату с благодарностью к нашим отцам, дедам, ко всем тем, кто отстоял Православие в России и сохранил преемство, в том числе апостольское, иерархическое преемство в нашей Церкви» [Святейший патриарх Кирилл 2017].

Снова состоялся ряд торжественных мероприятий, приуроченных теперь к 150-летию со дня рождения Сергия. 13 августа 2017 г. патриарх Кирилл принял участие в церемонии открытия памятника в Арзамасе. Отождествляя современную церковь с последователями Сергия, а его критиков с врагами православия, он использовал выражение «мы благодарим Господа за то, что в тяжелейшие годы нашей национальной истории Он даровал нам такого духовного вождя» [Слово Святейшего Патриарха Кирилла 2017].

В 2019 г. поводом коммеморации стало 75-летие со дня кончины Сергия. В приуроченной к событию речи митрополит Ювеналий подтвердил верность РПЦ курсу, выбранному Сергием: он «научил нас в любых обстоятельствах любить Церковь Христову и свое Отечество» [Доклад митрополита 2008].

* * *

Таким образом, события прошлого используются РПЦ в качестве ресурса в проведении ее символической церковной политики. Первый условный период этой политики – с 1991 по 2007 г. – можно охарактеризовать как время размежевания Церкви с властью и государством, вызванного демократизацией и многочисленными разоблачительными публикациями о репрессиях, породившими соответствующую реакцию общества. Сергия – церковного деятеля, нашедшего общий язык с властью, не осуждали, но сложившаяся при его участии практика церковного управления признавалась не соответствующей церковной норме. В 2007 г. была пересмотрена политика памяти РПЦ, смягчена интерпретация исторического материала. Положительно оценивая выбор Сергия в пользу единства Церкви с народом и властью в период войны, церковное руководство перенесло понятие верности этого выбора на всю его политику, включая компромисс с властью в 1927 г. Совместные церковно-светские коммеморации, утверждающие в общественном мнении новый подход, сформировали из Сергия символическую фигуру с мифологическими свойствами, так что сомневаться в его подкрепленной авторитетом Церкви святости сложно даже без официальной канонизации. Предпринятый РПЦ пересмотр церковной политики памяти свидетельствует о востребованности государством, обществом и Церковью таких символических фигур, которые консолидировали бы общество, опираясь на события, связанные с Великой Отечественной войной и победой над фашизмом. Достижению этой цели способствует отказ РПЦ от прежних оценок и проводимая ею ныне политика памяти.

Библиография

Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых, на Архиерейском Соборе 2008 г. // Русская Православная Церковь: официальный сайт. 2008 a. 9 июня. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/422558.html (дата обращения: 02.12.2019).

Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, по вопросам взаимоотношений с Русской Зарубежной Церковью и старообрядчеством на Архиерейском Соборе 2004 г. // Русская Православная Церковь: официальный сайт. 2008 b. 9 июня. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/423152.html (дата обращения: 02.12.2019).

Документы, выработанные на совместных заседаниях Комиссии Московского Патриархата по диалогу с Русской Зарубежной Церковью и Комиссии Русской Зарубежной Церкви по переговорам с Московским Патриархатом // Русская Православная Церковь: официальный сайт. 2005. 21 июня. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/26058.html (дата обращения: 10.11.2019).

Комментарий к совместному документу Комиссий Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви «Об отношениях Церкви и государства» // Русская Православная Церковь:

официальный сайт. 2005. 21 июня. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/26049.html (дата обращения: 10.11.2019).

Морозов О. Легенды и мифы российской истории: историческая политика руководства Русской православной церкви в начале XXI в. // Монтаж и демонтаж секулярного мира. М.: РОССПЭН, 2014. С. 255–322.

Петр, митр. Письмо Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому) // Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 681–682.

Пинюгина Е.В. Русская православная церковь и осмысление российской истории XX века. Часть 1 // Символическая политика. 2015. Вып. 3. С. 236–255.

Принимаю ответственность за все, что было. Интервью Патриарха Алексия II газете «Известия» 10 июня 1991 года // Журнал Московской патриархии. 1991. № 10. С. 5–10.

Рогозный П. Православная церковь и русская революция. Очерки истории. 1917–1920. М.: Издательство «Весь Мир», 2018. 304 с.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви. М.: Индрик, 2006. 504 с.

РПЦ вспоминает патриарха Сергия, скончавшегося 70 лет назад // РИА Новости. 2014. 15 мая. URL: https://ria.ru/20140515/1007813521.html (дата обращения: 02.12.2019.)

Святейший Патриарх Кирилл возглавил очередное заседание Священного Синода в Санкт-Петербурге // Русская Православная Церковь: официальный сайт. 2017. 29 июля. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4971349.html (дата обращения: 20.11.2019).

Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день памяти святого благоверного князя Александра Невского в Троицком Александро-Невском ставропигиальном монастыре в Акатово // Русская Православная Церковь: официальный сайт. 2013. 6 декабря. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3421490.html (дата обращения: 20.11.2019).

Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Литургии в Воскресенском кафедральном соборе Арзамаса // Русская Православная Церковь: официальный сайт. 2017. 13 августа. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4982452.html (дата обращения: 20.11.2019).

Филатов С.Б. Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности. РПЦ после осени 2011 г. // Монтаж и демонтаж секулярного мира. М.: Московский Центр Карнеги, 2014. С. 9–41.

Щипков А.В. Бессмертный полк – это мостик к национальной идее // РИА Новости. 2016. 5 апр. URL: https://ria.ru/20160405/1402315809.html

References

Doklad mitropolita Krutickogo i Kolomenskogo Juvenalija, predsedatelja Sinodal'noj komissii po kanonizacii svjatyh, na Arhierejskom Sobore 2008 g. [Report of Metropolitan of Krutitsy and Kolomna Juvenaly, chairman of the Synodal Commission for the Canonization of Saints, at the Council of Bishops 2008]. Russian Orthodox Church: Official Website. 2008 a. June 9. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/422558.html (date of access: 02.12.2019). (In Russ.)

Doklad mitropolita Smolenskogo i Kaliningradskogo Kirilla, predsedatelja Otdela vneshnih cerkovnyh svjazej Moskovskogo Patriarhata, po voprosam vzaimootnoshenij s Russkoj Zarubezhnoj Cerkov'ju i staroobrjadchestvom na Arhierejskom Sobore 2004 g. [Report by Metropolitan of Smolensk and Kaliningrad Kirill, chairman of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate, on relations with the Russian Church Abroad and the Old Believerry at the

Council of Bishops 2004]. Russian Orthodox Church: Official Website. 2008 b. June 9. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/423152.html (date of access: 05.12.2019). (In Russ.)

Dokumenty, vyrabotannye na sovmestnyh zasedanijah Komissii Moskovskogo Patriarhata po dialogu s Russkoj Zarubezhnoj Cerkov'ju i Komissii Russkoj Zarubezhnoj Cerkvi po peregovoram s Moskovskim Patriarhatom. [Documents developed at joint meetings of the Moscow Patriarchate Commission for dialogue with the Russian Church Abroad and the Commission of the Russian Church Abroad for negotiations with the Moscow Patriarchate]. Russian Orthodox Church: Official Website. 2005. June 21. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/26058.html (date of access: 10.11.2019). (In Russ.)

Filatov C.B. Russkoe pravoslavie, obshhestvo i vlast' vo vremena politicheskoj turbulentnosti. RPC posle oseni 2011 g. Montazh i demontazh sekuljarnogo mira [Russian Orthodoxy, society and power in times of political turbulence. Russian Orthodox Church after autumn 2011. Installation and dismantling of the secular world]. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2014. P. 9–41. (In Russ.)

Kommentarij k sovmestnomu dokumentu Komissij Moskovskogo Patriarhata i Russkoj Zarubezhnoj Cerkvi «Ob otnoshenijah Cerkvi i gosudarstva». [Commentary on the joint document of the Moscow Patriarchate Commission and the Russian Church Abroad «On relations between church and state»]. Russian Orthodox Church: Official Website. 2005. June 21. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/26049.html (date of access: 10.11.2019). (In Russ.)

Morozov O. Legendy i mify rossijskoj istorii: istoricheskaja politika rukovodstva Russkoj pravoslavnoj cerkvi v nachale XXI v. Montazh i demontazh sekuljarnogo mira [Legends and myths of the Russian history: historical policy of the Russian Orthodox Church leadership in the beginning of the XXI century. Installation and dismantling of the secular world]. Moscow: ROSSPEN, 2014. P. 255–322. (In Russ.)

Petr, mitr. Pis'mo Patriarshego Mestobljustitelja mitropolita Krutickogo Petra (Poljanskogo) Zamestitelju Patriarshego Mestobljustitelja mitropolitu Nizhegorodskomu Sergiju (Stragorodskomu). Akty svjatejshego patriarh Tihona i pozdnejshie dokumenty o preemstve vysshej cerkovnoj vlasti. 1917–1943 gg. [Peter, Metropolitan. Letter from the Patriarchal Locum Tenens to Metropolitan Krutitsky Peter (Polyansky) to the Deputy Patriarchal Locum Tenens to Metropolitan Sergei (Stragorodsky). Acts of His Holiness Patriarch Tikhon and later documents on the succession of the highest church authority. 1917–1943]. Moscow: Publishing House of the Orthodox Svyato-Tikhonovsky Theological Institute, 1994. P. 681–682. (In Russ.)

Pinjugina E.V. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i osmyslenie rossijskoj istorii XX veka. Chast' 1. Simvolicheskaja politika [Russian Orthodox Church and reflection on the Russian history of the XX century. Part 1. Symbolic policy]. 2015. Vol. 3. P. 236–255. (In Russ.)

Prinimaju otvetstvennost' za vse, chto bylo. Interv'ju Patriarha Aleksija II gazete «Izvestija» 10 ijunja 1991 goda. Zhurnal Moskovskoj patriarhii [I take responsibility for everything that happened. Interview of Patriarch Alexy II to the newspaper «Izvestia» June 10, 1991. Journal of the Moscow Patriarchate]. 1991. N 10. P. 5–10. (In Russ.)

Rogoznyj P. Pravoslavnaja cerkov' i russkaja revoljucija. Ocherki istorii [The Orthodox Church and the Russian Revolution. Essays on history]. 1917–1920. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2018. 304 p. (In Russ.)

Rossijskoe duhovenstvo i sverzhenie monarhii v 1917 godu. Materialy i arhivnye dokumenty po istorii Russkoj pravoslavnoj cerkvi [Russian clergy and the overthrow of the monarchy in 1917. Materials and archival documents on the history of the Russian Orthodox Church]. Moscow: Indrik, 2006. 504 p. (In Russ.)

RPC vspominaet patriarha Sergija, skonchavshegosja 70 let nazad [The Russian Orthodox Church remembers Patriarch Sergei, who died 70 years ago]. RIA News. 2014. May 15. URL: https://ria.ru/20140515/1007813521.html (date of access: 02.12.2019). (In Russ.)

Shhipkov A.V. Bessmertnyj polk – jeto mostik k nacional'noj idee [The Immortal Regiment is a bridge to the national idea] // RIA News. 2016. Apr. 5. URL: https://ria.ru/20160405/1402315809.html (date of access: 22.11.2019). (In Russ.)

Slovo Svjatejshego Patriarha Kirilla posle Liturgii v Voskresenskom kafedral'nom sobore Arzamasa. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov': oficial'nyj sajt [Word of His Holiness Patriarch Kirill after the Liturgy in the Sunday Cathedral of Arzamas]. Russian Orthodox Church: Official Website. 2017. Aug. 13. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4982452.html (date of access: 20.11.2019). (In Russ.)

Slovo Svjatejshego Patriarha Kirilla v den' pamjati svjatogo blagovernogo knjazja Aleksandra Nevskogo v Troickom Aleksandro-Nevskom stavropigial'nom monastyre v Akatovo [Word of His Holiness Patriarch Kirill on the day of memory of St. Blessed Prince Alexander Nevsky in Trinity Alexander Nevsky stavropigial monastery in Akatovo]. Russian Orthodox Church: Official Website. 2013. Dec. 6. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3421490.html (date of access: 20.11.2019). (In Russ.)

Svjatejshij Patriarh Kirill vozglavil ocherednoe zasedanie Svjashhennogo Sinoda v Sankt-Peterburge [His Holiness Patriarch Kirill headed a regular meeting of the Holy Synod in St. Petersburg]. Russian Orthodox Church: Official Website. 2017. June 29. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4971349.html (date of access: 20.11.2019). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.04

Н.Ю. Лапина

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ВСТУПЛЕНИЯ В ГЛОБАЛИЗАЦИЮ

Аннотация. *Сценарии включения стран в глобальную экономику различаются. Одни страны вошли в нее на своих собственных условиях, последовательно отстаивая свои национальные интересы. Другие принимали принципы свободного обмена товарами, капиталами, рабочей силой, как оказалось позже, отчасти в ущерб собственным интересам. Национальные модели включения в глобальную экономику зависели от предыдущего исторического опыта, традиций, сложившихся в стране институтов и практик. Первоначально считалось, что глобализация сделает страны и народы богатыми и счастливыми. По прошествии времени стало очевидно, что «счастливая глобализация» – это неосуществившаяся мечта. Когда в начале 1990-х годов нобелевский лауреат Дж. Стиглиц писал, что глобализация не принесла пользы значительной части мира, он имел в виду развивающиеся и бывшие социалистические страны. С 2000-х годов неблагоприятные тенденции проявились в странах с развитой экономикой. В них росло социальное неравенство, происходили изменения на рынке труда, возникли новые неустойчивые формы занятости. Глобализация вызывает всё больше вопросов у аналитиков и политиков. Однако простого выхода из нее не существует.*

Ключевые слова: *глобализация; национальная модель; социальный конфликт; движение «желтых жилетов»; Китай; Индия; Франция; Канада.*

Лапина Наталия Юрьевна – доктор политических наук,
главный научный сотрудник, Институт научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Россия, Москва.
E-mail: lapina@inion.ru
Web of Science Researcher ID: AAH-6521–2020;
Scopus Author ID: 36711863700

Lapina N.Yu. National Entry Models to Globalization

Abstract. *The scenarios for including different countries in the global economy vary. Some countries entered it on their own terms, consistently defending their national interests. Others accepted the principles of a free exchange of goods, capital, and labor, as it turned out later, partly to the detriment of their own interests. National models of inclusion in the global economy depended on previous historical experience, traditions,*

established institutions and practices typical to the country under question. Initially, it was believed that globalization would make countries and peoples rich and happy. Over time, it's become apparent that the «happy globalization» has turned out to be an unfulfilled dream. When in the early 1990s, the Nobel laureate J. Stiglitz wrote that globalization had not benefited a sizable part of the world, what he had in mind were developing and former socialist countries. Since the 2000s, however, negative trends have emerged in advanced economies. They witnessed a sharp increase in social inequality as well as adverse changes in the labor market. Today, globalization poses many questions to analysts and politicians. But the answers are not at all clear.

Keywords: *globalization; national model; social conflict; the movement of «yellow vests»; China; India; France; Canada.*

Lapina Natalia Yur'evna – Doctor of Political Sciences,
Principal Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: lapina@inion.ru
Web of Science Researcher ID: AAH-6521–2020;
Scopus Author ID: 36711863700

Когда в 1980-е годы мир вступил в фазу экономической глобализации, в аналитическом сообществе распространение получила теория конвергенции. Предполагалось, что в глобальном мире сформируется универсальная модель ведения хозяйства[1]. Однако опыт вхождения различных стран в глобальную систему свидетельствовал о том, что унификации способов социально-экономического регулирования не происходит. Институты и правила, исторические традиции, общественные настроения настолько различаются, что можно говорить о национальных моделях вхождения в глобализацию.

Употребляя понятие «национальная модель», мы хорошо понимаем ограниченность этого термина, поскольку сегодня вряд ли можно говорить о завершенных и окончательно сформировавшихся «моделях» вступления отдельных стран и национальных сообществ в мир-экономику, поскольку процесс глобализации развивается, и на этом пути возникают всё новые и новые зигзаги, повороты, отступления. В этих условиях отдельным странам и их объединениям приходится приспосабливаться к новым условиям, изменять экономическую и финансовую политику, модернизировать институты и правила.

Глобальное экономическое пространство формировалось волнообразно, за периодами «открытости» следовали периоды «закрытости» [Guillochon 2018]. Миф о едином экономическом пространстве, в котором национальная

1. Теория конвергенции пользуется популярностью и сегодня. См.: [Гринспен, 2015; Djelic, 2000; Марцинкевич, 2010].

специфика растворяется, не соответствует действительности, писал французский экономист Р. Буайе. Вместо универсальной модели в мире возникает «новое многообразие» [Boyer 1998; Mondialisation 2001].

Высказывалась и другая точка зрения. Ее сторонники полагали, что глобализация развивается по центро-периферийной схеме в направлении от наиболее развитых стран к развивающимся. «Иллюзорное единение мира определяется усилиями развитых стран, в то время как активность третьего мира проявляется лишь в <…> банальной миграции населения "периферии" в страны "центра"», – писал В.Л. Иноземцев [Иноземцев 2003]. Мысль о глобализации как об однонаправленном процессе также не подтвердилась. Отдельные страны «периферии», которым первоначально уготавливалось место индустриальных площадок и «сборочных цехов», в начале XXI в. вырвались вперед, превратившись в индустриально-развитые экономики, претендующие – как в случае с Китаем – на глобальное лидерство. Причем Китай, Индия, «молодые тигры» Юго-Восточной Азии вошли в глобальную экономику на своих собственных условиях и не собираются отказываться от национальных интересов.

Были и другие иллюзии, связанные с глобализацией. Сторонники идеи «счастливой глобализации» полагали, что новый открытый мир сделает страны и народы благополучными. «Островки счастья» существуют, и одним из таких примеров на сегодняшний день может считаться Канада. Однако это большая редкость. В глобальном мире растет поляризация: между богатыми и бедными странами, внутри отдельных стран между теми, кто «вписался» в глобальную экономику, и теми, кто остался за ее пределами. Еще в начале 1990-х годов американский экономист Р. Райх писал о том, что растущее неравенство составляет важнейшую угрозу национальной безопасности. В настоящее время эта проблема остро встает во многих странах, где неравный доступ граждан к материальным, культурным, социальным ресурсам вызывает неприятие части общества и массовые протесты.

Именно так события развивались во Франции. Страна больше года (2018–2019) была охвачена мощным протестным движением «желтых жилетов». «Желтые жилеты» – это жители французской провинции, где в последние десятилетия были закрыты тысячи предприятий. Эти люди потеряли хорошо оплачиваемую работу в индустрии и вынуждены перейти в сферу торговли и услуг с негарантированными условиями занятости. На французском примере отчетливо видно, как глобализация ломает традиционную социальную структуру и выводит на улицу новых социальных акторов. Эти люди до недавних пор молчали, несмотря на ухудшающееся социально-экономическое положение своих семей и отсутствие перспектив для детей. Но дальше мириться с этим не желают.

Опыт ФРГ отличается от французского. О Германии принято говорить как о стране, удачно вписавшейся в глобальную экономику. Однако при этом забывают о восточных землях, которые в результате объединения практически утратили свой промышленный потенциал, где растет безработица, высокий процент населения живет за счет социальных пособий. Восточные земли ФРГ так и не превратились в «цветущие ландшафты», о которых говорил Г. Коль. Здесь не было массовых протестов, подобных французским. Зато в последние годы все чаще восточные немцы голосуют за праворадикальную партию «Альтернатива для Германии».

Мир стремительно меняется, международная конкуренция нарастает, число субъектов, участвующих в международных процессах и претендующих на влияние в глобальном мире, неуклонно растет. Тем не менее глобализация переживает непростые времена. Санкции, торговые войны, высокие тарифы ограничили свободу товарного обмена, способствовали возникновению недоверия между бывшими партнерами. Турбулентность и кризисные явления в мировой экономике нарастают, а механизмы их сдерживания практически отсутствуют.

В начале 2020 г. глобализация стала заложницей коронавируса. Возникшее в Китае заболевание быстро распространилось по планете. Многие страны закрыли свои границы, вводили карантин, ограничили передвижение граждан. Мы не можем предсказать, как процессы глобализации будут развиваться. Однако очевидно, что простого выхода из глобализации не существует.

Библиография

Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М.: Альпина Паблишер, 2015. 880 с.

Иноземцев В.Л. Глобализация и неравенство: Что – причина, что – следствие? // Россия в современной политике. 2003. № 1. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_448 (дата обращения: 15.03.2020).

Марцинкевич В.И. Социально-экономическая модель США: Особенности и глобальная роль // США в поисках ответов на вызовы XXI века (социально-экономические аспекты) / Под. ред. Э.В. Кириченко. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 262–290.

Boyer R. Heures et malheurs de l'industrie française: 1945–1995. Essor et crise d'une variante étatique du modèle fordiste. P.: CEPREMAP, 1998. 39 p. (CEPREMAP Working papers; 9805).

Djelic M.-L. Le capitalisme américain est un accident de l'histoire: Interview de F. Roche, P.-M. Deschamps, E. Lechypre // Express. P., 2000. 21 déc. URL: lexpansion.lexpress.fr/actualite-economique/marie-laure-djelic-le-capitlalisme-americain-est-un-accident-de-l-histoire_1337629.html (дата обращения: 15.03.2020).

Guillochon B. La démondialisation: Fantasme ou réalité? // Les cahiers français. P., 2018. N 407. P. 88–97.

Mondialisation et régulations. Europe et Japon face à la singularité américaine / Sous la dir. de R. Boyer et H.-F. Souyri. P.: La Découverte, 2001. 180 p.

References

Boyer R. Heures et malheurs de l'industrie française: 1945–1995. Essor et crise d'une variante étatique du modèle fordiste. P.: CEPREMAP, 1998. 39 p. (CEPREMAP Working papers; 9805).

Djelic M.-L. Le capitalisme américain est un accident de l'histoire: Interview de F. Roche, P.-M. Deschamps, E. Lechypre. Express. P., 2000. 21 déc. URL: lexpansion.lexpress.fr/actualite-economique/marie-laure-djelic-le-capitlalisme-americain-est-un-accident-de-l-histoire_1337629.html (date of access: 15.03.2020).

Grinspen A. Jepoha potrjasenij. Problemy i perspektivy mirovoj finansovoj sistemy [An era of turmoil. Problems and prospects of the world financial system]. Moscow: Al'pina Pablisher, 2015. 880 p. (In Russ.)

Guillochon B. La démondialisation: Fantasme ou réalité? Les cahiers français. P., 2018. N 407. P. 88–97.

Inozemcev V.L. Globalizacija i neravenstvo: Chto – prichina, chto – sledstvie? Rossija v sovremennoj politike [Globalization and inequality: What is the cause, what is the consequence? Russia in Modern Politics]. Moscow, 2003. N 1. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_448 (date of access: 15.03.2020). (In Russ.)

Marcinkevich V.I. Social'no-jekonomicheskaja model' SShA: Osobennosti i global'naja rol'. SShA v poiskah otvetov na vyzovy XXI veka (social'no-jekonomicheskie aspekty) / Pod. red. Je.V. Kirichenko [Socio-economic model of the USA: Peculiarities and global role (in Russian). USA in search of answers to the XXI century challenges (socio-economic aspects) / Edited by E.V. Kirichenko]. Moscow: IMEMO RAN, 2010. P. 262–290. (In Russ.)

Mondialisation et régulations. Europe et Japon face à la singularité américaine / Sous la dir. de R. Boyer et H.-F. Souyri. P.: La Découverte, 2001. 180 p.

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.05

Веркёй Ж.

ПОНЯТЬ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ*

Аннотация. *По мере распространения по всему миру современный капитализм трансформировался и финансиализировался. Эти процессы привели к формированию различных научных нормативных подходов к оценке явления, которое обычно называют «глобализацией». В статье подвергаются критическому анализу два классических подхода к современной глобализации. Первый получил во Франции название «счастливая глобализация». Его представители, ссылаясь на авторов либерального направления, утверждают, что мировая экономическая интеграция в конечном итоге ведет к процветанию для всех при условии гарантированной свободной конкуренции. Второй подход содержит пророчество о «деглобализации» и предсказывает, что глобализация неизбежно будет устранена в результате народного недовольства, вызванного ростом неравенства.*

В статье анализируются работы, которые иллюстрируют эти два подхода к глобализации, и сформулированы взгляды автора на этот процесс. Поскольку глобализация является противоречивым и нередко конфликтным процессом, мы убеждены, что еще слишком рано говорить о том, что она подошла к концу. В статье предложены сценарии, описывающие альтернативные пути развития глобализации. Наихудший из возможных сценариев – сценарий «Взрыва». Он предполагает отход от политики скоординированных решений в сфере глобальной экономики и может привести к экономическому, политическому и социальному обострению в масштабах планеты. Второй сценарий – «Регулирование» предполагает реформирование существующих институтов (МВФ, ВТО) и формирование новых устойчивых механизмов международного сотрудничества. Третий сценарий – «Регионализация» предусматривает реструктуризацию экономической активности вокруг крупных региональных полюсов. В этом случае международное сотрудничество будет развиваться на региональном уровне.

** Настоящая статья является продолжением и развитием работы «Перевоплощения глобализации. Заметки о четырех вероятных сценариях» [Vercueil 2019]. Редакция выражает признательность Ирине Георгиевне Животовской за помощь в уточнении перевода статьи на русский язык.*

Ключевые слова: *глобализация; недовольство; «счастливая глобализация»; «деглобализация»; сценарный метод; регулирование; регионализация.*

Веркёй Жюльен – доктор экономических наук,
профессор экономики, вице-президент Национального института
восточных языков и цивилизаций (INALCO), Франция, Париж.
E-mail: julien.vercueil@inalco.fr
Scopus Author ID: 36712657200

Vercueil J. To Understand the Changes in Modern Globalization: Economic Outlook

Abstract. *During its process of extension throughout the world, modern capitalism has been transformed and financialised, provoking diverse normative stances among scholars about what is commonly called «globalisation». The article aims at challenging two classical views about modern globalisation: the first one has been called «happy globalisation» in France. Referencing itself to liberal authors who have been prolific on the subject, it argues that world economic integration is ultimately leading to prosperity for all, provided free competition is guaranteed. The other, opposite view is structured around the prophecy of «de-globalisation», predicting that globalisation is bound to be reversed by popular discontent fuelled by inequalities.*

The article analyzes the works that illustrate these two normative approaches to globalization, and formulates the author's views on this process. Since globalization is a contradictory and often conflictual process, we contend that it is too early to say that globalisation has come to an end. The article suggests scenarios that describe alternative ways of globalization development. The worst possible scenario is the «Explosion» scenario. It implies a departure from the policy of coordinated decisions in the global economy and can lead to economic, political and social aggravation on a global scale. The second scenario – «Regulation» involves the reform of existing institutions (IMF, WTO) and the formation of new sustainable mechanisms for international cooperation. The third scenario – «Regionalization» provides for the restructuring of economic activity around large regional poles. In this case, international cooperation will develop at the regional level.

Keywords: *globalisation; discontent; «happy globalisation»; «de-globalisation»; scenario method; regulation; regionalization.*

Vercueil Julien – Ph.D, Professor of Economics,
Vice-president of National Institute of Eastern Languages
and Civilizations (INALCO), France, Paris.
E-mail: julien.vercueil@inalco.fr
Scopus Author ID: 36712657200

Труды Роберта Райха в начале 1990-х годов об изменениях, произошедших в обществе под воздействием глобализации, не стали первыми публикациями на эту тему. Однако в них впервые была выявлена тесная связь между

интернационализацией производства, организацией труда и радикальными изменениями в профессиональной структуре занятости, оплате труда работников и вытекающими отсюда социально-политическими последствиями [Reich 1993; оригинал в 1991]. Исследование Райха относится к периоду, когда начинался новый этап в развитии глобализации: падение Берлинской стены отнюдь не стало «концом истории» [Fukuyama 1992], но открыло новое пространство для современного капитализма от Праги до Владивостока. При этом Китай, размеры экономики которого на тот момент были сопоставимы с российскими, всё больше вовлекался в мировые потоки товарообмена, превратив свое участие в международной торговле в один из основных источников экономической экспансии.

Отмеченные изменения дали импульс превращению некогда экономически отсталых стран в центры организации и финансирования промышленного производства и способствовали распространению применительно к указанным странам термина «быстроразвивающиеся экономики» («économies émergentes»). Однако процесс не был равномерным. С распространением капитализма по всему миру шла его одновременная финансиализация, что порождало новые проблемы и противоречия. Результатом стали последовавшие один за другим финансовые кризисы: в 1995 г. в Мексике, в 1997 – в Южной и Восточной Азии, в 1998 – в России и Бразилии, в 2000 – в Аргентине, в 2001 г. – в Соединенных Штатах Америки и Европе, связанный с инвестициями в стартапы и новые технологии, затем – ипотечный кризис 2008 г. в США, повлекший за собой мировой финансовый кризис и «великую рецессию», наконец в 2011 г. – кризис суверенных долгов в зоне евро и т.д. Эти кризисы перемежались периодами значительного экономического роста, что вызывало геоэкономические потрясения, связанные с появлением новых региональных и мировых акторов, таких как страны БРИКС, которые требовали корректировки норм и правил с учетом изменений в процессе глобализации.

Противоречивый характер экспансии финансиализированного капитализма просматривался и в его внеэкономических последствиях: возрастании угроз для окружающей среды, потеплении климата, уменьшении биоразнообразия. Еще одним следствием распространения современного капитализма стало усиление неравенства, чему способствовала конкуренция национальных систем налогообложения [Piketty 2019]. В сочетании с еще одной ключевой составляющей современной глобализации – распространением новых способов коммуникации и социальных сетей – наблюдалось углубление неравенства, вызванное обогащением наиболее состоятельных слоев населения, несопоставимым с темпами экономического роста. Всё это усиливает недовольство значительной части населения на фоне уклонения от налогов и политического предательства элит, почти всегда связанного с коррупцией или хищением государственных средств. Чаще всего это характерно для автори-

тарных режимов. Социально-политические протесты против этих режимов, развернувшиеся практически по всему миру от Латинской Америки до Алжира, от Гонконга до Ливана и постсоветского пространства, систематически подавляются. Прежде они в ряде случаев завершались переходом к демократическому политическому устройству, что, впрочем, давалось непросто, как это было в Тунисе. В других случаях протесты заканчивались кровавыми гражданскими и военными кризисами, длящимися и по сей день (Ливия, Сирия).

Означают ли эти изменения, как утверждают некоторые авторы, завершение процесса глобализации или они являются одним из этапов в его развитии? Ответ на этот вопрос, очевидно, зависит от того, какое именно определение «глобализации» мы выбираем. Но в историческом понимании «длительного времени» (*temps long*) еще слишком рано, как нам представляется, говорить о «деглобализации».

В настоящее время наблюдается изменение характера международной торговли. Сокращение товарообмена может происходить, с одной стороны, из-за торговых конфликтов и протекционистских мер, исходящих от крупных субъектов мировой торговли, а с другой – из-за окончания периода высоких цен на сырье, имевшего место в 2000-е годы. В будущем указанные тенденции, возможно, получат дальнейшее развитие в связи с изменениями в структуре глобального спроса, которые наблюдаются сегодня в западных странах, что будет способствовать релокализации некоторых производств. Но каким бы неоднозначным и противоречивым ни был процесс глобализации, он тем не менее не остановился. Глобализация меняется под воздействием новых экономических, информационных, технологических и политических факторов. Основные изменения связаны, во-первых, с расширением доступа к цифровым технологиям населения планеты и, во-вторых, с экономическим подъемом ряда азиатских стран, особенно Китая. Кроме этого, глобализация трансформируется под воздействием кризисов, вызванных ее собственным развитием.

В статье рассматриваются недавно появившиеся в научной литературе интерпретации глобализации. Среди обширной литературы по данной теме мы выбрали несколько источников, представляющих разнообразные нормативные подходы к экономической глобализации, которые при всем своеобразии ви́дения форм и проявлений нацелены на выявление ее перспектив. Также мы представим собственный взгляд на глобализацию и три сценария регулирования международных связей, которые были впервые сформулированы автором в 2010 г. [Vercueil 2010–2015], а позже скорректированы с учетом новых данных.

1. Возобновление дискуссии о глобализации

В последние десятилетия два взаимоисключающих суждения поочередно давали пищу для дискуссий о глобализации. Первое, анонсировавшее «счастливую глобализацию», приписывало развитию международной торговли положительную ценность. Это суждение противостояло тезису о «деглобализации», в соответствии с которым невозможно продолжать интенсифицировать товарообмен. Сторонники «деглобализации» порой предрекали ликвидацию крупных объединений, основанных на принципе свободной торговли, таких, в частности, как Европейский союз. Представим две эти позиции, прежде чем перейти к их критическому анализу.

1.1. «Счастливая глобализация» и споры вокруг нее

В 1997 г. Ален Минк опубликовал во Франции книгу «Счастливая глобализация», в которой восхвалялось снижение торговых барьеров [Minc 1997]. Вписываясь в русло экономического либерализма применительно к международной торговле, данный труд воспроизводил классическую аргументацию в пользу принципа свободы. В нем говорилось, что разделение труда является источником повышения производительности труда, а значит доходов и благосостояния. Нет никаких оснований, писал автор, полагать, чтобы разделение труда ограничивалось рамками одной страны, особенно если она небольшая. Устранение барьеров для международной торговли представлялось необходимым условием роста производительности в мировых масштабах и распространения ее эффектов на уровень жизни и в конечном счете на благополучие граждан. Страны, наиболее продвинутые в плане либерализации экономики, должны были служить моделью для отстающих стран и распространять свои «правильные» нормативные и торговые практики с тем, чтобы в мире ширилось осознание преимуществ мировой торговли по мере увеличения числа ее участников. «Глобализации обменов, – писал Минк, – должна соответствовать интернационализация норм» [Minc 2001].

Однако азиатский кризис 1997–1998 гг., а затем мировой финансовый кризис из-за обвала в США ипотечных кредитов (2007–2008) выявили противоположную тенденцию. «Плохие практики» развитых стран распространились на страны с быстро развивающейся экономикой и развивающиеся страны, в полной мере испытавшие на себе последствия финансовой глобализации. С учетом порождаемых ею кризисов глобализация перестала выглядеть такой уж счастливой для всех, несмотря на речи в ее защиту [Krugman 1998].

Так же как аргументы в пользу либерализации торговли столкнулись в начале XIX в. с мощным противостоянием[1], так и концепция «счастливой глобализации» вызвала многочисленные возражения. Среди ее критиков один из наиболее влиятельных современных авторов – корейский экономист Ха-Джун Чанг [Chang H.-J 2002]. Тезис, который он отстаивает, частично совпадает с рассуждениями Листа. Он берет за основу анализ соглашений о свободной торговле, предложенных, а точнее навязанных, наиболее развитыми странами развивающимся странам. Создавая условия, невозможные для конкуренции местной промышленности, эти соглашения, по мнению автора, возводят непреодолимые преграды для развития стран с более низким уровнем индустриального развития. Как следствие, единственный способ вырваться из отсталости для них – это защитить свою экономику от конкуренции, либо отказавшись от соглашений о свободной торговле, либо обходя их. Чтобы актуализировать старое понятие «воспитательный протекционизм», разработанное Ф. Листом, автор приводит в качестве примера путь развития Южной Кореи, которая долго сохраняла протекционистские меры в отношении импорта продукции обрабатывающей промышленности и «открылась» для мирового рынка, лишь когда ее основные отрасли нарастили сравнительные преимущества, позволявшие им стать конкурентоспособными на мировом уровне.

1.2. От критики глобализации к «деглобализации»: Реванш суверенизма?

С начала 2000-х годов критический анализ глобализации сосредоточился на том, как организовать международную торговлю альтернативным образом. Уолден Белло, филиппинский социолог и активист, впервые в 2002 г. использовал термин «деглобализация» [Bello 2002]. Для «Центра по изучению глобальных проблем Юга» («Focus on the Global South») – организации, в которой У. Белло является одной из ключевых фигур, «деглобализация не является синонимом отказа от мировой экономики, а представляет собой процесс перестройки мировой политической и социальной системы таким образом, чтобы она способствовала укреплению и развитию локальных и национальных экономик, вместо того чтобы их разрушать. Деглобализация мировой экономики означает переход от экономики, сконцентрированной вокруг потребностей ТНК, к экономике, сконцентрированной вокруг потребностей народов, наций и сообществ» [Solón].

1. В середине XIX в. в этой роли выступил Фридрих Лист, немецкий националист, автор теории «воспитательного протекционизма» [List, 1842].

В современном дискурсе о деглобализации появились два новых фактора по сравнению с теми, о которых говорил в свое время Ф. Лист: социальный и экологический. Углубление неравенства и общее ухудшение состояния окружающей среды связывают с интенсификацией торговых обменов, а также с процессами разрушения и расхищения природных ресурсов. Некоторые авторы квалифицируют происходящее как «несчастливую глобализацию» [Guénolé 2016]. Этот подход подразумевает, что вследствие деглобализации процессы ухудшения состояния окружающей среды и роста неравенства можно будет приостановить.

Одновременно с высказываниями в пользу сжатия международного торгового обмена некоторые аналитики предрекают его сокращение, ссылаясь на кризисы, которые он провоцирует. Так, Жак Сапир в заключении к книге о деглобализации, опубликованной в 2011 г., утверждает: «Не исключено, что в ближайшие 20–30 лет мы станем свидетелями отступления глобализации, подобно тому, как море отступает при отливе» [Sapir 2011, p. 247]. Призывы к укреплению национального суверенитета получают всё больший общественный резонанс. Их месседж заключается в необходимости отказа от евро; осуществлении политики девальвации как средства повышения конкурентоспособности; возврате к контролю за движением капиталов; восстановлении тарифных барьеров по отношению к импортным товарам и проведении промышленной политики, основанной на национализации или на государственном контроле над основными национальными финансовыми учреждениями [Sapir 2011, p. 252–256]. Такого рода рекомендации во Франции, как и во многих европейских странах, встречают растущий отклик у представителей различных политических сил от крайне левых до крайне правых.

1.3. Два ограниченных подхода к глобализации

Оба подхода, идет ли речь об углублении глобализации или ее свертывании, не учитывают всех составляющих глобального феномена, каким является глобализация. Сосредоточившись на вопросах финансов и международной торговли и связанных с ними социальных и экологических проблемах, они недооценивают важнейший фактор, определяющий развитие нынешней глобализации: циркуляцию информации в глобальном мире. Воздействие информационного фактора на экономику и поведение людей мало или вообще не анализируется упомянутыми авторами.

А ведь изменения, вызванные глобализацией информации, затрагивают все сферы общественной жизни и практически все национальные сообщества. При этом они не ведут к «выравниванию» общественных потребностей, хотя и дают возможность различным национальным сообществам устанавливать прямые контакты и оказывать влияние друг на друга. Именно поэтому авто-

ритарные режимы в первую очередь ведут борьбу с распространением информации и с переменным успехом пытаются ее ограничить, как это показывает пример Ирана или Китая. Объединение сообществ в Сéти способствует тому, что всё большее число людей на планете осознает такие проблемы, как необходимость защищать личные и общественные свободы или недопустимость огромного неравенства доходов.

Взаимопроникновение индивидуальных и коллективных представлений сказывается на образе жизни. Несмотря на существенные различия, связанные с местом проживания и конкретными людьми, магистральная тенденция последних десятилетий – стремление всё большего числа людей достичь, хотя бы частично, уровня жизни и типа потребления средних классов, характерного для западных обществ. Это в первую очередь касается потребления продуктов питания. Как показывают исследования ФАО[2], в развивающихся странах урбанизация в сочетании с интенсификацией иностранных инвестиций и ростом импорта в эти страны ведет к изменению типов потребления продуктов питания подобно тому, как это происходило в прошлом в западных странах [Mendez, Popkin 2004]. Указанные выводы в целом справедливы и в отношении большей части расходов домохозяйств в странах с быстро развивающейся экономикой, где по мере роста реальных доходов населения меняется модель потребления в сторону увеличения расходов на потребительские товары, услуги, товары длительного пользования, инвестиции в недвижимость. Таким образом, в своем потребительском поведении домохозяйства стран Юга следуют той же стратегии, которая сложилась в странах Севера [Burger, Louw et al. 2014; Emerging Consumer 2017].

Эти явления объяснимы с точки зрения институциональной теории потребления Торстейна Веблена (1899), расширенной и модернизированной Джеймсом Дьюзенберри (1949). Структурные изменения в стилях потребления в указанных странах в результате сложного и порой противоречивого взаимодействия с политикой, а также из-за постоянного воздействия технологических инноваций могут самым непредсказуемым образом влиять на траектории социально-экономического развития.

А это означает, что анализ не может ограничиться ни принятием заклинаний, призывающих ко всё большему углублению глобализации, ни пророчествами urbi et orbi, предрекающими неизбежный крах международной торговли. Нынешняя форма глобализации обусловлена не только повышением производительности труда и инновациями, но и нормами потребления, что делает ее составной частью поведения людей в масштабах всей планеты. Таким образом, ни сама глобализация, ни силы, которые способствуют ее про-

2. ФАО – Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (Food and Agriculture Organization).

движению, не могут быть ни остановлены, ни ускорены или даже переориентированы по мановению руки того или иного руководителя.

2. Видимые изменения в процессе глобализации

Всемирная торговая организация для целей анализа развития мировой торговли использует как количественные, так и стоимостные показатели товарооборота. С 1950 г. объемы международной торговли возросли в 40 раз, а стоимость товарных сделок – в 300 раз. В период с 2006 г. и по настоящее время в результате международного финансового кризиса 2008 г. и экономической турбулентности 2015 г. в мировой торговле были отмечены серьезные колебания. Дважды был зафиксирован спад (в 2009 и в 2015–2016 гг.), что объяснялось снижением цен на энергоносители. Увеличение объема мировой торговли в 2019 г. прогнозировалось на уровне 2,6%, тогда как в 2018 г. этот показатель составил 3,8%, что превысило рост мирового ВВП за тот же период (2,6%) [Global trade 2019]. В таблице 1 представлены данные о развитии международной торговли в сопоставлении с другими экономическими показателями глобализации.

Таблица 1

ТОРГОВЫЕ ОБМЕНЫ В 2016 г. (100% = 2006 г.), в %

Торговля				*Финансовые потоки*	*Миграция населения, 2015*[a]	*Денежные переводы*	*Электронный обмен данными, 2014*
Сырье	*Товары*	*Сельхоз. продукция*	*Услуги*				
90	125	170	166	250	127	175	3153

[a]: 100% = 2005 г.

Источник: Подсчеты проведены автором на основе данных, представленных: Organisation des Nations Unies, Banque Mondiale, Mc Kinsey Global Institute, 2016.

За исключением торговли сырьем международные торговые потоки с 2006 г. возрастали. Наименьшее увеличение касалось товаров и миграции населения, но оба показателя всё же показывали рост в 25% или более. Рост торговли услугами, сельскохозяйственными товарами и увеличение объема денежных переводов произошел от 66 до 75%. По-прежнему бурно развивался обмен информацией, особенно в электронной форме (пропускная способность каналов передачи международных электронных данных увеличилась в 32 раза с 2006 по 2014 г.).

Интенсификация глобализации сопровождалась повышением среднего уровня доходов на душу населения в мире (в долларах по паритету покупа-

тельной способности) с 10 906 долл. в 2006 г. до 16 234 долл. в 2016 г. (49%). Конечно, рост доходов нельзя отнести лишь на счет международной торговли, поскольку между производством и торговлей существует как прямая, так и обратная причинная связь. К тому же финансиализированный характер этого роста порождает нестабильность, о чем свидетельствуют колебания цен в течение последнего десятилетия на недвижимость, финансовые активы и сырье. Причем, колебания эти, естественно, усиливаются в периоды кризиса.

Наконец, интенсификация торговли усиливает рост неравенства доходов как на национальном, так и на международном уровнях. Значительная часть экономических исследований подтверждает эту закономерность теоретическими аргументами, но ее трудно измерить из-за воздействия корректирующих мер, предпринимаемых государствами и местными органами власти в целях сокращения первичного доходного неравенства [Piketty 2013]. Так, если мы подсчитаем среднюю величину индекса Джини для 66 стран, по которым имеются данные с 2006 по 2016 г., мы увидим, что в этот период наблюдалось небольшое снижение данного показателя с 0,374 в 2006 г. до 0,36 в 2016 г.[3] Это замечание не должно приводить нас к недооценке проблемы неравенства в мире, которое остается вопиющим, как показывают материалы Доклада о неравенстве в мире 2018 г. [Alvarez, Chancel et al. 2018].

Игнорировать социально-политические последствия высокого уровня неравенства невозможно. Особенно с учетом того, что население, получив бóльший доступ к информации, стало лучше осознавать его глубину. Можно предположить, что именно высокий уровень неравенства наравне с другими факторами объясняет растущее отторжение общественным мнением самой идеи глобализации, причем происходит это в тот момент, когда западные нормы потребления и связанные с ними ожидания продолжают распространяться в масштабах планеты. В результате этих противоречий могут возникнуть кризисы, которые национальным политическим системам будет трудно урегулировать, как о том свидетельствуют протестные движения, происходящие сегодня во многих странах мира, в том числе в России.

3. Три сценария развития глобализации в будущем

В одной из наших прошлых работ об экономиках стран БРИКС [Vercueil 2010–2015] мы предложили четыре сценария будущего развития системы управления мировой экономикой. Мы опишем здесь три из них, которые, как нам представляется, способствуют пониманию современных глобализационных процессов.

3. Расчеты автора произведены на основе данных Всемирного банка, 2018 г.

3.1. «Взрыв»

Современные тренды развития мировой экономики, проявляющиеся в макроэкономической несбалансированности на глобальном уровне, порождающие серьезные кризисы и влияющие на социальные и социально-политические процессы в странах – ключевых акторах, контролирующих мировую экономику, а также оказывающих воздействие на окружающую среду, таковы, что невозможно построить убедительный сценарий, основываясь на механическом воспроизведении прежних тенденций. Альтернативный сценарий может основываться на предположении относительно дальнейшего отхода от политики принятия скоординированных политических решений в сфере глобальной экономики и окружающей среды, наметившегося после 2007–2008 гг. Эти тенденции дают почву как для упомянутых пророчеств о деглобализации, так и для растущего противостояния населения происходящим изменениям. Они могут привести к развитию худшего сценария в случае, если различные кризисы будут накладываться один на другой и подпитывать друг друга, вызывая череду беспрецедентных обострений – экономических, политических, социальных и экологических в планетарном масштабе.

Воображаемой точкой отсчета, которую мы выбрали в 2010 г. [Vercueil 2010–2015], были трения в китайско-американских отношениях. Действительность подтвердила это предположение: между двумя странами в последнее время происходило развертывание «тарифных войн» ограничительного характера. Последствия для двустороннего торгового обмена оказались значительными: снизились экспортные поставки и усилилась неопределенность, влияющая на международный спрос на оборудование [World Economic 2019]. Со временем к напряжениям в этой сфере могут добавиться «валютные войны», которые будут иметь куда более широкие последствия для торговых отношений между обеими державами, а также для их отношений с остальным миром. В сценарии «взрыва» потрясения, вызванные отсутствием согласования валютных политик, могут иметь тяжелые последствия вплоть до дестабилизации финансовых систем соответствующих стран. Как вторичный эффект они могут отразиться на внутреннем спросе, как это было во время «большой рецессии» 2008–2009 гг., и на мировых ценах на сырье, погрузив, в свою очередь, страны-производители в экономический кризис.

Социальные и политические последствия экономических и финансовых шоков способны вызвать социальные волнения, которые в странах с авторитарными политическими режимами могут принять оборот, схожий с «арабской весной» 2010–2011 гг. В европейских странах кроме усугубления политической нестабильности одним из следствий ухудшения финансовой и экономической ситуации может стать возвращение кризиса суверенных долгов. А при неудачном ведении дел кредиторами и инвесторами это возвращение

может вылиться в серию суверенных дефолтов и привести к распаду системы евро в ее нынешней форме, что углубит фрагментарность валютных и финансовых систем и подорвет доверие между участниками рынка.

В ухудшающейся ситуации международные силы, настроенные на сотрудничество, будут всё больше ослабевать. Ориентация на протекционизм и «валютные войны» будут сопровождаться подъемом национализма. В этом случае политическая и экономическая напряженность может вылиться в вооруженные конфликты. Если проводить исторические параллели, то на память приходит период 1930-х годов в Европе. В эти годы произошел глубокий перелом в мировой истории, но ни одна из крупных проблем, унаследованных от прошлого, – в частности дисбалансы, возникшие в результате волны либерализации экономики и торговли в XIX в., – не была решена [Polanyi 1944–1983].

3.2. «Регулирование»

Чтобы избежать рисков сценария «взрыва» потребуется компромисс на международном уровне, который привел бы к формированию более устойчивых механизмов сотрудничества. Целью международного сотрудничества должно стать урегулирование напряженностей в валютной и торговой сферах прежде, чем они приведут к серьезным кризисам. Второй сценарий, обозначенный как «регулирование», предполагает реформирование двух основных институтов управления мировой экономикой – МВФ и ВТО, направленное на предоставление большей формальной и фактической власти странам с быстро развивающейся экономикой и одновременно позволяющее осуществлять более четкое и последовательное финансовое, валютное и торговое регламентирование мирового товарообмена.

Возможные области применения этого нового международного регулирования многочисленны. Во-первых, охрана окружающей среды, основанная на принципе возмещения ущерба виновником загрязнения, применяемом более равномерно по отношению к разным странам, который сдерживал бы наиболее загрязняющие производства и поощрял развитие деятельности, ориентированной на возмещение ущерба окружающей среде. Во-вторых, социальная и фискальная области, в которых могла бы осуществляться международная координация трудовых законодательств и систем социальной защиты, а также велась бы международная борьба с уходом от налогов. В-третьих, валютная и финансовая сферы, в которых осуществлялась бы борьба с офшорными зонами и международным отмыванием сомнительных капиталов, а также было бы введено международное налогообложение краткосрочных финансовых операций, предпринимались бы усилия по созданию между-

народной валюты и осуществлялось бы международное согласование позиций по государственным механизмам регулирования рынков капиталов.

В силу основательности указанные меры по совместному регулированию могут в большей или меньше степени оказать влияние на международные торговые потоки, однако их глобальное воздействие на товарообмен в стоимостном выражении определить a priori невозможно. Относительные транспортные издержки могут возрасти, переориентировав товарообмен на услуги и способствуя релокализации многих производств. Ввиду того что механизмы перераспределения отныне будут включать помимо локальной и национальной еще и международную составляющую, относительные доходы будут меняться иначе, чем прежде, в силу чего неравенство, возможно, будет ограничено или даже сокращено. В международном масштабе экономический рост в результате указанных изменений будет, несомненно, более слабым, чем раньше, но зато более стабильным, равномерным и устойчивым.

3.3. «Регионализация»

В основе третьего сценария – реструктуризация производственной, торговой и валютной активности вокруг крупных региональных полюсов. Будучи промежуточным между сценарием «взрыва» и сценарием «регулирования», этот сценарий допускает гипотезу, что конфронтация сохранится, однако дополняет ее предположением, что настроенные на международное сотрудничество силы продолжат противодействовать негативным тенденциям. Результатом станет развитие международного сотрудничества на региональном уровне, которое, однако, не приведет к контролю над глобализацией в масштабах планеты.

Залогом устойчивости региональных блоков станет существование в каждом из них как минимум одной доминирующей экономической региональной державы, способной гарантировать безопасность в регионе и надежность региональной валюты, направлять международное разделение труда в регионе и предлагать технологические и институциональные инновации. Региональная экономическая держава должна обладать территорией, населением (обладающим соответствующим уровнем квалификации), промышленным и организационным потенциалом, энергетическими ресурсами и национальной инновационной системой, которые давали бы ей возможность утвердиться в качестве лидера регионального блока.

Другие страны будут объединяться вокруг этого организационного полюса по мере того, как выгоды от регионального сотрудничества станут более ощутимыми, чем доходы от инвестиций в глобальную экономику. Таким образом, притягательная сила региональных полюсов будет усиливаться или уменьшаться в зависимости от соотношения результатов сотрудничества

в мировом и региональном масштабах. Возможность выхода из регионального объединения может быть ограничена путем принуждения со стороны государства (государств) с доминирующей экономикой. Примером может служить позиция СССР в отношении стран советского блока или обратная ситуация в ЕС в случае с Брекзитом.

Как минимум один из этих региональных полюсов будет находиться в Азии. В этом регионе единственной державой, способной объединить вокруг себя другие страны, является Китай. Однако определить на сегодняшний день геоэкономический масштаб того пространства, где Китай будет доминировать, затруднительно, поскольку в макрорегионе Китаю противостоят конкурирующие с ним в экономическом и политическом плане державы: Индия и главным образом Япония, а также Южная Корея, обладающая значительным торговым и технологическим потенциалом, но однако пока не имеющая достаточного демографического и дипломатического веса на Азиатском континенте. Фактор Японии и Индии, их историческое и дипломатическое влияние значительно осложняют утверждение Китая в качестве регионального центра. Кроме того, данный сценарий подразумевает увеличение интернационализации юаня, что может стать источником нестабильности для китайской экономики, которая, впрочем, по некоторым прогнозам, может быть преодолена в случае укрепления роли страны в регионе [Lahet 2017]. Другие региональные полюса, допустимые в рамках этого сценария, заслуживают самостоятельного анализа, выходящего за рамки данной статьи. Речь идет о Европе, которая в этом случае должна быть теснее, чем сейчас, связана с Россией и со странами Средиземноморского бассейна; о Латинской Америке и Северной Америке; об Африке к югу от Сахары и о Южной Азии, в том случае если Индия не присоединится к вышеупомянутому большому азиатскому полюсу.

Сценарий «регионализации» оставляет открытыми ряд вопросов, в частности каким образом будут решаться экономические, социальные и связанные с окружающей средой проблемы, выходящие за пределы полюсов, и, соответственно, проблемы отношений между региональными полюсами, которые, как можно предположить, будут в лучшем случае ограниченными, а в худшем – конфликтными. В связи с этим нам представляется, что ситуация, описанная в данном сценарии, является относительно нестабильной. Она может быстро трансформироваться в сценарий «регулирования» или «взрыва».

Заключение

Возможны и другие сценарии. Так, периметр региональных полюсов может варьироваться, международные коалиции могут выходить за региональные рамки, как это собственно и происходит, объединения могут груп-

пироваться на иных основаниях, нежели географическая близость, и вероятность этого будет возрастать, поскольку экономические отношения чем дальше, тем больше включают в себя нематериальные параметры: финансовые, информационные, юридические и институциональные. Поэтому основная задача нашей работы видится нам не в дискуссиях о вероятности того или иного сценария, а в том, чтобы показать, что можно не замыкаться в дилемме «счастливая глобализация» / «деглобализация», которая в конечном счете приводит аналитика к чрезмерному упрощению разворачивающихся в мире сложных процессов. Сценарный подход позволяет обогатить понимание происходящего при условии, что он опирается на доступные эмпирические данные, а не на пророчества, в которых идеология соперничает с пристрастностью.

Пер. с франц. яз. Е.Л. Ушковой

Библиография

Alvarez F., Chancel L. et al. World Inequality Report 2018 // World Inequality Lab. 2018. 18 p. URL: https://wir2018.wid.world/ (дата обращения: 30.12.2019).

Bello W. Deglobalization: Ideas for a new world economy. New-York: ZED Books, 2002. 192 p.

Burger R., Louw M. et al. Understanding consumption patterns of the established and emerging South African black middle class / University of Stellenbosch. 2014. 17 p. (Stellenbosch Economic Working Paper, 14).

Chang H.-J. Kicking away the ladder. Development strategy in historical perspective. London: Anthem Press, 2002. 196 p.

Duesenberry J.S. Income, saving and the theory of consumption behavior. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1949. 142 p.

Emerging Consumer Survey 2017 / Crédit Suisse Research Institute. Zurich: Crédit Suisse AG, 2017. 80 p.

Fukuyama F. La fin de l'histoire et le dernier homme. P.: Flammarion, 1992. 456 p.

Global trade growth loses momentum as trade tensions persist // World Trade Organization. 2019. 2 Apr. (Press release; 837). URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres19_e/pr837_e.htm (дата обращения: 30.12.2019).

Guénolé T. La mondialisation malheureuse. Inégalités – Pillages – Oligarchie. P.: First Éditions, 2016. 300 p.

Krugman P. La mondialisation n'est pas coupable. Vertus et limites du libre-échange. P.: La découverte, 1998. 218 p.

Lahet D. Le degré d'internationalisation du Renminbi. Un bilan d'étape fondé sur une revue de la littérature // Revue d'économie politique. 2017. N 5. Vol. 127. P. 761–811.

List F. Système national d'économie politique. Paris: Gallimard, 1998. 573 p.

Mendez M., Popkin B. Globalization, urbanization and nutritional change in the developing world // The Electronic Journal of Agricultural and Development Economics. 2004. Vol. 1. Issue 2. P. 220–241.

Minc A. La mondialisation heureuse. P.: Plon, 1997. 260 p.

Minc A. La mondialisation heureuse je persiste et signe // Le Monde. 2001. 17 août.

Piketty T. Capital et idéologie. P.: Seuil, 2019. 1248 p.

Piketty T. Le capital au XXIème siècle. P.: Seuil, 2013. 976 p.

Polanyi K. La grande transformation. Aux origines politiques et économiques de notre temps. P.: Gallimard, 1983. 476 p. (1 ère éd. 1944).

Reich R. L'économie mondialisée. P.: Dunod, 1993. 336 p.

Sapir J. La démondialisation. P.: Le Seuil, 2011. 272 p.

Solón P. World integration for people and nature: What is deglobalization? // Systemic alternatives. URL: https://systemicalternatives.org/2014/08/14/notes-for-the-debate-deglobalization/ (дата обращения: 30.12.2019).

Une mondialisation contrariée. L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / Sous la dir. de X. Richet, J. Vercueil. P.: L'Harmattan, 2019. 238 p.

Veblen T. La théorie de la classe de loisirs. Paris: Gallimard, 1970. 322 p.

Vercueil J. Les avatars de la mondialisation. Remarques sur quatre scénarios plausibles // Une mondialisation contrariée. L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / Sous la dir. de X. Richet et J. Vercueil. P.: L'Harmattan, 2019. P. 15–32.

Vercueil J. Les pays émergents. Brésil – Russie – Inde – Chine… Mutations économiques, crises et nouveaux défis. 4 me éd. P.: Bréal, 2015. 260 p. (1 ère éd. 2010).

World Economic Outlook / IMF. Washington (D.C.), 2019. Oct. 208 p.

References

Alvarez F., Chancel L. et al. World Inequality Report 2018. World Inequality Lab. 2018. 18 p. URL: https://wir2018.wid.world/ (date of access: 30.12.2019).

Bello W. Deglobalization: Ideas for a new world economy. New-York: ZED Books, 2002. 192 p.

Burger R., Louw M. et al. Understanding consumption patterns of the established and emerging South African black middle class / University of Stellenbosch. 2014. 17 p. (Stellenbosch Economic Working Paper, 14).

Chang H.-J. Kicking away the ladder. Development strategy in historical perspective. London: Anthem Press, 2002. 196 p.

Duesenberry J.S. Income, saving and the theory of consumption behavior. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1949. 142 p.

Emerging Consumer Survey 2017 / Crédit Suisse Research Institute. Zurich: Crédit Suisse AG, 2017. 80 p.

Fukuyama F. La fin de l'histoire et le dernier homme. P.: Flammarion, 1992. 456 p.

Global trade growth loses momentum as trade tensions persist. World Trade Organization. 2019. 2 Apr. (Press release; 837). URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres19_e/pr837_e.htm (date of access: 30.12.2019).

Guénolé T. La mondialisation malheureuse. Inégalités – Pillages – Oligarchie. P.: First Éditions, 2016. 300 p.

Krugman P. La mondialisation n'est pas coupable. Vertus et limites du libre-échange. P.: La découverte, 1998. 218 p.

Lahet D. Le degré d'internationalisation du Renminbi. Un bilan d'étape fondé sur une revue de la littérature. Revue d'économie politique. 2017. N 5. Vol. 127. P. 761–811.

List F. Système national d'économie politique. Paris: Gallimard, 1998. 573 p.

Mendez M., Popkin B. Globalization, urbanization and nutritional change in the developing world. The Electronic Journal of Agricultural and Development Economics. 2004. Vol. 1. Issue 2. P. 220–241.

Minc A. La mondialisation heureuse. P.: Plon, 1997. 260 p.

Minc A. La mondialisation heureuse je persiste et signe // Le Monde. 2001. 17 août.

Piketty T. Capital et idéologie. P.: Seuil, 2019. 1248 p.

Piketty T. Le capital au XXIème siècle. P.: Seuil, 2013. 976 p.

Polanyi K. La grande transformation. Aux origines politiques et économiques de notre temps. P.: Gallimard, 1983. 476 p. (1 ère éd. 1944).

Reich R. L'économie mondialisée. P.: Dunod, 1993. 336 p.

Sapir J. La démondialisation. P.: Le Seuil, 2011. 272 p.

Solón P. World integration for people and nature: What is deglobalization? Systemic alternatives. URL: https://systemicalternatives.org/2014/08/14/notes-for-the-debate-deglobalization/ (date of access: 30.12.2019).

Une mondialisation contrariée. L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / Sous la dir. de X. Richet, J. Vercueil. P.: L'Harmattan, 2019. 238 p.

Veblen T. La théorie de la classe de loisirs. Paris: Gallimard, 1970. 322 p.

Vercueil J. Les avatars de la mondialisation. Remarques sur quatre scénarios plausibles. Une mondialisation contrariée. L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / Sous la dir. de X. Richet et J. Vercueil. P.: L'Harmattan, 2019. P. 15–32.

Vercueil J. Les pays émergents. Brésil – Russie – Inde – Chine… Mutations économiques, crises et nouveaux défis. 4 me éd. P.: Bréal, 2015. 260 p. (1 ère éd. 2010).

World Economic Outlook. IMF. Washington (D.C.), 2019. Oct. 208 p.

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.06

А.В. Гордон

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ В ПАРАДИГМЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются итоги реформ в КНР, начавшихся в 1978 г., под углом зрения их осмысления руководством Китая. Подчеркивается, что период реформ стал, по выражению Си Цзиньпина, «крутым историческим разворотом», значимым не только для развития страны, но и для мировоззрения руководства КПК. В современной идеологической доктрине КПК выделяется осмысление необходимости для успешного развития страны того, что в официальных документах называется «открытостью». Этот концепт стал важнейшей идейно-теоретической новацией в рамках политического курса «реформ и открытости», провозглашенного в 1978 г. На основе отмеченной новации складывается глобализационная парадигма, которая определяет место страны в современном миропорядке.*

В статье характеризуется значение исторического процесса глобализации для возвышения Китая, а также противоречия глобального вызова для современного политического устройства страны. Отдельно рассматривается цивилизационный подход к глобализации, как он представлен в идейно-теоретическом обосновании политики «реформ и открытости» руководством КПК: «диалог цивилизаций», важность их взаимодействия и культурного обмена. Обращается внимание на идею единства многообразия цивилизационного развития человечества. В центре статьи воплощение концепта «открытости» во внешнеэкономической политике Китая: экспортоориентированность промышленного производства, зарубежные инвестиции китайского капитала, проект «один пояс – один путь». Указывается на издержки в виде зависимости страны от внешней торговли и технологических инвестиций. Подчеркивается, что зависимость может возрастать в связи с истощением природных ресурсов и неблагоприятными демографическими процессами. В глобально-исторической перспективе очевидна озабоченность Китая сохранением существующего миропорядка с условием занятия в нем ведущих позиций.

Ключевые слова: *глобализация; возвышение Китая; идеология КПК; политика реформ и открытости; Си Цзиньпин; внешняя политика КНР; мировой порядок; диалог цивилизаций.*

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: gordon_alexandr@mail.ru

Web of Science Researcher ID: AAH-8293–2020;
Scopus Author ID: 57193746873

Gordon A.V. The Rise of China in Globalization Paradigm

Abstract. *The article discusses the outcomes of reforms in China (1978–2018), as they are understood by the Chinese leadership. It is emphasized that the period of reforms has become, in the words of Xi Jinping, «a sharp historical turn», significant not only for the development of the country, but also for the worldview of Chinese leadership. In today's ideological doctrine of the CCP, there is an understanding of the need of what is called «openness» in official documents for the successful development of the country. This concept has become the most important ideological and theoretical innovation in the framework of the political course of «reforms and openness», proclaimed in 1978. Based on this innovation, there emerges a globalization paradigm that determines the country's place in the modern world order. The article describes the importance of the historical process of globalization for the rise of China as well as the contradictions of the globalization challenge for the modern political structure of the country. Apart from this, the text outlines the civilizational approach to globalization, as it is presented in the ideological and theoretical rationale of the policy of «reforms and openness» by the leadership of the CPC: «the dialogue of civilizations», the importance of their interaction and cultural exchange. Attention is drawn to the idea of the unity of diversity in the civilizational development of humankind. Also in the focus is the implementation of the concept of «openness» in China's foreign economic policy: export-oriented industrial production, foreign investment of Chinese capital, the «one belt – one way» project. Indicated are the costs of this policy in the form of the country's dependence on foreign trade and technological investments. This dependence, states the author, is likely to grow due to the depletion of natural resources and adverse demographic processes. From a global historical perspective, it is obvious that China is strongly concerned with the existing world order, provided it would occupy leading positions in it.*

Keywords: *globalization; rise of China; ideology of CPC; policy of «reforms and openness»; Xi Jinping; foreign policy of PRC; world order; dialogue of civilizations.*

Gordon Aleksandr Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences,
Principal Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: gordon_alexandr@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAH-8293–2020;
Scopus Author ID: 57193746873

Произошедшее в результате начавшихся в конце 1970-х годов реформ преображение Китая – событие всемирно-исторического значения. Превращение страны авангардистских экспериментов над голодающим населением во имя коммунизма в державу номер два мировой экономической системы по значению своему можно сравнить с распадом социалистического блока и

разрушением железного занавеса, а также идеологической поляризацией международных отношений. Явление порожденного этим распадом нового миропорядка, отличающегося интенсивностью и широтой разностороннего взаимодействия, отразилось на возвышении древней азиатской страны самым непосредственным образом. Китай не случайно сделался рьяным поборником глобализации, именно к этой стране последняя обернулась наиболее благоприятной стороной.

Провозглашенная постмаоистским руководством КПК «политика реформ и открытости», сменившая приведший к автаркии курс «опоры на собственные ноги», дала кумулятивный эффект. Огромный трудовой потенциал самой населенной страны мира, растрачиваемый в архаике непрерывных мобилизаций, был направлен на экономическую модернизацию, условия для которой создало массированное привлечение иностранного капитала, оснащенного передовой техникой и технологией. Возвышение Китая в современном миропорядке и поступательная интеграция в мировую систему капитала представляются синонимами. И как следствие – парадигма глобализации утвердилась в стратегическом курсе китайского руководства.

«Реформа и внешняя открытость являются великой революцией в истории китайского народа и китайского государства», – заявил Си Цзиньпин на торжественном заседании в Пекине 18 декабря 2018 г., посвященном 40-летию пленума ЦК КПК, который ознаменовал, как теперь (ретроспективно![1]) сообщают в СМИ и официальных документах, новую эпоху в новейшей истории страны. Назвав этот период «эпохальным этапом в реализации национального возрождения Китая», Си поставил его рядом с сакральными датами создания КПК (1921) и образования КНР (1949).

Китайский руководитель подчеркнул, что произошел «крупный исторический разворот» в политике КПК, ставший необходимостью из-за катастрофического положения, в котором оказалась страна после десятилетия «культурной революции», а также нараставшего отставания от научно-технического прогресса. Резюмируя достижения за 40 лет реформ, Си Цзиньпин сделал вывод, буквально выстраданный китайской историей последних столетий: «Открытость приводит к прогрессу, в то время как замкнутость, напротив, к отсталости» [Си 2018 а].

Политика внешней открытости была обоснована цивилизационным подходом в выступлении Си Цзиньпина в ЮНЕСКО (2014). Выступление было проникнуто патетикой единства человеческой цивилизации и представлением, что отдельные региональные или национальные цивилизации суть составные части ее, сформировавшиеся благодаря взаимодействию, обучению друг

1. Вначале решения этого пленума подавались в прессе как некая очередная корректировка курса [Гордон 2003, с. 160].

у друга и обмену культурными достижениями. Была озвучена и идея специфичности каждой отдельной цивилизации, поскольку они возникли на определенной территории и субъектом становился народ, занимающий эту территорию и являющийся носителем определенной культурной традиции. Каждая из традиций имеет право на существование, а их разнообразие обогащает все человечество. Си Цзиньпин указывал на китайскую цивилизацию, которая, являясь плодом «труда и ума» китайского народа, вместе с тем формировалась в интенсивном межцивилизационном взаимодействии [Си 2017, с. 352–353].

Цивилизационный экскурс отнюдь не был упражнением в риторике, рассчитанным на завоевание благожелательности широкой международной аудитории. В речи нашли отражение как личные склонности и широта кругозора китайского руководителя, так и положения, принципиально важные для реализации реформаторского курса. Первое – это цивилизационное обоснование выбора своего пути, собственной модели, официально именуемой «социализмом с китайской спецификой». У каждой цивилизации, доказывал китайский руководитель, есть свои достоинства, у каждой модели развития есть свои недостатки. Нет универсальных моделей, пригодных для всех стран, поэтому стремление подогнать собственную модель развития под «привычные каноны» может принести только вред [Си 2017].

Второе – решительное осуждение популярной концепции «столкновения цивилизаций». Выдвинутой известным американским политологом, но не поименованной в выступлении доктрине Си Цзиньпин противопоставлял принцип культурного взаимодействия. Он исходил из того, что дух открытости присущ каждой цивилизации. Такая «инклюзивность», уверял Си, сделает невозможным межцивилизационный конфликт и, напротив, приведет в конечном итоге к «гармонии цивилизаций» [Си 2017].

С приходом к власти поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином глобальная парадигма государственного развития как связь между укреплением международных позиций страны и ее будущим была закреплена на доктринальном уровне. В октябре 2014 г., выступая на самом представительном со времени прихода КПК к власти партийном форуме по внешнеполитическим вопросам[2], Си представил амбициозный внешнеполитический курс «стремиться к достижению (*fenfayouwei*)». Речь шла о том, чтобы обеспечить Китаю такое международное положение, которое могло благоприятствовать решению триединой задачи продолжения реформ,

2. Присутствовали руководители всех уровней власти: члены Политбюро, секретари ЦК КПК, руководители провинциальных комитетов КПК, министры, государственные советники, военачальники, руководители финансовых учреждений и ведущих государственных корпораций.

экономического развития и политической стабильности [Yan 2014, p. 166]. «Достижительный», скажем так, курс пришел на смену выработанным в начале 90-х годов установкам Дэн Сяопина «держаться в тени», призывавшим руководство КПК приспособляться к существующему миропорядку, используя его благоприятные стороны для успеха реформ и экономического подъема.

Лидер пятого поколения китайских руководителей (архитектор реформ Дэн Сяопин по китайской классификации принадлежал ко второму поколению) выдвигает задачу изменить миропорядок так, чтобы тот благоприятствовал развитию КНР. Решение этой задачи ставится в прямую связь с осуществлением «великой мечты китайского народа о возрождении страны» – программная установка, сформулированная Си при приходе к власти в 2012 г.

Идеологема «возрождение» вбирает в себя как модернистские, так и цивилизационно-классические элементы. Свою победу в гражданской войне и завоевание власти китайские коммунисты представляли стремлением к реваншу за «век унижения», в который ввергла великую страну империалистическая экспансия западных держав (а также России и Японии), начавшаяся с Опиумных войн (1840-е годы). Наряду с ликвидацией социально-экономической отсталости стремление к геополитическому реваншу сделалось легитимацией для общественно-политического устройства, предполагающего монополию КПК на власть. Реванш означает восстановление былого величия Поднебесной, осмысливаемого в традиционалистских категориях. Знаменательно, что этот курс был окрещен экспертами «реставрационистским национализмом» [China 2010, p. 282–283].

Прологом называют деятельность Мао Цзэдуна, соединившего идеи национального возрождения с догматами социальной революции. У постмаоистского руководства КПК эти идеи сплавляются с возвышением в мировой экономической системе, обретая выраженную глобалистскую ориентированность, позволившую, как утверждают в китайском руководстве, проявиться лучшим качествам нации и обогатить национальный характер новыми гранями, соответствующими современной эпохе. «Великий дух реформ и открытости», убежден Си Цзиньпин, существенным образом обогатил «китайский национальный характер» и стал самым ярким его проявлением [Китай 2018 б].

«Мы все увереннее занимаем центральную позицию на мировой арене», – с гордостью заявляет Си; и это заявление отсылает нас к исторической традиции, когда Китай был центром миропорядка, реально ограниченного Восточной и отчасти Юго-Восточной и Центральной Азией, но идеально, в имперских представлениях оказывавшегося синонимом Ойкумены, всего населенного людьми земного пространства. Отсюда два фундаментальных для цивилизационной идентичности страны понятия: Срединное государство (*чжунго*) и Поднебесная (*тяньця*). Ставшие ее самоназванием, эти понятия

проливают своеобразный свет на то, что кажется простой риторикой, и побуждают задуматься над глубинными интенциями китайского руководства.

«Мы активно содействуем формированию *открытой* мировой экономики, человечества *с единой судьбой*, содействуем преобразованиям системы *глобального управления*, следуем неизменному курсу под лозунгом борьбы с гегемонизмом», – указывал Си, конкретизируя новый внешнеполитический курс [Си 2018 а; курсив мой. – *А. Г.*]. И в этих доктринальных установках обнаруживается наслоение разных эпох, культурных стилей и политических моделей.

Установка на «открытую мировую экономику» выражает реализм и прагматичность начатой 40 лет назад политики «реформ и открытости»; стремление Пекина к преобразованию «системы глобального управления» с целью изменения своего положения в ней – очевидность современного курса. А «борьба с гегемонизмом» – это подлинно «лозунг» и притом унаследованный от правления Мао Цзэдуна, когда в Пекине обличали КПСС и советское руководство. Суть провозглашенного Си «достижительного» курса выражен в комментарии центрального агентства КНР Синьхуа, которое выделило в его выступлении на упомянутом форуме задачу «продвижения китайских интересов на базе растущего могущества на мировой арене» [Swaine 2015 b, p. 7].

В китайских СМИ и профессиональном сообществе широко муссируется идея превращения страны в великую державу, притом что понятие «развивающаяся страна» применительно к Китаю сохраняет еще свою значимость и вбрасывается Пекином в лексикон международных отношений, когда требуется обосновать несогласие со сложившейся практикой. Иначе говоря, нынешнее руководство КПК не отказалось от доставшейся по наследству претензии на защиту прав «эксплуатируемых и угнетенных народов», а ныне лидера «неприсоединившихся» к военно-политическим блокам, развивающихся стран. Поэтому оговаривается, что «великодержавная политика», которую экономическое могущество ныне позволяет вести Китаю, имеет «китайские черты».

Это привычный набор – мирное сосуществование, невмешательство во внутренние дела других стран со стороны великих держав и т.п. Новым стало выдвижение принципа «взаимовыгодности»: Китай предлагает всем странам отношения на паритетных, партнерских началах. Все это и входит в понятие великодержавной политики с «китайскими чертами», появление которого в прессе КНР относят к первой половине 2013 г. [Swaine 2015 b, p. 12].

Принцип «взаимовыгодности (*win win*)» предложен был прежде всего Соединенным Штатам. «Достижительный» курс предполагает поддержание отношений с Америкой на партнерской основе. Такова суть выдвинутой Си Цзиньпином во время визита в США в феврале 2012 г. (накануне прихода к власти) доктрины «отношений нового типа между великими державами».

Си внушал американским собеседникам: «Китай желает идти с Соединенными Штатами одной дорогой, поддерживать с ними тесные контакты высокого уровня и путем различных форм диалога, обменов и связей продолжать осваивать огромный потенциал китайско-американского сотрудничества». Орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» констатировала, что «отношения между КНР и США уже перешли границы только двусторонних отношений, воздействуя на весь мир», а каждая встреча китайских и американских руководителей имеет «историческое значение и глобальное влияние» [Кокарев 2012].

То, что Пекин делает ставку в развитии двусторонних связей на экономическую заинтересованность, привлекательность растущей экономики Китая для американского крупного бизнеса стало очевидным уже во время первого государственного визита Си Цзиньпина в США (сентябрь 2015 г.). Симптоматично, как отмечали обозреватели, что визит начался с посещения штаб-квартиры «Майкрософт» в Сиэттле. Здесь, на встрече с представителями американских деловых кругов, китайский руководитель выразил намерение развивать активное экономическое сотрудничество. Было заявлено о закупке Китаем партии пассажирских «Боингов», что было расценено как сигнал серьезности подобных намерений [Blackwill, Campbell 2016, p. 23].

К тому времени двусторонний товарооборот подошел к отметке в 500 млрд долл., тогда как в начале реформ он не достигал и 10 млрд (7,7 млрд). Объем прямых американских инвестиций в китайскую экономику достиг 128,5 млрд долл. Си посулил, что за пять ближайших лет Китай может ввезти товары на 10 трлн долл. Симптоматичным подтверждением курса на внешнюю открытость стало заявление о развитии иностранного туризма. Была озвучена фантастическая для прошлых времен истории КНР цифра в 500 млн человек, которые предположительно смогут посетить зарубежные страны [Первый 2015].

Важна и внутренняя для США сторона развития экономических связей с Китаем: они позволили создать 3 млн новых рабочих мест, тогда как американцы-потребители на приобретении дешевых китайских товаров смогли сэкономить более 600 млрд долл. [Кокарев 2012]. А главным приобретением Китая стали обширные американские инвестиции, обеспечившие страну передовой промышленной технологией. США оставались много лет и крупнейшим рынком сбыта для китайских товаров. На такой взаимовыгодной основе отношения с США сохраняются до сих пор и, похоже, выдержат даже кавалерийский наскок нынешнего хозяина Белого дома.

В Пекине настроены не только прагматично, но и достаточно реалистично: Китай – «восходящая страна», США – господствующая в миропорядке. Соперничество за лидерство неизбежно. Об этом свидетельствует исторический опыт. Описывая то, что у международников получило название «ловушка

Фукидида», профессор Гарвардского университета Г. Аллисон подсчитал, что за пять веков всемирной истории военный конфликт между восходящей державой и гегемоном происходил в 11 случаях из 15 [Allison 2013].

Поскольку в международном сообществе «ловушку Фукидида» примеривают к отношениям между США и восходящим Китаем, на эту тему высказался и Си Цзиньпин. Он отрицал неизбежность возникновения «ловушки Фукидида», иначе говоря, описанной древнегреческим историком ситуации, когда страхи Спарты перед усилением могущества Афин привели к затяжной Пелопонесской войне. Однако китайский руководитель допустил, что подобная ситуация может возникнуть из-за повторения великими державами стратегических просчетов.

Понимая неизбежность соперничества между США и Китаем, в Пекине всячески хотят избежать прямой конфронтации, подобной отношениям между США и СССР во времена холодной войны, предложив сочетание взаимовыгодного сотрудничества и «здорового соперничества» на мировой арене или, по крайней мере, – «мирного соперничества». Как разъясняется в верхах, идет поиск «новых форм регулирования различий между Китаем и США» [Yan, 2014, p. 171; Explaining 2015].

В Пекине хорошо понимают, что успешное соперничество с гегемоном требует создания прочного тыла в виде поддержки в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в первую очередь со стороны ближайших соседей. Этим озабочено не только руководство, но и профессиональное сообщество. Глава Школы международных исследований Пекинского университета Ван Цзиси обратил внимание на оборотную сторону возвышения Китая: «Китай чувствует себя все в меньшей безопасности» из-за возникновения опасений перед возросшим могуществом страны со стороны окружения, что необходимо преодолеть активной и целеустремленной политикой. *«Великие державы – это ключевой вопрос, а периферии приоритет* (*daguo shi guanjian, zhoubian, shi shouyao*)*»*, – так сформулировал подобный внешнеполитический курс руководитель Института современных международных отношений в университете Цинхуа Янь Сюэтун [Explaining 2015].

Что же предлагают в Пекине для «периферии»? Си Цзиньпин (октябрь 2013 г.) в Совете народных представителей Индонезии выступил с речью, в которой, изложив китайскую политику в регионе, выдвинул стратегическую концепцию создания участниками Сообщества общей судьбы Китай – АСЕАН. Комментируя визит руководителя, газета «Жэньминь жибао» возвестила о Проекте построения сторонами «морского Шёлкового пути в XXI веке».

Еще раньше, выступая в столице Казахстана, Си выдвинул идею возрождения континентального Шёлкового пути. Были созданы соответствующий фонд и Международный банк инфраструктурных инвестиций. Пекин обещает

участникам проекта большие капиталовложения в железнодорожные, автомобильные, морские и воздушные коммуникации. «Железные и автомобильные дороги, порты и аэропорты, – утверждает один из китайских экономистов, – имели решающее значение в экономическом успехе Китая. Китай теперь хочет, чтобы и его соседи применили эту стратегию роста» [Swaine, 2015 a, p. 8].

В Пекине озаботились, чтобы проект «один пояс – один путь», объединяющий континентальное и морское направления, не выглядел актом китайской экспансии, поэтому выдвижение его сопровождалось энергичной пропагандистской кампанией, сулившей многочисленные блага примкнувшим странам. «Китайский экономический экспресс» послужит на пользу всему миру, уверяют авторы проекта [Lui 2015].

Категорически отрицаются военно-политические аспекты и геополитические интересы. Проект противопоставляется плану Маршалла как порождению холодной войны: американская помощь служила инструментом в борьбе с социализмом в Европе и не распространялась на страны советского блока, тогда как проект «один пояс – один путь» универсален. Проект, подчеркивал глава внешнеполитического ведомства КНР, открыт для всех стран, у них не будут спрашивать, «чьи они союзники, какова их религия, каких политических доктрин они придерживаются и каковы были в прошлом их отношения с Китаем». Проектом, заявляют в Пекине, Китай «решил создать прецедент мирного возвышения великой державы» [Swaine 2015 a, p. 11–12].

Проект «один пояс – один путь» оценивается и в самом Китае, и в экспертных сообществах за рубежом как важнейшая инициатива Си Цзиньпина, которая далеко выходит за рамки транспортной инфраструктуры путей сообщения Старого Света. «Если цели будут достигнуты, – пишут Рахман Саиф Ур (Университет Восточного Лондона, Англия) и Чжао Шужун (Школа политической науки и государственной администрации Научно-технического университета электроники, Китай), – произойдет изменение правил игры для региона и мира в целом, знаменуя новую эпоху мирового развития с Китаем во главе» [Rehman, Zhao 2017]. Аналогична реплика в Рунете: это «одна из величайших экономических программ в истории»; «кардинальная смена экономико-политического ландшафта – лишь малая часть того, что нас ждет» [Ильин].

Похоже, мир ждет действительно нечто большее, причем во всемирно-историческом масштабе. Полная реализация проекта может способствовать переходу гегемонии от морских держав, как было в эпоху Великих географических открытий, к континентальным силам во главе с Китаем, что сулит радикальный (и драматический) поворот в современном цивилизационном процессе. Вместе с сопутствующими инициативами проект видится сигналом

и своего рода воплощением внешнеполитического курса, направленного на обретение Китаем статуса ведущей глобальной державы.

Для обретения гегемонии в современном мире нужен образ лидера, предлагающего новую парадигму миропорядка. В Пекине это хорошо понимают и серьезно озабочены международным имиджем Китая. Характерны размышления такого авторитетного международника из КНР, как Янь Сюэтун: «Из-за анархической природы международных отношений восходящая держава неизбежно бросает вызов нынешнему гегемону». Успех зависит от того, сумеет ли такая держава, в данном случае Китай, создать привлекательный имидж для своей политики на международной арене. Именно привлекательный имидж может дать Китаю «большее число союзников, чем у нынешнего гегемона», что и гарантирует в конечном счете обретение «статуса ведущей мировой державы» [Yan 2014, p. 182].

Янь Сюэтун ссылается на поучение древнекитайского мыслителя Сюньцзы[3]: «Авторитет среди людей обусловлен нравственностью, гегемония – завоеванием доверия». Возвышающемуся Китаю важно обрести соответствующее «стратегическое доверие», тогда его лидирующее положение в мировом порядке будет воспринято другими международными субъектами. А для этого Китаю следует добиваться авторитета в гуманитарной сфере (unless it adopts a humane authority strategy) [Yan 2014, p. 161–162].

Такая стратегия, направленная на установление нового мирового порядка, находится всецело в русле древней политической традиции страны, которую современный китайский ученый сводит к формуле «высшая форма мирового лидерства должна быть основана на сочетании материальной силы и нравственности» [Yan 2014, p. 163]. Нравственность вычитывается в постулатах древнекитайской мудрости, сдобренных современными идеями китайского руководства о взаимной пользе, которую сулит всем странам мира сотрудничество с возвышающимся Китаем. Эти идеи подкрепляются «материальной силой» в виде огромных финансовых ресурсов Китая.

Экспансия капитала превратилась в своеобразный modus vivendi современной китайской экономики. Не находя возможностей для эффективного использования внутри Китая в силу удорожания рабочей силы и истощения природных ресурсов, выведенные за рубеж эти инвестиции остаются частью внутреннего воспроизводственного механизма и через извлекаемую прибавочную стоимость поддерживают китайскую модель экономики, производную от того, что именуется «социализмом с китайской спецификой».

3. В политической теории мыслителя II в. до н.э. Сюнь-цзы этический посыл учения Конфуция сплавлялся с прагматизмом другого направления классической мысли – школы легистов. Сюнь-цзы полагал, что для политического успеха требуется сочетание силы с духовным авторитетом.

По мнению профессора Школы востоковедения Высшей школы экономики А.А. Маслова, высказанному в интервью радио «Свобода», происходит сплав экономической модели с традиционно коммунистической идеологией КПК, руководство которой убеждено, что для «устойчивости эта модель должна быть распространена за рубеж, как когда-то Ленин говорил о распространении мировой революции, которая не может совершиться только в одной стране». Думаю, более точно другое суждение авторитетного российского специалиста: «Внутренняя китайская экономика не может выжить без дальнейшего развития за рубеж» [Шароградский 2018].

Существуют объективные обстоятельства, которые обусловливают необходимость глобалистской перспективы. Бурный спурт реформ сделал Китай не только второй экономикой мира, но и макрозависимым от мировой экономической системы. Соединение факторов «экономического чуда» – собственных трудовых ресурсов и заимствованных ресурсов передовой технологии – продолжает действовать, но уже совершенно иначе, внушая растущую тревогу в самом Китае и опасения в мире.

«Дальнейший рост Китая, – предупреждал Э.С. Кульпин[4], – возможен только за счет ресурсов всей планеты, что в перспективе чревато глобальной напряженностью. Дальнейшее же развитие возможно за счет новых технологий – осуществления перехода от догоняющей к опережающей модернизации» [Кульпин 2014, с. 124].

Преодолеть экологический кризис, порожденный предельным использованием природных ресурсов, заодно с демографическим кризисом, обусловленным старением населения[5], Китай не может без углубленного преобразования всего общества и прежде всего структуры экономического роста. Переход к «опережающей модернизации» означает опережение развитых стран в научно-технических разработках. Между тем технологическая зависимость китайской экономики продолжает оставаться очень значительной: ее ведущие отрасли более чем на 50% зависят от импорта техники и технологии [Виноградов 2014, с. 174].

В директивном порядке страна наращивает патентную базу, но собственные изобретения обычно малозначимы, в то же время в 2017 г. Китай заплатил 28,6 млрд долл. за использование объектов интеллектуальной собственности других стран [Ли Хуэй 2018]. Предприятия с участием иностранного капитала обеспечивают 50% китайского экспорта, 25% промышленного

4. Основатель российской школы социоестественной истории Эдуард Сальманович Кульпин (1939–2015).

5. Из-за политики «одна семья – один ребенок» Китай вышел на уровень рождаемости развитых стран. С отказом от курса китайское руководство запоздало [China's 2019].

производства, 20% налоговых поступлений, 10% рабочих мест [Китай отметил… 2018]. Несмотря на усилия по расширению внутреннего рынка, страна продолжает в критической степени зависеть от внешней торговли. По данным Всемирного банка, внешнеторговый оборот в 2017 г. составил почти 38% ВВП [Сможет ли… 2019].

При всем том ориентация на внешние связи имеет ограничители далеко не только экономического свойства. По крайней мере не менее важны политические интересы. Си Цзиньпин требует, чтобы в политике открытости поддерживался «баланс» между экономическим развитием и стабильностью [Си 2018 а]. Глобализация предъявляет режиму партократии серьезные вызовы. И режим отвечает в первую очередь поступательным блокированием информационного потока извне.

Заметим, в Китае придают большое значение информатизации, причем не только из-за значения этой отрасли для современного развития страны, но и в перспективе перехода мировой цивилизации от индустриального общества к обществу информационному, поскольку в Китае вынашиваются амбициозные планы на достижение страной лидерских позиций именно на этом, новом этапе цивилизационного развития и именно в этой сфере [Обзорный 2011].

Между тем информатизация совершенно очевидно рассматривается китайским руководством и как вызов. Ставя целью превращение Китая в «сетевую державу» и поддерживая широкое распространение Интернета (например, в онлайн-торговле), партийное руководство выдвигает на передний план обеспечение «сетевой безопасности». Примечателен стиль постановки этой стратегической задачи, побуждающий не только оценить значение, которое ей придает китайское руководство, но и вспомнить о традициях правящей партии как военно-революционной организации. «Сетевую державу», согласно Си Цзиньпину, должна строить «сильная армия кадров», высоко сознательных политически, высококвалифицированных в области информационных технологий и обладающих деловитостью. А поскольку «создать «тысячу армий легко, а найти генерала трудно»[6], главная надежда возлагается на командование. Это Руководящая группа ЦК КПК по обеспечению сетевой безопасности и информатизации, которой поручается «непрерывное повышение способности по обеспечению безопасности в данной области» [Си 2017, с. 275].

Принятые и принимаемые меры по обеспечению сетевой безопасности действительно напоминают военные действия. По подобию Великой китайской стены, которая в древности должна была защищать Поднебесную от нашествия чужеземных варваров, с конца 1990-х годов в КНР стали создавать

6. Из драмы эпохи правления династии Юань (XIII–XIV вв.).

систему блокирования нежелательного торрента в Интернете – *Великий китайский файрвол*[7]. Прежде всего были введены разнообразные и прямые административные запреты. Так, прекращено транслирование важнейших социальных сетей Youtube, Facebook, Instagram, а Google подчиняется ограничениям, наложенным надзорными органами КНР.

За этой передовой линией укрывается глубоко эшелонированная оборона, которая должна перекрыть все каналы идеологически опасной информации. На ближних подступах действует многотысячная армия контролеров, претензии которых к благонадежности Сети становятся все более изощренными в соответствии с указаниями руководящих органов, отвечающих за цензуру.

Фильтрация информации сказывается на изучении современного Китая. В последние годы заметно сократилось число полевых исследований. Место характеристики сложных социальных процессов занимают впечатления туристов, восторгающихся небоскребами и сверхскоростными магистралями, вкупе с официальными отчетами о грандиозных достижениях. Благостные картины в изобилии поставляются за рубеж различными видами вещания в рамках хорошо отлаженной и финансово обеспеченной пропагандистской системы [Lim, Bergin, 2018]. Вдумываешься, может и прав автор суждения «Китай не хочет, чтобы его постигали»? [Карагодин 2015].

Открытость Китая на современном этапе выглядит весьма двусмысленной. Нет железного занавеса. Масса граждан КНР работают за рубежом, миллионы выезжают туристами, сотни тысяч студентов учатся в европейских и большей частью американских университетах. В то же время идеологический контроль усиливается, СМИ заняты навязчивой пропагандой свершений и грандиозных планов, в вузах интенсифицируется обучение марксизму с «китайской спецификой».

На торжествах по случаю 70-летия образования КНР Си Цзиньпин появился в сером пиджаке с высоким воротничком – прославленным Мао Цзэдуном[8], а накануне посетил усыпальницу великого кормчего. Он напутствовал участников парада краткой речью: «Никакая сила не может поколебать наш статус великой державы, никакая сила не может помешать китайскому народу и китайской нации идти вперед» [Портякова 2019]. Сила была продемонстрирована в полной мере крупнейшим в истории страны военным парадом с демонстрацией новейших видов вооружения.

7. На эту тему существует обширная литература. См. напр.: [Краткая история 2018].

8. В западных СМИ обычно эту форму одежды называют Mao suit – «китель Мао», на самом деле ее ввел Сунь Ятсен, позаимствовав японский образец. Очевидно, этот стиль призван демонстрировать культурную суверенность, аналогично национальному одеянию индийских, иранских, арабских, африканских и других правителей.

Иностранных делегаций на торжествах не было, зато впервые на парадах был представлен китайский миротворческий контингент. Во времена Мао КНР выступала против такой формы международного сотрудничества, как иностранное вмешательство. Ныне Китай предоставляет самое большое число людей для участия в миротворческих миссиях ООН и является вторым крупнейшим спонсором таких операций [Карагодин 2015]. Так символически была подчеркнута решимость Китая брать на себя ответственность за поддержание мира во всем мире.

Реформы стали серьезным испытанием для мировоззрения руководителей КПК. И этот опыт подвигнул к размышлениям и выводам, важнейший из которых – недопустимость изоляционизма. По словам Си, в изложении агентства Синьхуа, «любая страна или нация, стремящаяся к возрождению, должна следовать логике истории и тенденциям эпохи» [Си 2018 б].

В поддержку своего убеждения Си Цзиньпин приводит суждение наиболее почитаемого предшественника образования КНР Сунь Ятсена о том, что для успеха своей политики руководитель страны должен следовать «мировому течению». В наше время «мировое течение» ассоциируется с глобализацией, и современный руководитель Китая выбирает для страны этот путь [Си 2017, с. 362].

Библиография

«Сообщество общей судьбы» Китай – АСЕАН // Лента-Политика. 2013. 9 окт. URL: http://www.rodon.org/polit-131009112938 (дата обращения: 5.10.2019).

Виноградов А.В. Китайская цивилизация и современность // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО, 2014. Т. 1. С. 172–176.

Гордон А.В. Преобразование китайской деревни: борьба мнений // Китайская деревня: рубеж тысячелетий. М.: ИНИОН, 2003. С. 160–179.

Ильин Д. «Один пояс – один путь» // Яндекс-Дзен. 2018. 30 авг. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5b1d0f85c0ec1000a9ddffa9/odin-poias--odin-put-5d64b404f73d9d00adeba96b (дата обращения: 15.10.2019).

Карагодин А. «Китай не хочет, чтобы его постигали» / Интервью с А.А. Масловым // Первый русский журнал. 2015. 19 нояб. URL: http://worldcrisis.ru/crisis/2138457 (дата обращения: 15.10.2019).

Китай отметил 40-летие реформ и открытости заявкой на дальнейшее развитие // РИА Новости. 2018. 18 дек. URL: https://ria.ru/20181218/1548207286.html (дата обращения: 5.10.2019).

Китай отмечает 40-ю годовщину политики реформ и открытости // Синьхуа Новости. 2018. 18 дек. URL: http://russian.news.cn/2018-12/18/c_137682814_2.htm (дата обращения: 5.10.2019).

Кокарев К.А. Китай и США на пороге «новых» отношений // Российский институт стратегических исследований. 2012. 28 февр. URL: https://riss.ru/analitycs/2500/ (дата обращения: 5.10.2019).

Краткая история ИБ в Китае: как возводили Великий китайский файрвол // Хабр. 2018. 30 апр. URL: https://habr.com/company/vasexperts/blog/354698/ (дата обращения: 5.09.2019).

Кульпин Э.С. Историческая динамика Китая сквозь призму социоестественной истории // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО, 2014. Т. 1. С. 110–125.

Ли Хуэй. 40 лет реформ и открытости: новая отправная точка развития Китая в качестве члена ВТО / Интервью с китайским послом в Москве // ТАСС. 2018. 2 нояб. URL: https://tass.ru/opinions/5750950 (дата обращения: 5.10.2019).

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М.: Весь мир, 2011. 256 с.

Первый государственный визит Си Цзиньпина в США продолжается // ARD. 2015. 24 сент. URL: http://asiarussia.ru/news/9216/ (дата обращения: 5.10.2019).

Портякова Н. Пекин в честь юбилея устроил крупнейший в истории КНР военный парад, Гонконг – новые беспорядки // Известия. 2019. 2 окт. URL: https://iz.ru/927505/nataliia-portiakova/gordost-i-ubezhdeniia-kak-kitai-otmetil-svoe-70-letie (дата обращения: 10.10.2019).

Свищев А. Сможет ли Китай выйти за рамки подражания своим более развитым партнерам // Версия. 2019. 28 окт. № 41. URL: https://versia.ru/smozhet-li-kitaj-vyjti-za-ramki-podrazhaniya-svoim-bolee-razvitym-partneram (дата обращения: 5.11.2019).

Си Цзиньпин назвал политику реформ и открытости эпохальным этапом возрождения Китая // ТАСС. 2018. 18 дек. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5924525 (дата обращения: 5.10.2019).

Си Цзиньпин: 40 лет реформ и открытости позволили сделать много ценных выводов // Синхуа Новости. 2018. 10 апр. URL: http://russian.news.cn/2018-04/10/c_137100067.htm (дата обращения: 5.10.2019).

Си Цзиньпин. О государственном управлении. 2-е изд. Пекин: Изд-во лит. на иностранных яз., 2017. 650 с.

Шароградский А. Китайская пирамида. Исчерпаны ли ресурсы для экспансии? / Интервью с А.А. Масловым // Радио «Свобода». 2018. 23. дек. URL: https://www.svoboda.org/author/андрей-шароградский/qmqi (дата обращения: 5.11.2019).

NI: США и Китай идут к войне, но ее еще можно избежать // РИА Новости. 2015. 18 окт. URL: http://ria.ru/world/20151018/1304095531.html#ixzz48bsUHMBZ (дата обращения: 12.08.2019).

Allison G.T. Obama and Xi must think broadly to avoid a Classic Trap // New York Times. 2013. June 6. URL: http://www.nytimes.com/2013/06/07/opinion/obama-and-xi-must-think-broadly-toavoid-a-classic-trap.html (дата обращения: 15.06.2019).

Blackwill R.D., Campbell K.D. Xi Jinping on the global stage: Chinese foreign policy under a powerful but exposed leader. N.Y.: Council on foreign relations, 2016. XI, 67 p.

China and international relations: The Chinese view and the contribution of Wang Gungwu / Ed. by Zheng Yongnian. N.Y.: Routledge, 2010. 351 p.

China's population shrinks for first time in 70 years despite two-child policy // Japan Times. Tokyo, 2019. Jan. 4. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2019/01/04/asia-pacific/social-issues-asia-pacific/chinas-population-shrinks-first-time-70-years-despite-two-child-policy-experts/#.XDCXYVwzaDI) (дата обращения: 15.08.2019).

Explaining China's foreign policy reset // China analysis. S. l., 2015. URL: www.ecfr.eu/.../chinaanalysiseng_special_issue_1 (дата обращения: 12.07.2019).

Lim L., Bergin J. Inside China's audacious global propaganda campaign // Guardian. 2018. Dec. 7. URL: https://www.theguardian.com/news/2018/dec/07/china-plan-for-global-media-dominance-propaganda-xi-jinping (дата обращения: 11.07.2019).

Liu Xiaoming. New Silk Road is an opportunity not a threat // Financial Times. 2015. May 24. URL: http://www.ft.com/intl/cms/s/0/c8f58a7c-ffd6-11e4-bc30-00144feabdc0.html#axzz3bH6GePCA (дата обращения: 15.10.2019).

Rehman Saif Ur, Zhao Shurong. Analysis of Chinese Economic and National Security Interests in China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) under the Framework of One Belt One Road (OBOR) Initiative // Arts and Social Sciences. 2017. Vol. 8. N 4. URL: https://www.omicsonline.org/open-access/analysis-of-chinese-economic-and-national-security-interests-in-chinapakistan-economic-corridor-cpec-under-the-framework-of-one-be-2151-6200-1000284.php?aid=91492 (дата обращения: 15.10.2019).

Swaine M.D. Chinese views and commentary on the «One belt, one road» initiative. S. I.: Hoover institution, 2015. 24 p. (China leadership monitor N 47).

Swaine M.D. Xi Jinping's address to the Central conference on work relating to foreign affairs: Assessing and advancing major power diplomacy with Chinese characteristics. S. I.: Hoover institution, 2015. 19 p. (China leadership monitor N 46).

Yan Xuetong. From keeping a low profile to striving for achievement // Chinese j. of international politics. Oxford, 2014. Vol. 7. N 2. P. 153–184.

References

Allison G.T. Obama and Xi must think broadly to avoid a Classic Trap. New York Times. 2013. June 6. URL: http://www.nytimes.com/2013/06/07/opinion/obama-and-xi-must-think-broadly-toavoid-a-classic-trap.html (date of access: 15.06.2019).

Blackwill R.D., Campbell K.D. Xi Jinping on the global stage: Chinese foreign policy under a powerful but exposed leader. N.Y.: Council on foreign relations, 2016. XI, 67 p.

China and international relations: The Chinese view and the contribution of Wang Gungwu / Ed. by Zheng Yongnian. N.Y.: Routledge, 2010. 351 p.

China's population shrinks for first time in 70 years despite two-child policy. Japan Times. Tokyo, 2019. Jan. 4. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2019/01/04/asia-pacific/social-issues-asia-pacific/chinas-population-shrinks-first-time-70-years-despite-two-child-policy-experts/#.XDCX YVwzaDI (date of access: 15.08.2019).

Explaining China's foreign policy reset. China analysis. S. l., 2015. URL: www.ecfr.eu/.../ chinaanalysiseng_special_issue_1 (date of access: 12.07.2019).

Gordon A.V. Preobrazovanie kitajskoj derevni: Bor'ba mnenij // Kitajskaja derevnja: Rubezh tysjacheletij [Transforming a Chinese Village: Fighting Opinions // Chinese village: turn of the century]. Moscow: INION, 2003. P. 160–179. (In Russ.)

Il'in D. «Odin pojas – odin put'» [«One Belt, one Road»]. Jandeks-Dzen. 2018. 30 Aug. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5b1d0f85c0ec1000a9ddffa9/odin-poias--odin-put-5d64b404f73d9d00 adeba96b (date of access: 15.10.2019). (In Russ.)

Karagodin A. «Kitaj ne hochet, chtoby ego postigali» / Interv'ju s A.A. Maslovym. Pervyj russkij zhurnal [«China doesn't want to be caught» / Interview with A.A. Maslov. First Russian magazine.]. 2015. Nov. 19. URL: http://worldcrisis.ru/crisis/2138457 (date of access: 15.10.2019). (In Russ.)

Kitaj otmechaet 40-ju godovshhinu politiki reform i otkrytosti. Sin'hua Novosti [China celebrates 40th anniversary of reform and opening up policy. Xinhua News]. 2018. Dec. 18. URL: http://russian.news.cn/2018-12/18/c_137682814_2.htm (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Kitaj otmetil 40-letie reform i otkrytosti zajavkoj na dal'nejshee razvitie. RIA Novosti [China celebrated 40 years of reforms and openness. RIA News]. 2018. Dec. 18. URL: https://ria.ru/ 20181218/1548207286.html (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Kokarev K.A. Kitaj i SShA na poroge «novyh» otnoshenij. Rossijskij institut strategicheskih issledovanij [China and USA on the threshold of «new» relations. Russian Institute for Strategic Studies]. 2012. Feb. 28. URL: https://riss.ru/analitycs/2500/ (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Kratkaja istorija IB v Kitae: kak vozvodili Velikij kitajskij fajrvol [A Brief History of is in China: How the Great Chinese Firewall was Built]. Habr. 2018. Apr. 30. URL: https://habr.com/company/vasexperts/blog/354698/ (date of access: 5.09.2019). (In Russ.)

Kul'pin Je.S. Istoricheskaja dinamika Kitaja skvoz' prizmu socioestestvennoj istorii. Kitajskaja civilizacija v globalizirujushhemsja mire [China's historical dynamics through the prism of social history. Chinese civilization in a globalizing world]. Moscow: IMEMO, 2014. Vol. 1. P. 110–125. (In Russ.)

Li Hujej. 40 let reform i otkrytosti: novaja otpravnaja tochka razvitija Kitaja v kachestve chlena VTO / Interv'ju s kitajskim poslom v Moskve [40 years of reform and openness: a new starting point for China's development as a WTO member / Interview with the Chinese Ambassador in Moscow]. TASS. 2018. Nov. 2. URL: https://tass.ru/opinions/5750950 (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Lim L., Bergin J. Inside China's audacious global propaganda campaign. Guardian. 2018. Dec. 7. URL: https://www.theguardian.com/news/2018/dec/07/china-plan-for-global-media-dominance-propaganda-xi-jinping (date of access: 11.07.2019).

Liu Xiaoming. New Silk Road is an opportunity not a threat. Financial Times. 2015. May 24. URL: http://www.ft.com/intl/cms/s/0/c8f58a7c-ffd6-11e4-bc30-00144feabdc0.html#axzz3bH6GePCA (date of access: 15.10.2019).

NI: SShA i Kitaj idut k vojne, no ee eshhe mozhno izbezhat'. RIA Novosti [NI: USA and China are going to war, but it is still possible to avoid it. RIA News]. 2015. Oct. 18. URL: http://ria.ru/world/20151018/1304095531.html#ixzz48bsUHMBZ (date of access: 12.08.2019). (In Russ.)

Obzornyj doklad o modernizacii v mire i Kitae (2001–2010) [Review report on global and Chinese modernization (2001–2010)]. Moscow: Ves' mir, 2011. 256 p. (In Russ.)

Pervyj gosudarstvennyj vizit Si Czin'pina v SShA prodolzhaetsja [Xi Jinping's first state visit to the United States continues]. ARD. 2015. Sept. 24. URL: http://asiarussia.ru/news/9216/ (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Portjakova N. Pekin v chest' jubileja ustroil krupnejshij v istorii KNR voennyj parad, Gonkong – novye besporjadki [Beijing held the largest military parade in Chinese history to commemorate the anniversary, Hong Kong – new unrest]. Izvestija. 2019. Oct. 2. URL: https://iz.ru/927505/nataliia-portiakova/gordost-i-ubezhdeniia-kak-kitai-otmetil-svoe-70-letie (date of access: 10.10.2019). (In Russ.)

Rehman Saif Ur, Zhao Shurong. Analysis of Chinese Economic and National Security Interests in China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) under the Framework of One Belt One Road (OBOR) Initiative. Arts and Social Sciences. 2017. Vol. 8. N 4. URL: https://www.omicsonline.org/open-access/analysis-of-chinese-economic-and-national-security-interests-in-chinapakistan-economic-corridor-cpec-under-the-framework-of-one-be-2151-6200-1000284.php?aid=91492 (date of access: 15.10.2019)/

Sharogradskij A. Kitajskaja piramida. Ischerpany li resursy dlja jekspansii? / Interv'ju s A.A. Maslovym. Radio «Svoboda» [Chinese pyramid. Are the resources for expansion exhausted? / Interview with A.A. Maslov. Radio «Liberty»]. 2018. Dec. 23. URL: https://www.svoboda.org/author/andrej-sharogradskij/qmqi (date of access: 5.11.2019). (In Russ.)

Si Czin'pin nazval politiku reform i otkrytosti jepohal'nym jetapom vozrozhdenija Kitaja [Xi Jinping called the policy of reform and opening up a milestone in China's rebirth]. TASS. 2018. Dec. 18. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5924525 (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Si Czin'pin: 40 let reform i otkrytosti pozvolili sdelat' mnogo cennyh vyvodov. Sinhua Novosti [Xi Jinping: 40 years of reform and openness have allowed many valuable conclusions. Xinghua News]. 2018. Apr. 10. URL: http://russian.news.cn/2018-04/10/c_137100067.htm (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii [Xi Jinping. About public administration]. Pekin: Izd-vo lit. na inostrannyh jaz., 2017. 650 p. (In Russ.)

«Soobshhestvo obshhej sud'by» Kitaj – ASEAN. Lenta-Politika [«Community of Common Destiny» China – ASEAN. Lenta-Politics]. 2013. Oct. 9. URL: http://www.rodon.org/polit-13100911 2938 (Date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Svishhev A. Smozhet li Kitaj vyjti za ramki podrazhanija svoim bolee razvitym partneram. Versija [Will China be able to go beyond the imitation of its more developed partners. Version]. Oct. 28. 2019. N 41. URL: https://versia.ru/smozhet-li-kitaj-vyjti-za-ramki-podrazhaniya-svoim-bolee-razvitym-partneram (date of access: 5.11.2019). (In Russ.)

Swaine M.D. Chinese views and commentary on the «One belt, one road» initiative. S. I.: Hoover institution, 2015. 24 p. (China leadership monitor N 47).

Swaine M.D. Xi Jinping's address to the Central conference on work relating to foreign affairs: Assessing and advancing major power diplomacy with Chinese characteristics. S. I.: Hoover institution, 2015. 19 p. (China leadership monitor N 46).

Vinogradov A.V. Kitajskaja civilizacija i sovremennost'. Kitajskaja civilizacija v globalizirujushhemsja mire [Chinese civilization and modernity. Chinese civilization in a globalizing world]. Moscow: IMEMO, 2014. Vol. 1. P. 172–176. (In Russ.)

Yan Xuetong. From keeping a low profile to striving for achievement. Chinese j. of international politics. Oxford, 2014. Vol. 7. N 2. P. 153–184.

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.07

А.И. Захаров

ВСТУПЛЕНИЕ ИНДИИ В ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: ОСОБЕННОСТИ ПУТИ

Аннотация. *Индийский подход к глобализации противоречив. Открываясь для инвесторов, Индия сохраняет достаточно непредсказуемую торговую политику, нередко прибегает к протекционистским мерам, тем самым осложняя отношения с другими странами в области торговли. Отражением такой политики становятся безрезультатные переговоры о зонах свободной торговли как на двусторонней, так и многосторонней основе, а иногда и попытки пересмотра уже заключенных соглашений.*

Политика правительства в отношении интеграции Индии в глобальное пространство не отличается последовательностью. Во внешней политике Индия традиционно направлена на поддержание многосторонних контактов. В годы холодной войны это стремление было выражено в индийском лидерстве в Движении неприсоединения и поддержании хрупкого баланса между СССР и США. В настоящее время при сохранении элементов «политики неприсоединения» Нью-Дели стремится расширить регионы своего присутствия, опираясь на возросшие экономические возможности и мягкую силу.

Отношение индийского общества к глобализации неоднозначно. С одной стороны, в общественном сознании прочно укоренены традиционные культурные ценности. С другой стороны, своеобразными проводниками глобализации являются представители молодого поколения и индийцы, проживающие за рубежом, но сохранившие тесные связи со своей родиной.

В статье рассматриваются несколько направлений вхождения Индии в глобальный мир: проведение экономических реформ, особенности торговой политики, попытка поддерживать многостороннюю дипломатию, а также роль многочисленной индийской диаспоры. Отдельно проанализированы вызовы, стоящие перед индийским обществом, и влияние глобализации на изменение социальной жизни в Индии.

Ключевые слова: *Индия; глобализация; экономические реформы; мировая торговля; многосторонняя дипломатия; развивающаяся экономика; индийское общество.*

Захаров Алексей Игоревич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН. Россия, Москва.

E-mail: azakharov@ivran.ru
Web of Science Researcher ID: AAH-3869–2020;
Scopus Author ID: 57210834142

Zakharov A.I. The Characteristic Features of India's Entry into the Global World

Abstract. *India implements a rather contradictory approach to globalization. The country often pursues quite unpredictable trade policies, resorting to protectionists measures that complicate its relations with other countries. Such policies result in inconclusive negotiations, both on bilateral and multilateral basis, on free trade zones and even occasional attempts to revise the already concluded agreements.*

The Indian government's approach to global integration has never been consistent. In its foreign policy, India has traditionally stayed on the course of multilateral diplomacy. In the Cold War times, this policy was embodied in India's leadership in the Non-Alignment Movement and its commitment to the idea of maintaining a fragile balance between the USSR and US. These days, while preserving some elements of the old non-alignment approach, New Delhi is seeking to expand its international influence, relying on the country's increased economic potential and a more vigorous soft power.

Public attitudes towards globalization in India are quite ambiguous. On the one hand, there are traditional values with deep roots in the consciousness of society. On the other, the Indian youth and the Indians that reside abroad but maintain strong linkages with the homeland are active agents of globalization.

The paper deals with several aspects of India's entry into the global world. It analyzes the course of economic reforms in the country, the specifics of its trade policy, its multilateral diplomacy and the role of its large diaspora. Also, the author examines the challenges facing the Indian society and the impact of globalization on the social life in the country.

Keywords: *India; globalization; economic reforms; world trade; multilateralism; emerging economy; Indian society.*

Zakharov Aleksei Igorevich – Candidate of Historical Sciences,
Research Fellow at the Centre for Indian Studies,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow. E-mail: azakharov@ivran.ru
Web of Science Researcher ID: AAH-3869–2020;
Scopus Author ID: 57210834142

Процессы глобализации представляют собой неотъемлемую составляющую развития Индии. Многие индийские компании, особенно работающие в сфере высоких технологий, являются глубоко глобализированными, а программисты и инженеры – одними из самых востребованных специалистов в мире. Индийская культура стала частью мировой традиции, влившись в обычаи многих стран и народов мира. Выходцы из Индии, которые сформировали значимые общины в различных странах, оказались проводниками

традиций своей страны, выведя их на глобальный уровень. Ученые, авторы книг, деятели искусства индийского происхождения регулярно получают престижные международные награды и являются важным ориентиром для молодого поколения жителей Индии. Индийцы, которые работают или учатся за границей, – сила, которая буквально втягивает страну в мировые процессы, делая ее незаменимым участником глобализации.

Одна из самых населенных стран мира[1], Индия является привлекательным рынком для ведущих международных компаний, стремящихся иметь свои представительства в крупных индийских городах. Тем не менее Индия, которую также называют «развивающимся гигантом», на пути своего экономического роста сталкивается со многими вызовами, определяющими осторожный подход правительства к открытию экономики страны.

Путь вступления Индии в глобальный мир не является линейным. В статье анализируются процессы вступления Индии в глобализацию, государственная политика в этой сфере, восприятие глобализации общественным сознанием.

Развивающаяся экономика и непредсказуемая торговая политика

1990-е годы принято считать отправной точкой вхождения Индии в процессы глобализации. Масштабные реформы, проведенные в этот период, привели к либерализации индийской экономики – открытию ее рынка для зарубежных товаров, услуг и инвестиций и большему участию страны в мировой торговле. Шаги правительства Раджива Ганди, приумноженные политикой кабинета премьер-министра Нарасимхи Рао, позволили Индии совершить экономический рывок.

Индийский экономист Анима Синха разделяет процесс экономических реформ в стране на три этапа: 1) вызванные внешним долгом реформы 1980-х годов; 2) вызванные кризисом реформы начала 1990-х годов; 3) мотивированные развитием торговых отношений реформы 1998–2005 гг. «Глобальные и местные стратегические возможности сошлись воедино в конце 1990-х годов», – пишет она, они активизировали политику реформ и ее сторонников, «что сделало индийские реформы устойчивыми к потрясениям» [Sinha 2019, с. 55].

Начало реформ в 1991 г. проходило на фоне острого кризиса, вызванного дефицитом платежного баланса, а также войны в Персидском заливе, в результате которой Индия перестала импортировать нефть из Ирака

1. Население Индии составляет около 1,3 млрд человек.

и Кувейта[2]. Реформы, хотя и получили поддержку МВФ и других международных фондов, проводились довольно медленными темпами. Например, шаги правительства по приватизации и реструктуризации государственных предприятий, объявленные в 1991 г., на деле стали реализовываться лишь начиная с 1994 г. Не удивительно, что отклик на экономические меры со стороны зарубежных компаний был довольно осторожным. В течение первого года реформ (1991–1992) прямые зарубежные инвестиции в индийскую экономику не превышали 500 млн долл. Данный показатель значительно увеличился лишь спустя несколько лет, достигнув 4,9 млрд долл. в 1995–1996 гг. и 5,6 млрд долл. в 1996–1997 гг. Первыми инвесторами в экономику Индии стали Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Япония, Швейцария и представители индийской диаспоры, в тот момент уже занимавшей значительное место в мире[3]. После 1995 г. инвестировать в индийскую экономику начали и азиатские страны: Южная Корея, Сингапур, Тайвань и Гонконг [Vercueil 2015, с. 99–100].

Волевое решение правительства Индии под руководством Нарасимхи Рао (1991–1996), сделавшего ставку на частный сектор и вступившего на путь глобализации, позволило развивающейся индийской экономике совершить стремительный рывок и обратить на себя внимание инвесторов со всего мира.

После двухлетнего периода политической нестабильности (1996–1998) и угасания повестки реформ к власти в Индии пришел Национальный демократический альянс (НДА) во главе с партией Бхаратия джаната парти (БДП). Сформировав стабильное коалиционное правительство в 1999 г., премьер-министр Атал Бихари Ваджпаи и его команда, к удивлению многих индийских специалистов и зарубежных инвесторов, запустили новую программу реформ, способствовавшую росту экономики и глобальной интеграции Индии. Главный акцент правительство сделало на увеличение экспорта, поэтому государство оказывало содействие частному сектору в поиске новых экспортных направлений. Реформы затронули ряд секторов индийской экономики: текстильную промышленность, сферу телекоммуникаций, электроэнергетику, развитие инфраструктуры и дорог [Sinha 2019, с. 73]. По мере вступления в силу требований Всемирной торговой организации к 2003–2005 гг. глобальные факторы, в частности – либерализация торгового режима, стали определять изменения в Индии.

Путь большего вовлечения страны в глобальные процессы был продолжен в годы нахождения у власти Объединенного прогрессивного альянса

2. Поставки из этих стран составляли до 40% всего индийского импорта нефти и имели существенное преимущество, поскольку оплачивались в индийских рупиях.

3. Вклад индийской диаспоры в экономику Индии и политическую жизнь страны рассмотрен в разделе «Индийская диаспора: послы доброй воли и гордость нации».

(ОПА) в 2004–2009 гг. Однако во второй срок нахождения альянса во главе с партией Индийский национальный конгресс (ИНК) у власти (2009–2014) рост экономики Индии серьезно замедлился, а международные позиции страны ослабли.

В 2014 г. после прихода к власти в Индии правительство Нарендры Моди объявило о курсе на изменение экономики страны. Одним из ключевых обещаний нового премьер-министра было проведение ряда реформ, которые бы вернули стране стремительный экономический рост за счет привлечения иностранных инвестиций. Помимо экономической составляющей глава индийского правительства активно развивал внешнюю политику страны в попытке создать образ Индии как глобальной державы, играющей заметную роль в мировых делах.

Реформаторская повестка Н. Моди звучала весьма амбициозно и имела целью вывести индийскую экономику из застоя, наметившегося во второй срок нахождения у власти кабинета ИНК. Однако сам курс правительства БДП по реализации реформ отмечен противоречивыми тенденциями.

Премьер-министр Индии предпринял ряд шагов по «открытию Индии миру», укрепив отношения со многими странами и усилив роль страны в международных организациях и объединениях. За первый срок нахождения у власти Н. Моди совершил 92 зарубежных визита в 57 стран мира, практически вдвое больше своего предшественника Манмохана Сингха. Индийскому премьер-министру удалось достичь важных договоренностей с зарубежными партнерами, особенно в области военного сотрудничества и энергетической безопасности страны, а также привлечь прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в индийскую экономику, которые составили 193 млрд долл. за период с 2014 по 2019 г. Для сравнения: данный показатель ПИИ на 50% больше, чем за пятилетнее правление правительства Индийского национального конгресса в 2008–2013 гг. [Sundaram, Marlow, Dormido 2019]. Однако большинство инвестиций из-за рубежа, как и прежде, было направлено в сферу услуг и капиталоемкие отрасли, а не трудоемкие отрасли промышленности. В связи с этим правительству не удалось в полной мере решить одну из ключевых проблем социально-экономического развития страны – создание рабочих мест.

Начиная с 2014 г. правительство Н. Моди провело ряд экономических реформ. Наиболее резонансные из них – демонетизация (извлечение из оборота купюр в 500 и 1000 рупий) и введение налога на товары и услуги (Goods and Services Tax, GST) пришлись на 2016–2017 гг. и вызвали недовольство населения, хотя и имели экономическую целесообразность. Государственными органами в последние годы ведется планомерная работа по улучшению условий ведения бизнеса в стране, что позволило Индии за период с 2014 по 2019 г. подняться в ежегодном рейтинге Всемирного банка Ease of Doing

Business со 144-го на 63-е место [Doing Business 2019, с. 4]. Показатели рейтинга нередко подвергаются критике за неточную методологию подсчета и неполный географический охват (оценка происходит лишь в наиболее крупных городах страны – Нью-Дели и Мумбаи). Тем не менее правительство Н. Моди всерьез относится к данному рейтингу и ставит амбициозную цель – войти в 50 лучших стран для ведения бизнеса к 2020 г.

Глава правительства использовал многочисленные визиты и участие на международных площадках, чтобы представить Индию как «самую открытую страну в мире для прямых иностранных инвестиций». Он стал первым премьер-министром Индии с 1997 г., принявшим участие в работе Всемирного экономического форума в Давосе. В своей речи на ВЭФ в 2018 г. Н. Моди выделил три вызова развитию человечества: изменение климата, терроризм и отказ от глобализации. Говоря о третьем вызове, глава правительства Индии отметил, что несмотря на звучащие заявления о взаимосвязанном мире, «сияние глобализации уменьшается». В противовес ей в мире появились новые силы, отстаивающие протекционизм, которые намереваются изменить естественный ход глобализации [Prime Minister's 2018].

В заявлении премьер-министра Индии тем не менее содержится один парадокс, поскольку с точки зрения торговой политики открытость индийской экономики не столь очевидна. Высокие тарифы на импортные товары осложняют торговые отношения Индии со многими странами. Как выразился президент США Дональд Трамп, комментируя индийско-американские торговые противоречия: «Индия – тарифный король» [Remarks 2018]. Это эмоциональное заявление американского президента подтверждается данными Всемирной торговой организации (ВТО), согласно которым в Индии сохраняется один из самых высоких показателей[4] среднего тарифа в рамках режима наибольшего благоприятствования – 17,1% [Tariffs]. Именно с США у Индии наиболее сложные переговоры по торговым вопросам. С момента образования ВТО в 1995 г. зафиксировано 19 случаев торговых споров между Нью-Дели и Вашингтоном (восемь из них – претензии со стороны США), вынесенных на урегулирование организацией. Схожее количество разногласий у Индии и с европейскими странами (рис. 1). Чаще всего зарубежных партнеров не устраивают неоправданно завышенные тарифы и другие протекционистские меры в отношении сельскохозяйственной и фармацевтической продукции, а также товаров текстильной промышленности, т.е. в тех областях, в которых у Индии сильно развито собственное производство.

4. Средний тариф, применяемый Индией в рамках РНБ, превышает уровень аналогичных показателей развитых экономик (США, Японии, ЕС) и развивающихся стран (России, Китая, Бразилии, ЮАР, Турции, Южной Кореи), уступая лишь Египту.

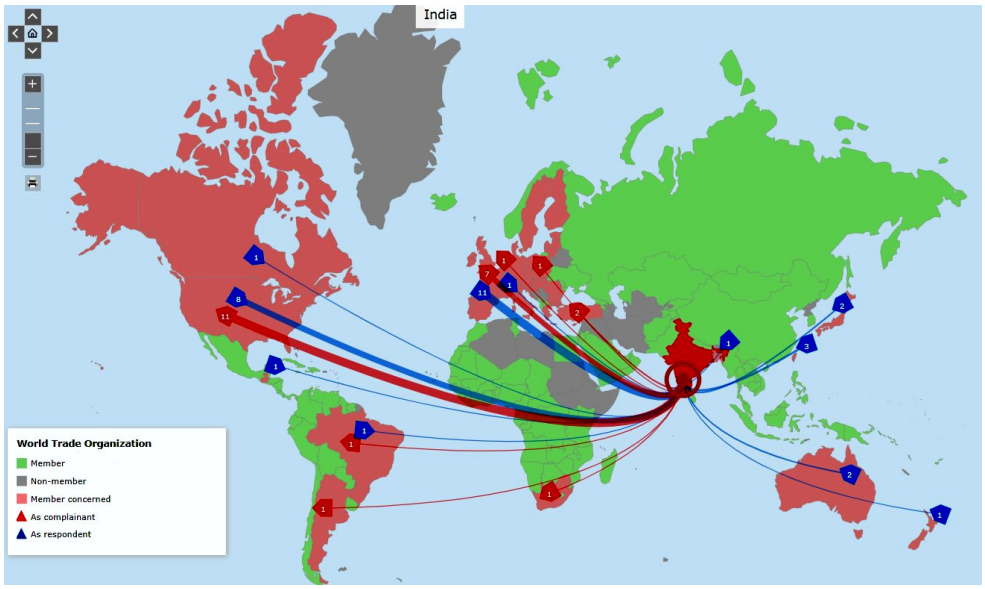

Рис. 1. Карта торговых споров Индии с другими странами – членами Всемирной торговой организации (ВТО).

Источник: [World Trade Organization].

Основная цель индийского правительства, отмеченная в плане внешнеторговой политики страны на 2015–2020-е годы, – «сделать Индию значимым участником мировой торговли», увеличив долю глобального экспорта страны с 2 до 3,5% к 2020 г. Несмотря на это, как отмечается в обзоре ВТО, «Индия продолжает использовать торговую политику в качестве инструмента регулирования спроса на внутреннем рынке и для решения таких краткосрочных проблем, как сдерживание инфляции и преодоление нестабильных цен на сырье» [Trade policy 2015]. Этими же соображениями движима и импортная политика Нью-Дели, которая в силу частых изменений тарифов является «внезапной и снижает предсказуемость общей торговой политики Индии» [Trade policy 2015].

Сохраняя высокий уровень изменчивости торговых подходов, Индия вместе с тем является участником 18 двусторонних и региональных соглашений о свободной торговле. Прежде всего, данные соглашения были подписаны с азиатскими странами: Азиатско-Тихоокеанское соглашение о свободной торговле, а также соглашения о всеобъемлющем экономическом партнерстве с Австралией, Индонезией, Сингапуром. Правда, данные соглашения активно критикуются в Индии, поскольку за время их действия товарооборот с парт-

нерскими странами вырос, но с отрицательным для Индии сальдо торгового баланса.

Один из наиболее дискутируемых проектов с участием Индии – соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), включающем страны – члены АСЕАН, а также Китай, Японию, Южную Корею, Индию, Австралию и Новую Зеландию, – являлось предметом обсуждения с 2012 г. К концу октября 2019 г., когда все остальные стороны соглашения смогли урегулировать спорные вопросы, у Индии оставались сомнения относительно целесообразности вступления во ВРЭП. Внутри страны присоединение к соглашению стало предметом ожесточенной дискуссии, особенно в преддверии достижения финальной договоренности. Вопрос, который больше всего беспокоил индийских политиков и представителей различных отраслей промышленности, – рост уязвимости индийского рынка перед наплывом китайских товаров. Из 15 других участников переговоров по ВРЭП у Индии были подписаны соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) с 14 странами, со всеми за исключением Китая. Это привело к значительному превышению импорта над экспортом с остальными странами потенциального ВРЭП: в 2018–2019 гг. торговый дефицит Индии с этими государствами достиг 107 млрд долл., из которых около 53 млрд долл. приходилось на Китай [Ghosh 2019]. В связи с этим серьезные опасения в Индии вызывает перспектива дальнейшего увеличения импорта из Китая, прежде всего – электроники и технических изделий, и отсутствия возможности у правительства, согласно требованиям ВРЭП, накладывать ограничительные меры для защиты своего рынка. Включение в соглашение механизмов противодействия резким «скачкам» импорта, чего добивался Нью-Дели, было отклонено другими странами.

Озабоченность вызывало и неизбежное увеличение конкуренции в случае вступления Индии во ВРЭП, с которым бы столкнулись местные производители. Переговорный процесс сопровождался серьезным давлением на правительство как со стороны бизнес-сообщества, так и оппозиции. Более того, вступление страны в экономическое партнерство было раскритиковано со стороны ряда представителей «Раштрия сваямсевак сангх» («Союз добровольных служителей нации», РСС) – старейшей и наиболее влиятельной индусской националистической организации, политическим крылом которой и является правящая в Индии Бхаратия джаната парти. Крайне правые в Индии традиционно выступают против глобальной торговли, полагая, что все товары должны производиться в Индии и необходимо отказаться от использования всех импортных продуктов, за редким исключением товаров первой необходимости. Подвергнув критике попытки правительства Моди войти во ВРЭП, представители РСС, а точнее, одного из филиалов организации – «Swadeshi Jagran Manch» (SJM), в октябре 2019 г. объявили о проведении

десятидневного общенационального протеста [Varma 2019]. Учитывая, что БДП – лишь политическое отделение РСС, движение против вступления Индии в соглашение фактически означало раскол внутри правящей партии по вопросу торговой политики страны, а по сути в отношении глобализации.

Усугубило дебаты о целесообразности регионального торгового соглашения сложное положение индийской экономики, которая начиная с 2019 фин. года[5], стала демонстрировать заметное замедление роста. Кризис в сельском хозяйстве, снижение промышленного производства, падение покупательской способности, рост безработицы – все эти проблемы остро сказались на социально-экономической ситуации в стране.

После продолжительных переговоров на уровне министров промышленности и торговли, премьер-министр Н. Моди на Восточноазиатском саммите в Бангкоке заявил, что соглашение о ВРЭП «не учитывает полностью озабоченности Индии», поэтому в текущих условиях присоединение страны к нему невозможно. Правительство Индии представило свой отказ вступить в экономическое партнерство как шаг по защите национальных интересов, ссылаясь на озабоченность фермеров, представителей малого и среднего бизнеса, а также занятых в фармацевтической, текстильной, сталелитейной и химической отраслях промышленностей. Министр внутренних дел Индии, президент правящей Бхаратия джаната парти Амит Шах назвал решение «исторической вехой», отметив, что, принимая его, премьер-министр Н. Моди руководствовался принципом «Индия прежде всего» (India First). Однако в отличие от Д. Трампа, сразу после вступления в должность президента избравшего путь выхода из невыгодных для США торговых соглашений, подходы правительства Н. Моди к глобальной торговле по-настоящему раскрываются только сейчас, в начале второго срока нахождения у власти. Образ глобальной Индии, которая привлекает зарубежных инвесторов и стремится занять важное место в мировых торговых процессах, постепенно стал замещаться более жесткой политикой по защите местного рынка от глобальной конкуренции. Не случайно разногласия Индии с ее крупнейшими торговыми партнерами – Китаем и США – обострились после переизбрания правительства во главе с БДП в мае 2019 г.

Довольно точно определила решение, оглашенное индийским премьер-министром, ведущий американский эксперт по Южной Азии Алисса Эйрс: «Индия не хочет снижать собственные тарифы для других стран, но надеется получить больший доступ на их рынки услуг, и это долгосрочная позиция страны по торговым вопросам» [Ayres 2019]. В эру, когда для производственных процессов стране требуется быть более, а не менее, интегрированной

5. Финансовый год в Индии начинается 1 апреля.

в глобальные цепочки стоимости, решение правительства, вероятнее всего, осложнит ускорение производства в Индии.

При всей непредсказуемости Индии как переговорщика в целом и по торговым вопросам, в частности, зарубежные партнеры не могут не учитывать размеры индийского рынка и потенциал ее экономического роста. В связи с этим Индия с разной степенью успеха ведет переговоры о создании зон свободной торговли с Европейским союзом, США, Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Даже когда Нью-Дели тормозит или вовсе блокирует переговорный процесс, другие страны оставляют открытой дверь для продолжения переговоров в надежде получать доступ к потребительскому рынку Индии, где проживают более 1 млрд человек. Аналогичная ситуация сложилась и со всеобъемлющим региональным экономическим партнерством, присоединение Индии к которому, согласно заявлениям из Австралии и Китая, станет возможно на более поздней стадии. Каков будет подход индийского правительства к ВРЭП и аналогичным торговым соглашениям во многом будет зависеть от экономической ситуации внутри страны.

Многосторонняя дипломатия Нью-Дели

Увеличение международной активности с начала 2014 г. принесло свои плоды: Индия сумела значительно увеличить сотрудничество по многим относительно новым для себя направлениям, при этом сохранив связи с традиционными партнерами. Стремительно развиваются отношения Индии с ЕС в целом и некоторыми его членами, в особенности с Францией, а также с Японией, государствами АСЕАН и Израилем. В то же время Нью-Дели смог удержать баланс в отношениях с ключевыми для себя партнерами – Китаем, США и Россией. Стратегия, когда Индия стремится поддерживать выгодные для себя отношения с, казалось бы, соперничающими странами восходит еще ко временам холодной войны, когда страна была одним из лидеров Движения неприсоединения. После прихода к власти кабинета Н. Моди мнения о том, что во внешней политике Индии происходит переход от «политики неприсоединения» (non-aligned policy) к «многосторонней политике» (multi-aligned policy), стали звучать чаще.

Несмотря на разные трактовки внешнеполитического курса, ключевые элементы – поддержание «стратегической автономии» и политической независимости – остались прежними. Многосторонний подход отличается, по мнению индийского политолога Брахма Челлани, большей современностью и глобализированностью Индии, которая преследует многообразные интересы в сложной и непредсказуемой обстановке в мире [Chellaney 2014]. Подтверждают этот тезис и слова министра иностранных дел Индии Субраманьяма Джайшанкара, заявившего, что многосторонний подход страны является

«более энергичным и кооперативным и по сравнению с позицией по воздержанию при голосовании[6] или невовлеченности в международные дела он звучит намного более решительно» [External Affairs 2019].

Многосторонняя дипломатия Нью-Дели наглядно продемонстрирована активностью на уровне международных организаций. Индии одинаково эффективно удается быть членом таких объединений, как БРИКС (Бразилия – Россия – Индия – Китай – Южная Африка), РИК (Россия – Индия – Китай) и ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), а также групп во многом с отличной повесткой – четырехстороннего диалога по безопасности Индия – Япония – США – Австралия (Quad), форума США – Индия – Япония. Такое положение в Нью-Дели рассматривают в качестве подтверждения особого места в системе международных отношений и курса по реализации глобальных амбиций страны.

Являясь активным членом международных объединений, Индия выступает за реформирование системы глобального управления. Развивая крепкие связи с другими странами мира по линии Юг–Юг, Индия неизменно поддерживает идею бóльших полномочий и большей представленности развивающихся стран в принятии решений на глобальном уровне. Среди нереализованных глобальных целей – место постоянного члена Совета Безопасности ООН, на которое Индия претендует уже более 20 лет. Многие страны открыто поддерживают включение Индии в СБ ООН, справедливо отмечая ответственную и сбалансированную политику Нью-Дели. Однако проблема для Индии, как и для других «кандидатов» – Германии, Японии и Бразилии, заключается в кризисе системы международных отношений и невозможности реформирования ООН из-за разногласий между пятью членами Совета Безопасности.

Индийская диаспора: Послы доброй воли и гордость нации

Представители индийской диаспоры играют важнейшую роль на пути движения Индии в сторону глобализации, продвигая образ страны за рубежом, а также демонстрируя истории собственного успеха соотечественникам.

Выходцы из Индии являются важными акторами современных глобальных процессов, и где бы они ни находились, сохраняют связь со своей родиной. Индийская диаспора – самая многочисленная в мире и, по некоторым оценкам, составляет около 30 млн человек. Наибольшее представительство индийцев за рубежом наблюдается в США, Великобритании, Канаде, ЮАР. Они также проживают в странах Африки, Ближнего Востока и Юго-

6. Имеется в виду голосование на уровне Организации Объединенных Наций.

Восточной Азии. Фактор диаспоры играет ключевую роль в политике Нью-Дели в отношении этих стран и регионов. Наличие представителей индийских общин в мире содействует большему вовлечению Индии в процесс глобализации.

На протяжении долгого времени диаспора рассматривалась в Индии в большей степени через призму культурных и гуманитарных связей. Такова была политика «Индийского национального конгресса» на протяжении более 40 лет после обретения Индией независимости. В те годы индийская диаспора не рассматривалась в качестве инструмента внешней политики, хотя вносила, пусть и небольшой, вклад в поддержку экономики, отправляя денежные переводы в Индию из-за рубежа. Индийская экономика ощутила серьезный удар, когда из-за начала войны в Персидском заливе представители индийской общины перестали отправлять свои денежные переводы родственникам.

Место диаспоры в развитии Индии и ее роль в глобальном имидже страны стала более заметной во второй половине 1990-х годов. К этому времени индийская община за рубежом увеличилась численно, став заметной силой в борьбе за электорат в США и Великобритании. В этих же странах появился феномен индийского лобби. Это было напрямую связано с ростом социального статуса представителей индийских общин в странах проживания. Эмигранты первой волны, несмотря на их высокие профессиональные навыки, не могли влиять на общественные и политические процессы в силу разрозненности и, как следствие, низкого уровня вовлеченности в социальные процессы на новом для себя месте. С 1990-х годов представители индийской общины начали объединяться в группы по профессиональным интересам, этнической и религиозной принадлежности, что неизбежно привлекло внимание к их деятельности как местных политиков, так и соотечественников в самой Индии. Например, усилиями индийской общины в 1993 г. в Палате представителей США появился кокус по делам Индии и индо-американцев[7], впоследствии ставший значительной силой, предопределившей стремительный рост американо-индийских отношений в начале 2000-х годов.

Другая тенденция 1990-х годов – своеобразное «открытие» индийского сектора информационных и телекоммуникационных технологий миру. Это явление имело два направления. Первое направление – ускорение развития телекоммуникаций в Индии и рост зарубежных инвестиций в сектор высоких технологий страны. Второе – массовая эмиграция индийских специалистов в области IT за рубеж, в основном в США, где 20 лет спустя они заняли высокие должности во многих ведущих мировых компаниях, базирующихся

7. Понятие «кокус» означает «фракцию» – группу конгрессменов, объединенных по направлению деятельности.

в Кремниевой долине. Среди наиболее ярких примеров – Сатья Наделла и Сундарараджан Пичаи, занимающие посты генеральных исполнительных директоров Microsoft и Google.

В период экономических кризисов 1998 и 2008–2009 гг. индийская экономика находилась в сильной зависимости от зарубежных инвестиций диаспоры. Интересно, что мировые экономические кризисы становились причиной возвращения части индийских эмигрантов на родину. Безусловно, государство было заинтересовано в возвращении индийцев на родину, ведь они имели высоко ценимые в Индии образование западного образца и нередко хороший опыт работы. Начиная с 2000-х годов все правительства Индии неизменно подчеркивали важную роль диаспоры и предпринимали шаги по ее большему вовлечению в развитие Индии. В 2000 г. был создан комитет по вопросам индийской диаспоры, на основе рекомендаций и предложений которого правительством была разработана стратегия по укреплению взаимодействия с лицами индийского происхождения, проживающими за рубежом. Доклад комитета подчеркивал значимость диаспоры в области развития отношений Индии со странами ее проживания, а также распространения достоверной информации об Индии за рубежом [Юрлов, Юрлова 2010, с. 570].

Понимая роль представителей индийской диаспоры в качестве своеобразных послов Индии за рубежом, правительство Н. Моди придает большое значение поддержанию связей с индийской диаспорой. Сразу после прихода к власти индийский премьер-министр совершил тур, выступая перед зарубежными индийцами – в США, Великобритании, Австралии, Китае. Основным посылом его выступлений, которые собирали по несколько тысяч человек, было донесение до индийских общин политики необходимости включения страны в глобальные процессы.

Влияние Индии распространяется также посредством киноиндустрии. «Болливуд» выпускает огромное количество фильмов как для граждан Индии (в том числе на разных местных языках), так и для мирового проката. По степени влияния индийская киноиндустрия, конечно, уступает американской, но может считаться второй в мире. Особое место болливудские фильмы занимают в странах, где проживают индийские иммигранты [Jaffrelot 2006, с. 240].

Авторы индийского происхождения, такие как Салман Рушди, Арундати Рой, Видиадхар Сураджпрасад Найпул, являются обладателями престижнейших литературных премий, а их книги, изначально выпущенные на английском, становятся бестселлерами и переводятся издателями на другие языки мира, принося огромную прибыль [Котин 2009, с. 69–70]. Нередко индийские авторы с таким блеском описывают Индию, что буквально влюбляют в нее и делают родной для жителей остального мира.

Индийская кухня – одна из самых популярных в мире – также стала визитной карточкой Индии. Выходцы из Южной Азии (необязательно индийцы,

а довольно часто представители соседних с Индией стран – Пакистана, Непала или Бангладеш) открывают рестораны индийской кухни. Трудно найти место в мире, где, пусть и с разными вариациями, не было бы индийского ресторана или не продавались бы индийские специи. Индийцы, переезжающие за границу, привозят с собой свою культуру и обычаи, неизменно употребляя традиционную для себя пищу, отмечая национальные и религиозные праздники и поддерживая тесные связи с соотечественниками. Например, Холи – праздник красок, отмечающийся в Индии в начале весны, стал непременным событием в мировом календаре фестивалей и является особенно популярным среди школьников и студентов. То же самое относится к традиционным индийским искусствам – музыке, песням, танцам. Индийские коллективы с успехом гастролируют, собирая поклонников по всему миру.

Однако в самой Индии далеко не все слои общества позитивно оценивают вовлечение страны в глобальные процессы, полагая, что у нее особый путь. Как правило, эти люди позиционируют себя защитниками традиционных ценностей, которых у Индии за более чем пять тысяч лет истории действительно накопилось немало.

Влияние глобализации на индийское общество

На протяжении последних 30 лет рост индийской экономики сочетается с наличием серьезных проблем в социальной жизни страны. Высокая доля бедных и малообразованных людей, межрелигиозные столкновения, загрязнение окружающей среды, неравенство – это лишь некоторые вызовы, с которыми сталкивается Индия на пути своего развития.

В прогнозах будущего места Индии в мире, как правило, признается значительный потенциал страны. Одной из ключевых демографических особенностей Индии является не только численность населения, но и его молодость. В отличие от государств Европы Индия – страна молодого работоспособного населения, средний возраст которого составляет 28 лет. Согласно докладу Всемирного экономического форума, в 2030 г. Индия по-прежнему будет одной из самых молодых наций в мире со средним возрастом населения – 31 год[8]. При этом 77% индийского населения через десять лет будут составлять миллениалы и представители поколения Z, «дети либерализации 1990-х годов» [Future 2019, p. 11]. Это означает, что изменится профиль среднестатистического индийского потребителя: он будет использовать новые средства коммуникации, будет более осведомлен о брендах и тратить больше, чем представители предыдущих поколений.

8. Для сравнения: средний возраст в США и Китае в 2030 г. составит 40 лет и 42 года, соответственно.

Вместе с тем будущее Индии представляется экспертам достаточно неопределенным. Высокая доля молодежи и приход на рынок труда в ближайшее десятилетие 10–12 млн молодых людей потребует большего количества рабочих мест. Безработица – одна из наиболее острых проблем, стоящих перед Индией. При нынешних темпах создания 6–7 млн рабочих мест в год к 2030 г. около 30–35 млн человек останутся без работы [Future 2019, p. 17]. Внутри страны высокая конкуренция за рабочие места. А в рейтинге конкурентоспособности глобальных талантов Индия занимает скромную 80-ю позицию (самый низкий показатель среди стран БРИКС).

Вызовы, стоящие перед индийским обществом на протяжении многих лет, остаются неразрешенными и тянут «развивающегося гиганта» назад. Преодолеть трудности внутреннего развития страны одномоментно невозможно, а растягивать их на пять-десять лет сложно из-за нестабильной политической обстановки и угрозы для любого правительства потерять голоса избирателей, которые не преминут высказать недовольство непопулярными реформами. В подобных условиях политические силы всё чаще прибегают к популизму, а в случае Бхаратия джаната парти еще и к националистической повестке, которая опирается на электорат приверженцев индуизма, составляющих более 80% жителей страны.

Демократическое устройство страны позволяет вести открытые дискуссии в обществе по актуальным для страны вопросам. Дебаты нередко перерастают в социальные движения и протесты, возникающие на фоне социальной несправедливости и неравенства среди различных слоев населения. Нередко мобилизация масс провоцируется представителями одного или нескольких политических движений или даже секторов экономики в попытке завоевать пространство для роста или же нанести удар по конкурентам. Порой кажется, что неспокойная обстановка в поляризованном индийском обществе неминуемо приведет к социальному взрыву. Однако следует учитывать, что Индия находится в подобном состоянии с момента зарождения республики в 1947 г., а хрупкость или неустойчивость социально-политической обстановки в стране – лишь одна из особенностей индийской демократии, которая, несмотря на острую борьбу между представителями разных политических сил, функционирует на протяжении более 70 лет.

Важным этапом развития индийской демократической системы стало принятие в 2005 г. Закона о праве на информацию (Right to Information Act, RTI), согласно которому каждый гражданин Индии может получить доступ к правительственным документам во всех сферах работы государственных органов, за исключением вопросов национальной безопасности. Принятие закона стало следствием долгосрочной дискуссии как на правительственном уровне, так и среди представителей гражданского общества, о необходимости увеличения открытости, прозрачности работы органов власти и их большей

отчетности перед населением, в том числе для преодоления коррупции. Свою немаловажную роль в принятии закона сыграло вхождение Индии в глобальный мир. Индийские парламентарии во время обсуждения законопроекта ссылались на лучшие практики мировых демократий, и отмечали важность принятия закона для превращения Индии в глобальную державу. С точки зрения общественных интересов RTI подтвердил закрепленное в индийской конституции право на свободу слова и самовыражения, наделив индийцев возможностью получать доступ к обширным массивам информации государственной важности. Международные нормы, поддерживающие прозрачность работы правительственных структур и получившие распространение в других странах мира в 1990–2000-х годах, имели важный «демонстрационный эффект» для Индии [Jha 2019, с. 33].

Значимым фактором присутствия Индии в глобальном мире является ее участие в англоязычном информационном поле[9]. Индийские СМИ распространяют новостные сообщения международных информагентств. В связи с этим многие общемировые общественные тренды, такие как, например, движение за права женщин, получают распространение в индийском обществе за счет использования современных средств коммуникации. Однако целевой аудиторией подобных акций в основном являются люди, владеющие английским.

Глобализированная часть населения Индии активно присутствует в медиапространстве. Адвокаты, бизнесмены, актеры, спортсмены, журналисты, политики, ученые и люди других профессий, чья работа предполагает высокий уровень мобильности, коммуникацию с зарубежными партнерами или знание и понимание других культур, неизбежно включены в глобальные процессы, тем самым продвигая образ глобальной Индии. Однако данная группа составляет малую часть населения огромной страны. Многие жители Индии, не имеющие образования и не знающие английского языка, «отрезаны» от процессов глобализации и, даже если пользуются ее благами, не всегда осознают их преимущества для своей жизни. Незнание английского и отсутствие опыта взаимодействия с внешним миром во многом делает их зависимыми от информационных потоков местных СМИ, нередко транслирующих националистические идеи.

В то же время нельзя отрицать, что глобализация проникла даже в самые отдаленные индийские деревни, где жители имеют доступ к Интернету, пользуются мобильными приложениями и даже используют солнечные батареи для получения электричества. Развитие электронной торговли оказало значи-

9. Согласно Конституции Индии, английский язык, наряду с хинди, является государственным языком.

тельное влияние на образ жизни индийцев, которые всё чаще заказывают необходимые товары с доставкой на дом вместо посещения традиционных базаров.

Нельзя не отметить появление новых праздников в жизни индийских семей: Хэллоуин, Рождество и День святого Валентина стали отмечаться наряду с местными праздниками. Правда, не все в Индии положительно воспринимают подобное смешение культур. Как уже отмечалось, крайне правые негативно относятся к проявлениям глобализации, особенно влияющим на общественные устои. Ответом на следование молодыми индийцами западным тенденциям стало появление полиции нравов – добровольных объединений, следящих за «ненадлежащими» (или аморальными) действиями, противоречащими индийской культуре. Под эгидой защиты традиционных ценностей данные группы нередко прибегают к противоправным действиям в отношении тех, кто, по их мнению, нарушает нормы приличия. Нападкам «моральных дружин» подвергаются выставки искусства или премьеры фильмов, а также влюбленные пары, проявляющие нежные чувства в публичных местах. Нередко подобные группы «моральной полиции» связаны с одной из индусских националистических организаций «Сангх паривар» (Семья союза). Например, представители «Шив Сена» («Армия Шивы» – ультраправая политическая партия) регулярно устраивают протесты в День святого Валентина, выливающиеся в погромы магазинов с поздравительными открытками и символикой праздника. Руководители партии рассматривают праздник как «атаку против индийской культуры для привлечения молодежи в коммерческих целях» [Hindu 2003].

Взгляды противников глобализации в Индии определены не отсутствием образования, знаний и представлений о мире, а, как правило, религиозными убеждениями, которые нацелены на поддержание традиционных ценностей и предотвращение вестернизации Индии. Вместе с тем эта группа людей, занимающая строгие позиции в отношении импорта чуждой культуры, не отказывается от достижений глобализации. Ее представители активно путешествуют, открывают представительства организаций, пропагандируя свои идеи в других странах мира, особенно на Западе.

Заключение

Экономическое развитие Индии за последние 30 лет неразрывно связано с процессом глобализации. Однако индийская позиция по отношению к глобализации имеет свои особенности. Во-первых, Индия по-прежнему выступает за более справедливое разделение полномочий между развитыми и развивающимися экономиками в международных институтах. Несмотря на экономической рост, достигнутый в определенной степени благодаря деятельности

таких организаций, как Всемирный банк и Всемирная торговая организация, Нью-Дели подчеркивает необходимость их реформирования. Такой подход Индии к деятельности международных организаций связан с их возросшими в результате глобализации полномочиями и попытками подсказать индийскому правительству «правильные» шаги по развитию экономики и даже ведению внутренней политики. Сопротивление Индии возрастает, когда дело доходит до рекомендаций со стороны международных неправительственных организаций, работающих в сферах защиты окружающей среды или прав человека. Такое понимание глобализации воспринимается в стране как угроза независимости принятия решений и потери части национального суверенитета.

Во-вторых, для Индии характерна достаточно непредсказуемая торговая политика. Несмотря на постепенную реализацию реформ, страна не пошла по пути полной либерализации экономики и снижения торговых барьеров. Объемный индийский рынок, несомненно, привлекает зарубежных инвесторов, но деятельность на нем осложнена чрезмерным регулированием со стороны государственных органов и непоследовательностью их деятельности. Страна, экономический рост которой во многом происходит благодаря процессам глобализации, тем не менее нередко прибегает к протекционистским мерам для защиты собственного рынка. В условиях нестабильной мировой торговли Нью-Дели предпочитает долгие и безрезультатные переговоры о потенциальных зонах свободной торговли необдуманным соглашениям, которые могут оказаться невыгодными для индийской экономики. Однако для поддержания экономического роста Индии, по-видимому, придется не только сосредоточиться на внутреннем развитии, но и искать компромиссы с зарубежными партнерами, чтобы увеличить свое участие в глобальных цепочках стоимости.

В-третьих, значимый элемент индийского пути – попытка сохранить традиционные ценности, присущие индийскому обществу. Данная тенденция более четко проявляется в годы нахождения у власти Бхаратия джаната парти и входит в противоречие с ее реформаторской экономической повесткой, направленной на привлечение зарубежных инвесторов и создание образа глобальной Индии. Одним из проявлений этого противоречия является критический подход со стороны политиков БДП к представителям индийской диаспоры, проповедующим, по их мнению, чуждые для индийцев элементы западной жизни. На деле нападки на живущих за рубежом индийцев нередко связаны не столько с их вкладом в вестернизацию индийской культуры, сколько с отсутствием лояльности курсу партии и их критикой правительственной политики. В этом смысле индийцы, проживающие за рубежом, как впрочем и международные организации, нередко рассматриваются правительством как сила, неправомерно вмешивающаяся в государственные дела. Несмотря на неоднозначное отношение к ним, представители диаспоры орга-

нично дополняют шаги правительства по поддержанию сбалансированных связей с большинством международных акторов вкупе с политикой «мягкой силы», развивая положительный образ Индии в мире и способствуя превращению индийской культуры в органичную часть глобальной культуры.

В-четвертых, более глобализированной частью индийского общества остаются граждане, имеющие хорошее (зачастую западного образца) образование и возможность регулярно путешествовать или коммуницировать с жителями других стран. Как и в других странах, консервативные элементы общества выступают против глобализации, находя в ней угрозы местным устоям и насаждение чуждых нравов и традиций.

Совокупность этих особенностей определяет особый путь развития Индии, заключающийся в стремлении заимствовать лучшие практики из-за рубежа, сохраняя при этом собственную идентичность в виде традиционной культуры и права на независимую внешнюю и внутреннюю политику.

Библиография

Котин И.Ю. Голос индийской диаспоры // Вестник СПбГУ. 2009. Сер. 13. Вып. 4. С. 62–71.

Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 920 с.

Ayres A. India says no to trade bloc. Will it ever say yes to tough reforms? // Council on Foreign Relations. 2019. 4 Nov. URL: https://www.cfr.org/blog/india-says-no-trade-bloc-will-it-ever-say-yes-tough-reforms (дата обращения: 25.12.2019).

Chaudhury D.R. China urges RCEP members to include India in trade bloc // The Economic Times. 2019. 7 Nov. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/china-urges-rcep-members-to-include-india-in-trade-bloc/articleshow/71949012.cms (дата обращения: 25.12.2019).

Chellaney B. Opinion: Modi reshapes India's foreign policy // Deutsche Welle. 2014. 30 Dec. URL: https://www.dw.com/en/opinion-modi-reshapes-indias-foreign-policy/a-18159829 (дата обращения: 25.12.2019).

Doing Business 2020. India. The World Bank. 2019. Oct. 125 p. URL: https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/country/i/india/IND.pdf (дата обращения: 21.01.2020).

Door will remain «Wide Open» for India to Join RCEP, says Australian PM Scott Morrison // News 18. 2019. 4 Nov. URL: https://www.news18.com/news/india/door-will-remain-wide-open-for-india-to-join-rcep-says-australian-pm-scott-morrison-2373459.html (дата обращения: 25.12.2019).

External Affairs Minister's speech at the 4 th Ramnath Goenka Lecture, 2019 // Ministry of External Affairs. Government of India. 2019. 14 Nov. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/32038/External_Affairs_Ministers_speech_at_the_4th_Ramnath_Goenka_Lecture_2019 (дата обращения: 25.12.2019).

Future of consumption in Fast-Growth consumer markets: India // World Economic Forum. Insight report. 2019. Jan. 36 p.

Ghosh S.K. In RCEP negotiations, Delhi has been consistent. It is right to put its own interests first // The Indian Express. 2019. 5 Nov. URL: https://indianexpress.com/article/opinion/columns/rcep-agreement-india-withdrawal-modi-6103246/ (дата обращения: 25.12.2019).

Hindu and Muslim Anger at Valentine's // BBC. 2003. 11 Febr. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/world/south_asia/2749667.stm (дата обращения: 25.12.2019).

India now most open economy in world for FDI: Modi // Reuters. 2016. 20 June. URL: https://www.reuters.com/article/us-india-fdi-modi-idUSKCN0Z60Y4 (дата обращения: 25.12.2019).

Jaffrelot C. Inde: La puissance, pour quoi faire? // Politique internationale. 2006. Automne. Issue 113. P. 233–248.

Jha H. Untangling global-local linkages: The case of the Right to Information Act in India // India Review. 2019. Vol. 18. Iss. 1. P. 32–53.

Map of disputes between WTO members // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_maps_e.htm?country_selected=IND&sense=e (дата обращения: 25.12.2019).

Narayanan M.K. Non-alignment to multi-alignment // The Hindu. 2016. 5 Jan.

Prime Minister's Statement on the subject «Creating a shared future in a fractured word» in the World Economic Forum // Ministry of External Affairs. Government of India. 2018. 23 Jan. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29378/Prime+Ministers+Keynote+Speech+at+Plenary+Session+of+World+Economic+Forum+Davos+January+23+2018 (дата обращения: 25.12.2019).

Remarks by President Trump on the United States-Mexico-Canada Agreement // The White House. 2018. 1 Oct. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-united-states-mexico-canada-agreement/ (дата обращения: 25.12.2019).

Sinha A. A theory of reform consolidation in India: From crisis-induced reforms to strategic internationalization // India Review. 2019. Vol. 18. Iss. 1. P. 54–87.

Sundaram K., Marlow I., Dormido H. Here's what Modi achieved on his frequent trips abroad // Bloomberg. 2019. 30 April. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-29/here-s-what-india-s-frequent-flier-modi-achieved-on-trips-abroad (дата обращения: 25.12.2019).

Tariffs and imports: Summary and duty ranges. India // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/tariff_profiles/IN_E.pdf (дата обращения: 25.12.2019).

Trade Policy Review. India // Report by the WTO Secretariat. 2015. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=134359,133657,133378,132723,132564,132474,132484,132487,132489,132451&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=371857150&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (дата обращения: 25.12.2019).

Varma G. RSS affiliate Swadeshi Jagran Manch starts 10-day nationwide protest against RCEP // LiveMint. 2019. 10 Oct. URL: https://www.livemint.com/news/india/rss-affiliate-swadeshi-jagran-manch-starts-10-day-nationwide-protest-against-rcep-11570705535646.html (дата обращения: 25.12.2019).

Vercueil J. Les pays émergents: Brésil – Russie – Inde – Chine… Mutations économique et nouveaux défis. 4 me éd. Paris: Bréal, 2015. 267 p.

World Trade Organization: Official Website URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_maps_e.htm (дата обращения: 25.12.2019).

References

Ayres A. India says no to trade bloc. Will it ever say yes to tough reforms? Council on Foreign Relations. 2019. 4 Nov. URL: https://www.cfr.org/blog/india-says-no-trade-bloc-will-it-ever-say-yes-tough-reforms (date of access: 25.12.2019).

Chaudhury D.R. China urges RCEP members to include India in trade bloc. The Economic Times. 2019. 7 Nov. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/china-urges-rcep-members-to-include-india-in-trade-bloc/articleshow/71949012.cms (date of access: 25.12.2019).

Chellaney B. Opinion: Modi reshapes India's foreign policy. Deutsche Welle. 2014. 30 Dec. URL: https://www.dw.com/en/opinion-modi-reshapes-indias-foreign-policy/a-18159829 (date of access: 25.12.2019).

Doing Business 2020. India / The World Bank. 2019. October. 125 p.

Door will remain «Wide Open» for India to Join RCEP, says Australian PM Scott Morrison. News18. 2019. 4 Nov. URL: https://www.news18.com/news/india/door-will-remain-wide-open-for-india-to-join-rcep-says-australian-pm-scott-morrison-2373459.html (date of access: 25.12.2019).

External Affairs Minister's speech at the 4 th Ramnath Goenka Lecture, 2019. Ministry of External Affairs. Government of India. 2019. 14 Nov. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/32038/External_Affairs_Ministers_speech_at_the_4th_Ramnath_Goenka_Lecture_2019 (date of access: 25.12.2019).

Future of consumption in Fast-Growth consumer markets: India // World Economic Forum. Insight report. 2019. January. 36 p.

Ghosh S.K. In RCEP negotiations, Delhi has been consistent. It is right to put its own interests first. The Indian Express. 2019. 5 Nov. URL: https://indianexpress.com/article/opinion/columns/rcep-agreement-india-withdrawal-modi-6103246/ (date of access: 25.12.2019).

Hindu and Muslim Anger at Valentine's. BBC. 2003. 11 Febr. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/world/south_asia/2749667.stm (date of access: 25.12.2019).

India now most open economy in world for FDI: Modi. Reuters. 2016. 20 June. URL: https://www.reuters.com/article/us-india-fdi-modi-idUSKCN0Z60Y4 (date of access: 25.12.2019).

Jaffrelot C. Inde: La puissance, pour quoi faire? Politique internationale. 2006. Automne. Issue 113. P. 233–248.

Jha H. Untangling global-local linkages: The case of the Right to Information Act in India. India Review. Vol. 18. Issue 1. P. 32–53.

Kotin I.Yu. Golos indijskoj diaspory. Vestnik SPbGU [The voice of the Indian diaspora // Bulletin of St. Petersburg State University]. 2009. Ser. 13. N 4. P. 62–71. (In Russ.)

Map of disputes between WTO members. World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_maps_e.htm?country_selected=IND&sense=e (date of access: 25.12.2019).

Narayanan M.K. Non-alignment to multi-alignment. The Hindu. 2016. 5 Jan.

Prime Minister's Statement on the subject «Creating a shared future in a fractured word» in the World Economic Forum. Ministry of External Affairs. Government of India. 2018. 23 Jan. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29378/Prime+Ministers+Keynote+Speech+at+Plenary+Session+of+World+Economic+Forum+Davos+January+23+2018 (date of access: 25.12.2019).

Remarks by President Trump on the United States-Mexico-Canada Agreement. The White House. 2018. 1 Oct. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-united-states-mexico-canada-agreement/ (date of access: 25.12.2019).

Sinha A. A theory of reform consolidation in India: From crisis-induced reforms to strategic internationalization. India Review. 2019. Vol. 18. Issue 1. P. 54–87.

Sundaram K., Marlow I., Dormido H. Here's what Modi achieved on his frequent trips abroad. Bloomberg. 2019. 30 April. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-29/here-s-what-india-s-frequent-flier-modi-achieved-on-trips-abroad (date of access: 25.12.2019).

Tariffs and imports: Summary and duty ranges. India. World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/tariff_profiles/IN_E.pdf (date of access: 25.12.2019).

Trade Policy Review. India. Report by the WTO Secretariat, 2015. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=134359,133657,133378,132723,132564,132474,132484,132487,132489,132451&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=371857150&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (date of access: 25.12.2019).

Varma G. RSS affiliate Swadeshi Jagran Manch starts 10-day nationwide protest against RCEP. LiveMint. 2019. 10 Oct. URL: https://www.livemint.com/news/india/rss-affiliate-swadeshi-jagran-manch-starts-10-day-nationwide-protest-against-rcep-11570705535646.html (date of access: 25.12.2019).

Vercueil J. Les pays émergents: Brésil – Russie – Inde – Chine… Mutations économique et nouveaux défis. 4 me éd. Paris: Bréal, 2015. 267 p.

World Trade Organization: Official Website. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_maps_e.htm (date of access: 25.12.2019).

Yurlov F.N., Yurlova E.S. Istoriya Indii. XX vek [History of India]. XX century. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2010. 920 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.08

П.П. Яковлев

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ МОДЕЛИ УЧАСТИЯ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ И СТРАНОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. *Глобализация на всех этапах ее исторической эволюции оказывала сильнейшее воздействие на экономическое и социально-политическое развитие Латинской Америки. Степень и формы вовлечения латиноамериканских стран в процессы интернационализации мирового хозяйства тесно сопрягались с национальными стратегиями модернизации, в значительной мере определяли динамику роста ВВП, трансграничной торговли, иностранных инвестиций и внешнего долга. Накопленный неоднозначный опыт использования латиноамериканскими странами международных торгово-экономических и финансовых связей позволяет говорить о различных (региональных и страновых) моделях их участия в глобализации.*

Латинская Америка уже длительное время характеризуется сравнительной устойчивостью основных черт региональной модели участия в глобализации. В обобщенном виде эта исторически сложившаяся региональная модель предполагает сохранение роли латиноамериканских стран как поставщиков преимущественно сырьевых товаров, реципиентов капиталов иностранных компаний, стремящихся занять командные высоты в экономике Латинской Америки, младших партнеров развитых держав.

Отмеченные общие характеристики не отменяют отдельных страновых особенностей (порой существенных), которые могут быть продемонстрированы на примере Чили и Мексики, чьи национальные кейсы развития в русле глобализационных процессов отмечены ярко выраженным своеобразием. Ключевым элементом чилийской модели стала внешнеторговая экспансия на основе эксплуатации природных ресурсов и максимальной диверсификации рынков сбыта. Мексика сделала ставку на превращение отдельных районов страны в огромную площадку сборочных производств, продукция которых в основном направлялась в США. В настоящее время обе модели в значительной мере себя исчерпали и нуждаются в серьезной корректировке. Вместе с тем в условиях кризисных потрясений, переживаемых глобальной экономикой и мировой торговлей, не менее глубокие изменения ждут и региональную модель участия Латинской Америки в процессах глобализации.

Ключевые слова: *Латинская Америка; волны глобализации; мировая экономика; мировая торговля; внешний долг; иностранные инвестиции; стратегии модернизации; глобальные вызовы.*

**Яковлев Петр Павлович – доктор экономических наук,
руководитель Центра иберийских исследований
Института Латинской Америки РАН, профессор
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,
Россия, Москва. E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: S-4487–2017;
Scopus Author ID: 57192271700**

Yakovlev P.P. Latin American Models of Participation in Globalization: Regional Traits and Country's Features

Abstract. *Globalization, at all stages of its historical evolution, has had a profound impact on the economic and socio-political development of Latin America. The degree and forms of involvement of Latin American countries in the internationalization of the world economy have been closely aligned with national modernization strategies, largely determined the dynamics of GDP growth, cross-border trade, foreign investment and external debt. The experience of Latin American countries in using international trade, economic and financial ties suggests different (regional and country) models of their participation in globalization.*

Latin America has long been characterized by the comparative sustainability of the main features of the regional model of participation in globalization. By and large, this model is based on the continued role of Latin American countries as suppliers of commodities, recipients of foreign capital that seeks to take command heights in Latin America, and the junior partners of the developed powers.

These general observations do not diminish individual country's characteristics (sometimes significant), which can be demonstrated by the example of Chile and Mexico, whose national development trajectories are marked by vividly expressed originality. A key element of the Chilean model was foreign trade expansion based on the exploitation of natural resources and the maximum diversification of markets. Mexico succeeded by turning parts of the country into a huge assembly line, whose products were mostly sent to the United States. Both of the models have by now largely exhausted themselves and need to be seriously reconsidered. At the same time, in conditions of the ongoing crises in the global economy and world trade, the regional model of Latin America's participation in globalization also needs no less profound changes.

Keywords: *Latin America; waves of globalization; region in the world economy; world trade; external debt; foreign investment; modernization strategies; global challenges.*

**Yakovlev Petr Pavlovich – Doctor of Economic Sciences,
Chief of the Center of Iberian Studies, Institute of Latin America RAS,
Professor of the Plekhanov Russian University of Economics,
Russia, Moscow. E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: S-4487–2017;
Scopus Author ID: 57192271700**

Социально-экономическое и политическое развитие большой группы стран западного полушария, объединенных понятием «Латинская Америка», неразрывно связано с феноменами интернационализации и глобализации, во многом детерминировано процессами, происходившими ранее и развивающимися в настоящее время в мировой экономике и политике, в системе международных отношений. При этом характерной особенностью участия латиноамериканских стран в глобализации являлось то, что они, как правило, выступали в роли объекта тех тектонических сдвигов, которые на протяжении столетий постепенно формировали нынешний облик взаимозависимого многополярного мира. Так было и так, по преимуществу, остается и по сей день, что накладывает сильный отпечаток на внутреннее положение в регионе, его место в системе глобальных хозяйственных связей и роль в мировых делах.

На исторических волнах процесса интернационализации

Не будет преувеличением утверждать, что захват и эксплуатация европейскими державами тех районов Земного шара, которые в настоящее время образуют латиноамериканское хозяйственное, политическое и культурное пространство, позволили радикально расширить и наполнить новым содержанием международные торгово-экономические и финансовые связи, поднять их на ранее недосягаемую высоту. Именно открытие в 1492 г. Христофором Колумбом Америки, ставшее центральным эпизодом эпохи Великих географических открытий, явилось точкой отсчета *первого этапа процесса глобализации*, «запуск» которого обеспечили колоссальные природные богатства Нового Света, ставшие достоянием европейцев. Достаточно напомнить, что в период 1500–1650 гг. из стран нынешней Латинской Америки в Испанию было доставлено порядка 180 т золота и 150 тыс. т серебра, прошедших через руки немецких и итальянских банкиров и наполнивших финансовые артерии европейской экономики [Alvarez-Noga, Chamney 2011].

Освоение ресурсов Нового Света (вовлечение их в международный торгово-хозяйственный оборот) дало мощный толчок развитию транспортных и коммерческих коммуникаций, беспрецедентным образом расширило производственные возможности человечества, в немалой степени способствовало трансформации промышленности и сельского хозяйства на Европейском континенте. Уже в 1525 г. в Европу была завезена кукуруза, в 1534 – индейка, в 1537 – картофель, в 1540 г. – томаты и т.д.

Через территории Мексики и Центральной Америки европейцы вышли на просторы Тихого океана и наладили торговые связи между Новым Светом и странами Азии. В частности, специального упоминания заслуживает невероятный по тем временам регулярный транстихоокеанский маршрут длительностью не менее трех месяцев, по которому на испанских галеонах из

мексиканского порта Акапулько в Манилу (Филиппины) перевозили добытое в Мексике серебро. В обратный путь, значительно более продолжительный из-за розы ветров, галеоны, ставшие своеобразным символом первой волны глобализации, отправлялись груженные шёлком. Не случайно манильские галеоны называли еще одним «шёлковым путем». Кроме того, в качестве пассажиров, которых на судне обычно насчитывалось 250–300 человек, были военные, правительственные чиновники и члены их семей, служители церкви и, конечно, купцы и банкиры. Последние, к слову сказать, финансировали транспортировку коммерческих грузов под весьма высокие проценты: 25–50% годовых [Giraudo 2016, p. 207].

Начало *второй волны глобализации*, предпосылки которой были заложены развернувшейся в Англии индустриальной революцией, нередко датируют 1871 г. и связывают с возникновением Германской империи. Именно в последней трети XIX в. и вплоть до начала Первой мировой войны в международной экономике и политике произошли радикальные изменения: переворот на транспорте, резко удешевивший внутренние и межконтинентальные перевозки; распространение новых видов связи (телеграф, телефон); снижение тарифных барьеров в трансграничной торговле и ее стремительный рост; вывоз капитала и возникновение первых транснациональных компаний; массовая миграция рабочей силы; формирование колониальных империй [Globalization 2002, p. 31–33].

Латинская Америка, где к тому времени в основном завершилась эпоха национально-освободительных революций и образовались десятки политически самостоятельных государств, не осталась в стороне от нового этапа глобализации. Участие региона в этом процессе развивалось по трем главным направлениям.

Во-первых, латиноамериканские страны активно включились в мировую торговлю в качестве крупных поставщиков минерального сырья и продовольствия. Например, Чили являлась, по сути, монополистом по добыче и экспорту селитры, Аргентина выдвинулась в первый ряд продавцов кукурузы, пшеницы и говядины, Бразилия, Венесуэла и Колумбия стали ведущими поставщиками кофе, Боливия – олова, Перу – меди, Куба – тростникового сахара и табака, Эквадор и Доминиканская Республика – какао, центральноамериканские страны и Панама специализировались на производстве и вывозе кофе и бананов, Гаити – кофе и какао, Пуэрто-Рико – сахара и кофе, Мексика заявила о себе как о крупном экспортере серебра и меди [Bulmer-Thomas 2003, p. 58].

В ряде случаев рост экспорта в 1870–1914 гг. был очень значительным, в других – более скромным. В конечном счете динамика поставок определялась как возможностями национальной экономики, так и потребностями мирового рынка. Например, Бразилия нарастила объем экспорта только на 46%,

Перу – немногим больше чем вдвое, Чили – в 4,2 раза, Мексика – в 4,6, Колумбия – в 8,2, Куба – в 9,3, Аргентина – в 11,4 раза (см. табл. 1).

Таблица 1

ТОВАРНЫЙ ЭКСПОРТ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
(Среднегодовые показатели в постоянных ценах 1980 г.)

Страна	*1870–1874*		*1910–1914*	
	Экспорт (млн долл.)	*Экспорт на душу населения (тыс. долл.)*	*Экспорт (млн долл.)*	*Экспорт на душу населения (тыс. долл.)*
Латинская Америка	1270,0	34,5	6068,8	80,9
Аргентина	192,9	107,4	2200,4	287,5
Бразилия	352,5	36,0	514,2	21,7
Колумбия	14,2	5,9	114,8	22,1
Куба	101,2	76,0	938,5	386,1
Мексика	119,2	12,9	547,9	36,6
Перу	48,5	18,6	102,4	23,8
Чили	208,0	107,0	865,5	252,3

Источник: [Bértola, Ocampo 2011, p. 98].

Во-вторых, латиноамериканские государства обратили на себя пристальное внимание международных инвесторов, прежде всего британских. К началу Первой мировой войны накопленный объем прямых иностранных капиталовложений в Латинской Америке составил 7569 млн долл., из которых на долю Великобритании пришлось 47,4%, а США – 18,4%. В числе других значимых стран-инвесторов фигурировали Франция, Бельгия, Германия, Италия. При этом львиная доля британских инвестиций приходилась на Аргентину, Бразилию и Мексику, тогда как компании США «осваивали», преимущественно, рынки Кубы, Мексики, Венесуэлы, Чили и центральноамериканских республик [External 1965, p. 15–17].

В-третьих, отдельные страны Латинской Америки (в первую очередь, Аргентина и Бразилия) стали одним из направлений «великого переселения народов» конца XIX – начала XX в. Например, в 1871–1910 гг. Аргентина приняла 3514 тыс. иммигрантов, Бразилия – 2544 тыс., Куба – 243 тыс., Уругвай – 363 тыс., Чили – 74 тыс. и т.д. Основные потоки мигрантов прибывали из Европы (Испании, Италии, Португалии, Российской империи), но также из Китая и Японии. В значительной степени благодаря массовой иммиграции динамика роста населения Латиноамериканского региона заметно превышала общемировой показатель. В 1870–1913 гг. население мира выросло на 41%, а Латинской Америки – более чем вдвое (с 36,8 до 75,1 млн человек) [Bértola, Ocampo 2011, p. 95].

В ходе второго этапа глобализации в наиболее продвинутых в хозяйственном отношении странах Латинской Америки сложилась так называемая *модель экспортно-ориентированной аграрно-сырьевой экономики*, ставшая главным способом участия региона в глобализационных процессах. Механизм функционирования этой модели был относительно прост: на мировой рынок в растущих объемах вывозились сельскохозяйственные и сырьевые товары, для производства которых в латиноамериканских государствах имелись оптимальные природные условия, а в регион ввозились промышленные товары, машины и оборудование. Экспорт генерировал валютные поступления, обеспечивавшие львиную долю доходов бюджета, а за счет импорта покрывались внутренние потребности в капитальных и потребительских товарах.

Слом названного механизма произошел в результате двух сильнейших внешних шоков: Первой мировой войны, нарушившей нормальное развитие не только международных политических, но и торгово-экономических и финансовых связей, и Великой депрессии 1929–1933 гг., вызвавшей рост протекционизма, сворачивание мировой торговли, в итоге – затухание второй волны глобализации. Это выбило экономическую опору, на которой развивались страны региона, поскольку на международных рынках резко упал спрос на латиноамериканские товары, повлекший за собой обвальное сокращение финансовых поступлений. Одновременно возникла острая нехватка промышленных товаров, спровоцировавшая потребительский голод. Латинская Америка ощутимо сократила свое участие в мировой экономике и вступила в период перезарузки макроэкономической стратегии, который растянулся на долгие годы [Dehesa 2004, p. 79–80].

Регион перед глобальными вызовами

В предвоенные годы и главным образом в первые десятилетия после Второй мировой войны Латинская Америка избрала политику *импортозамещения*, пришедшую на смену упомянутой выше модели экспортно-ориентированной аграрно-сырьевой экономики и ставшую сердцевиной большинства национальных модернизационных проектов, зачастую носивших антирыночный характер [Яковлев 2016, с. 21–22].

В рамках этой стратегии вводились сверхвысокие импортные пошлины, нередко достигавшие 100%; усиливалось регулирование уровня цен на многие товары массового спроса; в ключевых отраслях создавались государственные компании и банки, подминавшие под себя или полностью вытеснявшие с рынка частные предприятия; распространилась практика субсидирования отдельных отраслей и производств, определявшаяся, как правило, лоббистскими возможностями тех или иных бизнес-групп; ограничивалась деятель-

ность иностранного капитала. Впервые в латиноамериканской истории произошло «стягивание» экономики, финансов и торговли под жесткий контроль государства.

Парадоксальным образом импортозамещение в Латинской Америке, ставившее своей целью ослабление зависимости региона от внешних шоков, в конечном счете обернулось своей противоположностью – внешняя зависимость и финансовая уязвимость латиноамериканских стран только возросли. Это особенно отчетливо видно на примере динамики внешнего долга (см. табл. 2).

Таблица 2

ВНЕШНИЙ ДОЛГ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Год	*Долг (млрд долл.)*	*Проценты по долгу / экспортные поступления (%)*	*Все платежи по долгу / экспортные поступления (%)*
1960	7,2	3,6	17,7
1970	20,8	5,6	17,6
1975	75,4	13,0	26,6
1980	229,1	21,2	38,3
1981	279,7	26,4	43,8
1982	314,4	34,3	59,0

Источник: [Bulmer-Thomas 2003, p. 352].

В период 1960–1982 гг. совокупный объем внешнего долга государств региона вырос почти в 44 раза, превысив 314 млрд долл. Это означало, что платежи по обслуживанию международной задолженности (проценты плюс амортизация «тела» долга), составлявшие в 1960 г. 17,7% доходов от экспорта, увеличились до 59% данного показателя. Тем самым свыше половины денежных поступлений от вывоза на внешний рынок латиноамериканских товаров «уходило» иностранным кредиторам.

Неудовлетворительные (в целом) результаты политики экономического дирижизма и импортозамещения, сопровождавшиеся финансовым истощением Латинской Америки, привели к смене парадигмы развития и формированию альтернативной модели участия стран региона в процессах углубленной интернационализации мирового хозяйства, обретших «новое дыхание» в 70–80-е годы прошлого столетия. В итоге Латинская Америка стала первым регионом развивающегося мира, в котором нашли наиболее полное практическое воплощение рецепты *третьей (неолиберальной) волны глобализации*, взятые на вооружение правящими кругами ведущих капиталистических держав в последней четверти XX в. и впоследствии в предельно лаконичном виде выраженные в десяти постулатах известного «Вашингтонского консенсуса» [After the Washington 2003, p. 324].

В результате сложились основные региональные черты «погружения» Латинской Америки в процессы трансформации системы мирохозяйственных связей, в фундаментальном плане сформировавшие латиноамериканскую модель участия в *неолиберальной глобализации*.

Апогей рыночных преобразований пришелся на 1990-е годы. В хозяйственной сфере этот период ознаменовался жесткими реформами, открытием ранее плотно закрытых национальных экономик, отходом от проводившейся прежде политики импортозамещения, доминированием концепций и практик неолиберализма, попытками «изгнать» государство из экономической жизни и перекроить производственные структуры региона по лекалам «Вашингтонского консенсуса». Именно тогда Латинская Америка стала особенно интенсивно втягиваться в процессы регионализации и глобализации.

Прежде всего заметно оживилась экономическая интеграция, развитие которой было необходимо не только самим латиноамериканским странам, но и западным транснациональным корпорациям (ТНК), во многих случаях возглавившим рыночные реформы. Ключевым событием явилось создание в 1991 г. *МЕРКОСУР* – Общего рынка стран Южного конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur), объединившего Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай. Другим знаковым событием этого периода стало подписание в декабре 1992 г. Североамериканского соглашения о свободной торговле – *НАФТА* (North American Free Trade Agreement, NAFTA) с участием США, Канады и Мексики [North American]. Тем самым Вашингтон непосредственно включился в интеграционные процессы в Латинской Америке и «оттянул» на себя экономику одной из крупнейших стран региона, расширив тем самым поле торговой, финансовой и производственной деятельности собственных бизнес-структур.

В период 2003–2013 гг., вошедших в экономическую историю как «золотое десятилетие» или время «тучных коров», странам региона удалось «оседлать» повышательный тренд мировых цен на сырье, энергоресурсы и продовольствие, придать дополнительный импульс хозяйственному росту, ощутимо увеличить объем ВВП, промышленного производства и внешнеторгового оборота, сократить долговую нагрузку на экономику, существенно укрепить финансовое положение, нарастить прямые иностранные инвестиции (ПИИ), снизить безработицу и инфляцию. Иными словами, улучшились практически все ключевые макроэкономические показатели (см. табл. 3).

Укрепление социально-экономического положения латиноамериканских стран стало метаусловием новых межгосударственных взаимосвязей на региональном уровне, оказавших влияние на ход и содержание интеграционных процессов. В 2004 г. образовались две крупные региональные группировки: Сообщество южноамериканских наций, впоследствии преобразованное в *УНАСУР* – Союз южноамериканских наций (Unión de las Naciones del Sur,

Unasur) и Боливарианский союз для народов нашей Америки – *АЛБА* (Alianza Bolivariana para los pueblos de Nuestra América, ALBA). И наконец, в 2011 г. возникло Сообщество латиноамериканских и карибских государств – *СЕЛАК* (Comunidad de Estados Latinoamericanos y del Caribe, CELAC), впервые в истории объединившее все 33 страны региона, но (в отличие от Организации американских государств) не включившее США и Канаду, а в 2012 г. был создан Тихоокеанский альянс – *ТАЛ* (Alianza del Pacífico, ALP) в составе Колумбии, Мексики, Перу и Чили.

Таблица 3

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Показатель	*2003*	*2005*	*2010*	*2013*
ВВП (млрд долл.)	1926	2764	5031	6021
Экспорт (млрд долл.)	392	584	898	1099
Импорт (млрд долл.)	354	509	865	1100
Государственный долг (% ВВП)	57,0	42,4	29,8	32,3
Внешний долг (% ВВП)	39,9	24,6	19,8	21,0
Чистые ПИИ (млрд долл.)	39,8	57,7	110,4	142,1
Валютные резервы (млрд долл.)	198	262	656	830
Инфляция (%)	8,2	6,1	5,4	5,0
Безработица (%)	11,1	9,0	7,3	7,2

Источник: [Balance 2013, p. 51; Balance 2016, p. 95].

Конечно, главной задачей названных инициатив было усиление взаимных торгово-экономических и финансовых скреп латиноамериканских стран, но одновременно через развитие регионализма Латинская Америка стремилась упрочить свои позиции в мировой экономике и торговле, оптимизировать участие в процессах глобализации.

С этими целями Мексика, Перу и Чили стали участниками Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (*АТЭС*) и предприняли попытку подключиться к планам создания межрегионального интеграционного мегаобъединения – Транстихоокеанского торгового партнерства (*ТТП*). После того как президент Дональд Трамп торпедировал уже подписанный всеми участниками договор о ТТП, латиноамериканские страны вошли в число инициаторов учреждения нового мегаобъединения – Всеобъемлющего и прогрессивного транстихоокеанского партнерства (*ВПТТП*), соглашение о котором было подписано в чилийской столице в начале марта 2018 г. [Canciller 2018].

В условиях современного этапа глобализации усилия государств Латинской Америки в сфере международной торговли принесли неоднозначные результаты. С одной стороны, в 2001–2018 гг., несмотря на резкие конъюнк-

турные перепады цен на продукты латиноамериканского экспорта и негативные эффекты мирового кризиса 2008–2009 гг., объем внешнеторгового оборота вырос более чем в 3 раза и вплотную приблизился к отметке 2,2 трлн долл. Кроме того, стратегически важным направлением макроэкономической деятельности стран региона явилась географическая диверсификация внешней торговли, что нашло отражение в изменениях в расстановке сил между их крупнейшими торговыми партнерами: США, Евросоюзом и КНР. Как видно из данных таблицы 4, за указанный период доля Соединенных Штатов снизилась с 51 до 37,2%, Европейского союза – с 13,9 до 11,9%, а доля Китая выросла с 2,2 до 15,2%. При этом для целого ряда латиноамериканских государств Поднебесная стала главным экономическим контрагентом.

Таблица 4

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ С ОСНОВНЫМИ ПАРТНЕРАМИ (товары, млрд долл. и %)

Год	*Всего*		*США*		*Евросоюз*		*Китай*	
	объем	*доля*	*объем*	*доля*	*объем*	*доля*	*объем*	*доля*
2001	703,9	100,0	358,6	51,0	97,8	13,9	15,7	2,2
2010	1755,7	100,0	585,6	33,4	227,7	13,0	190,5	10,9
2015	1918,8	100,0	731,4	38,1	236,5	12,3	261,5	13,6
2018	2195,9	100,0	816,4	37,2	262,1	11,9	332,9	15,2

Источник: [List of imported].

Стремясь переломить нисходящий тренд в торговле между Латинской Америкой и Европой, 28 июня 2019 г. представители Европейской комиссии и министры иностранных дел стран – членов МЕРКОСУР заявили о достижении соглашения о свободной торговле между Евросоюзом и этой южноамериканской интеграционной группировкой. Предполагается, что действие соглашения (переговоры по нему велись почти два десятилетия) со временем позволит устранить таможенные пошлины на 91–92% товаров взаимной торговли и приведет к созданию общего рынка с населением (на сегодняшний день) порядка 780 млн человек [EU and Mercosur 2019].

Символично, что объявление о соглашении ЕС – МЕРКОСУР было сделано в ходе работы саммита «Группы двадцати» (Г20) в Осаке (Япония), где в центре внимания находились актуальные вопросы международной торговли. В том числе: всплеск протекционизма, расширение санкционных и прочих рестриктивных режимов, реформа Всемирной торговой организации (ВТО), угроза развязывания новых торговых войн. В этих «турбулентных условиях», как подчеркнул теперь уже бывший председатель Еврокомиссии Жан-Клод

Юнкер[1], соглашение Евросоюз – МЕРКОСУР стало примером договора, основанного на принципах «открытости и справедливости» и призванного способствовать обеспечению устойчивого развития европейских и латиноамериканских стран [G20 leaders 2019].

Вместе с тем турбулентные явления в глобальной экономике и мировой торговле (по существу, *кризис в развитии неолиберальной глобализации*), давшие о себе знать на протяжении первых десятилетий XXI в., указали на Латинскую Америку как на слабое звено в цепи мирохозяйственных связей [Яковлев 2017]. Обратимся к сухому языку статистики (см. табл. 5).

Таблица 5

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: КЛЮЧЕВЫЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Показатель	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*
ВВП (изменение в %)	-0,6	1,2	1,0	0,2
Инвестиции в основной капитал (% ВВП)	18,5	19,6	19,4	19,5
Прямые иностранные инвестиции (млрд долл.)	125,4	122,0	145,5	139,9
Экспорт (товары, млрд долл.)	896,5	1008,1	1092,2	1070,5
Импорт (товары, млрд долл.)	893,9	976,3	1085,2	1059,0
Безработица (%)	8,9	9,3	9,3	–
Счет текущих операций (млрд долл.)	-97,7	-78,8	-99,2	-80,9
Инфляция (%)	7,3	5,7	7,0	–
Государственный долг (% ВВП)	58,0	59,2	59,5	–
Внешний долг (млрд долл.)	1918,7	2021,5	2097,1	–
Валютные резервы (млрд долл.)	831,0	859,4	867,1	879,1
Доходы госбюджета (% ВВП)	18,2	18,1	18,2	–
Расходы госбюджета (% ВВП)	21,4	21,2	21,1	–
Дефицит госбюджета (% ВВП)	-3,2	-3,1	-2,9	–

Составлено по: [World Economic Outlook 2019, p. 151, 154, 166; Estudio económico 2019, p. 199, 212, 216, 234].

Данные свидетельствуют, что в последние годы страны Латинской Америки в целом демонстрировали крайне низкие темпы экономического роста, значительно уступая не только динамике государств других развивающихся регионов (особенно Азии), но и общемировым параметрам. Откровенно неблагоприятная ситуация была связана, прежде всего, с экономической «пробуксовкой» крупнейших латиноамериканских стран – Аргентины, Бразилии, Мексики, отставших по темпам роста даже от средних показателей развитых держав.

1. На этом посту Ж.-К. Юнкера сменила Урсула фон дер Ляйен.

Торможение прироста ВВП дополнялось сохранением на сравнительно низком уровне многих других макроэкономических индикаторов, а в целом ряде случаев отмечалось их ухудшение. Например, вновь выросла долговая нагрузка на экономику, в 2019 г. было отмечено сокращение внешнеторгового оборота, счет текущих операций стабильно сводился с крупным отрицательным сальдо, стагнировали доходы государственного бюджета и сохранялся его дефицит, на низком уровне (меньше 20% ВВП) оставались инвестиции в основной капитал, а объем иностранных капиталовложений явно не соответствовал потребностям латиноамериканской экономики и был не в состоянии «заделать имеющиеся в ней трещины». В большинстве стран наблюдалась высокая безработица, а Венесуэла и Аргентина попали под каток разрушительной инфляции [Яковлев 2019 а].

Не произошло подлинного количественного, а главное – качественного прорыва и в сфере внешнеторговых связей Латинской Америки, которой в этом отношении с трудом удалось удержаться на позициях начала века (см. табл. 6). В 2001–2018 гг. вывоз товаров из стран региона на международные рынки вырос в 3,2 раза, но это не позволило нарастить их долю в совокупном мировом экспорте, она осталась на прежнем весьма скромном уровне 5,6%. За редким исключением (наиболее яркий пример – Мексика) латиноамериканским государствам не удалось и радикальным образом изменить (*«облагородить»*) товарную структуру экспортных поставок, кардинально увеличив удельный вес технологичной продукции. Иначе говоря, несмотря на все усилия и успехи на отдельных направлениях и в некоторых странах, регион в целом в глобальном разделении труда остается, главным образом, поставщиком сырьевых и продовольственных товаров.

Таблица 6

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ (товары, млрд долл.)

Показатель	*2001 г.*	*Доля в мире (%)*	*2015 г.*	*Доля в мире (%)*	*2018 г.*	*Доля в мире (%)*
Экспорт	341	5,6	917	5,6	1074	5,6
Импорт	363	5,9	1002	6,1	1122	5,8
Объем	704	5,7	1919	5,9	2196	5,7
Сальдо	-22	–	-85	–	-48	–

Источник: [List of imported].

Таким образом, Латинская Америка уже длительное время характеризуется сравнительной устойчивостью основных черт региональной модели участия в глобализации. Однако такое положение не отменяет отдельных страновых особенностей (порой существенных), которые могут быть проде-

монстрированы на примере Чили и Мексики, чьи национальные *кейсы* развития в русле глобализационных процессов отмечены ярко выраженным своеобразием.

Чили: От «чикагских мальчиков» к ловушке среднего дохода

Массовые протесты, охватившие Чили в октябре-ноябре 2019 г., для большинства аналитиков явились полной неожиданностью. Уже несколько десятилетий эта страна, нередко называемая *«латиноамериканской Швейцарией»* или *«экономическим тигром Латинской Америки»*, выгодно отличается от большинства соседей по региону поступательным развитием экономики, четким механизмом смены политической власти демократическим путем и, казалось бы, относительным (по меркам региона) социальным благополучием. В чем причина мощно вырвавшегося на поверхность общественного недовольства и гнева и как это связано с процессами глобализации?

Именно в Чили в 1975 г. был дан старт формированию *неолиберальной модели глобализации* в ее латиноамериканской версии. Тогда страну посетил «гуру неолиберализма», глава Чикагской экономической школы Милтон Фридман и его визит пришелся как нельзя кстати. Аугусто Пиночет, захвативший власть в сентябре 1973 г. в результате свержения правительства Народного единства во главе с Сальвадором Альенде, нуждался в международной поддержке своей политики, главным вектором которой должна была стать ориентация чилийских производителей сырьевых, продовольственных и (отчасти) промышленных товаров на удовлетворение потребностей зарубежных потребителей [Muñoz 1986]. Иначе говоря, в силу сравнительной узости внутреннего спроса (население страны составляло немногим более 10 млн человек), ограничивавшей рост производства, ставилась цель «намертво привязать» экономику Чили к мировому рынку и таким путем «органично вписаться» в разворачивавшиеся процессы глобализации.

Миссию экономической либерализации осуществила команда так называемых «чикагских мальчиков» (Chicago boys) – группы сравнительно молодых экономистов (порядка 25 человек), получивших образование в Католическом университете Чили, много лет тесно сотрудничавшем с Чикагским университетом. Поэтому М. Фридман не без оснований считался их «духовным отцом», а те, в свою очередь, реализовали выдвинутые «учителем» идеи «шоковой терапии». Заняв ключевые позиции в экономическом блоке чилийского правительства (посты министров экономики, планирования, труда, председателей Центрального банка, Бюджетного управления и т.д.), «чикагские мальчики» разработали и провели в жизнь пакет рыночных реформ, результаты

которых заложили основу модели участия Чили в глобализации, в основных чертах просуществовавшей до настоящего времени [Fontaine 1988].

Ключевые пункты этой модели можно свести к следующему: сокращение прямого государственного участия в экономике путем прекращения финансирования нерентабельных компаний, приватизации госпредприятий и уменьшения госинвестиций; «открытие» национальных рынков с помощью радикального снижения импортных тарифов и отмены других внешнеторговых ограничений; девальвация национальной валюты с целью повышения конкурентоспособности чилийских товаров; создание оптимально благоприятных условий для деятельности в Чили иностранных компаний; предоставление чилийскому частному сектору доступа к более дешевым, чем местные, зарубежным кредитам; сдерживание роста (на практике – снижение) реальной заработной платы; свертывание социальных программ; ликвидация дефицита госбюджета (главным образом, благодаря сокращению расходов); модернизация и повышение эффективности госаппарата, в том числе, в результате увольнения значительной части служащих [Valdes 1989].

С начала 1990-х годов (после ухода А. Пиночета с политической сцены и возвращения к демократии) интеграция в систему мирохозяйственных отношений закрепилась в качестве магистрального направления участия Чили в глобализационных процессах. Общим местом в выступлениях лидеров страны (независимо от их партийно-политической принадлежности и идеологических воззрений) стали заявления о стремлении чилийского истеблишмента и бизнес-сообщества воспользоваться преимуществами глобализации, совершить рывок в развитии внешнеэкономических связей и на этой основе «подтянуть» ключевые социально-экономические показатели до среднего уровня развитых государств. В частности, президент Себастьян Пиньера в начале своего первого срока в качестве главы государства (2010–2014) поставил цель в 2018 г. увеличить чилийский душевой ВВП до показателя Португалии – 24 тыс. долл. [Salas Guzman 2019].

Инструментом продвижения чилийских товаров на мировой рынок явились многочисленные соглашения о свободной торговле, первое из которых было подписано с Канадой в конце 1996 г. и вошло в силу в июле 1997 г. Вслед за этим последовали соглашения с Мексикой, странами Центральной и Южной Америки, Евросоюзом, США, Южной Кореей, государствами Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), Китаем, Японией, Турцией, Австралией, Новой Зеландией, Таиландом, Малайзией, Вьетнамом и т.д. [Acuerdos]. Результатом стал сравнительно быстрый рост внешней торговли, объем которой, несмотря на конъюнктурные перепады цен на основные товары чилийского экспорта (медь, рыба и морепродукты, вино, фрукты и т.д.), в период 2001–2018 гг. вырос в 4,3 раза и вплотную приблизился к отметке в 150 млрд долл. Однако в 2019 г. произошло его очередное снижение

на 8,3%, что указывало на сохранявшуюся структурную слабость чилийского экспорта (см. табл. 7).

Таблица 7

ЧИЛИ: ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ
(товары, млрд долл.)

Показатель	*2001*	*2010*	*2015*	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*
Экспорт	18,8	71,1	62,0	60,7	68,9	75,5	70,5
Импорт	16,1	59,0	62,4	59,4	65,3	74,2	66,8
Объем	34,9	130,1	124,4	120,1	134,2	149,7	137,3
Сальдо	+2,7	+12,1	-0,4	+1,3	+3,6	+1,3	+3,7

Источник: [Perspectivas del comercio 2019, p. 89].

Относительная устойчивость и рыночный характер чилийской экономики, ее открытость миру в сочетании с работающим механизмом представительной демократии, как показали дальнейшие события, позволили стране в 2010 г. стать членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Подчеркнем, что Чили стала второй, вслед за Мексикой, латиноамериканской республикой, вошедшей в этот «клуб» наиболее развитых демократических государств [Member countries]. Но это во многом символическое обстоятельство, как показали дальнейшие события, не уберегло страну от социальных потрясений. Оставляя за скобками политические аспекты чилийского кризиса 2019 г. (это – тема отдельного анализа), выделим главные экономические причины беспрецедентно массовых протестных выступлений.

На наш взгляд, глубинным фактором, открывшим ящик Пандоры общественного возмущения, стала так называемая *ловушка среднего дохода*. За почти три десятилетия развития в условиях демократии Чили добилась заметного прогресса: душевой ВВП, хотя далеко не достиг показателя Португалии, в 1990–2018 гг. вырос с 2,5 до 15,9 тыс. долл. (в среднем в Латинской Америке – 9 тыс. долл.); доля населения, живущего за чертой бедности, снизилась с 30 до 6%; в стране было введено всеобщее медицинское страхование, отлажен механизм выплаты пособий по безработице, улучшилась система образования, численно вырос средний класс, занявший центральное место в чилийском обществе [Roura 2019].

Вместе с тем в последние годы Чили в основном исчерпала имевшиеся у нее ресурсы роста в русле неолиберальной модели участия в мировой экономике и фактически «застряла» на достигнутом социально-экономическом уровне. Как отмечают многие эксперты, наряду с внутренними факторами дали о себе знать и негативные внешние эффекты, связанные с усилением протекционизма, торговыми и финансовыми войнами, в целом с *торможением процесса глобализации* [Vilches 2019]. Не случайно, как уже отмечалось,

в 2019 г. ощутимо сократился чилийский экспорт. Но не только это. По существу, проблема, с которой сегодня столкнулась Чили в экономической области, детерминирована общей неустойчивостью основных национальных и глобальных трендов, заметно усилившейся неопределенностью последствий принимаемых макроэкономических решений, угрожающих нарушить хрупкое благосостояние большинства чилийского населения.

В этом и состоит ловушка среднего дохода: Чили вступила в диктуемый законами глобализации этап перехода от экономического роста, основанного на экспоненциальной эксплуатации природных и человеческих ресурсов, к развитию, ориентированному на повышение производительности с помощью максимально широкой опоры на достижения науки и техники, повсеместного использования инноваций [Bitran 2019]. В силу недостаточного научно-технологического потенциала страна оказалась не готова к такому переходу, к новому историческому рывку, что во многом интуитивно, но удивительно точно уловило чилийское общество, потребовав сменить модель социально-экономического роста.

Мексика: «Так далеко от Бога и так близко к США»

Это выражение знает каждый мексиканец. Ничего нельзя сказать о расстоянии от Мексики до Создателя, но с Соединенными Штатами, в XIX в. присоединившими к себе больше половины мексиканской территории, эту латиноамериканскую страну навечно соединила общая граница протяженностью порядка 3200 км.

До середины 80-х годов прошлого века Мексика проводила протекционистскую политику, ориентированную на импортозамещение, а ее модель роста носила выраженный государствоцентричный и сырьевой характер. А именно: главную роль в экономике играли крупнейшие государственные компании, производственная и внешнеторговая сферы жестко администрировались властями, в структуре экспорта полностью доминировали сырьевые товары. В частности, вплоть до 1986 г. на долю нефти и нефтепродуктов приходилось 67–77% общего объема вывоза товарной продукции [Lopez 2010].

Рыночные реформы в Мексике начались в ответ на финансово-экономический кризис 1982 г., сопровождавшийся дефолтом по суверенным долгам, банкротством тысяч предприятий, ухудшением материального положения большинства мексиканцев и (как следствие) усилением социальной напряженности. Подчеркнем, что реформирование осуществлялось в условиях уже развернувшегося процесса глобализации и по знакомой неолиберальной схеме, прочерченной «Вашингтонским консенсусом». В стране прошла приватизация многих государственных компаний, произошло снижение таможенных

барьеров, внутренний рынок в значительной степени был открыт для иностранных инвестиций. Активную роль в выработке новой стратегии роста сыграли эксперты Всемирного банка, делегированные в Мексику и заложившие концептуальные основы модели ее участия в глобализации [Las privatizaciones 2004, p. 181–185].

Главной и определяющей особенностью данной модели явилась экономическая интеграция в рамках НАФТА, стартовавшая 1 января 1994 г. Спецификой этой региональной торгово-экономической группировки было то, что в ней «под одной крышей» оказались две высокоразвитые державы (США и Канада) и страна с формирующимся рынком (Мексика). При этом мексиканские политические и деловые круги надеялись, что интеграция с северными соседями станет решающим фактором комплексной модернизации страны и поможет решить накопившиеся острейшие социально-экономические проблемы. В их числе: структурная и технологическая отсталость национального хозяйственного организма, низкий уровень производственных инвестиций, незначительный (по масштабам страны) объем внешней торговли, огромный государственный долг, нехватка квалифицированных рабочих мест, высокая безработица, бедность и нищета, разгул преступности, подрывающий национальную безопасность трансграничный наркотрафик, массовая эмиграция [Яковлев 2019 b, с. 77–80].

Нельзя отрицать тот факт, что за два с лишним десятилетия функционирования НАФТА экономика Мексики приобрела новое качество. Снятие большинства барьеров в торговле с США и Канадой и создание благоприятных условий для деятельности зарубежных (в подавляющем большинстве случаев – американских) компаний круто изменили место страны в системе мирового хозяйства и торговли. В то же время интеграция с северными соседями не обеспечила Мексике быстрого экономического роста: прирост мексиканского ВВП был и остается одним из наиболее низких в регионе. Парадоксальным образом примерно половина населения страны остается «исключенной» из системы современных рыночных отношений [Мексика 2013].

Между тем на мексиканской территории (преимущественно в северных, пограничных с США районах) были созданы тысячи сборочных предприятий, так называемые *макиладорас*, оснащенные современным оборудованием, встроенные в глобальные цепочки добавленной стоимости и почти полностью работающие на рынок Соединенных Штатов и (в значительно меньшей степени) Канады. В числе этих компаний фигурировали, прежде всего, филиалы американских, западноевропейских, японских и корейских автомобильных корпораций, а также многочисленные заводы и фабрики иностранных фирм, выпускающие электронную продукцию, промышленное оборудование и широкую гамму потребительских товаров. Именно деятельность макиладорас

в решающей степени обеспечила беспрецедентный для латиноамериканских стран рост мексиканской внешней торговли: импорт компонентов и экспорт готовой продукции (см. табл. 8).

Таблица 8

ДИНАМИКА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ МЕКСИКИ (товары, млрд долл.)

Показатель	*2001*			*2018*		
	Всего	*США*	*Доля США*	*Всего*	*США*	*Доля США*
Экспорт	158,4	136,4	86,1	450,5	344,6	76,5
Импорт	168,4	114,1	67,8	464,3	216,3	46,6
Оборот	326,8	250,5	76,7	914,8	560,9	61,3
Сальдо	-10,0	+22,3	–	-13,8	+128,3	–

Источник: [List of imported].

Как свидетельствуют статистические данные, в период 2001–2018 гг. внешнеторговый оборот Мексики вырос в 2,8 раза и превысил 914 млрд долл. (максимальный показатель для стран Латинской Америки, 42% общерегиональной внешней торговли). Радикально изменилась структура мексиканского экспорта. Сегодня свыше 80% его объема составляют не сырьевые, как в прежние времена, а промышленные изделия. При этом обращает на себя внимание сокращение в мексиканской торговле доли США: с 76,7 до 61,3% с одновременным впечатляющим увеличением торговли Мексики с рядом других государств. В частности, в 2001–2018 гг. товарооборот с Китаем вырос в 20,6 раза, а с Россией – в 8,6 раза. С чем это было связано? Дело в том, что мексиканские власти, справедливо опасаясь дальнейшего усиления односторонней зависимости от Вашингтона, предприняли шаги, нацеленные на диверсификацию внешнеторговых связей и (помимо НАФТА) подписали 12 соглашений о свободной торговле, действие которых охватывает десятки стран в Латинской Америке, Европе и Азии [Comercio exterior].

Разумеется, Соединенные Штаты были и остаются важнейшим внешнеэкономическим партнером Мексики: гравитационный фактор географического положения никуда не делся. Но как показали недавние события, связанные с приходом в Белый дом Д. Трампа, стремление официального Мехико расширять и разнообразить свое участие в глобальной экономике и торговле было более чем оправдано. Напомним, что едва вступив на пост президента, Д. Трамп начал давить на Мексику и Канаду, требуя существенного пересмотра условий НАФТА. В итоге долгих и трудных трехсторонних переговоров родилась новая версия соглашения о североамериканской интеграции под названием «Пакт США – Мексика – Канада», ЮСМКА (United States –

Mexico Canada Agreement, USMCA), в котором были учтены многие требования американской делегации [Яковлев 2018].

С точки зрения участия Мексики в процессах регионализации и глобализации подписание ЮСМКА означало, что интеграционный проект в Северной Америке будет продолжен, а американский рынок еще на долгие годы останется приоритетным для мексиканских предприятий. Но вместе с тем заключение нового соглашения полностью не устраняло опасности односторонних протекционистских действий со стороны Белого дома, не исключало возможности появления в будущем очередных требований США перекраивать действующие договоренности по «вашингтонским лекалам». В данном контексте представляется закономерной и неизбежной дальнейшая корректировка стратегии участия Мексики в глобализации.

Латинская Америка всегда была на острие развивавшихся процессов интернационализации мировой экономики, находилась в эпицентре всех волн глобализации. В обобщенном виде исторически сложившаяся региональная модель участия латиноамериканских стран в системе мирохозяйственных связей предполагает сохранение их роли как поставщиков преимущественно сырьевых товаров, реципиентов капиталов иностранных компаний, стремящихся занять командные высоты в экономике Латинской Америки, младших партнеров развитых держав.

Не меняющие коренным образом общерегиональную парадигму национальные особенности участия государств региона в глобализации особенно отчетливо проявились в Чили и Мексике. В первом случае ключевым элементом стала внешнеторговая экспансия на основе эксплуатации природных ресурсов и максимальной диверсификации рынков сбыта. Во втором – ставка на превращение отдельных районов страны в огромную площадку сборочных производств, продукция которых в основном направлялась в США. Как показала практика, оба варианта в значительной мере себя исчерпали и нуждаются в серьезной корректировке. Можно с уверенностью утверждать, что в условиях кризисных потрясений, переживаемых глобальной экономикой и мировой торговлей, не менее глубокие изменения ждут и региональную модель участия Латинской Америки в процессах глобализации.

Библиография

Мексика: Парадоксы модернизации / Отв. ред. В.М. Давыдов. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013. 330 с.

Яковлев П.П. Импортозамещение в Аргентине: Цели и результаты // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 20–25.

Яковлев П.П. Латинская Америка: Возможен ли рывок в развитии? // Мировая экономика и международные отношения. 2019 а. Т. 63. № 3. С. 94–103.

Яковлев П.П. От НАФТА к ЮСМКА: Реформа североамериканской интеграции // Российский внешнеэкономический вестник. 2019 b. № 1. С. 75–87.

Яковлев П.П. «Эффект Трампа» или конец глобализации? М.: РУСАЙНС, 2017. 144 с.

Яковлев П.П. USMCA: Перезагрузка зоны свободной торговли в Северной Америке // Латинская Америка. 2018. № 12. С. 6–21.

Acuerdos comerciales // Subsecretaría de Relaciones Económicas Internacionales. Gobierno de Chile. URL: https://www.subrei.gob.cl/modulo-de-acuerdos-comerciales/ (дата обращения: 27.12.2019).

After the Washington Consensus. Restarting growth and reform in Latin America / Ed. by P.-P. Kuczynski and J. Williamson. Wash.: Institute for International Economics, 2003. 373 p.

Alvarez-Noga C., Chamney Ch. Debt policy under constraints between Philipp II, the Cortes and Genoese Bankers. Madrid: Universidad Carlos III, 2011. 437 p.

Balance preliminar de las economías de América Latina y el Caribe 2012. Santiago de Chile: CEPAL, 2013. 341 p.

Balance preliminar de las economías de América Latina y el Caribe 2016. Santiago de Chile: CEPAL, 2016. 365 p.

Bértola L., Ocampo J.A. Una historia económica de América Latina desde la independencia. Desarollo, vaivenes y desigualdad. Madrid: Secretaría General Iberoamericana, 2011. 425 p.

Bitran E. Chile y la trampa de los ingresos medios // El Mercurio. Santiago de Chile, 2019. 1 abril.

Bulmer-Thomas V. The economic history of Latin America since independence. Cambridge University Press, 2003. 483 p.

Canciller Munoz encabeza firma del Tratado Integral y Progresista de Asociacion Transpacifico: «Estamos orgullosos de concluir este proceso» // Ministerio de Relaciones Exteriores. Gobierno de Chile. 2018. 8 marzo. URl: https://minrel.gob.cl/canciller-munoz-encabeza-firma-del-tratado-integral-y-progresista-de/minrel/2018-03-08/192644.html (дата обращения: 27.12.2019).

Comercio exterior: Países con tratados y acuerdos firmados con México // Gobierno de México. URL: https://www.gob.mx/se/acciones-y-programas/comercio-exterior-paises-con-tratados-y-acuerdos-firmados-con-mexico (дата обращения: 27.12.2019).

Dehesa G. de la. Comprender la globalización. Madrid: Alianza Editorial, 2004. 251 p.

Estudio económico de América Latina y el Caribe 2019 // CEPAL. Naciones Unidas. 2019. 243 p.

EU and MERCOSUR reach agreement on trade // European Union. 2019. 28 June. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_3396 (дата обращения: 27.12.2019).

External financing in Latin America. N.Y.: United Nations, 1965. 145 p.

Fontaine A. La historia no contada de los economistas y el presidente Pinochet. Santiago: Zig-Zag, 1988. 348 p.

G20 leaders united to address major global economic challenges // European Union. 2019. 29 June. URL: https://ec.europa.eu/commission/news/g20-leaders-united-address-major-global-economic-challenges-2019-jun-29_en (дата обращения: 27.12.2019).

Giraudo A. Cuando el hierro era más caro que el oro. 60 historias para entender la economía mundial. Barcelona Ariel, 2016. 405 p.

Globalization, growth, and poverty: Building an inclusive world economy. N.Y.: The World Bank, 2002. 247 p.

List of imported products for the selected product // ITC (International Trade Center). URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c15%7c156%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 27.12.2019).

Lopez J. El papel de México en la economía mundial. 2010. 6 septiembre. URL: http://jacobeconomiayglobalizacion1382.blogspot.com/2010/09/el-papel-de-mexico-en-la-economia.html (дата обращения: 27.12.2019).

Member countries // OECD. URL: http://www.oecd.org/about/members-and-partners/ (дата обращения: 27.12.2019).

Muñoz O. Chile y su industrialización. Santiago: CIEPLAN, 1986. 361 p.

North American Free Trade Agreement // NAFTA. URL: https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/North-American-Free-Trade-Agreement (дата обращения: 27.12.2019).

Perspectivas del comercio internacional de América Latina y el Caribe: El adverso contexto mundial profundiza el resago de la región // CEPAL. Naciones Unidas. 2019. 199 p.

Las privatizaciones y la desnacionalización de América Latina. Buenos Aires: Prometeo, 2004. 238 p.

Roura A.M. Protestas en Chile: Las grietas del modelo económico chileno que las manifestaciones dejaron al descubierto // BBC. 2019. 29 Octubre. URL: https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-50208871 (дата обращения: 27.12. 2019).

Salas Guzman R. Chile y la trampa del ingreso medio // América economía.com. 2019. 8 noviembre. URL: https://www.americaeconomia.com/analisis-opinion/chile-y-la-trampa-del-ingreso-medio (дата обращения: 27.12.2019).

Valdes J.G. La escuela Chicago: Operación Chile. Buenos Aires: Zeta, 1989. 382 p.

Vilches R. Guerra comercial y estallido social en Chile // América economía.com. 2019. 14 Nov. URL: https://www.americaeconomia.com/analisis-opinion/guerra-comercial-y-estallido-social-en-chile (дата обращения: 27.12.2019).

World Economic Outlook, October 2019. Global manufacturing down turn, rising trade barriers // IMF. Wash. 2019. 208 p.

References

Acuerdos comerciales. Subsecretaría de Relaciones Económicas Internacionales. Gobierno de Chile. URL: https://www.subrei.gob.cl/modulo-de-acuerdos-comerciales/ (date of access: 27.12.2019).

After the Washington Consensus. Restarting Growth and Reform in Latin America. Edited by Pedro-Pablo Kuczynski and John Williamson. Washington: Institute for International Economics, 2003. 373 p.

Alvarez-Noga C., Chamney Ch. Debt policy under constraints between Philipp II, the Cortes and Genoese Bankers. Madrid: Universidad Carlos III, 2011. 437 p.

Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. 2012. CEPAL, Santiago de Chile, 2012. 341 p.

Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. 2016. CEPAL, Santiago de Chile, 2016. 365 p.

Bértola L., Ocampo J.A. Una historia económica de América Latina desde la independencia. Desarollo, vaivenes y desigualdad. Madrid: Secretaría General Iberoamericana, 2011. 425 p.

Bitran E. Chile y la trampa de los ingresos medios. El Mercurio. Santiago de Chile, 2019. 1 abril.

Bulmer-Thomas V. The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 2003. 483 p.

Canciller Munoz encabeza firma del Tratado Integral y Progresista de Asociacion Transpacifico: «Estamos orgullosos de concluir este proceso». 2018. 8 marzo. URL: https://minrel.gob.cl/canciller-

munoz-encabeza-firma-del-tratado-integral-y-progresista-de/minrel/2018-03-08/192644.html (date of access: 27.12.2019).

Comercio exterior: Países con tratados y acuerdos firmados con México. Gobierno de México. URL: https://www.gob.mx/se/acciones-y-programas/comercio-exterior-paises-con-tratados-y-acuerdos-firmados-con-mexico (date of access: 27.12.2019).

Dehesa G. de la. Comprender la globalización. Madrid: Alianza Editorial, 2004. 251 p.

Estudio económico de América Latina y el Caribe 2019. CEPAL. Naciones Unidas. 2019. 243 p.

EU and MERCOSUR reach agreement on trade. 2019. 28 June. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_3396 (date of access: 27.12.2019).

External Financing in Latin America. New York: United Nations, 1965. 145 p.

Fontaine A. La historia no contada de los economistas y el presidente Pinochet. Santiago: Zig-Zag, 1988. 348 p.

G20 leaders united to address major global economic challenges // European Union. 2019. 29 June. URL: https://ec.europa.eu/commission/news/g20-leaders-united-address-major-global-economic-challenges-2019-jun-29_en (date of access: 27.12.2019).

Giraudo A. Cuando el hierro era más caro que el oro. 60 historias para entender la economía mundial. Barcelona: Ariel, 2016. 405 p.

Globalization, Growth, and Poverty: Building an Inclusive World Economy. N.Y.: The World Bank, 2002. 247 p.

Las privatizaciones y la desnacionalización de América Latina. Buenos Aires: Prometeo, 2004. 238 p.

List of imported products for the selected product. ITC (International Trade Center). URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c15%7c156%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (date of access: 27.12.2019).

Lopez J. El Papel de México en la Economía Mundial. 2010. 6 sept. URL: http://jacobeconomiayglobalizacion1382.blogspot.com/2010/09/el-papel-de-mexico-en-la-economia.html (date of access: 27.12.2019).

Meksika: Paradoksy modernizacii / Otv. red. V.M. Davydov [Mexico: The Paradoxes of Modernization / Ed. ed. V.M. Davydov]. Moscow: ILA RAS, 2013. 330 p. (In Russ.)

Member countries. OECD. URL: http://www.oecd.org/about/members-and-partners/ (date of access: 27.12.2019).

Muñoz O. Chile y su Industrialización. Santiago: CIEPLAN, 1986. 361 p.

North American Free Trade Agreement. NAFTA. URL: https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/North-American-Free-Trade-Agreement (date of access: 27.12.2019).

Perspectivas del comercio internacional de América Latina y el Caribe: El adverso contexto mundial profundiza el resago de la region. CEPAL. Naciones Unidas. 2019. 199 p.

Roura A.M. Protestas en Chile: Las grietas del modelo económico chileno que las manifestaciones dejaron al descubierto. 2019. 29 octubre. URL: https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-50208871 (date of access: 27.12.2019).

Salas Guzman R. Chile y la trampa del ingreso medio. 2019. 8 Noviembre. URL: https://www.americaeconomia.com/analisis-opinion/chile-y-la-trampa-del-ingreso-medio (date of access: 27.12.2019).

Valdes J.G. La escuela Chicago: Operación Chile. Buenos Aires: Zeta, 1989. 382 p.

Vilches R. Guerra comercial y estallido social en Chile. 2019. 14 Nov. URL: https://www.americaeconomia.com/analisis-opinion/guerra-comercial-y-estallido-social-en-chile (date of access: 27.12.2019).

World Economic Outlook, October 2019. Global manufacturing down turn, rising trade barriers. IMF. Wash. 2019. 208 p.

Yakovlev P.P. «Effekt Trampa» ili konec globalizacii? [The Trump Effect or the end of globalization?]. Moscow: RUSINS, 2017. 144 p. (In Russ.)

Yakovlev P.P. Importozameshchenie v Argentine: Celi i rezul'taty. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [Import Substitution in Argentina: Goals and Results. World Economy and International Relations]. 2016. Vol. 60. No. 5. P. 20–25. (In Russ.)

Yakovlev P.P. Latinskaya Amerika: Vozmozhen li ryvok v razvitii? Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [Latin America: Is there a breakthrough in development? World economy and international relations]. 2019. Vol. 63. No. 3. P. 94–103. (In Russ.)

Yakovlev P.P. Ot NAFTA k YUSMKA: Reforma severoamerikanskoj integracii. Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik [From NAFTA to USMKA: Reform of North American Integration. Russian Foreign Economic Bulletin]. 2019. No 1. P. 75–87. (In Russ.)

Yakovlev P.P. Perezagruzka zony svobodnoj torgovli v Severnoj Amerike. Latinskaya Amerika [USMCA: Rebooting a Free Trade Area in North America. Latin America]. 2018. No. 12. P. 6–21. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.09

А.С. Булатов

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ЕЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье делается попытка дать общую характеристику современной российской экономической модели, а также основным направлениям ее трансформации в последние десятилетия. Делается вывод о том, что в России сложилась модель государственно-олигархического капитализма, нацеленного во многом на взимание в стране административной, природной и налоговой ренты.*

Из-за обширности этой темы в статье рассматриваются преимущественно внешнеэкономические аспекты российской модели капитализма и их трансформация. Современная Россия – это активный, но во многом своеобразный участник идущей в мире экономической глобализации и ее внешнеэкономическая специализация во многом определяется спецификой ее экономической модели.

Стремление к получению ренты от своего политического и экономического доминирования толкает российских бюрократов на поощрение развития в стране не столько перспективных отраслей, сколько наиболее доходных для экспорта – сейчас это прежде всего добывающая промышленность. Для олигархов это также металлургическая и химическая отрасли. На этих отраслях и базируется российский экспорт товаров, высоко монополизированный государством и олигархами. В России самая низкая для стран БРИКС ставка таможенного тарифа по импорту, которая действует неблагоприятно на развитие отечественной обрабатывающей промышленности (готовые изделия – основа российского импорта). Медленный рост этой промышленности (она является главной сферой осуществления инноваций) не стимулирует и поступление в страну знаний из-за рубежа.

Почти во все годы вывоз капитала превосходит ввоз капитала в Россию. При этом подавляющая часть капитала вывозится в офшоры и офшоропроводящие страны и поступает оттуда же, что позволяет говорить о круговороте российского капитала, вывозимого олигархами и чиновниками из страны и затем обратно ввозимого под видом иностранного.

Немало изменений наблюдалось и в миграции, особенно краткосрочной, в Россию. Если в советское время подавляющая часть населения Закавказья и Средней Азии, а также Украины и Молдавии работала у себя на родине, то в этом веке временная трудовая миграция жителей этих регионов в Россию исчисляется многими миллионами человек в год. Экономически необходимый для России, этот огромный приток трудовых мигрантов используется олигархами для поддержания заработной платы в стране на низком уровне.

Ключевые слова: *Россия; экономическая модель; внешняя торговля; движение капитала; международная миграция рабочей силы.*

**Булатов Александр Сергеевич – доктор экономических наук,
профессор, старший научный сотрудник кафедры мировой экономики
МГИМО МИД России, Россия, Москва. E-mail: bulatov.moscow@mail.ru
Web of Science Researcher ID: R-3433–2016;
Scopus Author ID: 7005341291**

Bulatov A.S. Today's Russian Economic System and its External Economic Aspects

Abstract. *Attempting to describe the fundamentals of today's Russian economic system as well as its transformation in the last decades, the author argues that in Russia there has arisen a system of state oligarchic capitalism, in many ways aimed at drawing various kinds of rent in the country.*

As the subject is broad, the article predominantly focuses on the transformation of external economic aspects of the Russian economic system. Today's Russia stands out as an active, albeit peculiar, actor in the current global processes, its external economic profile being determined by the specifics of its economic system.

The desire to draw rents from its political and economic domination pushes Russian bureaucracy to promote not perspective industries but those of the most profitable in terms of export – today it is mainly extracting industries. For some of the oligarchs it is also metals and chemistry. These industries are the backbones of the Russian export, highly monopolized by the state and oligarchs. Also, Russia has the lowest import tariff among the BRICS countries, this having an adverse effect on the development of national manufacturing (since manufactured goods make the bulk in Russian imports). Among other things, the slow growth of this industry (a principal field for innovation) discourages the flow of knowledge from abroad.

In almost all recent years, capital outflow has been surpassing capital inflow to Russia. The predominant part of this outflow and inflow is to and from offshores, which makes it possible to interpret it as a turnover of Russian capital, exported from the country and then imported back in the guise of foreign capital.

There have been substantial changes in migration, particularly in the short-term one. In Soviet times, the bulk of population of South Caucasus and Central Asia as well as Ukraine and Moldova had jobs at home, but now many millions of them are on temporary jobs in Russia. Economically essential for Russia, this huge inflow of labor migrants is, at the same time, creating conditions for keeping wages in the country at low levels.

Keywords: *Russia; economic system; foreign trade; capital movement; international labor migration.*

**Bulatov Alexander Sergeevich – Doctor of Economics, Professor,
Senior Researcher of World Economy Department, MGIMO-University,
Russia, Moscow. E-mail: bulatov.moscow@mail.ru
Web of Science Researcher ID: R-3433–2016;
Scopus Author ID: 7005341291**

Введение

В российской научной литературе для характеристики экономического механизма страны традиционно используется термин «национальная экономическая модель», в то время как в зарубежной литературе обычно используется термин «economic system». Так, один из самых популярных в мире учебных курсов, сравнивающий экономические системы различных стран, называется «Comparative Economic Systems». Однако автор, не видя существенных противоречий между этими двумя терминами, будет опираться в статье как на российскую, так и зарубежную методологии, связанные с этими двумя схожими терминами.

В экономическом анализе используется различная методика исследования национальных экономических моделей. Так, в одном из наиболее обширных зарубежных исследований акцент делается на доминировании социальной и политической сфер над экономикой страны [Cohen 2009, p. 2]. В отечественных исследованиях методика чаще строится на описании основных элементов национальной экономической модели с целью выявления их особенностей и на этой основе – главных особенностей всей национальной экономической модели [Российская экономика 2019].

Используя методику первого подхода (прежде всего в анализе специфики российской экономической модели), автор одновременно будет опираться на методику второго подхода (особенно в анализе внешнеэкономических аспектов российской экономической модели). Подобный подход к анализу национальной экономической модели позволяет подробнее рассматривать ее отдельные элементы, в частности внешнеэкономические аспекты модели.

Современная российская экономическая модель

В своих предыдущих работах автор доказывал, что для выявления особенностей национальной экономической модели необходим прежде всего анализ соотношения форм собственности в стране и степени самостоятельности ее экономических агентов. Этот анализ привел его к выводу, что для нынешней российской экономической модели характерно такое соотношение форм собственности и такая степень самостоятельности экономических агентов, которые позволяют сделать вывод о государственно-олигархическом характере российской экономической модели [Мировая экономика 2017, с. 152; Экономика России 2017, с. 117].

Радикальная эволюция социалистической (нерыночной) экономики в капиталистическую (рыночную), происходившая в России в начале 1990-х годов, способствовала, с одной стороны, резкой поляризации экономических агентов и превращению некоторых из них в олигархов, а с другой – не привела к радикальному сокращению государственной собственности и уменьшению

государственного вмешательства в экономику, что ограничивает свободу рыночных агентов.

В России в 2017 г. 400 крупнейших компаний произвели 43% продукции (частные – немногим меньше половины этой величины, государственные – около двух пятых, остальное пришлось на компании под иностранным контролем) [Эксперт 2018, с. 62], что свидетельствует о высоком уровне монополизации российской экономики. Но в отличие от развитых стран в отраслях с высокой концентрацией капитала крупные частные компании принадлежат преимущественно не широким слоям акционеров, а одиночкам, небольшим группам лиц, семьям, т.е. олигархам (в первую очередь это относится к добыче полезных ископаемых, металлургии и химии). В результате, по оценке Т. Пикетти и его соавторов, доля 1% населения в национальном богатстве России (с учетом зарубежных активов) в середине нашего десятилетия достигла 43%, т.е. была выше, чем в США, Франции, Китае [Novokmet, Piketty, Zucman 2017, p. 4, 72–79]. Но при этом попытки российских олигархов в конце 1990 – начале 2000-х годов установить свой прямой контроль над экономической политикой были пресечены государством и экономическое регулирование перешло к союзу олигархов и бюрократов при первенстве бюрократов.

Российские бюрократы в своей экономической политике опираются на все еще большую для рыночной экономики государственную собственность и на свою политическую власть, позволяющую им активно вмешиваться в экономику. По данным российской статистики, доля государства в основных фондах страны снижалась – с 91% в 1990 г. до 25 – в 2000 и 22% в 2017 г. [Российский статистический 2018, с. 229], т.е. в последние два десятилетия она практически перестала уменьшаться в связи с затуханием процесса приватизации. По другим расчетам, учитывающим компании с неполным государственным участием, доля государства в выпуске ВВП даже выросла – с 43% в 2006 до 48% в 2018 г. [Радыгин, Энтов и др. 2018, с. 9]. Одновременно оставались высокими показатели государственного вмешательства в производство товаров и услуг. По последним расчетам ОЭСР, включающим Россию, совокупный уровень показателей госрегулирования рынка продуктов (product market regulation indicators, PMR indicators) в 2013 г. составлял в восточноевропейских странах 1,29–1,69, а в России – 2,22 (правда, в Бразилии он равнялся 2,54, Китае – 2,86, Индии – 3,10) [Product market].

При этом российскими бюрократами активно используется либеральная идеология, формально позволяющая им сосредоточиться на финансовой, а не на промышленной политике. Регулирование в первую очередь финансов связано с тем, что именно финансовая сфера позволяет правящей бюрократии извлекать доходы от своего политического господства в стране, используя административную ренту (через покровительство государственным и олигар-

хическим банкам и компаниям), природную (через изъятие значительной части доходов от добычи и экспорта сырья в контролируемый чиновниками госбюджет) и налоговую (через повышение НДС, например, с 2019 г. с 18 до 20%).

Неуменьшающуюся роль государства в экономике демонстрируют национальные проекты на период 2019–2024 гг., призванные ускорить экономический рост в стране и поднять благосостояние ее граждан. Из огромной суммы в 25,7 трлн руб. на реализацию этих проектов государство планирует взять на себя 70%.

Анализируя перспективы российской экономической модели, автор приходит к выводу о возможности двух принципиальных вариантов – позитивной трансформации модели или ее консервации (и даже ужесточении).

В пользу первого варианта (но не при нынешнем руководстве, во многом построившем и использующем в свою пользу современную экономическую и политическую модель) говорит высокий и продолжающий повышаться уровень образования населения. Его потребность в высокотехнологичных рабочих местах, его недовольство коррупцией и олигархическим характером крупных частных компаний приводит к тому, что несоответствие существующего авторитарного строя политическим запросам населения нарастает. Этому способствует и сильный в условиях открытого общества демонстрационный эффект соседних европейских стран. Данные требования частично приглушаются пропагандой и имитацией политических реформ, а также отвлечением населения от актуальных проблем со стороны контролируемых государством медиасредств. Однако это не может остановить рост недовольства, тем более что главный его компенсатор в прошлые годы (рост реальных доходов населения вследствие повышения мировых нефтяных цен) уже не срабатывает.

В пользу консервативного варианта говорит слабость (особенно политическая) гражданского общества, а также сопротивление правящей элиты требованиям политической модернизации. Ее сопротивление демократизации экономической и политической модели может усилиться в случае сильного повышения мировых цен на углеводороды или резкого ухудшения внешнеполитической ситуации. Кроме того, ориентация подавляющей части экономики на сравнительно большой внутренний рынок, самообеспеченность страны сырьем и топливом позволят смягчить вытекающие из этой консервации (стагнации) отрицательные экономические и социальные последствия.

Внешнеэкономические аспекты современной российской модели

Современная Россия – это активный, но во многом своеобразный участник идущей в мире экономической глобализации. Внешнеэкономическая специализация России во многом определяется спецификой ее экономической модели.

Стремление к получению ренты от своего политического и экономического доминирования толкает российских бюрократов на поощрение развития в стране не столько перспективных отраслей, сколько наиболее доходных для экспорта – сейчас это прежде всего добывающая промышленность, в которой рентабельность продаж в 2,5–3,5 раза выше, чем в среднем по России, во многом из-за большой разницы внутренних и мировых цен. Для олигархов это не только добывающая промышленность, но также металлургическая и химическая отрасли – в них рентабельность в 2–3 раза выше, чем в среднем по России, и во многом по тем же причинам [Финансы России 2018, с. 112–115]. На этих отраслях и базируется российский экспорт товаров, высоко монополизированный государством и олигархами. Так, в 2018 г. на первую десятку компаний-экспортеров (из них четыре государственные и полугосударственные, шесть – частные под контролем ограниченного числа физлиц) приходилось две трети российского экспорта [Рейтинг 2019, с. 56, 68].

Одновременно и та и другая группы правящей элиты активно вывозят капитал, преимущественно в офшоры, как с целью обезопасить его там (характерно скорее для бюрократии), так и с целью уйти от отечественного налогообложения (характерно преимущественно для олигархов), хотя часто эти цели переплетаются, как трудноразличимы в своих экономических интересах сами бюрократы и олигархи.

Нарастающая в России нехватка рабочих рук в силу невысокой рождаемости и высокой смертности населения покрывается значительным притоком рабочей силы из бывших союзных республик, активное применение которой позволяет российским предпринимателям держать зарплату в стране на невысоком уровне.

Об основных показателях участия России в экономической глобализации говорит нижеследующая таблица, сравнивающая российские показатели с показателями других стран БРИКС.

Таблица

ПОКАЗАТЕЛИ УЧАСТИЯ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН БРИКС В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В 2018 г.

Показатели	*Россия*	*Бразилия*[2]	*Индия*[2]	*Китай*[2]	*ЮАР*[2]	*Справочно: США*[2]
Экспортная квота, в процентах по отношению к ВВП по ППС	11,2	6,9	3,8	10,8	12,0	11,8
Доли сельхозтоваров, готовых изделий, топлива и металлов в экспорте товаров в 2015 г., в %	5,5 21,2[3] 64,8	41,9 36,1 19,1	13,2 68,4 15,7	3,2 94,3 2,4	14,5 40,6 29,8	10,7 74,8 9,4
Среднеарифметическая ставка пошлины на импортируемые товары, в %[1]	7,6	13,5	13,4	9,9	7,7	3,5
Крупнейшие страны – партнеры во внешней торговле, в процентах от экспорта	ЕС 42,0 Китай 12,6 Белоруссия 4,9 Турция 4,8 Ю. Корея 4,0	Китай 19,0 ЕС 18,0 США 12,6 Аргентина 7,2 Япония 2,5	ЕС 17,6 США 16,1 ОАЕ 11,5 Гонконг 5,1 Китай 3,4	США 18,3 ЕС 16,1 Гонконг 13,8 Япония 6,1 Ю. Корея 4,5	ЕС 22,9 Китай 9,2 США 7,4 Ботсвана 5,0 Намибия 4,8	ЕС 18,7 Канада 18,3 Мексика 15,9 Китай 8,0 Япония 4,4
Поступления из-за рубежа и платежи за рубеж за использование интеллектуальной собственности по отношению к ВВП по ППС, в %	0,04 0,08	… 0,16	… …	0,005 0,11	… …	0,66 0,23
Накопленные в стране и за рубежом прямые иностранные (зарубежные) инвестиции по отношению к ВВП, в %	30,1 26,2	34,8 9,6	14,1 6,4	12,1 11,4	6,4 58,6	34,4 34,3
Количество национальных ТНК в списке 100 ведущих по зарубежным активам ТНК мира[4]	0 (2)	0(5)	0 (6)	5 (26)	0 (4)	18
Доля иммигрантов в численности населения страны в 2015 г., в %	8,1	0,3	0,4	0,1	5,8	14,5

Таблица составлена автором на основе данных, взятых из следующих источников: [Россия 2019; World Investment 2019; World Tariff 2019; Trade Profiles 2019, а также на основе данных Всемирного банка].

[1] В рамках режима наиболее благоприятствуемой нации.

[2] 2016 г.

[3] 2017 г.

[4] В скобках – количество национальных ТНК в списке 100 ведущих по зарубежным активам ТНК развивающихся стран и стран с переходной экономикой в 2017 г.

Из данных таблицы можно сделать некоторые выводы об участии России в международной торговле товарами. У страны внешнеторговая квота достаточно велика, но она на 70% состоит из топлива, металлов и сельхозтоваров, что, конечно, отчасти обусловлено большими природными ресурсами страны, но в целом выглядит архаично по отношению к уровню экономического развития страны. Одновременно обращает на себя внимание самая низкая для стран БРИКС ставка таможенного тарифа по импорту, которая действует неблагоприятно на развитие отечественной обрабатывающей промышленности (готовые изделия – основа российского импорта). Медленный рост этой промышленности (она является главной сферой осуществления инноваций) не стимулирует и поступление в страну знаний из-за рубежа, если судить по объему платежей за использование иностранной интеллектуальной собственности (их доля по отношению к ВВП России ниже, чем у Бразилии и Китая).

География российской внешней торговли за последние 30 лет изменилась радикально. Если в 1989 г. она была ориентирована преимущественно на другие советские республики (67% вывоза товаров из РСФСР и 55% ввоза), то уже к 2000 г. Россия переориентировалась на развитые страны (73% российского экспорта и 55% импорта), прежде всего европейские, а затем стала постепенно сдвигаться в сторону развивающихся, прежде всего Китая, вышедшего на первое место в российском экспорте и импорте [Юг 2019, с. 174].

Радикально за это время изменилось и участие России в международном движении капитала. Если в позднесоветское время для нее был характерен сравнительно небольшой вывоз капитала (порядка 1–2% от ВВП, по оценке автора, не считая вывоза капитала в другие советские республики), в основном в виде помощи просоветским странам и создания небольшой сети зарубежных филиалов по продвижению экспорта и услуг, при этом в сочетании со сравнительно небольшим импортом западного капитала, то теперь картина выглядит по-другому. Экспорт капитала достиг огромных размеров для страны среднего уровня развития и составил за 1994–2018 гг., по расчетам автора на основе статистики платежного баланса, 6,2% по отношению к суммарному ВВП России за этот период.

При этом почти во все годы вывоз капитала превосходил немалый ввоз капитала в Россию (хотя, по данным таблицы, объем накопленных в стране прямых иностранных инвестиций превышает объем российских прямых инвестиций, нужно принимать во внимание недоучет вывезенного капитала и бóльшую доходность ввезенного в Россию иностранного капитала). При этом подавляющая часть капитала вывозится в офшоры и офшоропроводящие страны (в 2018 г. в них было аккумулировано 76% всех российских прямых инвестиций за рубежом) и поступает оттуда же (83% ввезенных прямых инвестиций), что позволяет говорить о круговороте российского капитала, вывозимого олигархами и чиновниками из страны и затем обратно ввозимого

под видом иностранного (в России его применение более прибыльно и привычно для них). В результате классической транснационализации российского капитала, по крайней мере сравнимой с другими странами БРИКС, не произошло: количество российских ТНК невелико, и в список 100 крупнейших ТНК развивающегося мира вошли всего две российские компании («Лукойл» и «Газпром»).

Изменения за прошедшие три десятилетия произошли и в участии России в международной миграции рабочей силы. Как и во всем мире, российская статистика слабо отделяет международную трудовую миграцию от всей международной миграции населения, хотя обычно трудовая миграция составляет 2/3 от всей международной трудовой миграции [World Migration 2019, p. 2]. Если оперировать цифрами международной миграции населения на постоянное место жительства, то можно констатировать, что в Россию в 1997 г. въехали с этой целью 597 тыс. человек, к 2008 г. их численность сократилась до 282 тыс., а к 2018 г. вновь поднялась до 566 тыс. человек [Россия 2019, с. 79–81]. Эти цифры отражают две волны миграции: первая, в период экономической катастрофы 1990-х годов, состоявшая в основном из русскоязычных переселенцев из других союзных республик, и вторая, состоящая в последние два десятилетия преимущественно из коренного населения бывших союзных республик.

Еще больше изменений наблюдалось в краткосрочной миграции в Россию. Если в советское время подавляющая часть населения Закавказья и Средней Азии работала у себя на родине, то в этом веке временная трудовая миграция жителей этих регионов в Россию исчисляется многими миллионами человек в год, в результате чего ежегодную численность временных работников в России из этих регионов плюс из Украины и Молдавии можно оценить примерно в 10 млн человек (в годы кризиса или стагнации эта цифра сокращается, а в годы подъема увеличивается на 2–3 млн человек, по оценке автора). Экономически необходимый для России, этот огромный приток трудовых мигрантов используется олигархами для поддержания заработной платы в стране на низком уровне.

Заключение

Российская модель государственно-олигархического капитализма имеет глубокие корни, наследуя многое от традиционной для нашей страны системы «власть-собственность». Тем не менее в стране существуют довольно многочисленные экономические слои, заинтересованные в трансформации нынешней модели. Это прежде всего малый и средний бизнес, крупный неолигархический бизнес, высококвалифицированные специалисты, а также

образованная молодежь, желающая для себя бóльших экономических возможностей.

Однако надо отдавать отчет, что при сохраняющейся низкой и подавляемой со стороны властей политической активности граждан, их высоких патерналистских настроений прогрессивная трансформация российской экономической модели если может быть, то медленной. Скорее это будет движение в сторону госкапиталистической модели типа японской или южнокорейской – многочисленный малый и средний бизнес при доминировании в экономике крупного капитала и сильном вмешательстве в экономику государства, но не столько через сравнительно небольшую госсобственность, сколько через свою политическую власть.

Библиография

Мировая экономика и международные экономические отношения: Полный курс / Под ред. А.С. Булатова. М.: КноРус, 2017. 916 с.

Радыгин А.Д., Энтов Р.М. и др. «Большая неохотная приватизация»: Противоречивые подходы в условиях санкций // Вопросы экономики. 2018. № 8. С. 5–56.

Рейтинг крупнейших экспортеров России // Эксперт. 2019. № 39. С. 56–61.

Российская экономика: Курс лекций / Под ред. Е.Г. Ясина. В 2 кн. М.: Изд-во ВШЭ, 2019. Кн. 1. 447 с.; Кн. 2. 528 с.

Российский статистический ежегодник 2018. М.: Росстат, 2018. 694 с.

Россия в цифрах 2019. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2019. 549 с.

Финансы России 2018. Статистический сборник. М.: Росстат. 2018. 439 с.

Экономика России и стран ближнего зарубежья: Учебное пособие / Под ред. А.С. Булатова. М.: КноРус. 2017. 496 с.

Эксперт 400: Рейтинг крупнейших российских компаний // Эксперт. 2018. № 42. С. 60–71.

Юг: Путь к экономической независимости / Под ред. А.С. Булатова. М: МГИМО-Университет. 2019. 324 с.

Cohen S.I. Economic systems analysis and policies. Explaining global differences, translation and development. London: Palgrave Macmillan. 2009. 439 p.

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016 // National Bureau of economic research. Cambrige (MA), 2017. August. 79 p. URL: https://www.nber.org/papers/w23712.pdf (дата обращения: 02.01.2020).

Product market regulation 2013 // OECD. Stat: Official Website. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=60373 (дата обращения: 02.01.2020).

Trade Profiles 2019 // WTO: Official Website. 2019. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/trade_profiles19_e.htm (дата обращения: 02.01.2020).

World Investment Report 2019. Annex tables // UN conference on trade and development. 2019. URL: https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx (дата обращения: 02.01.2020).

World Migration Report 2020 // International Organization for Migration. Geneva: IOM, 2019. 498 p.

World Tariff Profiles 2019. Geneva: WTO, 2019. 252 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tariff_profiles19_e.pdf (дата обращения: 02.01.2020).

References

Cohen S.I. Economic systems analysis and policies. Explaining global differences, translation and development. London: Palgrave Macmillan. 2009. 439 p.

Ekonomika Rossii i stran blizhnego zarubezhya: Uchebnoe posobie / Pod red. A.S. Bulatova [Economics of Russia and CIS countries: Textbook / Under edition of A.S. Bulatov]. Moscow: KnoRus. 2017. 496 p. (In Russ.)

Ekspert 400: Reyting krupneyshih rossiyskih kompaniy. Ekspert [Expert 400: Rating of the largest Russian companies. Expert]. 2018. N 42. P. 60–71. (In Russ.)

Finansy Rossii 2018. Statisticheskiy sbornik [Finance of Russia 2018. Statistical collection]. Moscow: Rosstat. 2018. 439 p. (In Russ.)

Jug: Put' k ekonomicheskoy nezavisimosti / Pod red. A.S. Bulatova [South: The way to economic independence / Under edition of A.S. Bulatov]. Moscow: MGIMO-Universitet. 2019. 324 p. (In Russ.)

Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya: Polnyi kurs [World economy and international economic relations: Full course] / Pod red. A.S. Bulatova. Moscow: KnoRus, 2017. 916 p. (In Russ.)

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. National Bureau of economic research. Cambrige (MA), 2017. August. 79 p. URL: https://www.nber.org/papers/w23712.pdf (date of access: 02.01.2020).

Product market regulation 2013. OECD. Stat: Official Website. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=60373 (date of access: 02.01.2020).

Radygnn A.D., Entov R.M. i dr. «Bol'shaya neohotnaya privatizaciya»: Protivorechivye podhody v usloviyah sankciy. Voprosy ekonomiki [Radygn A.D., Entov R.M. et al. «Big reluctant privatization»: Conflicting approaches under conditions of sanctions (in Russian) // Economic issues]. 2018. N 8. S. 5–56. (In Russ.)

Reyting krupneyshih eksporterov Rossii. Ekspert [Rating of the largest exporters of Russia // Expert.]. 2019. N 39. P. 56–61. (In Russ.)

Rossiya v cifrah 2019. Kratkiy statisticheskiy sbornik [Russia in numbers 2019. Short Statistical Collection]. Moscow: Rosstat, 2019. 549 p. (In Russ.)

Rossiyskaja ekonomika: Kurs lekciy / Pod red. E.G. Yasina. V 2 kn. [Russian economy: Course of lectures / Under edition of E.G. Yasin. Vol. 1–2] Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2019. Vol. 1. 447 p.; Vol. 2. 528 p. (In Russ.)

Rossiyskij statisticheskiy ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook] 2018. Moscow: Rosstat, 2018. 694 p. (In Russ.)

Trade Profiles 2019. WTO: Official Website. 2019. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/trade_profiles19_e.htm (date of access: 02.01.2020).

World Investment Report 2019. Annex tables. UN conference on trade and development. 2019. URL: https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx (date of access: 02.01.2020).

World Migration Report 2020. International Organization for Migration. Geneva: IOM, 2019. 498 p.

World Tariff Profiles 2019. Geneva: WTO, 2019. 252 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tariff_profiles19_e.pdf (date of access: 02.01.2020).

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.10

Е.Г. Комкова

КАНАДА: ОСОБЫЙ ПУТЬ В ГЛОБАЛИЗАЦИЮ

Аннотация. *Канада относится к числу наиболее глобализованных стран мира. Она начинала свой путь как колония сначала Франции, потом Великобритании. Имперские связи колонии с метрополиями уже были неким подобием селективной глобализации. В статье рассматриваются такие проявления участия Канады в системе глобальной взаимозависимости как внешняя торговля, движение капитала и иммиграция.*

В Канаде сложился общенациональный консенсус на предмет того, что глобализация – это хорошее дело. Этот консенсус сформировался не сразу, а путем мучительных «проб и ошибок». В ходе исторического развития Канада не раз пыталась реализовывать меры, призванные уменьшить зависимость от мирового и американского рынков, и отказалась от них только после того, как убедилась в их низкой результативности.

Канада относится к тем весьма немногочисленным промышленно развитым странам, в которых антиглобализм не получил широкого распространения. Причина в том, что на протяжении последних 10–15 лет канадская экономика развивалась относительно успешно, в стране существует многочисленный средний класс, а разрыв между богатыми и бедными группами населения не такой кричащий, как в других странах.

Впечатление о том, что Канада – это некое исключение из правил, усилилось после того, как к власти в стране в 2015 г. пришло либеральное правительство во главе с Дж. Трюдо. Многие воспринимают его как анти-Трампа, а политику, которую он проводит, как «глобализацию с человеческим лицом». Тем не менее в стране существует серьезная проблема, связанная с иммиграцией. При этом речь идет не о массовой иммиграции, к которой в стране в целом сохраняется благожелательное отношение, а о притоке в Канаду нелегальных иммигрантов через границу с США, достигшем сверхнормативных значений в 2017–2018 гг.

Ключевые слова: *Канада; канадская исключительность; экономическая глобализация; глобализация с человеческим лицом; Дж. Трюдо; антиглобалистское движение; иммиграция.*

Комкова Елена Геннадиевна – доктор экономических наук,
главный научный сотрудник Института США и Канады РАН,
Россия, Москва. E-mail: lena.komkova2012@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: AAH-5136–2020;
Scopus Author ID: 57196721082

Komkova E.G. Canada: Peculiar Path to Globalization

Abstract. *Canada stands out as one of the most globally integrated countries in the world. It started its way as a colony of France and, later, of Great Britain. Historically, its ties with «mother countries» already constituted a sort of selective globalization. The three main areas of Canadian participation in the global interdependence system, which are analyzed in the article, are foreign trade, investment and immigration.*

In Canada, positive attitude towards globalization enjoys broad public support. This consensus did not emerge immediately but through painful «trial and error» process. Throughout the country's history, Canada has repeatedly tried to take measures to reduce its dependence on the world and American markets, and abandoned them only after it became convinced of their futility.

Canada is one of the few industrialized countries where anti-globalization movement has not become wide-spread. This can be explained by several factors. Canadian economy has been performing rather successfully over the past 10 to 15 years. Its middle class is numerous and prosperous, whereas the gap between the rich and the poor is not so blatant in comparison with some other countries.

The feeling that Canada is somehow different was reinforced by the Trudeau's Liberal government, currently in office since 2015. The brand of globalization Trudeau is standing up for is «globalization with a human face». However there is a serious problem in the country. This is about immigration, and not about mass immigration, to which the country generally remains sympathetic, but about the inflow of illegal immigrants into Canada through the border with the United States, that reached excessive levels in 2017–2018.

Keywords: *Canada; Canadian exceptionalism; economic globalization; J. Trudeau; 'globalization with a human face'; anti-globalization movement; immigration to Canada.*

Komkova Elena Gennadievna – Doctor of Economic Sciences,
Principal Researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies RAS,
Russia, Moscow. E-mail:lena.komkova2012@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: AAH-5136–2020;
Scopus Author ID: 57196721082

Введение

Отечественная наука относит Канаду к группе стран переселенческого капитализма. Помимо Канады к этой группе относятся Австралия, Новая Зеландия, ЮАР и некоторые другие. Страны этой группы с давних пор активно участвуют во всех аспектах интернационализации международной жизни, идет ли речь о внешней торговле, движении иностранного капитала или миграции населения. Так что глобализация для Канады – это не явление последних нескольких десятилетий, а гораздо более старая история. В статье

рассматриваются особенности вхождения Канады в открытую экономику. Анализируется канадский случай «глобализации с человеческим лицом».

От колониализма к глобализации

Канада начинала свой путь как колониальное государство, метрополиями которого были сначала Франция (1663–1783), потом Великобритания (1783–1867). Уже в XVII в. эта страна демонстрировала сильную торговую зависимость от рынков сбыта и от притока из-за рубежа больших объемов капитала. Благосостояние Канады и ее немногочисленных жителей определялось возможностью вывоза в Европу пользовавшихся повышенным спросом товаров природного происхождения (*staples*) с приобретением на вырученные деньги нужных молодой экономике и населению промышленных изделий и товаров массового спроса. Треска и пушнина, строевой лес и пшеница, а после Второй мировой войны нефть, газ, минералы и другие полезные ископаемые определяли лицо Канады на мировом рынке. Когда в XIX в. в Европе из моды неожиданно вышли шляпы, отороченные бобровым мехом, это нанесло сокрушительный удар по находившейся на ранней стадии развития экономике Канады, основу которой составляла торговля мехом. Этот случай – яркий пример влияния внешней конъюнктуры на внутреннюю экономику страны переселенческого капитализма. Он подробно описан в классическом труде одного из родоначальников экономической истории Канады и автора «теории экспортных продуктов» (*staples thesis*) Г. Инниса [Innis 1927].

Канадская энциклопедия прямо называет эти ранние имперские связи «селективной глобализацией». Селективной потому, что торгово-экономические связи развивались поначалу внутри империй, поскольку Париж и, особенно, Лондон, с одной стороны, вводили преференции для колониальных товаров на своем рынке, а с другой – эффективно препятствовали установлению торговых контактов своих колоний с внешними контрагентами.

Первыми канадскими эмиссарами, посланными за рубеж в 1868 г., т.е. на следующий год после образования Доминиона Канада, были иммиграционные агенты. Они убеждали европейских крестьян ехать осваивать канадский Запад, который тогда рекламировался как «Последний лучший Запад» (*The Last Best West*). Последний потому, что к 1890 г. американская граница уже была закрыта из-за исчерпания фонда свободных земель, и последние незанятые европейцами земли оставались только в канадских прериях.

Следом за иммиграционными агентами за границу потянулись канадские торговые уполномоченные. Первый такой уполномоченный был направлен в Норвегию, Швецию и Данию в 1894 г., следующий – в 1895 г. в Австралию. Тем самым было положено начало созданию Службы торговых уполномоченных, которая существует и поныне. Эта Служба вошла в состав созданного

в 1892 г. (за 17 лет до учреждения Министерства иностранных дел) общефедерального Министерства торговли. С внешнеэкономическими интересами связан и первый случай в истории Канады, когда эта страна самостоятельно провела переговоры и самостоятельно (а не вместе с британским представителем) заключила международный договор. Это случилось в 1923 г., когда Канада подписала с США Договор о вылове палтуса (*Halibut Fishery Treaty*) [Farrell 1969]. Таким образом, главными двигателями внешней активности Канады были изначально не вопросы «высокой политики», такие как война и мир, остававшиеся до 1931 г. в ведении Лондона, а предметы «низкой политики», важные для повседневного хозяйственного выживания заморской территории. Размеры таможенных пошлин в торговле с США, раздел прав на вылов рыбы (рядом с побережьем Канады располагается богатая треской Ньюфаундлендская банка), разграничение пограничных водных акваторий с США – вот что в первую очередь волновало Оттаву.

Канадская экономика никогда не была самодостаточной. Ее всегда отличала усеченная модель развития, при которой отрасли экономики, производящие товары на экспорт или обслуживающие этот процесс, были крупными и эффективными, иногда самыми эффективными в мире, а большинство других отраслей, имеющих внутреннюю ориентацию, недоразвитыми. К первой группе можно отнести такие отрасли, как сельское хозяйство, рыболовство, деревообработка, добыча и переработка основных полезных ископаемых, а также банковская (занимавшаяся кредитованием внешней торговли) и транспортная (обеспечивавшая доставку товаров из внутренних районов до портов на Атлантическом побережье). Ко второй группе относились все остальные отрасли, включая обрабатывающую промышленность [Попов 1983]. Эта модель формировалась в колониальную эпоху и отвечала в первую очередь интересам метрополий, стремившихся получать из колоний нужные им товары. Но она пережила свое время и в смягченном виде дожила до наших дней. Такая модель означала, что еще в колониальную эпоху экспорт и импорт товаров, а также крупномасштабный импорт иностранного капитала сначала в портфельной форме в виде займов и кредитов, а затем и в форме прямых инвестиций, стали необходимыми элементами существования экономики Канады и частью ее воспроизводственного процесса.

Составивший таблицу 1 канадский исследователь С. Макбрайд, прокомментировал ее следующим образом: «На протяжении всего XX в. отношение экспорта к объему канадского ВВП демонстрировало замечательную стабильность: в 1980-е годы Канада зависела от внешней торговли не больше, чем в 1926 г. Однако с приближением 1990-х годов это соотношение начинает расти и в 1994 г. канадская зависимость от внешней торговли становится явно выше, чем это было в 1920-е годы. Рост продолжается и

в последующие годы и достигает максимума в начале XXI в.…» [McBride 2005, p. 39].

Таблица 1

ЗНАЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ДЛЯ КАНАДЫ

Годы	*ВВП, млн кан. долл.*	*Экспорт*		*Импорт*	
		млн долл.	*% к ВВП*	*млн долл.*	*% к ВВП*
1926	5353	1601	30	1233	23
1931	4975	903	18	782	16
1936	4879	1338	27	845	17
1941	8532	2396	28	1659	19
1946	12 167	3189	26	2487	20
1951	22 280	4908	22	5045	23
1956	32 902	6141	19	7007	21
1961	40 886	7296	18	7450	18
1966	64 388	12 564	20	12 584	20
1971	97 290	21 173	22	19 531	20
1976	197 924	44 252	22	45 279	23
1981	355 994	96 880	27	93 001	26
1986	505 866	138 119	27	13 369	26
1991	676 477	164 849	24	172 805	26
1994	750 053	249 371	33	243 756	32

Источник: [McBride 2005, p. 39].

Если продолжить эту таблицу, используя немного отличающиеся данные Всемирного банка, в которых учитывается экспорт не только товаров, но и услуг, то получим следующую картину: 2005 г. – 36,9%, 2010 г. – 29,1, 2015 г. – 31,7, 2018 г. – 31,9%. Из этих данных видно, что своего пика участие Канады в мировой торговле достигло на рубеже XX–XXI вв., составив в 2000 и в 2001 гг. 44,3%. После этого наблюдался спад, продолжавшийся до 2010 г., а затем очередной медленный подъем [Exports].

В настоящее время Канада единственная страна «Большой семерки», которая имеет соглашения о свободной торговле со всеми другими ее членами [Trudeau 2019]. А всего у Канады 14 действующих соглашений о свободной торговле с 51 страной мира, чей совокупный ВВП составляет 52 трлн долл. США [Canada's 2019].

Антиглобалистское движение в Канаде

В Канаде дискуссия о преимуществах и издержках участия страны в глобальной и континентальной системах международных отношений имеет длительную историю. Как отмечает уже цитировавшийся С. Макбрайд, «Канада всегда имела глобально интегрированную экономику, а здешние полит-

экономы давно изучают все процессы под этим углом зрения, что делает любые разговоры о какой-то новизне глобализации малообъяснимыми» [McBride 2005, p. 27].

В 1879 г. – всего через 12 лет после провозглашения Доминиона Канада – в стране была объявлена Национальная политика Джона Макдональда, первого канадского премьер-министра. Она включала в себя три основных компонента: один – внутренний и два – внешних. Это строительство трансконтинентальной железной дороги от Атлантического до Тихого океана; возведение вокруг Канады стены из высоких таможенных пошлин с тем, чтобы дать развиваться молодой промышленности; и привлечение иммигрантов из Европы.

В течение большей части XIX–XX вв. одной из наиболее обсуждаемых в этой стране тем была внешняя торговля: от системы Британских преференций до свободной торговли с США. Свое первое соглашение о свободной торговле с США природными ресурсами, которое тогда называлось Договором взаимности (*Reciprocity Treaty*) и которое просуществовало 12 лет – до 1866 г. – Канада подписала в 1854 г.

Примерно с 20-х годов XX в. предметом повышенной озабоченности становится национальная культура: должно ли канадское государство защищать и поддерживать ее или же то, что будут читать, смотреть и слушать граждане – это исключительная прерогатива свободного и ничем не стесненного рынка, на котором господствует массовая американская культура?

После окончания Второй мировой войны, в которой Канада тесно сотрудничала с США, возникает новая проблема – является ли неконтролируемый приток иностранного (читай, американского) капитала необходимой предпосылкой и условием развития национальной экономики или же он несет с собой угрозу экономическому и политическому суверенитету Канады?

Тема на все времена для Канады – иммиграция. И здесь тоже были свои взлеты и падения: иммиграция из одних стран и регионов всячески поощрялась, тогда как из других – не приветствовалась или прямо запрещалась, а выходцы из враждебных или считавшихся таковыми стран интернировались в военное время.

Все эти проблемы так или иначе проникали в общественное и политическое пространство. Внешняя торговля часто фигурировала в качестве центрального или одного из важнейших вопросов на всеобщих парламентских выборах в Канаде. В довоенный период так было в 1878, 1896, 1911 гг. и, возможно, в 1930 г. [McDiarmid 1946, p. 8]. После Второй мировой войны – в 1945, 1949, 1953, 1965 (Автопакт), 1974, 1988 (свободная торговля с США) и 1993 гг. (соглашение НАФТА).

Вопрос об иностранных инвестициях в Канаде считался главным пунктом политической повестки дня на выборах 1958, 1965, 1972 и 1974 гг.

и одним из главных в течение 1950–1980-х годов вплоть до 1993 г. [Himes 1996, p. 68–117].

В 60-е – начале 70-х годов XX в. в Канаде возник и быстро распространился так называемый экономический национализм, который с известной долей упрощения можно считать проявлением канадского патриотизма. Его лозунги и интенции – «быть хозяевами в собственном доме» и «ограничить присутствие американского капитала в наиболее прибыльных и перспективных отраслях канадской экономики» – получают поддержку не только в салонах интеллектуалов, но и в правительственных кругах, среди широких народных масс в Онтарио и Квебеке. Однако это движение носило временный характер и к концу 1970-х – началу 1980-х годов постепенно сошло на нет.

В 1988 г. Канада сделала экзистенциональный выбор: после блокирования оппозицией в сенате канадско-американского Соглашения о свободной торговле подписавшее его консервативное правительство Б. Малруни решило назначить досрочные выборы. Они превратились в референдум по одному-единственному вопросу: «Быть или не быть свободной торговле с США»? Противники соглашения утверждали, что оно убьет канадскую промышленность, которая не выдержит конкуренции с американскими товарами, приведет к углублению экономической интеграции и в конечном счете обернется политической интеграцией. В ходе предвыборной кампании по телевидению демонстрировался ролик, на котором была изображена карта Северной Америки с рукой Дяди Сэма, стирающей линию канадско-американской границы.

Сторонники соглашения полагали, что в современную эпоху те страны, которые, как Канада, не обладают емким внутренним рынком сбыта и не имеют беспрепятственного выхода на внешние рынки с населением хотя бы в 300–400 млн человек, исторически обречены на угасание. Канада, считали они, должна рискнуть и «совершить прыжок веры» в будущее. Результаты судьбоносных, как их называют в Канаде, выборов оказались неоднозначными: 53% избирателей отдали свои голоса представителям Либеральной и Новой демократической партий, выступавшим против фритреда с США. Профритредерские же силы в лице Прогрессивно-консервативной партии и Партии реформ получили только 48%. Но из-за того, что в Канаде действует не пропорциональная избирательная система, а мажоритарная система относительного большинства в палате общин Парламента Канады большинство мест досталось Прогрессивно-консервативной партии, которая и сформировала «правительство большинства». Остальные партии признали свое поражение и обязались не чинить препятствий прохождению законодательства. В результате законопроект о введении в действие фритредерского соглашения между Канадой и США был быстро принят, и соглашение вступило в силу в 1989 г.

К рубежу XX–XXI вв., когда в мире широко развернулось антиглобалистское движение, Канада подошла уже сделавшей свой осознанный выбор в пользу широкого участия в экономической глобализации, которая для этой страны, вывозящей три четверти своего экспорта в США и сильно зависящей от Америки по линии импорта капитала, часто ассоциируется с американизацией. Тем не менее такие аргументы анти- и альтерглобалистов, как растущее в мире неравенство, эксплуатация крупнейшими ТНК менее развитых стран, их пренебрежение экологическими, трудовыми и социальными стандартами ради получения прибыли и другие, нашли определенное понимание и поддержку у части населения Канады.

В беспорядках, сопровождавших проведение знаковой министерской встречи стран – членов ВТО в Сиэтле в 1999 г., участвовали много канадских граждан, в основном левой ориентации. Менее масштабные протесты прошли позднее на территории Канады: в ноябре 2000 г. на встрече министров финансов и управляющих центральных банков стран «Большой двадцатки» в Монреале, в апреле 2001 г. на Саммите стран Северной и Южной Америки в г. Квебеке с участием 30 тыс. человек; в июне 2010 г. на саммите «Большой двадцатки» в Торонто, где была задержана и затем без предъявления обвинений отпущена 1 тыс. человек – канадцев и иностранцев.

Канадка по происхождению Наоми Кляйн написала в 1999 г. бестселлер «No Logo» (нет логотипу) [Klein 1999]. В нем она обвинила многонациональные корпорации, действующие в развивающихся странах, в бесстыдной эксплуатации работников ради получения огромных прибылей, а также раскритиковала сложившуюся в мире культуру потребления, ориентированную на глобальные бренды (*Nike, The Gap, Pepsi, McDonald's, Shell, Microsoft*). Виновники такого положения дел, по мнению Н. Кляйн, – империализм, неолиберализм, а также международные организации в лице МВФ и ВТО. Википедия назвала эту книгу «библией» антиглобалистского движения. В 2000 г. в ведущей канадской газете «Глоб энд мейл» состоялась памятная «дуэль» на тему «Глобализация и Канада» [Globalization & Canada 2000]. Н. Кляйн в соответствии со сложившимся амплуа рассказывала об издержках, а ее оппонент – профессор экономики Торонтского университета А. Рагман – о преимуществах глобализации для Канады.

В 2018 г. ведущий журнал «Кэнейдиен Форин Полиси» посвятил специальный номер итогам участия Канады в процессах глобализации за последние полвека [Canada 2018]. Главный вывод – незавершенность процесса и неоднозначность результатов. Тем не менее можно утверждать, что широко развернувшееся в мире анти- и альтерглобалистское движение не нашло в Канаде питательной почвы. Это связано с тем, что помимо исторического опыта, убедившего канадцев в выгодности участия в международном разделении труда и в глобализующейся экономике, действовали и другие факторы.

Канада – одна из самых глобализованных стран мира

Иностранные компании вложили в экономику страны прямых инвестиций почти на 900 млрд долл. (данные за 2018 г.), что соответствует 40% канадского ВВП. В том же году товарооборот канадской торговли (экспорт и импорт товаров и услуг) достиг суммы в 1,5 трлн долл., что составляет 66% ВВП страны [Canada's 2019]. «В Канаде такой показатель как объем экспорта к ВВП более чем вдвое превосходит соответствующий показатель для США. Может быть, в самой большой и самодостаточной экономике мира и можно найти достаточно много сторонников повышения тарифов и введения других торговых ограничений, но мобилизовать такой же электорат в сильно зависящей от мировых рынков Канаде очень маловероятно», – пишет известный обозреватель Э. Койн [Coyne 2019].

Канада – член большинства значимых международных организаций. ОЭСР отмечает, что 88% канадцев пользуются Интернетом. Больше чем две трети эфирного времени на национальном телевидении отведено демонстрации западных кинолент и другого зарубежного контента. Ежегодно канадцы совершают около 30 млн поездок продолжительностью в один и более дней за рубеж, из них более половины – в США. Канада – это страна с интернациональным составом населения. Иммигранты, или, как их здесь называют, «новые канадцы», составляют, по разным оценкам, от 21,9 до 22,1% населения страны. Это больше, чем во всех остальных странах Большой семерки (США – 13% по состоянию на 2010 г.), Великобритания (12,7), Германия (13) и Франция (11,7%). В крупных городах соотношение между лицами, родившимися за границей и в Канаде, еще выше. Согласно исследованию, проведенному в 2016 г. Би-Би-Си, среди жителей «Большого Торонто», т.е. города с пригородами, родившиеся за рубежом составляют почти половину. При этом восемь иммигрантов из десяти приезжают в Канаду не из Европы или США, а из Азии, Африки, Латинской Америки и стран бассейна Карибского моря. Таким образом, «видимыми меньшинствами» (*visible minorities*), т.е. лицами не аборигенного и не белого происхождения, является пятая часть населения страны. А всего, с учетом членов семей, в том числе родившихся в Канаде детей, иммигрантское сообщество, по оценке канадского социолога М. Адамса, насчитывает примерно 40% населения страны [Adams 2017, p. 6].

В Канаде существует общенациональный консенсус на предмет того, что открытость национальной экономики, крупномасштабный импорт иностранного капитала в целях ускорения хозяйственного развития, снижение протекционистских барьеров во внешней торговле и приток массовой иммиграции – это хорошо для страны и ее жителей. Этот консенсус сформировался не вдруг и не сразу, а путем мучительных «проб и ошибок». В ходе исторического развития Канада не раз пыталась реализовывать меры, призванные уменьшить

ее зависимость от мирового и американского рынков. Здесь можно вспомнить такие эпизоды, как возведение стены высоких тарифных пошлин в рамках Национальной политики Д. Макдональда (1879); обещание премьер-министра Дж. Дифенбейкера переориентировать 15% канадской внешней торговли с рынка США на рынок Великобритании (1957); создание «торговых противовесов» односторонней привязке к рынку США (так называемая политика третьей альтернативы, действовавшая с 1972 до начала 1980-х годов); учреждение в 1973 г. Агентства по проверке иностранных инвестиций (действовало до 1985 г.) с целью ограничения притока в страну американского капитала. И только убедившись в низкой результативности и бесперспективности этих мер, власти Канады взяли курс на более активное участие в международных делах. Как констатирует доклад Постоянного комитета по иностранным делам Палаты общин парламента Канады, опубликованный в январе 2018 г., дебаты о целесообразности участия в соглашениях о свободной торговле в Канаде в основном завершены. Все три ведущие политические партии страны (Либеральная, Консервативная и Новая демократическая) поддерживают соглашение НАФТА и выступают за его модернизацию [Комкова 2018, с. 185–186]. В марте 2020 г. три эти партии и Партия зеленых дружно проголосовали в Парламенте за ратификацию идущего на смену НАФТА Соглашения США – Мексика – Канада (ЮСМКА). Против выступил только сепаратистский Квебекский блок. Примерно такое же единодушие наблюдается и в отношении иммиграции. Как отмечает директор канадского опросного агентства «Экос» Ф. Грейвз, в Канаде между элитами и ведущими политическими партиями существует консенсус относительно того, что «иммиграция, по большому счету, – это хорошо» [цит. по: Warnica 2019], и это положение мало кем подвергается сомнению.

Здесь уместно процитировать весьма комплементарные слова о Канаде, произнесенные президентом США Бараком Обамой в ноябре 2019 г. в Галифаксе. «В Канаде – особый дух, который ощущается очень хорошо. Люди в этой стране все еще демонстрируют корректность, терпимость и основательность суждений, присущую демократическим странам, и я надеюсь, что это будет продолжаться и впредь» [цит. по: MacDonald 2019].

Страна с развитой социальной сетью

Канада обладает высоким подушевым потреблением. По данным Международного валютного фонда, этот показатель составлял в 2018 г. 49 651 долл. США по паритету покупательной способности валют на человека при среднемировом показателе в 16 779 долл. США [List of countries]. Это позволяет гражданам поддерживать высокий уровень жизни, не опасаясь, что иммигранты отнимут у них рабочие места или уменьшится доступность

социальных благ. В Канаде нет того огромного разрыва между бедными и богатыми, который часто выступает раздражителем в других странах. Здесь большой и растущий средний класс. Сравнительно низка и доля населения, живущего за чертой бедности. Как пишет уже цитировавшийся Э. Койн, «доходы среднего класса в Канаде не стагнируют: если вычесть инфляцию, то сегодня они окажутся на треть выше, чем были 20 лет назад. Доля доходов, причитающаяся "верхнему одному проценту населения" здесь не растет, а падает вот уже 10 лет и составляет, после уплаты налогов, 7,3% – самый низкий показатель с 1996 г. Уровень бедности в стране – тоже один из самых низких за весь период наблюдения» [Coyne 2019].

В последнее время в Канаде не было отмечено каких-либо крупных потрясений или монументальных провалов, которые дискредитировали бы власть и создавали острое социальное напряжение. Такие явления, как акты массового терроризма, неконтролируемый наплыв нелегальных иммигрантов, несущих угрозу безопасности и дезорганизующих социальную жизнь, надутие финансовых пузырей или обвалы на рынке жилья, ставшие столь привычными в Европе и США, Канаду затронули мало, или вовсе обошли стороной. Оборотной стороной сравнительно благоприятного социально-экономического положения в стране стало сохранение доверия населения к органам государственной власти, вера в то, что существующая политическая система способна справиться с возникающими вызовами. Данные ОЭСР свидетельствуют о том, что 64% канадцев испытывают доверие к органам государственной власти (выше – только в Швейцарии, Люксембурге и Норвегии), что намного превышает средние значения по ОЭСР (43%). Большую роль в поддержании доверия граждан к власти сыграла политика, проводимая сменявшими друг друга политиками.

Также нельзя не отметить критического отношения граждан к тому, что в последнее время происходит в США и Великобритании – двух самых близких Канаде странах. Согласно опросу, проведенному «Экос» в сентябре-октябре 2017 г., деятельность Д. Трампа на посту президента не одобряют 80% канадцев, соответственно, одобряют только 20%. На вопрос интервьюера о том, хотят ли респонденты, чтобы их страна в будущем больше походила на США, 52% ответили «нет» и только 11% – «да»; 34% предпочли, чтобы все оставалось как есть [Open vs Ordered, 2017].

Не пользуется поддержкой в Канаде и Брекзит. 65% канадцев осуждают выход Великобритании из Евросоюза. При выборе приоритетного партнера участники опроса, проведенного агентством «Нанос рисерч», сделали ставку «на развитие связей с ЕС в первую очередь, с Великобританией – во вторую» [Nanos 2019]. В разрезе сфер и отраслей это выглядит следующим образом: в области охраны окружающей среды и борьбы с изменением климата 71% респондентов высказались за ЕС, 13 – за Великобританию, остальные не

определились, энергетики – 68 и 14%, торговли и инвестиций – 67 и 18%, обороны и безопасности – 56 и 29% [Over half of Canadians… 2019].

«Глобализация с человеческим лицом» Дж. Трюдо

В современной истории Канады выделяются несколько видных канадских политиков, сумевших дать адекватные ответы на вызовы глобализации [Copeland 2018]. Это премьер-министр Пьер-Эллиот Трюдо (1968–1979; 1980–1984), отец нынешнего премьер-министра Джастина Трюдо, который сумел по-новому поставить вопрос о взаимодействии между Севером и Югом (т.е. промышленно-развитыми и развивающимися государствами) и между Востоком и Западом. Это сменивший его премьер-министр Б. Малруни (1984–1993), который добился подписания с США соглашения о свободной торговле и сделал его «самым зеленым», т.е. прописал в нем экологическую ответственность. Это министр иностранных дел Канады Л. Эксуорзи (1996–2000), сформулировавший новый подход к международной безопасности, предусматривающий обеспечение не только безопасности государств, но и «безопасности личности» (*human security*). На место в этом ряду явно претендует и нынешний премьер-министр страны – Джастин Трюдо (2015 г. – настоящее время). Он сумел проявить себя не только прогрессивным политиком, но и одним из самых последовательных защитников и пропагандистов глобализации в мире. Тот вариант глобализации, который он отстаивает, можно кратко охарактеризовать как «глобализация с человеческим лицом».

Свой первый кабинет министров Дж. Трюдо намеренно сделал гендерно-сбалансированным, включив в него равное количество мужчин и женщин. При нем Канада подписала Парижское соглашение по климату и Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. После избрания Д. Трампа Президентом США и издания им в январе 2017 г. президентской директивы № 13769 о запрете въезда в США беженцам из семи стран, шесть из которых с преимущественно мусульманским населением, Дж. Трюдо написал в своем аккаунте в Твиттере: «Адресовано всем, кто спасается от преследования, террора и войны: канадцы готовы вас принять независимо от вашей религиозной принадлежности. Наша сила – в разнообразии! Добро пожаловать в Канаду!» [цит. по: Gillies 2017]. И подтвердил свое обещание делами: увеличил прием иммигрантов с 300 тыс. человек в 2017 г. до 330 тыс. в 2019 г., иными словами, обязался принять в течение трех лет 1 млн иммигрантов. Многие канадские и мировые СМИ тогда обошла фотография Дж. Трюдо, на которой он лично встречает в аэропорту сирийских беженцев и принимает из рук матери маленького ребенка – будущего канадского гражданина.

Его вторая мантра – приверженность «свободной торговле» и экономической глобализации. Приняв эстафету от предыдущего консервативного правительства С. Харпера (2006–2015), которое провело переговоры о заключении Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения с Евросоюзом (CETA), правительство Дж. Трюдо добилось его подписания и предварительного вступления в силу в сентябре 2017 г. После выхода США из уже согласованного Транстихоокеанского партнерства Канада вместе с десятью другими государствами сделала все возможное, чтобы его сохранить и ратифицировать под названием «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве». Однако самым большим испытанием для администрации Дж. Трюдо стало требование Д. Трампа перезаключить НАФТА на новых, более выгодных США условиях. После трудных переговоров, занявших больше года, новое соглашение между США, Мексикой и Канадой (ЮСМКА) было подписано в ноябре 2018 г. В декабре 2019 г. с согласия сторон появился Протокол об изменениях в ЮСМКА. По состоянию на март 2020 г., ЮСМКА ратифицировано всеми тремя участвующими странами и ожидает вступления в силу с 1 июля.

Фирменным стилем либерального правительства Дж. Трюдо стало предложение о включении в состав фритредерских соглашений так называемых прогрессивных элементов. Это положения, которые раньше считались необязательными для торговых договоренностей, но сегодня все больше востребованы: защита трудовых прав, экологических норм, прав коренных народов, а также обеспечение гендерного равенства и следование практике хорошего управления, под которой нередко понимают соблюдение прав человека.

В наиболее полном виде отношение премьер-министра Канады к феномену глобализации отражено в его выступлениях на 71-й сессии Генассамблеи ООН (сентябрь 2016 г.) [Trudeau 2016], Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь 2018 г.) [Trudeau 2018] и в Совете по международным отношениям в г. Монреале (август 2019 г.) [Trudeau 2019]. Можно также вспомнить программную речь министра иностранных дел Канады Х. Фриланд о приоритетах внешней политики Канады (июнь 2017 г.) [Freeland 2017]. В этих выступлениях красной нитью проходят характерные для Дж. Трюдо высказывания о том, что «слишком многие люди ощущают себя выброшенными на обочину жизни и теряют веру в справедливость и в государство»; что «глобализированная экономика должна быть выгодна всем, а не только одному проценту самых богатых»; что беженцы – это «люди, у которых те же самые надежды и мечты, что и у наших собственных граждан»; что старые схемы организации внешней торговли не работают и что нужно заключать «прогрессивные» торговые соглашения. Рецепт Трюдо прост: чтобы противостоять популизму и ксенофобии, не допускать подъема антииммигрантских и антиглобалистских настроений, нужно поддерживать средний класс,

снижать подоходные налоги, увеличивать детские пособия, больше денег тратить на образование, иными словами, гуманизировать среду обитания, не замыкаться на себе.

Проблема иммиграции – возможное слабое звено?

Тезис о том, что в вопросе иммиграции Канада занимает «исключительное» положение по сравнению с европейскими странами и США, был сформулирован еще в 2012 г. в докладе за подписью И. Блумрад [Bloemraad 2012], который вышел в серии записок Трансатлантического совета по миграции. В этом докладе были сформулированы три особенности, которые в целом определяют эту «исключительность». Первое – это высокая доля мигрантов по экономическим основаниям в общей структуре иммиграции в Канаду (свыше 60% за период с 2008 по 2017 г.). Второе – низкая нелегальная иммиграция из-за особенностей географического положения Канады (наличие сухопутной границы только с одной богатой страной (США) и удаленность от стран – источников массовой миграции). Третье – иммиграция воспринимается в Канаде как часть проекта по строительству нации, а мультикультурализм – как одна из важных черт канадской идентичности. В силу этого автор доклада приходит к выводу, что антииммиграционные настроения вряд ли могут найти в Канаде широкое распространение.

Тому есть и объективные основания. Существует мнение, что популизму и ксенофобии больше других подвержены недостаточно образованные слои населения. Уровень образования в Канаде – один из самых высоких в мире. Согласно ОЭСР, 57,7% населения страны в возрасте 25–34 года и 53,6% граждан в возрасте 55–64 года имеют высшее образование (более высокие показатели только у Южной Кореи и России) [OECD Factbook, 2016].

Тезис И. Блумрад стал для многих исследователей своеобразной точкой отсчета. Рассуждения на эту тему продолжил канадец по происхождению Э. Кауфман, ныне проживающий в Лондоне, который опубликовал в 2018 г. получившую резонанс книгу [Kaufmann 2018]. В ней имеется отдельная глава «Канадская исключительность: популизм правого толка в Англосфере». В этой книге и в своих многочисленных интервью Э. Кауфман обращает внимание на некоторые важные моменты. Он утверждает, что та политическая корректность, которая распространена в Канаде, «носит более строгий и нетронутый характер, чем в США или Европе». В качестве примера он ссылается на статью, которая была в сентябре 2019 г. опубликована в консервативной газете «Ванкувер сан», издаваемой в Британской Колумбии. Написанная преподавателем университета, она поднимала вопрос о пересмотре приверженности Канады этническому разнообразию. Реакция в Сети последовала

незамедлительно, газета была вынуждена удалить этот материал со своей страницы в Интернете, а главный редактор принес извинения публике. Кауфман полагает, что «если бы такая статья была опубликована в Дании или Швеции, или даже в Великобритании, то на нее вряд ли кто-то обратил вообще какое-то внимание» [цит. по: Warnica 2019]. Кроме этого Кауфман усматривает главную разницу между Канадой и Европой в самих масштабах притока беженцев начиная с 2015–2016 гг.

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВО НЕЛЕГАЛЬНО ВЪЕХАВШИХ ИММИГРАНТОВ В КАНАДУ, 2011–2019 гг.

2011	*2012*	*2013*	*2014*	*2015*	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*
10 800	8075	4240	5605	6620	10 425	20 593	19 419	13 702

Источник: [Asylum claims].

Сравнивая количество нелегалов, переехавших в Канаду после прихода к власти в США Д. Трампа и изменений в американской иммиграционной политике, автор констатирует, что даже в самые напряженные периоды этот приток составлял только «малую часть от тех миллионов человек, которые устремились в Германию, Швецию и остальные европейские страны» [цит. по: Warnica 2019].

Своего рода моментом истины, многое расставившим по местам, стали всеобщие выборы, прошедшие в Канаде в октябре 2019 г. И хотя иммиграция не входила в число самых острых вопросов (опросы общественного мнения показали, что только 2% опрошенных считали ее таковым [Carbert 2019]), все ведущие канадские партии в своих платформах сочли необходимым осветить эту проблему в позитивном ключе, за единственным исключением. Этим исключением стала основанная в 2018 г. Народная партия Канады, которая позиционирует себя как силу, находящуюся на самом правом фланге канадского политического ландшафта (правее Консервативной партии). Ее возглавляет известный в стране политик, бывший кандидат на пост лидера Консервативной партии Канады, квебекец М. Бернье. В предвыборной гонке Народная партия осознанно ассоциировала себя с движением «Европейские новые правые» с его неприятием мультикультурализма. А сам М. Бернье отметился непривычно резкими для Канады заявлениями, что правительство Дж. Трюдо насаждает «культ разнообразия», проповедует «экстремальный мультикультурализм» и что в стране происходит «культурная балканизация».

В предвыборной платформе Народной партии, опубликованной летом 2019 г., содержались обещания сократить количество иммигрантов и беженцев, ежегодно прибывающих в Канаду, с 350 тыс. человек до 100–150 тыс.

человек; отдавать предпочтение приему иммигрантов по экономическим основаниям; выяснять в ходе очных интервью соответствие взглядов и убеждений потенциальных иммигрантов «канадским ценностям»; возвести металлический сетчатый забор в местах массового проникновения в Канаду из США нелегальных мигрантов; перейти с государственного на частное финансирование затрат на переезд и адаптацию беженцев к жизни в Канаде; прекратить действие закона «О мультикультурализме».

Шансы партии на старте предвыборной кампании оценивались в 2–3% голосов избирателей, хотя одно опросное агентство допускало возможность получения ею до 11% голосов. Англоязычная «Монтреол гэзетт» дала такой прогноз: «Даже если Бернье выиграет в своем избирательном округе в окрестностях г. Квебека – а в этом есть большие сомнения – его место в палате общин Парламента Канады будет в самом дальнем пыльном углу, где он будет сидеть один с его ненавистью к мультикультурализму, иммиграции и одной 16-летней шведской девушке (Грете Тунберг. – *Е. К.*), которая хочет, чтобы государства снизили выбросы углерода. Один, потому что ни один другой кандидат, участвующий в выборах под очень сомнительными лозунгами Народной партии Канады, не имеет шансов быть избранным» [Patriquin 2019].

И надо признать, что это был верный прогноз: по результатам выборов 2019 г., за Народную партию Канады в общенациональном масштабе проголосовали только 1,6% избирателей, а ее представители не смогли победить ни в одном из 338 избирательных округов. Потерял свое депутатское место, которое он, как представитель Консервативной партии, завоевал в 2015 г., и сам М. Бернье.

Заключение

То что Канада остается островом стабильности и бастионом глобализации, не означает, что так будет всегда. История свидетельствует, что многие новые тренды и явления, зарождавшиеся в мире и в англосфере, проникали в Канаду с опозданием и в смягченном виде. Восприятие Канадой элементов Нового курса Ф. Рузвельта и постулатов «государства всеобщего благосостояния» (*welfare state*) К. Этли заняло от 10 до 15 лет. Неолиберализм Р. Рейгана и М. Тэтчер распространился в этой стране при правительствах Б. Малруни и Ж. Кретьена с опозданием на пять и более лет.

По меньшей мере два кандидата на пост лидера Консервативной партии Канады (К. Лит и К. О'Лири) пытались подражать Д. Трампу на выборах в мае 2017 г. В Квебеке с 2018 г. у власти находится правоцентристская, откровенно националистическая партия антииммигрантской направленности «Коалиция за будущее Квебека» (*Coalition Avenir Québec*) под руководством Ф. Лего. В Онтарио с того же времени правит Прогрессивно-консервативная

партия во главе с Д. Фордом, в политике которого присутствуют элементы популизма. В 2010–2014 гг. в крупнейшем городе страны, Торонто, мэром был его брат Р. Форд, которого многие называют «канадским Трампом». Не слишком образованный, обремененный пороками, эгоистичный и заносчивый, он не нравился элите, но сумел стать своим для части городского электората.

Анализ показывает, что из всех вопросов, связанных с участием Канады в глобализованном мире, наиболее уязвимое звено – это иммиграция. Несмотря на то что на последних выборах эта проблема не фигурировала в числе главных вопросов, а предлагавшая антииммигрантские меры Народная партия провалилась, опросы общественного мнения фиксируют подвижки в общественных настроениях [Proudfoot 2019; Open versus Ordered… 2017]. Для некоторых избирателей отношение к иммиграции становится своего рода «лакмусовой бумажкой», прямо или косвенно воздействующей на их электоральные предпочтения. Если раньше критиков чересчур большой «видимой» иммиграции можно было встретить во всех партиях Канады, то теперь различима тенденция к их сосредоточению в рядах федеральной Консервативной партии. Правда, пока тон в ней задают не они и их влияние на партийную политику малозаметно. Но все может измениться, если количество антииммигрантски настроенных членов Консервативной партии достигнет критической массы или если их активность «разбудят» наступление очередного экономического кризиса, рост безработицы, всплеск нелегальной иммиграции, террористические акты на территории Канады.

Библиография

Комкова Е.Г. Лозунг свободной торговли с США во взглядах и политических действиях канадских премьер-министров С. Харпера и Дж. Трюдо // Канадский ежегодник. М.: ИВИ РАН, 2018. Вып. 22. С. 182–201.

Перспективы экономической глобализации / Под. ред А.С. Булатова. М.: КНОРУС, 2019. 666 с.

Попов В.В. Канада: Особенности промышленного развития. М.: Наука, 1983. 200 с.

Adams M. Could it happen? Canada in the age of Trump and Brexit. Toronto: Simon & Schuster, 2017. 192 p.

Asylum claims by year // Government of Canada. URL: https://www.canada.ca/en/immigration-refugeescitizenship/services/refugees/asylum-claims.html (дата обращения: 25.12.2019).

Bloemraad I. Understanding «Canadian exceptionalism» in immigration and pluralism policy. Report // Migration Policy Institute. 2012. Jul. URL: https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/CanadianExceptionalism.pdf (дата обращения: 25.12.2019).

Canada and the challenges of globalization since 1968 // Canadian Foreign Policy Journal. 2018. Vol. 24. N 3. P. 253–381.

Canada's state of trade 2019 // Government of Canada. 2019. URL: https://www.international.gc.ca/gac-amc/publications/economist-economiste/state_of_trade-commerce_international-2019.aspx? ang=eng (дата обращения: 25.12.2019).

Carbert M. Canadians continue to support immigration, despite concerns it would be election issue, new poll says // The Globe and Mail. 2019. 5 Nov. URL: https://www.theglobeandmail.com/politics/article-canadians-continue-to-support-immigration-despite-concerns-it-would/ (дата обращения: 26.12.2019).

Copeland D. Innovation, adaptation and foreign policy in the age of globalization: Is Global Affairs Canada fit for the purpose? // Canadian Foreign Policy Journal. 2018. Vol. 24. N 3. P. 372–377.

Coyne A. Why you shouldn't expect to see populism take root in Canada // National Post. 2019. 24 July. URL: https://nationalpost.com/opinion/andrew-coyne-why-you-shouldnt-expect-to-see-populism-take-root-in-canada (дата обращения: 25.12.2019).

Exports of goods and services (% GDP)// World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS/1ff4a498/Popular-Indicators (дата обращения: 26.12.2019).

Farrell R.B. The making of Canadian foreign policy. Scarborough (Ontario): Prentice Hall of Canada, 1969. 181 p.

Freeland Ch. Address by Minister Freeland on Canada's foreign policy Priorities // Government of Canada. 2017. 6 June. URL: https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2017/06/address_by_ministerfreelandoncanadasforeignpolicypriorities.html (дата обращения: 25.12.2019).

Gillies R. Trudeau says Canada will take refugees banned by U.S. // PBS NewsHour. 2017. 28 Jan. URL: https://web.archive.org/web/20170307230538/http://www.pbs.org/newshour/rundown/trudeau-canada-refugees-banned-u-s/ (дата обращения: 26.12.2019).

Globalization // The Canadian Encyclopedia. URL: https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/globalization# (дата обращения: 26.12.2019).

Globalization & Canada. Is Globalization Good for Canada? Yes by A. Rugman. No by N. Klein // The Globe and Mail. 2000. 18 Oct. URL: https://instruct.uwo.ca/geog/171/globalizationb&canada.htm (дата обращения: 26.12.2019).

Himes M. Canadian foreign policy handbook. Montreal: Jewel Publications, 1996. 481 p.

Innis H.A. The Fur Trade in Canada. Toronto: University of Toronto Library, 1927. 172 p.

Kaufmann E. Whiteshift: Populism, immigration, and the future of white majorities. N.Y.: Harry N. Abrams, 2018. 624 p.

Klein N. No Logo: Taking aim at the Brand Bullies. Toronto: Knopf Canada and Picador. 1999. 490 p.

List of countries by GDP (PPP) per capita // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(PPP)_per_capita (дата обращения: 26.12.2019).

MacDonald M. Barack Obama says his approach to politics aligned with Justin Trudeau's // National Newswatch. 2019. 13 Nov. URL: https://www.nationalnewswatch.com/2019/11/13/barack-obama-says-his-approach-to-politics-aligned-with-justin-trudeaus-2/#.XgTLLIJR3Z4 (дата обращения: 26.12.2019).

McBride S. Paradigm Shift. Globalization and the Canadian State. 2nd ed. Black Point: Fenwood Publishing, 2005. 192 p.

McDiarmid O.J. Commercial policy in the Canadian economy. Cambridge: Harvard University Press, 1946. 397 p.

Nanos N. Nanos on the Numbers: Canadian separatists should take notice of Brexit research // CTV News. 2019. 16 Nov. URL: https://www.ctvnews.ca/politics/nanos-on-the-numbers-canadian-separatists-should-take-notice-of-brexit-research-1.4688246 (дата обращения: 26.12.2019).

OECD Factbook, 2015–2016. Economic, Environmental and Social Statistics. Paris: OECD Publishing, 2016. URL: https://www.oecd.org/publications/oecd-factbook-18147364.htm (дата обращения: 26.12.2019).

Open versus ordered: Cultural expressions of the new outlook // Ekos politics. 2017. 10 Oct. URL: https://ekospolitics.com/index.php/2017/10/open-versus-ordered/ (дата обращения: 26.12.2019).

Over half of Canadians say Canada should prioritize relations with EU after Brexit for a number of policy fields / Conducted by Nanos for Carleton. 2019. Oct. URL:https://www.nanos.co/wp-content/uploads/2019/10/2019-1486-Carleton-Brexit-Omni-September-Populated-report-w-Changes-and-tabs.pdf (дата обращения: 26.12.2019).

Patriquin M. Sorry, Max, but your days are numbered // Canada.com. 2019. 9 Oct. URL: https://o.canada.com/opinion/columnists/martin-patriquin-soory-max-but-your-days-are-numbered/wcm/4ffdf04e-8048-48a2-ad14-30629cb0e317 (дата обращения: 26.12.2019).

Proudfoot Sh. Canadians are primed for some Trump-style populism // Maclean's. 2019. 15 May. URL: https://www.macleans.ca/politics/ottawa/canadians-are-primed-for-some-trump-style-populism/https://www.macleans.ca/politics/ottawa/can-justin-trudeau-counter-anti-globalism-discontent/ (дата обращения: 26.12.2019).

Trudeau J. Canada's role on the global stage // Liberal Party of Canada [site]. 2019. 24 August. URL: https://www.liberal.ca/canadas-role-on-the-global-stage/ (дата обращения: 26.12.2019).

Trudeau J. Address to the 71st Session of the United Nations General Assembly // Prime Minister of Canada: Official Website. 2016. 20 Sept. URL: https://pm.gc.ca/en/news/speeches/2016/09/20/prime-minister-justin-trudeaus-address-71st-session-united-nations-general/ (дата обращения: 26.12.2019).

Trudeau J. Address to the World Economic Forum at Davos // World Economic Forum: Official Website. 2018. 23 Jan. URL: https://www.weforum.org/agenda/2018/01/pm-keynote-remarks-for-world-economic-forum-2018 (дата обращения: 26.12.2019).

Warnica R. Can Canada ward off a populist surge? // Politico Magazine. 2019. 2 Oct. URL: https://www.politico.com/magazine/story/2019/10/02/can-canada-ward-off-a-populist-surge-228874 (дата обращения: 26.12.2019).

References

Adams M. Could it happen? Canada in the age of Trump and Brexit. Toronto: Simon & Schuster, 2017. 192 p.

Asylum claims by year. Government of Canada. URL: https://www.canada.ca/en/immigration-refugeescitizenship/services/refugees/asylum-claims.html (date of access: 25.12.2019).

Bloemraad I. Understanding «Canadian exceptionalism» in immigration and pluralism policy. Report. Migration Policy Institute. 2012. Jul. URL: https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/CanadianExceptionalism.pdf (date of access: 25.12.2019).

Canada and the challenges of globalization since 1968. Canadian foreign policy journal. 2018. Vol. 24. N 3. P. 253–381.

Canada's state of trade 2019. Government of Canada. 2019. URL: https://www.international.gc.ca/gac-amc/publications/economist-economiste/state_of_trade-commerce_international-2019.aspx?lang=eng (date of access: 25.12.2019).

Carbert M. Canadians continue to support immigration, despite concerns it would be election issue, new poll says. The Globe and Mail. 2019. 5 Nov. URL: https://www.theglobeandmail.com/politics/article-canadians-continue-to-support-immigration-despite-concerns-it-would/ (date of access: 26.12.2019).

Copeland D. Innovation, adaptation and foreign policy in the age of globalization: Is Global Affairs Canada fit for the purpose? // Canadian foreign policy journal. 2018. Vol. 24. N 3. P. 372–377.

Coyne A. Why you shouldn't expect to see populism take root in Canada. National Post. 2019. 24 July. URL: https://nationalpost.com/opinion/andrew-coyne-why-you-shouldnt-expect-to-see-populism-take-root-in-canada (date of access: 25.12.2019).

Exports of goods and services (% GDP). World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS/1ff4a498/Popular-Indicators (date of access: 26.12.2019).

Farrell R.B. The making of Canadian foreign policy. Scarborough (Ontario): Prentice Hall of Canada, 1969. 181 p.

Freeland Ch. Address by Minister Freeland on Canada's foreign policy Priorities. Government of Canada. 2017. 6 June. URL: https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2017/06/address_by_ministerfreelandoncanadasforeignpolicypriorities.html (date of access: 25.12.2019).

Gillies R. Trudeau says Canada will take refugees banned by U.S. PBS NewsHour. 2017. 28 Jan. URL: https://web.archive.org/web/20170307230538/ http://www.pbs.org/newshour/rundown/trudeau-canada-refugees-banned-u-s/ (date of access: 26.12.2019).

Globalization. The Canadian Encyclopedia. URL: https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/globalization# (date of access: 26.12.2019).

Globalization & Canada. Is Globalization Good for Canada? Yes by A. Rugman. No by N. Klein. The Globe and Mail. 2000. 18 Oct. URL: https://instruct.uwo.ca/geog/171/globalizationb&canada.htm (date of access: 26.12.2019).

Himes M. Canadian foreign policy handbook. Montreal: Jewel Publications, 1996. 481 p.

Innis H.A. The Fur Trade in Canada. Toronto: University of Toronto Library, 1927. 172 p.

Kaufmann E. Whiteshift: Populism, immigration, and the future of white majorities. N.Y.: Harry N. Abrams, 2018. 624 p.

Klein N. No Logo: Taking aim at the Brand Bullies. Toronto: Knopf Canada and Picador. 1999. 490 p.

Komkova E.G. Lozung svobodnoj torgovli s SShA vo vzgljadah I politicheskih dejstvijah kanadskih prem'er-ministrov S. Harpera I Dzh. Trjudo. Kanadskij ezhegodnik [The slogan of free trade with the United States in the views and political actions of the Canadian Prime Ministers S. Harper and J. Trudeau. Canadian Yearbook]. Moscow: IVI RAS, 2018. Iss. 22. P. 182–201. (In Russ.)

List of countries by GDP (PPP) per capita. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(PPP)_per_capita (date of access: 26.12.2019).

MacDonald M. Barack Obama says his approach to politics aligned with Justin Trudeau's. National Newswatch. 2019. 13 Nov. URL: https://www.nationalnewswatch.com/2019/11/13/barack-obama-says-his-approach-to-politics-aligned-with-justin-trudeaus-2/#.XgTLLIJR3Z4 (date of access: 26.12.2019).

McBride S. Paradigm Shift. Globalization and the Canadian State. 2nd ed. Black Point: Fenwood Publishing, 2005. 192 p.

McDiarmid O.J. Commercial policy in the Canadian economy. Cambridge: Harvard University Press, 1946. 397 p.

Nanos N. Nanos on the Numbers: Canadian separatists should take notice of Brexit research. CTV News. 2019. 16 Nov. URL: https://www.ctvnews.ca/politics/nanos-on-the-numbers-canadian-separatists-should-take-notice-of-brexit-research-1.4688246 (date of access: 26.12.2019).

OECD Factbook, 2015–2016. Economic, Environmental and Social Statistics. Paris: OECD Publishing, 2016. URL: https://www.oecd.org/publications/oecd-factbook-18147364.htm (date of access: 26.12.2019).

Open versus ordered: Cultural expressions of the new outlook. Ekos politics. 2017. 10 Oct. URL: https://ekospolitics.com/index.php/2017/10/open-versus-ordered/ (date of access: 26.12.2019).

Over half of Canadians say Canada should prioritize relations with EU after Brexit for a number of policy fields / Conducted by Nanos for Carleton. 2019. Oct. URL: https://www.nanos.co/wp-content/uploads/2019/10/2019-1486-Carleton-Brexit-Omni-September-Populated-report-w-Changes-and-tabs.pdf (date of access: 26.12.2019).

Patriquin M. Sorry, Max, but your days are numbered. Canada.com. 2019. 9 Oct. URL: https://o.canada.com/opinion/columnists/martin-patriquin-soory-max-but-your-days-are-numbered/wcm/4ffdf04e-8048-48a2-ad14-30629cb0e317 (date of access: 26.12.2019).

Perspektivy jekonomicheskoj globalizacii / Pod. red A.S. Bulatova [Prospects for Economic Globalization / Under. red A.S. Bulatova]. Moscow: KNORUS, 2019. 666 p. (In Russ.)

Popov V.V. Kanada: osobennosti promyshlennogo razvitija [Canada: Features of industrial development]. Moscow: Nauka, 1983. 200 p. (In Russ.)

Prime Minister Trudeau J. Address to the 71st Session of the United Nations General Assembly. Prime Minister of Canada [site]. 2016. 20 Sept. URL: https://pm.gc.ca/en/news/speeches/2016/09/20/prime-minister-justin-trudeaus-address-71st-session-united-nations-general/ (date of access: 26.12.2019).

Proudfoot Sh. Canadians are primed for some Trump-style populism. Maclean's. 2019. 15 May. URL: https://www.macleans.ca/politics/ottawa/canadians-are-primed-for-some-trump-style-populism/ https://www.macleans.ca/politics/ottawa/can-justin-trudeau-counter-anti-globalism-discontent/ (date of access: 26.12.2019).

Trudeau J. Address to the World Economic Forum at Davos. World Economic Forum: Official Website. 2018. 23 Jan. URL: https://www.weforum.org/agenda/2018/01/pm-keynote-remarks-for-world-economic-forum-2018 (date of access: 26.12.2019).

Trudeau J. Canada's role on the global stage. Liberal Party of Canada: Official Website. 2019. 24 August. URL: https://www.liberal.ca/canadas-role-on-the-global-stage/ (date of access: 26.12.2019).

Warnica R. Can Canada ward off a populist surge? Politico Magazine. 2019. 2 Oct. URL: https://www.politico.com/magazine/story/2019/10/02/can-canada-ward-off-a-populist-surge-228874 (date of access: 26.12.2019).

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.11

Н.Ю. Лапина

НЕ ОЧЕНЬ СЧАСТЛИВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ФРАНЦУЗСКИЙ ОПЫТ

Аннотация. *Включение Франции в глобальную экономику произошло с опозданием, в открытой экономике ей не удалось занять лидерских позиций. Одним из последствий вступления в глобальную экономику стало разрушение индустриального потенциала страны. Глобализация не только трансформировала французскую экономику, она изменила социальный пейзаж: в обществе с 1980-х годов усиливается неравенство, нашедшее выражение в растущем разрыве между людьми, успешно включившимися в «глобальное соревнование», и теми, кто остался на периферии нового глобального мира. Растет социально-пространственная дифференциация между успешными территориями (глобальными городами) и периферией. Размывается средний класс, нижние страты которого люмпенизируются, а узкий верхний слой вливается в ряды привилегированных групп. Изменение социального статуса, утрата привычного образа жизни порождают социальный стресс, способствуют появлению новых конфликтов в обществе. К таким конфликтам относится движение «желтых жилетов», противопоставившее «две Франции» – успешную и периферийную.*

Массовый протест, охвативший Францию в 2018–2019 гг., стал результатом деиндустриализации, разрушения промышленного потенциала, деградации пространства и жизненного фиаско миллионов французов. «Люди с периферии» долгое время молчали, терпели унижения, связанные с потерей хорошо оплачиваемой работы в промышленности и заменой ее негарантированной занятостью в сфере услуг. Это движение за человеческое достоинство, против социальной несправедливости и превращения французской провинции в гетто. Оно затрагивает жизненно важные проблемы французского общества, а следовательно, наивно было бы полагать, что социальный конфликт исчерпан.

Ключевые слова: *глобализация; Франция; информационная экономика; деиндустриализация; пространственная дифференциация; средний класс; социальные движения протеста.*

Лапина Наталия Юрьевна – доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва. E-mail: lapina@inion.ru

Web of Science Researcher ID: AAH-6521–2020;
Scopus Author ID: 36711863700

Lapina N.Yu. Not So Happy Globalization: French Experience

Abstract. *France's integration into the global economy was rather late, so the country was not able to become one of the leaders in open economy. As a consequence, the country's industrial potential in many ways suffered a visible destruction. Globalization has not only transformed the French economy, it also has changed the social landscape in the country. Since the 1980s, France has seen a steady increase in social inequality manifested in the sizeable «wealth gap» between those who have successfully joined the «global competition» and those who have remained on its periphery. There has been an increasing socio-spatial disparity between successful territories (global cities) and the periphery. The middle class is declining, its lower strata are lumpenized, while the narrow upper layer merges into the ranks of privileged groups. Changes in social status and the loss of a normal life routine increase the social stress and generate new conflicts in society, these including the «yellow vests» movement that confronted the «two Frances» – the successful and the peripheral ones.*

The mass protest that swept France in 2018–2019 was the result of deindustrialization, the destruction of industrial potential, the degradation of territories and the plight of millions of French people. «People from the periphery» have been silent for a long time, suffering humiliation that comes from the loss of well-paid work in industry and its replacement by unguaranteed employment in the services. It is a movement for human dignity, against social injustice and the transformation of the French province into a ghetto. It touches upon the vital problems of French society, and therefore it would be naive to believe that the French social conflict has exhausted itself.

Keywords: *globalization; France; information economy; de-industrialization; spatial differentiation; middle class; social protest movements.*

Lapina Natalia Yur'evna – Doctor of Political Sciences,
Principal Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: lapina_n@mail.ru.
Web of Science Researcher ID: AAH-6521–2020;
Scopus Author ID: 36711863700

В последние десятилетия в мире не утихают споры о том, является ли глобализация благом или злом. В 1980–1990-е годы многие французские политики и аналитики, окрыленные верой в прогресс, были убеждены, что глобализация[1] сделает мир более богатым и счастливым [Minc, 1997]. Высказывались и противоположные суждения. О «несчастливой глобализации» писал

1. Во французском языке вместо английского «глобализация» (gobalization) используется термин «мондиализация» (mondialisation).

известный экономист Р. Буайе, исследовавший трудности вхождения Франции в открытую экономику [Boyer, 1998 a].

С началом нового столетия вектор дискуссии сменился: ее участников все больше волнует вопрос, следует ли и дальше идти по пути глобализации или надо с него сворачивать. В научно-экспертном сообществе обсуждаются проблемы, связанные с «отливом глобализации», в публичный дискурс вошли новые понятия – «деглобализация» и «контрглобализм». Один из авторов нашего выпуска, специалист по экономике быстро развивающихся стран Ж. Веркёй, полемизируя с антиглобалистами, подчеркивает, что простого выхода из глобализации не существует, поскольку за прошедшие 40 лет мир изменился, разные страны и человеческие сообщества включились в глобальное информационное пространство, узнали о том, как живут люди в других странах, поняли, что богатство в мире распределяется неравномерно и сами захотели жить лучше. Рассуждая о будущем глобализации, Веркёй подчеркивает: можно создать искусственные преграды на пути движения товаров и рабочей силы, но изменить коллективные представления о желаемых формах потребления и стилях жизни невозможно [Verceuil 2019, p. 22].

В статье анализируется, как Франция вступила в глобализацию, каковы были особенности и последствия этого процесса для французской экономики и социума. Меня интересовало, как на протяжении последних четырех десятилетий менялось французское общество и какие новые социальные расколы в нем появились [Ранее эти вопросы анализировались в работе: Лапина 2019].

Хочу поблагодарить Жюльена Веркёя (Julien Vercueil, Институт восточных языков, Париж) и мою коллегу Ирину Георгиевну Животовскую за ценные советы и рекомендации.

Четыре десятилетия трансформаций

В романе «Карта и территория» М. Уэльбек рисует Францию будущего, страну, в которой сохранились лишь две отрасли – сельское хозяйство и туризм. Романы Уэльбека – это не политическая фантастика, в них с удивительной силой отражена трансформация французского общества. Действительно, за последние четыре десятилетия Франция изменилась до неузнаваемости. Индустриальной страны с заводами и фабриками, большими промышленными городами, боевитым и организованным в профсоюзы многомиллионным пролетариатом больше не существует. И если на праздник коммунистической газеты «Юманите» еще приходят тысячи французов, это лишь дань традиции.

До середины 1970-х годов индустриальная Франция чувствовала себя хорошо. Послевоенные десятилетия (1946–1973) принято называть временем «французского экономического чуда»: экономика росла высокими темпами,

безработица была на низкой отметке. В эти годы во Франции, как и в других развитых странах Запада, сложилась экономическая модель «массового производства – массового потребления», на предприятиях внедрялись принципы поточного производства и новые жесткие формы организации труда. Социальная структура общества изменилась: росла численность лиц наемного труда[2]; исчез класс рантье; доля традиционных средних слоев в составе населения сократилась, численно вырос средний класс, представители которого работают по найму [подробнее: Лапина 1986].

К началу 1970-х годов преимущества экономической модели «массового производства – массового потребления» были исчерпаны. Резкий рост цен на нефть в 1973 г. вызвал мировой экономический кризис, это был первый мировой экономический кризис, который Франция ощутила в полной мере. Французские товары выросли в цене и утратили конкурентоспособность. Послевоенный период быстрого экономического роста завершился. На смену «тридцати славным годам», пишет Р. Буайе, пришли «скорбные десятилетия» [Boyer 1998 a].

В 1980-е годы мировая экономика вступила в современную фазу глобализации, которая совпала с информационной революцией. Характеристику новой глобальной информационной экономики дал замечательный социолог М. Кастельс. Новая экономика, писал он, «информациональная» (informational economy)[3], в ней производительность «зависит от способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях». Одновременно она «глобальная – потому, что основные виды экономической деятельности организуются в глобальном масштабе» [Кастельс 2000, с. 81].

В 1980-е годы страны Запада вступили в новую открытую экономику, приступили к структурной перестройке национальных экономик. Во Франции переход к новой экономике и новому производственно-технологическому укладу проходил с трудом [Eyraud, Iribarne, Maurice 1988]. Государство продолжало развивать атомную промышленность, стремясь сохранить энергетическую независимость страны, тогда как в других отраслях расходы на научные исследования росли недостаточно быстро. В 1981 г. к власти во Франции пришли социалисты, делавшие основной упор на распределительную политику и мало заботившиеся о развитии новой информационной экономики.

В рамках глобальной экономики формировался мировой рынок капиталов, товаров и услуг. Складывалось новое международное разделение труда,

2. В 1954 г. они составляли 13 млн, в 1975 – 17,1 млн человек. Их удельный вес в самодеятельном населении повысился (66% – в 1954 г., 78% – в 1975 г.). – Подсчитано по: [Recensement 1985, p. 35].

3. М. Кастельс использует именно этот термин. – Н. Л.

международная конкуренция обострилась. Мир вступил в новую эпоху. В международное разделение труда включились новые быстро развивающиеся страны (Индия, Китай, страны Юго-Восточной Азии). Производители из стран Юго-Восточной Азии наводнили мировой рынок дешевыми товарами широкого спроса, а предприятия развитых стран предлагали высокотехнологичную качественную продукцию [Boyer 1998 a].

В 1990-е годы французская промышленность не без труда приспосабливалась к открытой экономике. Государством был сделан упор на высокотехнологичные отрасли, в которых у Франции имелись преимущества (самолетостроение, космическая промышленность, транспорт, фармацевтика). В других отраслях промышленного производства, наоборот, наблюдался спад [La mondialisation... 2017]. Французское государство традиционно играет большую роль в инновационном и экономическом развитии страны. В конце 1970-х годов государство поддержало эксперимент, проводившийся в рамках программы «информатизации общества». Французской телефонной компанией была предложена на рынке новая коммуникационная сеть. Правительственным решением каждая французская семья безвозмездно получала терминал Minitel, который подключался к новой Сети. Minitel был прост в использовании и первоначально заменил телефонный справочник. Со временем система была открыта для французского бизнеса и с 1995 г. стала самоокупаемой. Minitel приобщил французов к новым способам коммуникации. Однако создать собственный компьютер Франции так и не удалось.

Французским правительством предпринимались и другие шаги в направлении инновационной экономики. В ряде городов – Нице, Гренобле, Меце, Тулузе, Нанте, Марселе – были созданы технополюса, а с начала 2000-х годов «полюса конкурентоспособности» (ПК), в рамках которых действовали бизнес-инкубаторы [Лапина 2010]. К концу 2018 г. насчитывалось 66 полюсов, однако им не удалось превратиться в глобальные «ядра инновации».

В 2006 г. было принято решение о строительстве в 20 км от Парижа крупнейшего научно-производственного кластера по образу Силиконовой долины – Париж-Саклэ. Развивалась транспортная сеть (линия метро), создан университет, многие «большие школы» переехали в Саклэ, а частные компании перенесли сюда свои лаборатории и представительства. В перспективе в кластере планируется сосредоточить 20–25% французских научных лабораторий и исследовательских центров. Невзирая на предпринимаемые государством усилия Франция по показателю инновационной экономики в «Мировом инновационном индексе» (2018) среди 126 стран занимает скромное 16-е место [Global… 2018].

Отставание Франции в сфере инновационной экономики объясняется рядом причин. Во-первых, по традиции гордостью французской экономики являются крупные предприятия, однако в новой информационной экономике

наиболее успешными оказываются небольшие гибкие производства, быстро реагирующие на меняющиеся потребности рынка. Во-вторых, французские предприятия не были готовы к инновациям, в общем объеме промышленного производства доля высокотехнологичной продукции невысока, а следовательно, и спрос на новые технологии ограничен. В-третьих, во Франции недостает предпринимателей – экономических акторов, готовых к риску и мыслящих инновационно. Серьезным ограничением являются и культурные особенности. В США инновационная экономика создавалась людьми, которые не боялись сделать ошибку, тогда как во французской системе представлений ошибка недопустима и отмечает человека клеймом «неудачника».

Глобализация изменила привычную жизнь французов. Они смогли удовлетворить свои потребности и получили доступ к дешевым импортным товарам широкого спроса. Благодаря снижению транспортных тарифов французы стали больше путешествовать. Французские учащиеся все чаще имеют возможность получить образование за рубежом, а специалисты уезжают работать за границу[4]. Сегодня французы смотрят иностранные фильмы, слушают иностранную музыку, культура современной Франции стала частью глобальной культуры. В экономическом плане под влиянием глобализации изменилась структура и размещение промышленного производства. Внутри Франции появились ареалы современной экономики и зоны, переживающие экономический упадок. Но, пожалуй, самым ощутимым последствием вступления Франции в открытую экономику стала масштабная деиндустриализация.

Разрушение промышленного потенциала

История деиндустриализации во Франции насчитывает почти пять десятилетий. На первом этапе (вторая половина 1970 – первая половина 1980-х годов) в условиях усилившейся международной конкуренции французские предприятия начали закрываться. Прежде всего страдали традиционные отрасли экономики: металлургия, судостроение, угольная, целлюлозно-бумажная, текстильная промышленность. Экономист и политик П. Артюс называет деиндустриализацию самой «крупной индустриальной катастрофой» [Artus, Virard 2011, p. 18]. В географическом отношении деиндустриализацию больше всего испытали на себе регионы, где когда-то начиналась Промышленная революция (Север, Северо-Восток, Юго-Восток).

4. Отъезд высококвалифицированных специалистов представляет для Франции серьезную проблему. Между двумя периодами 1981–1990 и 1996–2006 гг. число французских специалистов, уехавших работать в США, увеличилось на 77% [Braquet L. 2010. С. 32]. С начала 2000-х годов этот процесс нарастал. Ежегодно от 60 до 80 тыс. дипломированных специалистов уезжают из Франции работать за границу [Dossier].

На втором этапе (вторая половина 1980-х – 2010-е годы) французские предприятия стали перемещаться (делокализация) в страны «периферии», где были низкие издержки производства. С 1995 по 2001 г. французская промышленность только в связи с делокализацией промышленных предприятий потеряла 95 тыс. рабочих мест (13 500 рабочих мест в год). Половина из них была перенесена в быстро развивающиеся страны (Индия, Китай, Юго-Восток Азии), другая половина – в восточноевропейские страны и европейские страны Юга. Однако тема делокализации привлекла к себе внимание только тогда, когда ведущая отрасль французской экономики, автомобилестроение, вступила в полосу кризиса. В экспертном докладе (2012) впервые проводилась параллель между деиндустриализацией и снижением конкурентоспособности французской экономики. Отмечалось, что французская промышленность достигла уровня, «ниже которого ее ожидает полное разрушение» [цит. по: Bost, Messaoudi 2017].

На третьем этапе (2010-е годы) процесс делокализации приостановился, а «эмигрировавшие» предприятия начали возвращаться во Францию. Факторы, способствовавшие делокализации, действовать перестали. Из сборочных цехов страны с быстро развивающейся экономикой превратились в производителей высокотехнологичной продукции, заработная плата работников росла. Тем не менее масштабы релокализации остаются ограниченными. К тому же процесс делокализации, как считают эксперты, не завершился, в будущем он затронет сектор услуг. Франции угрожает потеря около 50% рабочих мест в банковском секторе, страховании, сфере оказания маркетинговых и консультационных услуг[5] [Mouhoud 2018].

Ни в одной их развитых стран, писал Р. Буайе в работе «Славные дни и несчастья французской промышленности», деиндустриализация не происходила столь стремительно, как во Франции [Boyer 1998 a, p. 19]. Доля Франции в мировом промышленном производстве в 1970 г. составляла 3,2%, в 2000 г. – 3%. За период с 2000 по 2015 г. ее вклад в выпуск мировой промышленности сократился и составил в 2015 г. 1,9% [Клинов 2017, с. 115]. По прогнозам аналитиков, французская экономика через десять лет может покинуть первую десятку ведущих экономик мира [Клинова 2019, с. 82]. Так что картина, описанная М. Уэльбеком, не так уж далека от действительности. Не случайно герой романа, художник, стремится запечатлеть разрушающийся индустриальный мир на фотографии…

Деиндустриализация привела к росту во Франции хронической безработицы. С 1970-х годов и до наших дней безработица во Франции колеблется

5. По некоторым оценкам, к 2020 г. во Франции будет закрыто 12% банковских агентств [Wajsbrot 2018].

в диапазоне от 7 – до 10% экономически активного населения страны. С 1970 по 2014 г. число занятых в обрабатывающей промышленности сократилось на 2,3 млн (с 5,6 млн до 3,3 млн), а их доля в составе экономически активного населения сократилась с 23,7 до 12% [Bost, Messaoudi 2017]. Рабочие места, созданные в сфере обслуживания предприятий (логистика, научно-исследовательские работы, бухгалтерский учет в общей сложности 1 млн за период с 1978 по 2015 г.), не компенсировали потери в производственной сфере. Половина исчезнувших во Франции рабочих мест, по подсчетам экономиста Ж. Сапира, вызвана делокализацией предприятий. К структурным факторам добавились последствия экономических кризисов. Одним из самых тяжелых стал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., серьезно сказавшийся на рынке труда. В 2009 г. безработица составляла 9,1% экономически активного населения, в 2013 г. – 10,1%, к концу 2019 г. она снизилась до уровня 8,6% [Le taux de chômage, 2018; La préférence française, 2019].

Выигравшие и проигравшие «глобальное соревнование»

Одним из первых сдвиги в социальной структуре развитого общества в условиях глобализации описал американский экономист Р. Райх в книге «Суперкапитализм». Используя этот подход, Ж. Веркёй при анализе социальных процессов во французском обществе приходит к интересным выводам [Веркёй 2019]. К группе занятых, более всего затронутых глобализацией и подверженных массовой безработице, Веркёй относит индустриальных рабочих низкой и средней квалификации. Этот тип работника встречается не только в сфере производства, но и в сфере обслуживания. В 1980–1990-е годы представители этой социальной группы составляли 25% экономически активного населения Франции.

Во вторую группу входят государственные служащие, чей статус защищен государством. В 2018 г. они составляют пятую часть экономически активного населения Франции (5,4 млн человек) [Fonction publique… 2018]. Основное преимущество государственных служащих – гарантированная занятость. Однако неясно, какое будущее ожидает эту социально-профессиональную категорию, учитывая, что правительство намерено сократить численность вакансий государственных служащих.

Третья категория занята в сфере оказания услуг частным лицам. Эта социально-профессиональная категория численно растет и будет расти, поскольку население стареет и все больше нуждается в медицинских, парамедицинских и прочих услугах. Эта сфера деятельности затронута глобализацией не напрямую, а опосредованно. Те из занятых, кто обслуживает представителей

элиты, имеют высокие доходы и пользуются престижем. Работающие в этой сфере представляют более трети всех занятых во Франции.

Четвертая категория включает в себя победителей «глобального соревнования». Это лица, производящие продукты и услуги, востребованные глобальным рынком. По своему составу эта группа неоднородна: в нее входят производители программного обеспечения, молодые инженеры и программисты, их интеллектуальные продукты пользуются спросом во всем мире, а также лица, ставшие мировыми брендами – звезды шоу-бизнеса, журналисты, спортсмены. По оценкам Веркёя, к этой группе во Франции относится не более пятой части экономически активного населения.

В информационном обществе факторами, генерирующими неравенство, становятся наличие образовательного капитала, способность человека производить, обрабатывать и передавать информацию, готовность постоянно совершенствовать свои профессиональные навыки и знания. «Впервые в истории неравенство порождается личными качествами и личными успехами людей» [Шкаратан 2011, с. 118]. Деление людей на тех, кто способен включиться в новую информационную экономику, и тех, кто не может адаптироваться к происходящим переменам, – это первый фундаментальный социальный раскол, который возникает в информационном обществе, но есть и другие.

Так сколько же Франций существует?

Другой социальный раскол выявляется по мере роста социально-пространственных диспропорций. В условиях глобализации складывается новая поселенческая структура со своей иерархией и внутренними напряжениями. Французский урбанист К. Гиллюи предложил для анализа социальных изменений в обществе модель «двух Франций». В книге «Периферийная Франция» (2014) он описал два различных социальных пространства: Францию метрополитенских городов / метрополитенских ареалов (территории, в центре которых находится один или несколько городов)[6] и «периферийную Францию» [Guilluy 2014].

Для метрополитенских городов характерно динамичное развитие; они вплетены в систему международных экономических, научно-технических и культурных связей. Здесь создается «основная часть национального богатства

6. Французское понятие «métropole» переводится на русский язык как метрополитенский ареал. Метрополитенские ареалы были созданы во Франции законом 2010 г., в соответствии с которым они получили статус территориальных сообществ; в настоящее время во Франции насчитывается 21 метрополитенский ареал и 30 метрополитенских городов.

Франции», сосредоточено «50% экономической деятельности» [Guilluy 2016, p. 99–100; Guilluy 2018 b, p. 29]. В последние десятилетия большие города превратились в площадку борьбы между прежними и новыми обитателями. Во-первых, из городской среды вытеснялись рабочие, многие из которых переехали жить за город. Во-вторых, метрополитенские города превратились в центры, где проживает основная масса (60%) выходцев из иммиграции[7]. В-третьих, большие города стали центрами постиндустриальной экономики, в них селятся представители «креативного класса», – те самые победители «глобального соревнования», о которых речь шла выше. Гиллюи называет этих людей «новой буржуазией»[8]. Привилегированные слои, по его оценкам, сопоставимым с выводами Веркёя, составляют от 20 до 30% населения Франции [Guilluy 2018 a]. Многие из них становятся частью глобальной элиты. Новые элитные слои отличаются стилем жизни и характером потребления. Они стараются не демонстрировать свои финансовые возможности, скромно одеваются, нередко вместо машин пользуются велосипедами, в Париже селятся в кварталах, где раньше жили рабочие. Речь идет о «дорогой простоте», недоступной широким слоям населения. Глобальный мир принято считать «открытым», пишет Гиллюи. Но в реальности глобальные города – это «крепости», окруженные кварталами, где проживают иммигранты. «Открытое общество» возвращает мир в Средневековье – эпоху, в которой между социальными классами и слоями существовали непреодолимые барьеры [Guilluy 2016, p. 23].

Наряду с глобальными городами существует другая Франция – это французская глубинка, где проживают народные слои[9]. «К народным слоям французские исследователи относят рабочих, значительную часть служащих, самозанятых, неработающих. Этих людей отличает ограниченность ресурсов, невысокий уровень образования, низкие доходы, отсутствие перспектив социального роста, тяжелые условия труда, высокие физические и психологические нагрузки» [Лапина 2019, с. 29]. По подсчетам французского экономиста Т. Пикетти, автора нашумевшей книги «Капитал в XXI веке», к народным слоям относится 50% населения Франции [Piketty 2015, p. 135]. В свою очередь Гиллюи полагает, что подавляющее большинство народных слоев (66%) сосредоточено в «периферийной Франции» [Guilluy 2016, p. 136]. Они не

7. В них сосредоточена основная масса иммигрантов (60%) [Guilluy 2016, p. 136].

8. Другие исследователи пишут о «новых группах нового среднего класса» (О.И. Шкаратан), «элитных слоях верхнего среднего класса» (С.Я. Веселовский).

9. В русском языке французское понятие «classes populaires» не имеет аналогов. В современной французской социологической и экономической литературе «народные слои» заменили выходящее из употребления понятие «рабочий класс».

являются бедными, их доходы чуть выше, чем у самых бедных французов[10], но их материальное положение в последние годы становилось все более уязвимым. С 1980-х годов постоянную работу заменили нестандартные формы занятости, доходы расти перестали, а условия труда стали более тяжелыми [Guilluy 2016, p. 96].

К «периферийной Франции» относятся малые и средние города (с числом жителей менее 100 тыс. человек) с прилегающей к ним загородной зоной. В 1991 г. в составе группы французских социологов во главе с М. Вивьоркой (Michel Wieviorka, CADIS) я участвовала в социологическом исследовании, посвященном росту националистических настроений во Франции. В рамках проекта мы работали в городах на Севере Франции – Рубэ и Туркуэне. В прошлом это были центры текстильной промышленности. К началу 1990-х годов Туркуэн превратился в «город-призрак»: фабрики закрыты, целые кварталы обезлюдели. Жители города рассказывали, как постепенно деградировало городское пространство: инфраструктура разрушалась, магазины и учреждения закрывались, молодежь уезжала. Тогда трудно было представить, что это будущее ждет многие французские города.

Ряд экспертов упрекают Гиллюи в схематизме, в том, что ученым не были учтены другие зоны неблагополучия, в частности большие города, где сложились гетто с проживающими в них выходцами из иммиграции и где уровень бедности зашкаливает. В связи с этим некоторые эксперты предлагают с учетом городских гетто говорить не о двух, но о «трех Франциях» [Bockel 2018]. В свою очередь французский политик М. Леруа, в прошлом министр города (2010–2012), убежден: во Франции много говорят о неблагополучных пригородах и почти ничего не знают о страдающей и молчаливой сельской местности и ее жителях [Leroy 2011, с. 82].

Так сколько же Франций на сегодняшний день существует? Ответить на этот вопрос непросто, поскольку многое зависит от того, какие критерии дифференциации принимаются за основу. Известно, что не всякая периферия является депрессивной территорией. В самом тяжелом положении оказались регионы традиционной индустрии, где зарождалась Промышленная революция. В лучшем положении оказались аграрные регионы, где промышленное производство отсутствовало, и которые достаточно успешно адаптировались к новой цифровой экономике (Бретань, Юго-Запад). Большую роль в адаптации территорий к новой экономике, как полагают демограф Э. Ле Браз и антрополог Э. Тодд, играют семейные связи и религиозные традиции.

10. Информационный центр по отслеживанию неравенства (Observatoire des inegalités) относит к бедным лиц, имеющих доход ниже 50% от медианного. В 2018 г., по данным этой организации, во Франции насчитывалось 5 млн бедных, за период с 2006 по 2016 г. их число выросло на 600 тыс. человек [L'Observatoire… 2018].

В регионах Франции, где долгое время сохранялась католическая традиция и поддерживаются семейные связи, существует взаимопомощь членов территориальных сообществ [Le Bras, Todd 2013, с. 151].

Место проживания является важнейшим социальным ресурсом, от которого зависит доступ к другим ресурсам – образованию, культуре, новым знаниям. У молодых людей, жителей «периферийной Франции», как свидетельствуют опросы социологов, снижены социальные ожидания, они менее уверены в себе, чем их сверстники, проживающие в больших городах, у них реже сформирован проект будущего [La jeunesse «périphérique» doute de ses chances, 2019, с. 14].

Что происходит со средним классом?

Крупнейшим завоеванием «тридцати славных лет» стало формирование среднего класса[11], представители которого работают по найму. В 1960–1980-е годы, по некоторым оценкам, средний класс составлял от 60до 80% населения страны, в настоящее время, по мнению Пикетти, – не более 40% [Piketty 2015, p. 133]. На протяжении десятилетий средний класс рассматривался не только как стабилизирующая сила общества, опора демократических институтов, но и как некий социальный образец. Если во времена Мольера господин Журден хотел манерами походить на аристократа, то на протяжении послевоенных десятилетий большинство французов скромного происхождения стремились приобщиться к социальному статусу и образу жизни средних классов. И, что важно, это им удавалось.

С 1980-х годов ситуация изменилась. Средний класс утратил прежнюю стабильность и защищенность от социальных потрясений и кризисов [Chauvel 2016, p. 82–84]. Среди факторов, влияющих на статус и моральный дух его представителей, французские исследователи называют изменение материального положения и условий труда. Пикетти показал, что с конца 1980-х годов заработная плата основной массы лиц работающих по найму расти перестала, а рост доходов фиксировался только у элитных групп. Еще до Пикетти социолог Л. Шовель пришел к выводу, что на протяжении последних десятилетий, происходило сближение в оплате труда рабочих, служащих и низших и средних страт среднего класса, а также нарастал разрыв между уровнем оплаты труда нижних (средних) и верхних страт среднего класса [Chauvel 2016, p. 66]. Кроме этого, средним и низшим стратам среднего класса все чаще угрожает безработица, порождающая у их представителей

11. Во французской научной литературе термин «средний класс» часто употребляется во множественном числе (classes moyennes), что подчеркивает сложность структуры и разнообразие образующих его групп.

страх потерять социальный статус и лишиться привычного образа жизни [Chauvel 2016, p. 71].

Проблема неравенства еще острее ощущается, если рассматривать ее через призму поколенческих когорт [Chauvel 2016, p. 90]. Молодое поколение французов сталкивается с такими проблемами, как инфляция дипломов, сложность вхождения на рынок труда, отсутствие перспектив социального роста. В 1978 г. различные возрастные группы имели сопоставимый уровень жизни. С начала 2000-х годов разрыв между ними неуклонно нарастал. В результате увеличилась зависимость молодых людей от родителей, поскольку даже наличие работы не обеспечивает им достойную жизнь; молодые поздно вступают в брак и не стремятся обзаводиться детьми. «Сегодня, – пишет Шовеля, – молодые поколения с экономической точки зрения находятся в положении иммигрантов в собственной стране» [Chauvel 2016, p. 105].

Итак, средний класс фрагментируется, его представители утрачивают устойчивые позиции на рынке труда, их ресурсы становятся более ограниченными, и они остро ощущают утрату социального статуса. Закупорка социальных лифтов приводит к тому, что этим людям не удается передать свой статус по наследству детям. Нижние страты среднего класса по экономическим и статусным позициям приближаются к народным слоям, а узкий высший слой вливается в новые привилегированные классы или в глобальную элиту.

Французское общество на историческом переломе

Процесс вступления французского общества в глобализацию привел к масштабным социальным сдвигам. В индустриальную эпоху главным социальным конфликтом было противостояние пролетариата и буржуазии. В глобальную информационную эпоху на традиционный конфликт накладывается раскол между той частью общества, которая принимает глобализацию и верит в ее счастливый исход, и той его частью, которая страшится перемен и стоит на охранительных позициях. На вопрос: «Угрожает ли глобализация национальной идентичности вашей страны» большинство французов (63%), наряду с греками (70%) и итальянцами (62%) отвечают утвердительно [Robin 2017]. Чуть больше пятой части французских граждан считают, что Франция должна «открыться миру» (23%), тогда как 38% полагают, что стране следует «защитить себя» [Baromètre 2019].

На фоне экономических и социальных перемен, которые сопровождали вхождение Франции в глобальную экономику, в обществе нарастали тревожные настроения: усталость (32%), мрачность (31%), недоверие (29%) (2019). Пессимистический настрой прежде всего характеризует народные слои, французскую глубинку. Люди тяжело переживают собственные неудачи, но

еще больше их тревожит будущее детей. В 2019 г. 58% французов полагали, что у детей меньше шансов, чем у родителей; 49% считали, что молодым людям, чтобы реализоваться профессионально, следует уехать за границу [Baromètre 2019].

На этом фоне в ноябре 2018 г. вспыхнуло движение протеста, получившее название «желтых жилетов». Его участники протестовали против повышения цен на автомобильное топливо. «Желтые жилеты» – новое явление общественно-политической жизни Франции (см. подробнее: [Бурмо, Лапина 2019; Обичкина 2019; Рубинский 2019]). Оно не было похоже на другие социальные движения протеста: выстроено по горизонтали, слабо структурировано, не выдвинуло лидеров из своей среды. Участники протеста не были объединены принадлежностью к одному классу, в нем наряду с рабочими, безработными, пенсионерами принимали участие представители малого бизнеса, ремесленники, самозанятые. Движение «желтых жилетов» отличалось длительностью, охватило территорию всей Франции, нашло широкую поддержку в обществе. Активное участие в движении протеста приняли представители «периферийной» – молчаливой Франции. Истоки движения надо искать в истории последних десятилетий. Оно стало результатом деиндустриализации, разрушения промышленного потенциала, деградации пространства и жизненного фиаско миллионов французов. Эти люди долгое время терпели моральные унижения, связанные с потерей хорошо оплачиваемой работы в промышленности и заменой ее негарантированной занятостью в сфере торговли и услуг.

Простого выхода из глобализации, считает Ж. Веркёй, не существует. Убеждена, простого выхода из движения «желтых жилетов» тоже нет. Это движение возникло во Франции, потому что французское общество болезненно воспринимает неравенство, не признает его легитимности. При сохранении подобных настроений перспектива возникновения новых движений протеста остается открытой.

Заключение

За прошедшие четыре десятилетия во Франции произошел переход от Второй промышленной революции к Третьей. Он был связан с внедрением информационных технологий и новейших средств коммуникации. Индустриальная модель производства сменилась постиндустриальной экономикой, французская экономика стала частью глобальной. В настоящее время французское общество находится на историческом переломе. Прежние его структуры ломаются и размываются, но не исчезают полностью, а новые пока еще не окончательно сформировались. Новое сталкивается со старым, порождая глубокий социальный стресс. Люди, проигравшие «глобальное соревнование»,

люмпенизируются, теряют веру в себя. В процветающих глобальных городах-«крепостях», несмотря на общий оптимизм победителей «глобального соревнования», накапливается страх перед новыми социальными конфликтами. В острой форме эти напряжения проявились в ходе массовых выступлений «желтых жилетов», крайне негативно воспринятых частью интеллектуального и медийного сообщества (подробнее: [Бурмо, Лапина 2019]).

Мир меняется, становится более сложным. В связи с этим перед политиками и аналитиками стоят непростые задачи. Социолог Шовель призывает политиков не бояться правды. Он во всеуслышание говорит, что отсутствие перспектив социального роста при постоянно возрастающем уровне образования населения создает опасную социально-политическую ситуацию. Молодые люди с университетским дипломом, разочаровавшиеся в жизни, – это потенциальные Раскольниковы, Нечаевы, Ставрогины. Они – прямая угроза демократии [Chauvel 2016, p. 114]. В свою очередь перед аналитическим сообществом стоит задача выработки научных методов для изучения новой меняющейся социально-политической реальности.

Библиография

Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности. Развитие капиталистической экономики в период от долгого бума до долгого спада. М.: Изд-во ВШЭ, 2014. 552 с.

Бурмо Д., Лапина Н.Ю. Движение «желтых жилетов»: Взгляд из России и Франции // Россия и современный мир. 2019. № 3. С. 37–63.

Веркёй Ж. Интервью / Взято Н.Ю. Лапиной. М., 2019. Апр. Архив автора.

Веселовский С.Я. Глобализация и проблема неравенства доходов в современном мире: Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2017. 184 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.

Клинов В.Г. Сдвиги в мировой экономике в XXI в.: Проблемы и перспективы развития // Вопросы экономики. М., 2017. № 7. С. 114–127.

Клинова М.В. Развитие промышленности и человеческого капитала во Франции // Свет и тени «эры Макрона» / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Институт Европы РАН, 2019. С. 81–85. (Доклады Института Европы, № 362).

Лапина Н.Ю. Изменение социальной структуры французского общества и проблемы формирования классового сознания: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1986. 56 с.

Лапина Н.Ю. Новая индустриальная политика и полюса конкурентоспособности во Франции // Региональное развитие и вызовы глобализации. Сборник обзоров и рефератов / Сост. и отв. ред. И.Г. Животовская, Т.В. Черноморова. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 16–43.

Лапина Н.Ю. Французское общество перед вызовами глобализации: Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2019. 50 с.

Обичкина Е.О. Социально-политический кризис во Франции: «Желтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2 (65). С. 101–135.

Рубинский Ю.И. Франция: мини- или макси-кризис? // Свет и тени «Эры Макрона» / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Институт Европы РАН, 2019. С. 8–43. (Доклады института Европы; № 362).

Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 528 с.

Artus P., Virard M.-P. La France sans ses usines. P.: Fayard, 2011. 184 p.

Baromètre de la confiance politique. Vague 10 / CEVIPOF. 2019. Jan. URL: https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr.cevipof/files/CEVIPOF_confiance_vague10-1.pdf (дата обращения: 13.07.2019).

Bockel O. Les trois France: entre périphéries et métropoles. URL: https://lvsl.fr/trois-france-entre-peripheries-metropoles/ (дата обращения: 10.02.2018).

Bost F., Messaoudi D. La désindustrialisation: Quelles réalités dans le cas français? // Revue géographique de l'Est. P., 2017. Vol. 57. N 1–2. URL: https://journals.openedition.org/rge/6333 (дата обращения: 12.07.2019).

Boyer R. Heures et malheurs de l'industrie française: 1945–1995. Essor et crise d'une variante étatique du modèle fordiste. P.: CEPREMAP, 1998 a. 39 p. (CEPREMAP Working papers; 9805).

Boyer R. La politique à l'ère de la mondialisation et de la finance: Le point sur quelques recherches régulationnistes. P.: CEPREMAP, 1998 b. 78 p. (CEPREMAP Working Papers; 9820).

Braquet L. L'économie américaine. P.: Bréal, 2010. 126 p.

Chauvel L. La spirale du déclassement. Essai sur la société des illusions. P.: Seuil, 2016. 218 p.

Chauvel L. Le destin des générations: Structrure sociale et cohortes en France du XX-e siècle aux années 2010. P.: PUF, 2002. 301 p.

Dosssier: comprendre et réussir son expatriation. URL: https://wallstreetenglish.fr/dossiers/dossier-comprendre-reussir-son-expatriation/fuite-cerveaux-en-france (дата обращения: 2.12.2019).

Eyraud F., Iribarne d' A., Maurice M. Des entreprises face aux technologies flexibles: Une analyse de la dynamique du changement // Sociologie du travail. P., 1988. N 30 (1). P. 55–77.

Fonction publique: Chiffres-clés 2018 / Ministère de l'action et des comptes publiques. URL: https://www.fonction-publique.gouv.fr/files/files/statistiques/chiffres_cles/pdf/Fiche_decideurs-2018.pdf (дата обращения: 12.07.2019).

Gauchet M. La France périphérique contre les élites. 2018. 09.03. (Les entretiens de CRE). URL: https://www.youtube.com/watch?v=_h8HeX5qXR0 (дата обращения: 12.07.2019).

Global Innovation Index 2018 // World intellectual property organization [site]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf (дата обращения: 13.07.2019).

Guénaire M. Le modèle trançais à l'épreuve de la mondialisation // Note du Cas. 2005. N 1. Sept. P. 9–17.

Guilluy Ch. Interview // Radio RCJ. 2018 a. 20.11. URL: https://www.youtube.com/watch?v=0_ZQ1tfR26o (дата обращения: 13.07.2019).

Guilluy Ch. La France périphérique: Comment on a sacrifié les classes populaires. P.; Flammarion. 2014. 185 p.

Guilluy Ch. Le crépuscule de la France d'en haut. P.: Flammarion, 2016. 272 p.

Guilluy Ch. No Society. La fin de la classe moyenne occidentale. P.: Flammarion, 2018 b. 240 p.

L'Observatoire des inégalités publie son premier rapport sur la pauvreté / Observatoire des inégalités. 2018. 11.10. URL: https://www.inegalites.fr/L-Observatoire-des-inegalites-publie-son-premier-rapport-sur-la-pauvrete (дата обращения: 5.08.2019).

La mondialisation a amené l'industrie française à se spécialiser sur ses points forts: Etude économique. P.: Ministère de l'économie et des finances, 2017. URL: https://www.entreprises.gouv.fr/files/files/directions_services/etudes-et-statistiques/4p-DGE/2017-10-4p-N76-Mondialisation.pdf (дата обращения: 5.08.2019).

La préférence française // L'OBS. P., 2019. 21–27 Nov. N 2872. P. 16.

Lapina N.Yu. Frantsuzskoe obschestvo pered vyizovami globalizatsii: Analiticheskiy obzor. M.: INION RAN, 2019. 50 p.

Le Bras H., Todd E. Le Mystère français. P.: Seuil, 2013. 336 p.

Le taux de chômage diminue de 0,3 points au quatrième trimestre 2018. INSEE. 14.02.2018. URL: insee.fr/fr/statistiques/3713743 (дата обращения: 3.03.2019).

Leroy M. Parole d'affranchi. P.: Le cherche Midi, 2011. 196 p.

Mael Th. La jeunesse «périphérique» doute de ses chances // L'OBS.P., 2019. N 2872. 21–27 Nov. P. 14.

Minc A. La mondialisation heureuse. P.: Plon, 1997. 260 p.

Mondialisation et régulations. Europe et Japon face à la singularité américaine / Sous la dir. de R. Boyer, H.-F. Souyri. P.: La Découverte, 2001. 180 p.

Mouhoud E.M. Il y a peu de relocalisations en France, car il y a peu de délocalisations: Entretien // Alternatives économiques. 2018. 23.07. URL: https://www.alternatives-economiques.fr/y-a-de-relocalisations-france-y-a-de-delocalisation/00085625 (дата обращения: 12.07.2019).

Piketty T. Vers une économie politique et historique. Reflexions sur le capital au XXI siècle // Annales. Histoire. Sciences sociales. P., 2015. N 1 (70). P. 125–138.

Piketty Th. Le capital au XXIe siècle. P.: Le Seuil, 2013. 976 p.

Recensement général de la population de 1982: Sondage au 1/4 France métropolitaine par catégorie de commune/ Institut national de la statistique et des études économiques. P.: INSEE, 1985. 213 p.

Reich R. Supercapitalisme. Le choc entre le système économique émergent et la démocratie. P.: Vuibert 2008. 288 p.

Robin J.-P. Macron va-t-il réconciler les Français avec la mondialisation? // Le Figaro. P., 2017. 27.06.

Rouban L. Le paradoxe du macronisme. P.: Presses de Sciences Po, 2018. 180 p.

Sapir J. La démondialisation. P.: Seuil, 2011. 272 p.

Une ambition pour 10 ans: Rapport de la commission pour la libération de la croissance française / Présidée par J. Attali. P.: Édition XO, 2010. 272 p.

Verceuil J. Les avatars de la mondialisation. Remarques sur quatre scénarios plausibles // Une mondialisation contrariée: L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / X. Richet, J. Vercueil (Dir.). P.: Harmattan, 2019. P. 15–32.

Wajsbrot Sh. Le rythme des fermetures d'agences bancaires doit quadrupler en France // Les Echos. P., 2018. 15.04.

References

Artus P., Virard M.-P. La France sans ses usines. P.: Fayard, 2011. 184 p.

Baromètre de la confiance politique. Vague 10 / CEVIPOF. 2019. Jan. URL: https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr.cevipof/files/CEVIPOF_confiance_vague10-1.pdf (date of access: 13.07.2019).

Bockel O. Les trois France: entre périphéries et métropoles. URL: https://lvsl.fr/trois-france-entre-peripheries-metropoles/ (date of access: 10.02.2018).

Bost F., Messaoudi D. La désindustrialisation: Quelles réalités dans le cas français? // Revue géographique de l'Est. P., 2017. Vol. 57. N 1–2. URL: https://journals.openedition.org/rge/6333 (date of access: 12.07.2019).

Boyer R. Heures et malheurs de l'industrie française: 1945–1995. Essor et crise d'une variante étatique du modèle fordiste. P.: CEPREMAP, 1998 a. 39 p. (CEPREMAP Working papers; 9805).

Boyer R. La politique à l'ère de la mondialisation et de la finance: Le point sur quelques recherches régulationnistes. P.: CEPREMAP, 1998 b. 78 p. (CEPREMAP Working Papers; 9820).

Braquet L. L'économie américaine. P.: Bréal, 2010. 126 p.

Brenner R. Jekonomika global'noj turbulentnosti. Razvitie kapitalisticheskoj jekonomiki v period ot dolgogo buma do dolgogo spada [The Economics of Global Turbulence. Development of capitalist economy from long boom to long recession]. Moscow: Izd-vo VShJe, 2014. 552 p. (In Russ.)

Burmo D., Lapina N.Ju. Dvizhenie «zheltyh zhiletov»: Vzgljad iz Rossii i Francii. Rossija i sovremennyj mir [Movement of «Yellow Vests»: View from Russia and France. Russia and the modern world]. 2019. N 3. P. 37–63. (In Russ.)

Chauvel L. La spirale du déclassement. Essai sur la société des illusions. P.: Seuil, 2016. 218 p.

Chauvel L. Le destin des générations: Structrure sociale et cohortes en France du XX-e siècle aux années 2010. P.: PUF, 2002. 301 p.

Dosssier: comprendre et réussir son expatriation. URL: https://wallstreetenglish.fr/dossiers/dossier-comprendre-reussir-son-expatriation/fuite-cerveaux-en-france (date of access: 2.12.2019).

Eyraud F., Iribarne d' A., Maurice M. Des entreprises face aux technologies flexibles: Une analyse de la dynamique du changement. Sociologie du travail. P., 1988. N 30 (1). P. 55–77.

Fonction publique: Chiffres-clés 2018 / Ministère de l'action et des comptes publiques. URL: https://www.fonction-publique.gouv.fr/files/files/statistiques/chiffres_cles/pdf/Fiche_decideurs-2018.pdf (date of access: 12.07.2019).

Gauchet M. La France périphérique contre les élites. 2018. 09.03. (Les entretiens de CRE). URL: https://www.youtube.com/watch?v=_h8HeX5qXR0 (date of access: 12.07.2019).

Global Innovation Index 2018. World intellectual property organization [site]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf (date of access: 13.07.2019).

Guénaire M. Le modèle trançais à l'épreuve de la mondialisation // Note du Cas. 2005. N 1. Sept. P. 9–17.

Guilluy Ch. Interview. Radio RCJ. 2018 a. 20.11. URL: https://www.youtube.com/watch?v=0_ZQ1tfR26o (date of access: 13.07.2019).

Guilluy Ch. La France périphérique: Comment on a sacrifié les classes populaires. P.: Flammarion. 2014. 185 p.

Guilluy Ch. Le crépuscule de la France d'en haut. P.: Flammarion, 2016. 272 p.

Guilluy Ch. No Society. La fin de la classe moyenne occidentale. P.: Flammarion, 2018 b. 240 p.

Kastel's M. Informacionnaja jepoha: Jekonomika, obshhestvo, kul'tura [Information era: Economy, society, culture.]. Moscow: GUVShE, 2000. 608 p. (In Russ.)

Klinov V.G. Sdvigi v mirovoj jekonomike v XXI v.: Problemy i perspektivy razvitija. Voprosy jekonomiki [Shifts in the world economy in the XXI century: Problems and prospects of development. Economic issues.]. 2017. N 7. P. 114–127. (In Russ.)

Klinova M.V. Razvitie promyshlennosti i chelovecheskogo kapitala vo Francii. Svet i teni «jery Makrona» [The development of industry and human capital in France. The light and shadow of the Macrone era] / Otv. red. V. Ja. Shvejcer. Moscow: IE RAN, 2019. P. 81–85. (In Russ.)

L'Observatoire des inégalités publie son premier rapport sur la pauvreté / Observatoire des inégalités. 2018. 11.10. URL: https://www.inegalites.fr/L-Observatoire-des-inegalites-publie-son-premier-rapport-sur-la-pauvrete (date of access: 5.08.2019).

La mondialisation a amené l'industrie française à se spécialiser sur ses points forts: Etude économique. P.: Ministère de l'économie et des finances, 2017. URL: https://www.entreprises.gouv.fr/files/files/directions_services/etudes-et-statistiques/4p-DGE/2017-10-4p-N76-Mondialisation.pdf (date of access: 5.08.2019).

La préférence française. L'OBS.P., 2019. 21–27 Nov. N 2872. P. 16.

Lapina N.Ju. Francuzskoe obshhestvo pered vyzovami globalizacii: Analiticheskij obzor [French society in the face of the challenges of globalization: Analytical review.]. Moscow: INION RAN, 2019. 50 p. (In Russ.)

Lapina N.Ju. Izmenenie social'noj struktury francuzskogo obshhestva i problemy formirovanija klassovogo soznanija: Nauchno-analiticheskij obzor [Changes in the social structure of French society and the problems of class consciousness formation: Scientific and analytical review]. Moscow: INION RAN, 1986. 56 p. (In Russ.)

Lapina N.Ju. Novaja industrial'naja politika i poljusa konkurentosposobnosti vo Francii. Regional'noe razvitie i vyzovy globalizacii. Sb. obzorov i referatov [The new industrial policy and the poles of competitiveness in France. Regional development and the challenges of globalization. Collection of reviews and abstracts] / Sost. i otv. red. I.G. Zhivotovskaja, T.V. Chernomorova. Moscow: INION RAN, 2010. P. 16–43. (In Russ.)

Lapina N.Yu. Frantsuzskoe obschestvo pered vyizovami globalizatsii: Analiticheskiy obzor. M.: INION RAN, 2019. 50 p.

Le Bras H., Todd E. Le Mystère français. P.: Seuil, 2013. 336 p.

Le taux de chômage diminue de 0,3 points au quatrième trimestre 2018. INSEE. 14.02.2018. – URL: insee.fr/fr/statistiques/3713743 (date of access: 3.03.2019).

Leroy M. Parole d'affranchi. P.: Le cherche Midi, 2011. 196 p.

Mael Th. La jeunesse «périphérique» doute de ses chances. L'OBS.P., 2019. N 2872. 21–27 Nov. P. 14.

Minc A. La mondialisation heureuse. P.: Plon, 1997. 260 p.

Mondialisation et régulations. Europe et Japon face à la singularité américaine / Sous la dir. de R. Boyer, H.-F. Souyri. P.: La Découverte, 2001. 180 p.

Mouhoud E.M. Il y a peu de relocalisations en France, car il y a peu de délocalisations: Entretien. Alternatives économiques. 2018. 23.07. URL: https://www.alternatives-economiques.fr/y-a-de-relocalisations-france-y-a-de-delocalisation/00085625 (date of access: 12.07.2019).

Obichkina E.O. Social'no-politicheskij krizis vo Francii: «Zheltye zhilety» i zavershenie «pervoj fazy» pravlenija Je. Makrona. Vestnik MGIMO-Universiteta [Socio-political crisis in France: «Yellow Vests» and the end of the «first phase» of E. Makron's rule. MGIMO-University Newsletter.]. 2019. N 2 (65). P. 101–135. (In Russ.)

Piketty T. Vers une économie politique et historique. Reflexions sur le capital au XXI siècle. Annales. Histoire. Sciences sociales. P., 2015. N 1 (70). P. 125–138.

Piketty Th. Le capital au XXIe siècle. P.: Le Seuil, 2013. 976 p.

Recensement général de la population de 1982: Sondage au 1/4 France métropolitaine par catégorie de commune / Institut national de la statistique et des études économiques. P.: INSEE, 1985. 213 p.

Reich R. Supercapitalisme. Le choc entre le système économique émergent et la démocratie. P.: Vuibert 2008. 288 p.

Robin J.-P. Macron va-t-il réconciler les Français avec la mondialisation? // Le Figaro. P., 2017. 27.06.

Rouban L. Le paradoxe du macronisme. P.: Presses de Sciences Po, 2018. 180 p.

Rubinskij Ju.I. Francija: mini- ili maksi-krizis? Svet i teni «Jery Makrona» [France: mini or maxi crisis? Lights and shadows of the Macrone Era] / Otv. red. V. Ja. Shvejcer. Moscow: IE RAN, 2019. P. 8–43. (In Russ.)

Sapir J. La démondialisation. P.: Seuil, 2011. 272 p.

Shkaratan O.I. Sociologija neravenstva. Teorija i real'nost' [Sociology of inequality. Theory and Reality]. Moscow: NIU VShE, 2011. 528 p. (In Russ.)

Une ambition pour 10 ans: Rapport de la commission pour la libération de la croissance française / Présidée par J. Attali. P.: Édition XO, 2010. 272 p.

Verceuil J. Les avatars de la mondialisation. Remarques sur quatre scénarios plausibles. Une mondialisation contrariée: L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / X. Richet, J. Vercueil (Dir.). P.: Harmattan, 2019. P. 15–32.

Verkëj Zh. Interv'ju / Vzjato N.Ju. Lapinoj [Interview / Taken by N.Yu. Lapina]. M., 2019. Apr. Arhiv avtora. (In Russ.)

Veselovskij S.Ja. Globalizacija i problema neravenstva dohodov v sovremennom mire: Analiticheskij obzor [Globalization and the problem of income inequality in today's world: Analytical review.]. Moscow: INION RAN, 2017. 184 p. (In Russ.)

Wajsbrot Sh. Le rythme des fermetures d'agences bancaires doit quadrupler en France. Les Echos. P., 2018. 15.04.

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.12

А.В. Белинский

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ: КАК ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМ УНИЧТОЖАЮТ НЕМЕЦКИЙ СРЕДНИЙ КЛАСС

Аннотация. *В статье рассматривается судьба среднего класса ФРГ в эпоху глобализации и неолиберализма. Особое внимание уделяется тому, что своему расцвету в 1950–1970-х годах он обязан трем факторам: 1) созданию после Второй мировой войны государства всеобщего благоденствия; 2) благоприятной экономической конъюнктуре; 3) противостоянию Запада и стран соцлагеря. Начавшийся процесс глобализации и распада Советского Союза в 1991 г. стали первым ударом по благосостоянию среднего класса в Германии. В условиях экономического спада и открытия новых рынков в Восточной Азии, Латинской Америке и других регионах немецкие концерны начали вывод производства в развивающиеся страны. Вследствие этого многие немцы либо лишились работы, либо были вынуждены согласиться на сокращение своих доходов. В особенно тяжелом положении оказались «новые» федеральные земли на Востоке страны, которые тяжело пережили разрыв хозяйственных связей со странами бывшего соцлагеря и вхождение в рыночную экономику. Параллельно с этим шел процесс прекаризации труда, который означал замену традиционных трудовых отношений краткосрочными контрактами, стажировками и т.д. После того как правительством канцлера Г. Шрёдера была начата реформа рынка труда («Agenda 2010»), этот процесс, получив законодательное оформление, ускорился. В статье делается вывод о продолжении процесса сокращения среднего класса, что будет способствовать его политической радикализации.*

Ключевые слова: *средний класс; Федеративная Республика Германия; глобализация; неолиберализм; прекаризация труда.*

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: belinskii_andrei@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-3240–2020

Belinsky A.V. **Expulsion From the Paradise: How Globalization and Neoliberalism are Destroying the German Middle Class**

Abstract. *Analyzing the fate of the middle class in today's Federal Republic of Germany, the author attributes its prosperity in the 1950 s and 1970 s to three factors: 1) the welfare state that was established after World War II, 2) a favorable economic situation, and 3) the confrontation between the West and the Soviet bloc. However, the collapse of the Soviet Union in 1991 and the advent of globalization launched the processes that gradually undermined the well-being of the middle class in Germany. The economic slowdown and the opening up of new markets in East Asia, Latin America and other regions prompted German companies to move production to developing countries. As a result, many Germans either lost their jobs or were forced to accept stagnation or reduction in their income. At the same time, the «new federal» lands in the East of the country had quite a hard time due to the severance of their economic relations with the former Soviet bloc and the advent of market economy. Concurrently, underway was the process of labor precarization that entailed the replacement of traditional labor relations with short-term contracts, internships, etc. After the labor market reforms initiated by the government of Chancellor Gerhard Schroeder (Agenda 2010), this process accelerated. It is concluded that these processes will further deplete the middle class of Germany, thereby contributing to its political radicalization.*

Keywords: *middle class; the Federal Republic of Germany; globalization; neoliberalism, precarization of labor.*

Belinsky Andrey Victorovich – Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow. E-mail: belinskii_andrei@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-3240–2020

«Благосостояние для всех» («Wohlstand für alle» – так называлась нашумевшая книга отца «немецкого экономического чуда» Людвига Эрхарда[1]) – стало фактически символом веры восставшей в буквальном смысле из руин ФРГ. Разработанная еще в годы Второй мировой войны модель социального рыночного хозяйства – «рейнский капитализм» – базировалась на трех китах: 1) рыночная экономика и свобода конкуренции как противовес централизованному планированию; 2) умеренное государственное вмешательство

1. Людвиг Эрхард (1897–1977) – немецкий экономист и политик. В межвоенный период работал в Нюрнбергском институте экономических исследований, занимался вопросами функционирования рыночной экономики. После войны он стал автором денежной реформы 1948 г., которая позволила ликвидировать инфляцию и «черный рынок». На посту министра экономики провел ряд важных реформ, обеспечивших подъем западногерманской экономики. С 1963 по 1966 г. занимал пост федерального канцлера ФРГ.

(выработка правовых рамок, борьба с монополизмом, посредничество между профсоюзами и бизнесом); 3) активное проведение в жизнь социальных реформ, направленных на то, чтобы придать капитализму «человеческое лицо», а рядовым гражданам обеспечить достойное существование. Именно сочетание преимуществ рынка с социальной поддержкой, помноженные на традиционное немецкое трудолюбие и внешнюю конъюнктуру (план Маршалла, высокий спрос на немецкие товары) создали благоприятную почву для формирования массового среднего класса, который к середине 1970-х годов составлял около 60–65% населения, что позволило социологу Г. Щельски определить ФРГ как «общество среднего класса».

О том, как в реальности шло становление среднего класса в «золотые» для Боннской республики 1950–1960-е годы, опираясь на личный опыт, описал Даниэль Гоффарт, автор книги «Средний класс. Исчезающая модель»: «Мой отец (1933 г.р.) в годы военных потрясений был вынужден постоянно покидать школу, однако после войны он сумел выучиться на механика, затем – благодаря вечерней школе и прилежанию – на чертежника, а потом стал конструктором-машиностроителем на дочернем предприятии всемирно известной фирмы “Бош”. Эта типичное для их поколения стремление пробиться наверх проявляла и моя мать (1936 г.р.). Она выучилась на продавщицу и поначалу работала в отделе заработной платы кондитерской фабрики. […] В конце концов она нашла работу своей мечты в должности руководительницы бюро одного профессора английского языка Ахенского университета» [Goffart 2019, S. 28–29]. И действительно, образование и воля, бережливость и упорный труд дали тогда возможность миллионам западных немцев влиться в ряды среднего класса, непременными атрибутами которого были собственный «Фольксваген», домик с садом, ежегодная поездка в Италию.

Однако спустя 70 лет с момента основания ФРГ от этой благостной картины не осталось и следа. Уже упомянутый выше Д. Гоффарт пишет: «Моя 45-летняя подруга является по профессии чертежником. […] Ее зарплата после выплаты всех налогов едва превышает 2100 евро – больше в отрасли не платят. […] Моя подруга не водит машину, у нее нет дорогого хобби. Свой отпуск она проводит достаточно скромно» [Goffart 2019, S. 32]. Этот резкий контраст между эпохой его родителей и современностью неизбежно порождает два взаимосвязанных вопроса: 1. В какой степени картина, нарисованная Гоффартом, соответствует нынешним реалиям ФРГ? 2. И если его тезис верен, то почему средний класс, некогда опора и гордость немецкого общества, теперь стремительно сокращается?

Чтобы ответить на первый вопрос, нужно, прежде всего, внести ясность относительно того, что представляет собой средний класс и какие слои населения могут быть отнесены к нему. Давая определение термину «средний класс», мы руководствовались критериями, которые были разработаны Орга-

низацией по безопасности и сотрудничеству в Европе. В соответствии с ними к нижним слоям общества относятся граждане, чьи доходы составляют меньше 70% медианного показателя, к среднему классу – от 70 до 150%, к высшему классу – от 150% [Grabka, Frick 2008, S. 103].

Если еще в 1992 г., по данным Немецкого института экономических исследований (НИЭИ), удельная доля среднего класса составляла 62% населения (49 млн человек), то с начала 2000-х годов наметилась тенденция к его сокращению. К настоящему времени средний класс сократился до 54% (44 млн человек) [Grabka, Frick 2008]. При этом больше всего пострадал средний слой среднего класса (90–110% дохода от медианы), который потерял около 5% своей численности. На фоне растущей поляризации общества средний класс фрагментировался. По данным всё того же исследования, с начала 2000-х годов немецкий нижний класс увеличился на 7%, достигнув 25% населения страны [Grabka, Frick 2008].

В последние 30 лет внутри среднего класса нарастал страх утраты своего социального статуса, о чем свидетельствуют данные НИЭИ. Основываясь на результатах проводившихся в 1984–2014 гг. социологических опросов, эксперты пришли к выводу о том, что с начала 1990-х годов во всех слоях немецкого общества глубоко укоренилась тревога относительно своего будущего [Lengfeld, Ordemann 2016, S. 14]. И хотя с середины 2006–2007 гг. фрустрация общества в связи с уменьшением безработицы и благоприятной экономической конъюнктурой несколько сократилась, авторы доклада далеки от оптимизма.

Большой интерес представляет исследование профессора Свободного университета Берлина Тимма Бёнке, который занимался изучением биографий западных немцев 1935–1972 г.р. и пришел к интересным выводам. Трудовой путь родившихся в 1935–1950 гг. сопровождался ростом заработной платы и общего благосостояния независимо от социального происхождения. Усиление социального расслоения началось в конце 1970-х – начале 1980-х годов (1950 г.р.). Доходы верхнего класса продолжали расти, тогда как у представителей средних и нижних слоев западногерманского общества доходы стагнировали. Еще более безрадостной выглядит картина для немцев, родившихся после 1965 г. По сравнению с поколением родителей их доходы сокращаются, а поддерживать прежний социальный статус становится всё сложнее [Goffart 2019, S. 33–34].

Все эти исследования сходятся в одном: немецкий средний класс, являвшийся до недавнего времени наряду с «Mercedes» и национальной сборной по футболу визитной карточкой страны, теперь медленно, но неуклонно, размывается. Построенный в 1950–1960-х годах в Западной Германии «рай» для немецкого среднего класса оказался по историческим меркам относительно

недолговечным, и средний класс, подобно прародителю человечества Адаму, был изгнан оттуда и обречен на мучения и тяжелый труд.

Великий исход и судьба маленького человека

Парадокс ли это или злая ирония истории, но именно удачное включение флагманов немецкой индустрии в процесс глобализации подчас оборачивалось трагедией и крахом жизненных надежд для десятков тысяч людей. «Если бы я сегодня принимал решение относительно размещения нашего завода в Раштатте (Баден-Вюртемберг), – заявил член правления концерна "Даймлер-Бенц" Эдцард Рейтер, – то я бы не выбрал Германию в качестве места его строительства» [«Der Exodus…» 1992, S. 89]. А скачкообразный рост инвестиций немецких фирм в экономику зарубежных стран с 16,4 млрд в 1986 г. до 29,8 млрд немецких марок в 1992 г. служил яркой иллюстрацией его слов [«Der Exodus…» 1992, S. 90].

С начала 1990-х годов предприятия ФРГ, подобно перелетным птицам, стремящимся переждать суровую зиму на юге, устремились в Китай, Латинскую Америку, Юго-Восточную Азию. Это было связано с рядом причин. Во-первых, включение в процесс глобализации КНР и ряда других стран Азии (Южная Корея, Индонезия, Малайзия) с их низкими налогами, отсутствием профсоюзов и, главное, практически неисчерпаемой и дешевой рабочей силой превратили Азиатский регион в Мекку для иностранных инвесторов. Во-вторых, сокращение инновационных циклов требовало от производителей максимизации прибыли, что в узких рамках национальной экономики было невозможно[2]. «Участвующая в конкуренции фирма может быть успешной только тогда, когда она сохраняет ведущие позиции на одном, а лучше на двух рынках триады (Европа, США, Япония)», – заявил еще в 1989 г. Карл-Хайнц Каске, председатель правления «Siemens AG» [Müller, Kornmeier 2001, S. 6].

И наконец, в-третьих, свою роль сыграла и недальновидная политика правительства Г. Коля, а затем Г. Шрёдера и А. Меркель. Стремясь обеспечить ФРГ достойное «место под солнцем», немецкие политики видели своей первоочередной задачей поддержку крупных предприятий. Что касается возможной потери миллионов рабочих мест, то в среде политического истеб-

2. Если раньше определенная модель автомобиля или телефона могла с небольшими модификациями успешно продаваться на рынке в течение нескольких лет, то ускорение технического прогресса привело к тому, что в настоящее время товары быстро вытесняются более совершенными моделями. В этих условиях производители стремятся к максимальному увеличению прибыли в короткий срок, что заставляет их искать новые рынки сбыта и удешевлять производство.

лишмента господствовала уверенность в том, что сектор услуг сможет компенсировать потери в традиционных областях экономики.

Именно поэтому в конфликте труда и капитала правительство, руководствуясь принципом «что хорошо для бизнеса, то хорошо и для страны», однозначно встало на сторону капитала. В ответ на требования профсоюзов федеральный канцлер Г. Коль заявил, что «1992 не является годом борьбы за распределение доходов» [«Der Exodus…» 1992, S. 89]. Именно при нем в 1995 г. ФРГ вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО), которая раздвинула горизонты для гигантов немецкой индустрии.

История встраивания немецкой экономики в процесс глобализации лучше всего просматривается на примере «Volkswagen», одного из крупнейших мировых автоконцернов. Если до начала 1990-х годов. основные производственные мощности компании располагались на территории страны (г. Вольфсбург), то со вступлением в открытую экономику руководство концерна открыло завод в Лиссабоне (1992), а в 1992–1993 гг. «Volkswagen» начал активно проникать в Восточную Азию. В настоящий момент из 99 заводов по производству и сборке концерна только 28 находятся на территории Германии; остальные расположены в Северной и Южной Америке, Индии, Китае. По такому же пути пошли «Siemens», «BASF», «Mercedes». Однако то что принесло флагманам немецкой индустрии баснословные прибыли, для части среднего класса обернулось трагедией. Три гиганта химической промышленности – Hoechst, Bayer и BASF – «сообщили в 1995 г. о самых высоких прибылях за всю историю их существования. Но одновременно они проводили в Германии дальнейшее сокращение штатов, урезав 150 000 рабочих мест за предыдущие годы» [Мартин, Шуман 2001, с. 131].

Если автомобильная промышленность, машиностроение, электроника, несмотря на первоначальные трудности, успешно вписались в новую глобальную экономику, то совсем иным образом обстояло дело в текстильной и металлургической промышленности. В жестких условиях конкуренции с китайскими, индийскими и турецкими производителями, которые компенсировали не всегда высокое качество своих товаров дешевизной и количеством, немецкие фирмы вынуждены были либо сворачивать производство, либо выносить его за пределы страны. «В текстильной индустрии всех федеральных земель […] в период с 1995 по 2007 г. наблюдалась тенденция к сокращению числа занятых. Так, в этот период в ключевых для отрасли регионах – Северном Рейн–Вестфалии, Баден-Вюртемберге, Баварии – объемы занятости сократились примерно на 50%. Соответственно, в Баден-Вюртемберге и Северном Рейн–Вестфалии объемы производства сократились на 30%, в Баварии примерно на 10%», – отмечается в специальном докладе Фонда Ханса Беклера [Krippendorf, Holst, Richter 2009, S. 8].

Примерно такая же ситуация сложилась и в металлургической промышленности, которая также серьезно пострадала в это время. Вследствие делокализации производства, закрытия предприятий, конкуренции со стороны иностранных, в первую очередь китайских, производителей или обесценивания навыков вследствие структурных изменений в экономике (закрытие шахт, автоматизация производства и т.д.) многие представители среднего класса оказались в буквальном смысле на обочине жизни.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО РАБОЧИХ МЕСТ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ПОТЕРЯННЫХ ВСЛЕДСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ С 1991 ПО 2010 г. (в %)

Страна	*Число рабочих мест, потерянных вследствие глобализации*
Соединенное Королевство	-41,1
Япония	-32,3
ФРГ	-30,7
США	-28,7
Франция	-28,6
Швеция	-24,2
Южная Корея	-21,9
Италия	-16,7
Испания	-9,1

Источник: [Bost 2017].

Трудовой контракт как привилегия

Если глобализация с ее негативными последствиями (делокализация, разорение фирм) стала первым сильным ударом по благополучию немецкого среднего класса, то вторым, безусловно, является прекаризация рынка труда ФРГ. Конечно, сезонная работа, срочный договор и другие формы занятости существовали и раньше, однако именно с середины 1990-х годов прекаризация трудовых отношений стала приобретать всё более угрожающие масштабы. В условиях жесткой конкуренции и наметившегося экономического спада многие фирмы, стремясь оптимизировать свои расходы, начали переводить часть персонала на аутсорсинг, либо нанимать новых сотрудников на временную работу. Это позволяло предприятиям существенно занижать стоимость рабочей силы, что не могло не сказаться на положении представителей среднего класса, которому всё сложнее становилось поддерживать прежний уровень жизни.

Решающий шаг в процессе распространения нестандартных трудовых отношений на новые группы занятых был сделан в годы правления канцлера Г. Шрёдера (1998–2005). Столкнувшись с небывалой с момента окончания Второй мировой войны безработицей, которая в 2005 г. достигла 5 млн человек

[Шрёдер 2007, с. 371], правящая «красно-зеленая» коалиция пошла на радикальные меры по реформированию рынка труда. В марте 2003 г. правительство представило пакет реформ («Agenda 2010»), который и определил контуры трансформации трудовых отношений на ближайшие 15 лет. Основные положения реформы выглядели следующим образом.

- Создание агентств занятости (Job center), которые должны бороться с безработицей.
- Объединение социальной помощи и пособия по безработице, что позволило федеральному правительству сократить социальные расходы.
- Принятие жестких санкций в отношении тех, кто отказывался от предложенной агентством работы.
- Либерализация рынка труда посредством снятия ограничений на заключение краткосрочных трудовых договоров, распространение аутсорсинга, смягчение закона о защите от необоснованного увольнения.

Плоды начатой Г. Шрёдером[3] и продолженной А. Меркель реформы были неоднозначно оценены как обществом, так и экспертами. С одной стороны, «Agenda 2010» действительно способствовала резкому снижению безработицы – с 11,7% в 2005 до 5% в 2019 г. [Arbeitslosenquote 2020]. С другой стороны, реформа дорого стоила обществу и привела к дальнейшей прекаризации рынка труда, которая к настоящему времени распространяется, по самым скромным подсчетам, на 12% (4 млн) трудоспособного населения [Diekmann 2018]. Процесс размывания традиционных трудовых отношений самым негативным образом сказался на положении среднего класса. Во-первых, система краткосрочных трудовых договоров, аутсорсинга и временной занятости для молодых специалистов позволила бизнесу существенно сократить расходы на зарплату в ряде отраслей, не снижая при этом нагрузки. Следствием этого стал стремительный рост низкооплачиваемого сектора, который на сегодняшний день охватывает 22,7% рабочих мест [Kaiser 2019]. Во-вторых, прекаризация неизбежно ведет к атомизации общества, ослабляя тем самым профсоюзы и давая работодателю возможность навязывать свои условия. В-третьих, постоянная смена работы, а зачастую – и смена места работы, отсутствие уверенности в будущем препятствуют стратегическому планированию жизни и созданию семьи, что в долгосрочной перспективе будет иметь негативные последствия как для самих представителей среднего класса, так и для страны в целом (демографические проблемы, проблемы пенсионной системы).

3. Самому Г. Шрёдеру реформа принесла прозвище «товарищ боссов» (нем.: Genosse der Bosse), а СДПГ – отток членов партии и потери на выборах. Если в 2005 г. социал-демократы на парламентских выборах получили 34,2%, то в 2017 г. партия сумела заручиться поддержкой только 20,5% избирателей.

В особенно тяжелых условиях оказалась молодежь, которой в отличие от поколения родителей, уже имевших опыт работы, связи, определенное положение в обществе, приходилось начинать трудовую жизнь на значительно менее выгодных условиях. При этом зачастую речь идет о высококвалифицированных специалистах, обладающих одним или двумя университетскими дипломами, знанием нескольких иностранных языков, прошедших практику за рубежом. В 2006 г. гамбургский журнал «Der Spiegel» опубликовал большой репортаж, посвященный положению немецкой молодежи. Истории, представленные в нем, напоминают «маленькие трагедии», а слившись воедино – трагедию «потерянного поколения», потерянного уже не на полях Вердена или Фландрии, а в битве за построение глобальной экономики. Приведем лишь некоторые выдержки из этой статьи: «31-летняя дипломированная дизайнер (Кристин Беккер. – *А. Б.*) уже второй раз проходит шестимесячную практику после завершения образования в Веймаре. В настоящее время она получает 400 евро в месяц за работу в рекламном агентстве» [Auf Nummer 2006, S. 46]. Чтобы сводить концы с концами она вынуждена постоянно обращаться за помощью к родителям, которые оказывают ей финансовую помощь, оплачивают ее медицинскую страховку и т.д. Даже те профессии, которые раньше позволяли выпускникам немецких университетов с уверенностью смотреть в будущее (архитектор, врач), теперь не могут дать такой гарантии. «Раньше терпели многое, поскольку знали, что это временные трудности. Однако сейчас всё не так. Врачи не знают, что с ними будет», – говорит Йорг-Дитрих Хоппе, президент Федеральной медицинской ассоциация Германии [Auf Nummer 2006, S. 47].

Глобализация и динамика изменений в экономике требуют от молодежи гибкости, готовности менять как место работы, так и специальность, однако дают мало перспектив для успешного построения карьеры и вхождения в ряды среднего класса. Временные рабочие места, краткосрочные контракты и необходимость постоянно менять место работы не дают возможности не только стратегически планировать свою жизнь, но и завести семью. По данным исследования Фонда Роберта Боша, 57% бездетных немцев в возрасте от 20 до 49 лет заявили, что им требуются надежное рабочее место, чтобы завести детей [Auf Nummer 2006, S. 49].

Выжженные ландшафты

Если процесс включения в глобализацию на Западе страны был весьма болезненным для среднего класса, то в «новых» федеральных землях он зачастую приобретал характер катастрофы. Эйфория от падения Берлинской стены осенью 1989 г. и долгожданного объединения Германии быстро улеглась, а обещанные Г. Колем «цветущие ландшафты» (нем: Blühende Land-

schaften) так и остались невыполненным обещанием, о котором главе правительства постоянно напоминали политические оппоненты и журналисты. И действительно, воссоединение ФРГ и ГДР не только не привело к повышению уровня жизни «новых» федеральных земель, но стало сильнейшим ударом по экономике, а вместе с ней и по восточногерманскому среднему классу. Анализируя восточную политику федерального правительства, можно прийти к выводу, что она представляла собой смесь некомпетентности и доктринерства западногерманских политиков, алчности капитанов индустрии и неблагоприятных объективных обстоятельств.

Планируя процесс объединения двух государств, канцлер и его окружение делали упор скорее на создание необходимых внешнеполитических условий (переговоры с четырьмя державами-победительницами, купирование возможных территориальных споров с Чехословакией и Польшей) по наполеоновскому принципу «On s'engage et puis on voit» (Надо ввязаться в бой, а потом будет видно)[4]. «По причине тотальной неосведомленности Г. Коль мог позволить себе разглагольствовать о “цветущих ландшафтах”, а его министр финансов верил, будто всё можно будет профинансировать из заначки на черный день», – отмечал впоследствии в своих мемуарах преемник Г. Коля на посту федерального канцлера Герхард Шрёдер [Шрёдер 2007, с. 54].

Масштабная приватизация и открытие Восточной Германии холодным ветрам глобализации привели к закрытию десятков предприятий, которые не смогли приспособиться к работе в новых условиях. Изначальные планы Бонна, направленные на приватизацию государственных предприятий и формирование слоя мелких и средних собственников, быстро разбились о реальность. Как отмечает российский исследователь М.В. Хорольская (ИМЭМО РАН), порядка 80% восточногерманских предприятий перешли в руки западногерманских компаний, еще 14% были выкуплены иностранцами [Хорольская 2019, с. 87]. Однако новые хозяева в силу разных причин не спешили вкладывать средства в доставшиеся им почти за бесценок предприятия[5]. С одной стороны, сказывалось желание западногерманских бизнесменов устранить своих конкурентов, а с другой – сложившаяся ситуация объяснялась структурными проблемами экономики новых федеральных земель, которые достались

4. Проводя политику скорейшего объединения страны, Г. Коль руководствовался двумя мотивами. С одной стороны, он полагал, что промедление в этом вопросе может привести к тому, что открывшееся в 1989 г. «окно возможностей» может так же быстро закрыться. С другой стороны, большое влияние на действия канцлера оказали падение его популярности в обществе и рост недовольства в партийных кругах.

5. Очень часто западногерманские промышленники покупали предприятия на Востоке страны только для того, чтобы получить налоговые преференции правительства.

в наследство от канувшего в лету «первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле». Среди наиболее значимых: износ оборудования многих предприятий; бегство на Запад сотен тысяч людей, включая высококвалифицированных специалистов (инженеры, техники, предприниматели); медленное внедрение новых технологий в бюрократизированную экономику ГДР и отсутствие конкуренции. В этих условиях многие бизнесмены, получившие активы на Востоке страны, предпочитали закрывать предприятия вместо того, чтобы инвестировать в них. По данным М.В. Хорольской, только с 1990 по 1994 г. в «…новых землях 3718 восточногерманских предприятий были ликвидированы, 6546 приватизированы и 1588 реприватизированы» [Хорольская 2019, с. 86]. Переход к рынку сильно ударил даже по таким достаточно крупным предприятиям как судостроительные верфи в Ростоке или «Автомобильный завод Заксенринг» (Цвикау), производивший знаменитые «Трабанты».

Пустые глазницы заводских окон, заброшенные ангары и цеха, обветшавшие и покосившиеся дома… Именно так выглядели многие восточногерманские городки и поселения спустя несколько лет после объединения страны. Именно такую картину автор наблюдал в небольшом саксонском городке Эберсбах, расположенном на границе с Чехией. Являвшийся в годы существования ГДР одним из центров текстильной промышленности страны город болезненно пережил воссоединение двух немецких государств. Не вписавшиеся в новую реальность фабрики были закрыты, а сам Эберсбах стал приходить в упадок. Подобно человеку, у которого стремительно уходит почва из-под ног на болотистой местности, восточногерманский средний класс вместе с крушением промышленности лишился своего основного источника благосостояния. Следствием деиндустриализации стала массовая безработица в новых федеральных землях, которая к 1994 г. достигла небывалой с момента окончания Второй мировой войны отметки в 18%. «Нищета затронула все поколения, хотя пожилые получили более высокие пенсии. Все товары подорожали. Людей среднего возраста терзала безработица, молодежь – отсутствие перспектив», – писал журнал «Шпигель» [«Ernstes…» 1992, S. 20].

Таблица 2

ДИНАМИКА БЕЗРАБОТИЦЫ В ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЛЯХ С 1991 ПО 2008 г. (в %)

Год	*1991*	*1995*	*2000*	*2005*	*2008*
Новые федеральные земли	10,2	14,8	18,5	20,6	14,7
Старые федеральные земли	6,2	9,1	8,4	13	7,2
ФРГ	7,3	10,4	10,7	11	8,7

Источник: [Booth, 2010].

На кризис восточногерманской промышленности наложилась социальная политика федерального правительства в новых федеральных землях. Исходя из прочно укоренившегося еще в 1950-х годах в сознании западных немцев представления о ГДР как об обществе «палачей, жертв и попутчиков», новые власти начали активно расчищать авгиевы конюшни, увольняя всех «политически неблагонадежных». Жертвами «чисток» стали не только партийные функционеры и чиновники, сотрудники «штази» и военные. Потеряли свою работу, а вместе с ней и социальный статус, тысячи преподавателей школ, университетов, сотрудников Академии наук[6]. И хотя правительство Г. Коля (а затем и его преемники Г. Шрёдер и А. Меркель) вкладывали миллиарды в развитие восточных земель, воссоздать многочисленный средний класс времен ГДР не удалось. Как свидетельствует статистика, безработица в восточных землях выше, чем на западе страны, а многие районы Восточной Германии по-прежнему остаются зоной застойной бедности. Причины перманентного отставания восточных федеральных земель (а значит и относительной бедности населения) обусловлены следующими факторами: оттоком части молодежи на Запад[7], старением населения, его низкой плотностью и рассеянностью на большой территории, которые затрудняют создание крупных предприятий, а вместе с ними и точек роста среднего класса[8].

Ставшие почти частью повседневности насмешки западных немцев над якобы «ленивыми» и «вечно ноющими» «осси» не могут скрыть от проницательного наблюдателя тот факт, что и в «старой» ФРГ некогда обширный средний класс медленно, но верно вымывается глобализацией. «В консультациях по задолженностям “Каритаса”[9] и благотворительных организациях всё чаще появляется новый тип клиентов, который еще недавно там было невозможно встретить: отцы семейств, которые когда-то зарабатывали от 7000 до 9000 марок», – отмечал «Шпигель» в 1992 г. [«Der Exodus…» 1992, S. 88].

6. По данным, которые приводит историк А.Ю. Ватлин, только одна десятая доля высшего слоя бывшей ГДР (директора фабрик, журналисты, артисты) сумела после объединения страны сохранить свой социальный статус [Ватлин 2002, с. 281–282].

7. Эта проблема приобрела такой масштаб, что власти НФЗ даже ввели денежные премии для вернувшихся на малую родину жителей [Mallwitz 2015].

8. Анклавами экономического благополучия и развития в Восточной Германии являются крупные городские агломерации: Йена (Карл Цейс), Дрезден (Силиконовая долина), Лейпциг (BMW, Siemens) [Atlas 2013, S. 27].

9. «Каритас» – сеть католических благотворительных организаций, действующая в 198 странах мира.

Скрипач не нужен?

Возникший после Второй мировой войны западногерманский средний класс был обязан своим развитием и благосостоянием удачному стечению целого ряда обстоятельств, как внутри-, так и внешнеполитического характера. Удачная внешнеэкономическая конъюнктура, план Маршалла и стремление политической элиты поддерживать социальный мир в стране обеспечивали миллионам немцев достойное существование на протяжении почти полувека. Однако начавшаяся глобализация и крах Восточного блока поставили под вопрос само существование среднего класса.

Особенность немецкой модели вхождения в глобализацию заключается в том, что ее экономика (в первую очередь такие передовые отрасли, как автомобилестроение и машиностроение), в отличие от утративших значительную часть своей промышленности Франции и Великобритании, сумела занять «достойное место под солнцем», обретя в развивающихся странах новые рынки сбыта и дешевую рабочую силу. Однако цена этого успеха оказалось достаточно высокой. Часть среднего класса стала «лишней», потеряв и свой социальный статус, и работу. Впрочем, тренд к его сокращению, как показал известный экономист Т. Пикетти, наблюдается практически во всех странах с развитой экономикой.

Социальная политика правительства Г. Шрёдера, продолженная нынешним канцлером, была формально направлена на сокращение безработицы путем либерализации рынка труда. Однако в реальности ее выгодоприобретателем стал крупный бизнес, получивший возможность пользоваться услугами высококвалифицированной рабочей силы по заниженной стоимости. Но и тем, кто сумел «удержаться на плаву», приходится бороться за свое «место под солнцем». Налоги, высокие цены на жилье и надвигающаяся четвертая промышленная революция[10] грозят превратить вчерашних победителей в проигравших. О том, в какой напряженной атмосфере приходится жить представителям средних слоев ФРГ, красноречивее всего свидетельствует возросшее за 2000-е годы на 61% число обращений немцев к психотерапевтам [Immer mehr… 2007].

Какие же последствия будет иметь сокращение среднего класса, этой основы общества как для либеральной демократии, так и для Германии в целом? До недавнего времени «народным» партиям, ХДС / ХСС и СДПГ, несмотря по постоянную потерю голосов на выборах удавалось контролировать ситуацию и создавать дееспособные правительства. Во многом это

10. Четвертая промышленная революция (англ. The Fourth Industrial Revolution) – прогнозируемое рядом экспертов и ученых массовое внедрение искусственного интеллекта в различные сферы, которое полностью изменит жизнь человечества.

объяснялось тем, что сокращение среднего класса шло несколько иным путем, чем в других странах. Если в соседней Франции сохранявшаяся на протяжении многих лет высокая безработица (8–10%) подтолкнула часть граждан к голосованию за праворадикальное «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт») или проведению акций протеста (движение «желтых жилетов»), то в Германии прекаризация до поры до времени несколько сглаживала социальные противоречия, давая людям минимальный заработок. Однако и здесь постепенно накапливалась критическая масса, которая рано или поздно должно была дать знать о себе. По данным последних социологических опросов, 90% немцев беспокоит растущее социальное неравенство, а для 70% обнищание представляет серьезную общественную проблему [Eppelsheim, Jaeger 2019].

Появление на политической сцене «Альтернативы для Германии» и начавшийся летом 2015 г. миграционный кризис стали той соломинкой, которая переломила хребет верблюду. Победное шествие праворадикальных популистов по ландтагам и третье место на выборах в Бундестаг (2017) были во многом обеспечены голосами нижней части среднего класса, которая обеспокоена своим будущим.

Таблица 3

СРАВНЕНИЕ ПОСТРАДАВШИХ ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ ГЕРМАНИИ И РЕЗУЛЬТАТОВ «АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ ГЕРМАНИИ» НА ВЫБОРАХ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ (МАЙ 2019)*

Регион (город, коммуна)	*Результат «Альтернативы для Германии», в %*
Кузель (Рейнланд-Пфальц)	14,9
Леверкузен (Северный Рейн–Вестфалия)	9,4
Юго-западный Пфальц (Рейнланд-Пфальц)	12,5
Вуппераль (Северный Рейн–Вестфалия)	9,8
Херне (Северный Рейн–Вестфалия)	13,2
Дуйсбург (Северный Рейн–Вестфалия)	12
Гельзенкирхен (Северный Рейн–Вестфалия)	16,4
Гёрлиц (Саксония)	32,4
Саксонская Швейцария – Восточные Рудные Горы (Саксония)	32,9
Укермарк (Мекленбург – Передняя Померания)	20,8

* Таблица составлена автором на основе сравнения результатов выборов «Альтернативы для Германии» в Европарламент [Interaktive Karte 2019] и проведенного немецкими экономистами исследования [Südekum, Dauth, Findeisen 2016]. Вместе с тем было бы ошибочным утверждать, что электорат АдГ составляют только проигравшие от глобализации слои населения. Высокие результаты, полученные правыми популистами в экономически благополучных Баден-Вюртемберге и Баварии, свидетельствуют о том, что их электоральная база носит достаточно пестрый характер.

Смогут ли правящие партии «большой коалиции» остановить дальнейшее «расползание» среднего класса? Внутрипартийная борьба за власть, отсутствие четких программ и популярных лидеров не позволяют дать утвердительный ответ на этот вопрос. Однако время неумолимо требует перемен. Не будем забывать, что именно средние слои составили основу праворадикальных движений в Европе в 1920–1930-е годы.

Библиография

Ватлин А.Ю. История Германии в XX веке. М.: РОССПЭН, 2002. 336 с.

Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001. 367 с.

Сумленный С.С. Немецкая система: Из чего сделана Германия и как она работает. М.: Группа Эксперт, 2010. 456 с.

Хорольская М.В. Германия после объединения: Политические проблемы и противоречия интеграционного процесса. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 274 с.

Шрёдер Г. Решения. Моя жизнь в политике. М.: Европа, 2007. 552 с.

Arbeitslosenquote in Deutschland im Jahresdurchschnitt von 2004 bis 2019 // Statista. 2020. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1224/umfrage/arbeitslosenquote-in-deutschland-seit-1995/ (дата обращения: 14.01.2020).

Atlas der Industrialisierung der Neuen Bundesländer / Braun G., Güra T., Henn S., Lang T., Schürmann C., Voss K., Warszycki P. Rostock: HIE-RO, 2013. November. 153 S. URL: https://www.beauftragter-neue-laender.de/BNL/Redaktion/DE/Downloads/Anlagen/atlas_der_industrialisierung_der_neuen_bundeslaender.pdf;jsessionid=9582A9339B3F59A2C02F398471BB8B45?__blob=publicationFile&v=3 (дата обращения: 14.01.2020)

Auf Nummer unsicher // Der Spiegel. 2006. N 31. S. 44–55. URL: https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/48046151 (дата обращения: 14.01.2020).

Booth M. Die Entwicklung der Arbeitslosigkeit in Deutschland // Bundeszentrale für politische Bildung. 2010. 30 März. URL: https://www.bpb.de/geschichte/deutsche-einheit/lange-wege-der-deutschen-einheit/47242/arbeitslosigkeit?p=all (дата обращения: 14.01.2020)/

Bost F. Introduction: La désindustrialisation, objet géographique // Revue géographique de l'Est. 2017. Vol. 57. URL: https://journals.openedition.org/rge/6332 (дата обращения: 17.01.2020).

«Der Exodus hat begonnen» // Der Spiegel. 1992. N 4. S. 88–101. URL: https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/13685705 (дата обращения: 14.01.2020).

Diekmann F. Vier Millionen Erwerbstätige gehören dauerhaft zum Prekariat // Der Spiegel. 2018. 24 Sept. URL: https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/deutschland-vier-millionen-erwerbstaetige-gehoeren-dauerhaft-zum-prekariat-a-1229460.html (дата обращения: 14.01.2020).

«Ernstes Zeichen an der Wand» // Der Spiegel. 1992. N 36. S. 18–29. URL: https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/13689982 (дата обращения: 14.01.2020).

Eppelsheim P., Jaeger M. Der neue Sozialismus // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2019. 10. Mai. URL: https://www.faz.net/aktuell/politik/politische-entwicklungen-ueber-den-neuen-sozialismus-16179702.html (дата обращения: 18.01.2020).

Goffart D. Das Ende der Mittelschicht: Abschied von einem deutschen Erfolgsmodell. Aufl: 2., Berlin: Berlin Verlag, 2019. 400 S.

Grabka M., Frick J. Schrumpfende Mittelschicht – Anzeichen einer dauerhaften Polarisierung der verfügbaren Einkommen? // DIW Berlin Wochenbericht / Deutsches Institut für Wirtschaftsfor-

schung. 2008. N 10. S. 101–116. URL: https://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.79586.de/08-10-1.pdf (дата обращения: 14.01.2020).

Interaktive Karte zur EU-Wahl. Wer hat wo seine Hochburgen? // Tagesschau.de. 2019. 26 Mai. URL: https://www.tagesschau.de/inland/deutschland-wahlkarte-europawahl-101.html (дата обращения: 14.01.2020).

Immer mehr Deutsche gehen zum Therapeuten // Die Welt. 2007. 27 Nov. URL: https://www.welt.de/wissenschaft/article1405735/Immer-mehr-Deutsche-gehen-zum-Therapeuten.html (дата обращения: 18.01.2020).

Kaiser A. Teilzeit-Republik Deutschland – das ist das wahre Jobwunder // Manager Magazin. 2019. 3 Jan. URL: https://www.manager-magazin.de/politik/konjunktur/arbeitsmarkt-rekord-erwerbstaetigkeit-weniger-prekaere-jobs-a-1246271-3.html (дата обращения: 14.01.2020).

Krippendorf W., Holst G., Richter U. Branchenanalyse Textilindustrie. Untersuchungen zur Situation und Entwicklung der Branchen «Textilgewerbe» (WZ 17). Berlin: IMU-Institut Berlin GmbH, 2009. 49 S. URL: https://www.imu-berlin.de/wp-content/uploads/2017/07/IMU_Textil_Kurzstudie.pdf (дата обращения: 14.01.2020).

Lengfeld H., Ordemann J. Die Angst der Mittelschicht vor dem sozialen Abstieg revisited. Eine Längsschnittanalyse 1984–2014. Berlin, 2016. 32 S. (SOEPpapers on Multidisciplinary Panel Data Research at DIW; N 862). URL: https://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.541642.de/diw_sp0862.pdf (дата обращения: 14.01.2020).

Mallwitz G. Brandenburg kampft mit Pramien um neue Bewohner // Berliner Morgenpost. 2015. 23. Aug. URL: https://www.morgenpost.de/brandenburg/article205593793/Brandenburg-kaempft-mit-Praemien-um-neue-Bewohner.html (дата обращения: 14.01.2020).

Müller S., Kornmeier M. Globalisierung als Herausforderung für den Standort Deutschland / Bundeszentrale für politische Bildung. 2001. 9 S. (Aus Politik und Zeitgeschichte; B 9/2001). URL: http://www.bpb.de/apuz/26437/globalisierung-als-herausforderung-fuer-den-standort-deutschland (дата обращения: 14.01.2020).

Südekum J., Dauth W., Findeisen S. Verlierer (-regionen) der Globalisierung in Deutschland: Wer? Warum? Was tun? / Düsseldorfer Institut für Wettbewerbsökonomie. 2016. Dez. (Ordnungspolitische Perspektive; N 89). URL: http://www.dice.hhu.de/fileadmin/redaktion/Fakultaeten/Wirtschaftswissenschaftliche_Fakultaet/DICE/Ordnungspolitische_Perspektiven/89_OP_Suedekum_Dauth_Findeisen.pdf (дата обращения: 14.01.2020).

References

Arbeitslosenquote in Deutschland im Jahresdurchschnitt von 2004 bis 2019. Statista. 2020. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1224/umfrage/arbeitslosenquote-in-deutschland-seit-1995/ (date of access: 14.01.2020).

Atlas der Industrialisierung der Neuen Bundesländer / Braun G., Güra T., Henn S., Lang T., Schürmann C., Voss K., Warszycki P. Rostock: HIE-RO, 2013. Nove. 153 S. URL: https://www.beauftragter-neue-laender.de/BNL/Redaktion/DE/Downloads/Anlagen/atlas_der_industrialisierung_der_neuen_bundeslaender.pdf;jsessionid=9582A9339B3F59A2C02F398471BB8B45?__blob=publicationFile&v=3 (date of access: 14.01.2020).

Auf Nummer unsicher. Der Spiegel. 2006. N 31. S. 44–55. URL: https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/48046151 (date of access: 14.01.2020).

Booth M. Die Entwicklung der Arbeitslosigkeit in Deutschland // Bundeszentrale für politische Bildung. 2010. 30 März. URL: https://www.bpb.de/geschichte/deutsche-einheit/lange-wege-der-deutschen-einheit/47242/arbeitslosigkeit?p=all (date of access: 14.01.2020).

Bost F. Introduction: La désindustrialisation, objet géographique // Revue géographique de l'Est. 2017. Vol. 57. URL: https://journals.openedition.org/rge/6332 (date of access: 17.01.2020).

«Der Exodus hat begonnen». Der Spiegel. 1992. N 4. S. 88–101. URL: https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/13685705 (date of access: 14.01.2020).

Diekmann F. Vier Millionen Erwerbstätige gehören dauerhaft zum Prekariat. Der Spiegel. 2018. 24. September. URL: https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/deutschland-vier-millionen-erwerbstaetige-gehoeren-dauerhaft-zum-prekariat-a-1229460.html (date of access: 14.01.2020).

Eppelsheim P., Jaeger M. Der neue Sozialismus. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2019. 10 Mai. URL: https://www.faz.net/aktuell/politik/politische-entwicklungen-ueber-den-neuen-sozialismus-16179702.html (date of access: 18.01.2020).

«Ernstes Zeichen an der Wand». Der Spiegel. 1992. N 36. S. 18–29. URL: https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/13689982 (date of access: 14.01.2020).

Goffart D. Das Ende der Mittelschicht: Abschied von einem deutschen Erfolgsmodell. 2. Aufl., 2019. Berlin: Berlin Verlag, 400 S.

Grabka M., Frick J. Schrumpfende Mittelschicht – Anzeichen einer dauerhaften Polarisierung der verfügbaren Einkommen? DIW Berlin Wochenbericht / Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung. 2008. N 10. S. 101–116. URL: https://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.79586.de/08-10-1.pdf (date of access: 14.01.2020).

Immer mehr Deutsche gehen zum Therapeuten. Die Welt. 2007. 27. Nov. URL: https://www.welt.de/wissenschaft/article1405735/Immer-mehr-Deutsche-gehen-zum-Therapeuten.html (date of access: 18.01.2020).

Interaktive Karte zur EU-Wahl: Wer hat wo seine Hochburgen? Tagesschau.de. 2019. 26. Mai. URL: https://www.tagesschau.de/inland/deutschland-wahlkarte-europawahl-101.html (date of access: 14.01.2020).

Kaiser A. Teilzeit-Republik Deutschland – das ist das wahre Jobwunder. Manager Magazin. 2019. 3. Jan. URL: https://www.manager-magazin.de/politik/konjunktur/arbeitsmarkt-rekord-erwerbstaetigkeit-weniger-prekaere-jobs-a-1246271-3.html (date of access: 14.01.2020).

Khorol'skaya M.V. Germaniya posle ob"yedineniya: politicheskiye problemy i protivorechiya integratsionnogo protsessa. Diss. na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata politicheskikh nauk [Germany after unification: Political problems and contradictions of the integration process. Dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences]. Moscow: IMEMO RAN, 2019. 274 p. (In Russ.)

Krippendorf W., Holst G., Richter U. Branchenanalyse Textilindustrie. Untersuchungen zur Situation und Entwicklung der Branchen «Textilgewerbe» (WZ 17). Berlin: IMU-Institut Berlin GmbH, 2009. 49 S. URL: https://www.imu-berlin.de/wp-content/uploads/2017/07/IMU_Textil_Kurzstudie.pdf (date of access: 14.01.2020).

Lengfeld H., Ordemann J. Die Angst der Mittelschicht vor dem sozialen Abstieg revisited. Eine Längsschnittanalyse 1984–2014. Berlin, 2016. 32 S. (SOEPpapers on Multidisciplinary Panel Data Research at DIW; N 862). URL: https://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.541642.de/diw_sp0862.pdf (date of access: 14.01.2020).

Mallwitz G. Brandenburg kampft mit Pramien um neue Bewohner. Berliner Morgenpost. 2015. 23. Aug. URL: https://www.morgenpost.de/brandenburg/article205593793/Brandenburg-kaempft-mit-Praemien-um-neue-Bewohner.html (date of access: 14.01.2020).

Martin G.-P., Shumann Kh. Zapadnya globalizatsii. Ataka na protsvetaniye i demokratiyu. [The trap of globalization. An attack on prosperity and democracy] Moscow: Al'pina, 2001. 367 p. (In Russ.)

Müller S., Kornmeier M. Globalisierung als Herausforderung für den Standort Deutschland / Bundeszentrale für politische Bildung. 2002. 9 S. (Aus Politik und Zeitgeschichte; B 9/2001). URL:

http://www.bpb.de/apuz/26437/globalisierung-als-herausforderung-fuer-den-standort-deutschland (date of access: 14.01.2020).

Shreder G. Reshenija. Moja zhizn' v politike [Decisions. My life in politics]. Moscow: Europe, 2007. 552 p. (In Russ.)

Südekum J., Dauth W., Findeisen S. Verlierer (-regionen) der Globalisierung in Deutschland: Wer? Warum? Was tun? / Düsseldorfer Institut für Wettbewerbsökonomie. 2016. Dez. (Ordnungspolitische Perspektive. N 89). URL: http://www.dice.hhu.de/fileadmin/redaktion/Fakultaeten/Wirtschaftswissenschaftliche_Fakultaet/DICE/Ordnungspolitische_Perspektiven/89_OP_Suedekum_Dauth_Findeisen.pdf (date of access: 14.01.2020).

Sumlennyy S. Nemeckaja sistema: Iz chego sdelana Germanija i kak ona rabotaet [German system: what is Germany made of and how it works]. Moscow: Gruppa Ekspert, 2010. 456 p. (In Russ.)

Vatlin A. Istoriya Germanii v XX veke [History of Germany in the XX century]. Moscow: ROSSPEN, 2002. 336 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.13

В.И. Плещенко

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕННОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ НАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ И СПЕЦИФИКЕ РОЗНИЧНОГО ТОВАРООБОРОТА В СССР

Аннотация. *В статье описываются отдельные особенности розничного товарооборота в экономике СССР, а также специфика обращения денежных знаков в народном хозяйстве страны. Как известно, в условиях несоответствия растущих доходов населения выпуску потребительских товаров и услуг возникал отложенный спрос, способствующий развитию неформальных связей и росту товарооборота на «черном рынке». При этом распределение различных благ в СССР во многом определялось социальным положением и статусом претендентов, а для физического обретения блага, как правило, требовалось отстоять очередь. В результате спрос в экономике приобрел отложенный характер, превратив СССР в общество вечного ожидания. В таких условиях советские рубли как наличные деньги частично утеряли свои ключевые функции. В особенности это касалось функции денег как меры стоимости и функции средства обращения. Классические товарно-денежные отношения в СССР заменялись натуральным обменом. Кроме того, появлялись различного рода денежные суррогаты, игравшие роль средства платежа. Также в стране возникли неформальные сетевые образования (сообщества), способствующие организации товарообмена между людьми. Указанные явления способствовали снижению доверия к денежным знакам, вели к десакрализации коммунистической идеологии, постепенному расслоению и разложению советского общества.*

Ключевые слова: *дефицит; отложенный спрос; розничная торговля; блат; черный рынок; плановая экономика; распределение; товарооборот; наличные деньги; денежные суррогаты; функции денег.*

Плещенко Вячеслав Игоревич – кандидат экономических наук,
начальник управления закупок оборудования
и основных материалов, АО «Гознак», Россия, Москва.
E-mail: v_pl@mail.ru
Web of Science Researcher ID: O-9987–2016;
Scopus Author ID: 57207358654

Pleschenko V.I. About the Limited Functionality of Cash and the Specifics of Goods Turnover in the USSR

Abstract. *This article describes the features of retail turnover in the USSR and the specifics of the circulation of currency in the national economy. As is well known, due to the discrepancy between the growing incomes of the Soviet population and the manufacturing of consumer goods and services there arose a considerable catch-up demand, contributing to the proliferation of informal networks and increased turnover on the black market. Distribution of various goods in the USSR was largely defined by the hierarchical position and status of applicants. But to buy the goods people had to stand in queue. Demand in the economy had become deferred, giving rise to the society of everlasting expectations in the country. In such circumstances, the Soviet ruble partly lost its features of cash. This was particularly true in relation to its function as measure of value and means of circulation. Under such circumstances, the classic commodity-money relations were replaced with kind of «barter» exchange. There appeared various kinds of cash surrogates as means of payment. Also, there sprang informal network institutions (communities) that facilitated the trade between people. These phenomenon have greatly contributed to the decline of confidence in currency, led to the desacralization of Communist ideology, stratification and the degradation of the Soviet society.*

Keywords: *deficit; delayed demand; retail; cronyism; black market; planned economy; distribution; trade turnover; cash money; cash equivalents; functions of money.*

Pleschenko Vyacheslav Igorevich – Candidate of Economic Sciences,
Head of Equipment and Materials Purchasing Dept.,
JSC «Goznak», Russia, Moscow. E-mail v_pl@mail.ru
Web of Science Researcher ID: O-9987–2016;
Scopus Author ID: 57207358654

В современной России практически любой – за малым исключением – человек, обладающий определенной суммой наличных денег, может в любой момент потратить их по своему усмотрению, используя различные формы организации розничной торговли: магазины и рынки, торговые центры, интернет-магазины и проч. Но многие уже забыли, что почти 30 лет назад, в условиях советской планово-бюрократической экономики, наличие у индивида денежных знаков не гарантировало возможности совершить даже самую простую покупку, вынуждая людей тратить свое время на стояние в очередях, поиск «нужных людей» и ожидание приема у дверей начальственных кабинетов.

Поэтому, начиная рассуждения на тему специфики оборота в СССР товаров и наличных денег, вспомним роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Основная проблема главного героя выявилась после обретения этого самого миллиона, т.е. уже ближе к концу повествования. Она заключалась в том, что государство не считало Остапа Бендера покупателем (в отличие от

коллективов трудящихся), в связи с чем его попытки приобрести что-либо значительное оканчивались неудачей. Более того, новоявленный миллионер не мог открыто демонстрировать свой статус и покупательский потенциал, постоянно маскируясь и покупая интересующие его предметы с рук или в комиссионных магазинах. Попытка Остапа продемонстрировать незнакомым свою наличность в поезде привела лишь к тому, что из купе ушли все попутчики. В свою очередь, другой персонаж романа, еще один подпольный миллионер Корейко, уже давно осознал сопутствующие риски, поэтому попыток потратить деньги не предпринимал, терпеливо ожидая возвращения капитализма на скромной должности конторщика-счетовода. Между тем новая советская жизнь, противопоставляемая высмеиваемому Ильфом и Петровым быту осколков старого общества, различного рода аферистов и искателей приключений, в реальности была далека от желаемого идеала. Фактически получилось, что коммунистическая власть в течение многих десятилетий дискриминировала как покупателей не столько подпольных миллионеров, сколько бóльшую часть рядовых советских граждан.

Конечно, недопустимо принижать историческое значение для прогрессивного развития общества ряда социальных последствий социалистической трансформации в России, таких как значительное улучшение условий труда, переход к всеобщему среднему образованию, развитие науки и техники, организация медицинского обслуживания населения. Но в то же время следует помнить, что советская экономика всегда была дефицитной. Как указывал В.Н. Архангельский, затратное ценообразование и распределительная система не имели объективных регуляторов эффективности, поэтому цены, качество и конкурентоспособность товаров все больше расходились с мировым уровнем [Архангельский 2004, с. 10–11]. О хроническом товарном дефиците как сущностной черте политической и экономической жизни в советскую эпоху писал и В.А. Мау [Мау 2012, с. 20]. Дело в том, что в СССР количество (да и качество) производимых благ не соответствовало уровню спроса, а цены не выполняли информационной функции. В начале перестройки данный факт наконец-то признали и власти страны, что нашло отражение в совместном постановлении ЦК КПСС, Совмина СССР и ВЦСПС № 825 от 17 июля 1987 г., где говорилось, что денежные доходы населения растут быстрее розничного товарооборота, ведя к увеличению неудовлетворенного платежеспособного спроса в стране. Как следствие, обострилась проблема рациональной организации денежного обращения в стране, поскольку денежная масса не была в должной мере обеспечена товарами (в 1971–1985 гг. количество наличных денег выросло в 3,1 раза, объем вкладов в сберегательных кассах возрос в 5,2 раза, тогда как выпуск товаров народного потребления увеличился всего в 2 раза) [Медведев 2003, с. 133]. В итоге ставшими «лишними» деньги

населения уходили на «черный рынок», на котором и происходило обращение многих дефицитных благ.

В течение нескольких десятилетий в народно-хозяйственном комплексе СССР все более существенным становился дисбаланс производства и потребления. Издержки централизованного планирования выражались не только в дефиците отдельных товаров широкого потребления, но и в превышении выпуском ряда товаров потребительского спроса. К примеру, к 1980-м годам произошло затоваривание розничной торговли телевизорами, радиоаппаратурой, фотоаппаратами и парфюмерией отечественного производства, многими морепродуктами, такими как морская капуста и некоторые виды океанических рыб [Рожков 2007, с. 172]. Однако данные факты скорее являются исключениями из общего правила, тем более что в силу интенсификации внешних связей СССР и увеличения числа поездок советских граждан за рубеж именно в те годы возник довольно существенный поток импортной техники, пользовавшейся гораздо бóльшим спросом у платежеспособного населения и продаваемой в комиссионных магазинах или на «черном рынке».

В целом же по стране ограниченность имевшихся ресурсов и сложные бюрократические механизмы распределения стимулировали развитие неформальных социальных контактов и рост теневого сектора экономики. По примерным расчетам, произведенным Центральным статистическим управлением (ЦСУ) СССР, в период 1972–1974 гг. переплата населения спекулянтам при покупке дефицитных товаров превышала цифру в 800 млн руб., при этом средняя наценка по различным номенклатурным категориям составляла примерно 41% для горожан и 53% для жителей сельской местности [Осипов 2009, с. 624–625]. Роль параллельно действовавшей системы организации товарообмена (т.е. «черного рынка») в жизни граждан страны была довольно велика. Так, академик РАН Н.Я. Петраков указывал, что в отдельные периоды до 1/3 потребительских товаров проходило через систему «черного рынка» (а изделий легкой промышленности, мебели и бытовой техники – около 50%) [Петраков 1998, с. 53]. В свою очередь, профессор НИУ ВШЭ С.Ю. Барсукова и В.В. Радаев отметили, что «размеры этого квазирынка были ограничены, а сам он находился преимущественно в нелегальном поле» [Барсукова, Радаев 2012, с. 101]. Автор разделяет вторую точку зрения, полагая, что скорее всего Н.Я. Петраков включал в обороты «черного рынка» и различные покупки населения, осуществляемые с помощью «нужных людей» и отношений блата, о которых речь пойдет далее.

Как известно, уровень жизни населения в СССР из года в год возрастал, т.е. свободные деньги на покупку предметов потребления у значительной доли советских людей имелись. К примеру, согласно некоторым подсчетам, к началу перестройки 5,1 млн советских семей имели достаточные средства на покупку мебели, 2,1 млн семей – автомобилей, а 5,1 млн семей – одежды

[Кирсанов 2014, с. 523]. Однако имевшиеся у населения деньги не выполняли в полной мере присущих им функций. Напомним, что к таковым относятся функции меры стоимости, средства обращения, средства платежа и средства накопления. В советской же экономике получилось, что функция меры стоимости была существенно искажена директивным государственным ценообразованием, во многом определявшимся субъективными соображениями и политическими факторами. В результате цены в СССР не выполняли еще и информационную функцию. Отметим, что цены на «черном рынке» также формировались волюнтаристским образом исходя из субъективной воли продавцов. В свою очередь, советский рубль как средство обмена не был деньгами в полном смысле слова (поскольку не всеми товарами и услугами разрешалось обмениваться, либо присутствовали ограничения по количеству обмена), в связи с чем отдельные исследователи считали рубли не деньгами, а «универсальными купонами» [Логинов 2014, с. 139–140]. Таким образом, и функция средства обращения ограничивалась произволом распределителей благ. Поскольку имея наличность, не всегда можно было совершить покупку, то страдала и функция платежа, стимулируя появление различных денежных суррогатов. И лишь функция накопления, на наш взгляд, реализовывалась в советской стране без существенных искажений.

Как мы уже говорили, наличие денежных средств не давало гражданину возможности истратить их в любое время по собственному усмотрению. В процессе перестройки дошло до того, что академик Н.Я. Петраков довольно справедливо сравнил советские рубли того времени с лотерейными билетами [Петраков 1998, с. 120–121]. И действительно, возможность совершить желаемую покупку во времена позднего СССР сильно напоминала выигрыш в лотерее, поэтому у населения возникали большие объемы вынужденных сбережений, а спрос носил отложенный характер. При этом приучать людей к тому, что приобретение благ есть процесс случайный, зависящий от удачи, власти начали еще в 1920-е годы, придумав «денежно-вещевые лотереи», которые в условиях дефицита, по словам Е.Ю. Селезневой, стали «надеждой в кредит» и создавали «иллюзию предвкушения счастья» [Селезнева 2008, с. 90]. Во многом именно поэтому в СССР вещевые выигрыши были «более желаемыми для населения и составляли бóльшую ценность, чем деньги» [Селезнева 2008, с. 87].

Отложенный спрос на блага в сочетании с неудовлетворенным спросом на лучшую жизнь превратил советскую цивилизацию в общество ожидания [Хакимов 2016, с. 88]. Соответственно и хранение денег на депозитах (в сберегательных кассах) гражданами СССР, в отличие от населения стран с рыночной экономикой, имело целью не получение процентных выплат по вкладам, а откладывание спроса до лучших дней [Кирсанов 2014, с. 519]. В свою очередь, хронический дефицит товаров при наличии у людей растущих

накоплений стимулировал рост распространения особых отношений блата, покупки «по знакомству» и проч.

С другой стороны, товарное производство в СССР, как отмечает исследователь советского периода в истории и культуре Е.А. Добренко, являлось в первую очередь «производством социализма» как символического образа, а «социалистическое хозяйство росло «не от потребления товаров, но от потребления его производства в виде его образов и образов товаров» [Добренко, 2007, с. 405]. Следовательно, заключает он, социализму не нужны деньги как таковые, поскольку его продукт не имеет меновой стоимости. Однако марксистско-ленинская политэкономия со временем смирилась с личными подсобными хозяйствами, вынужденно признавала «элементами социалистического хозяйства» деньги и торговлю, колхозный рынок, деятельность некооперированных кустарей и ремесленников [Осипов 2009, с. 582]. Да и «советский экономический человек», несмотря на упорную работу идеологов, продолжал вести себя во многом как классический «экономический человек», минимизируя затраты (в основном затраты труда) и максимизируя выгоду, которая частично утратила денежную форму и стала часто выражаться различных привилегиях [Мовсесян 2003, с. 87]. Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин подчеркивали, что практикой советской власти являлось статусно-иерархическое распределение и соответственно потребление [Гудков 2002, с. 27]. Получается, что не имея возможности удовлетворить всех граждан, имевших свободные наличные деньги, советское руководство *de facto* разделяло людей по кастовому принципу, чтобы в дальнейшем, в зависимости от групповой принадлежности, распределять ограниченные блага. Основной смысл социальной активности в таких условиях заключался в стремлении потреблять «не хуже других»[1], устроиться так, чтобы можно было «доставать» и «получать» [Кордонский 2006, с. 47].

Искаженная сущность и функциональная неполноценность денежных знаков в советской экономике вели к тому, что классические механизмы товарно-денежных отношений, рыночного оборота во многом заменялись натуральным обменом. Поскольку потребитель не всегда и не везде мог купить что-либо необходимое за деньги, то возникали различного рода суррогаты, выполнявшие роль средств платежа. Сегодня это звучит довольно парадоксально, но еще 25–30 лет назад многие товары или услуги можно было обменять на спиртные напитки как неденежные суррогаты, имевшие в СССР весьма высокую ликвидность. В свою очередь, особенными денежными суррогатами, пользовавшимися большим спросом у населения, стали чеки и сертификаты Внешпосылторга, на которые можно было приобрести дефицитные

1. Под «другими» в данном контексте понимались не среднестатистические советские граждане, а «избранные», «успешные» люди.

(как правило, импортные) товары в магазинах специализированной торговой сети («Березка») [Иванова 2011, с. 89–90].

И наконец, как пишет С.Г. Кордонский, в СССР возникла специфичная «административная валюта» в виде документов (писем, распоряжений) от различных ведомств, которые могли конвертироваться в конкретные материальные или нематериальные блага [Кордонский 2006, с. 11–12]. Текущие «котировки» таких бумаг определялись иерархическим уровнем инстанции, их выдающей. Такая «административная валюта» давала право на участие в процессе распределения благ, но ввиду неопределенности текущего «курса» при ее предъявлении часто возникал торг. Об особом бюрократическом рынке (или «экономике согласований») в СССР, построенном на обмене благами, положением в обществе, правилами и исключениями из них, как основном инструменте регулирования и самонастройки в советском хозяйстве, говорили экономисты В.А. Найшуль и Е.Т. Гайдар [Гайдар 1995, с. 125–126]. Значение социальных связей как особого субститута рынка в СССР отмечают и С.Ю. Барсукова и В.В. Радаев [Барсукова, Радаев 2012, с. 101].

Как для обладания самим благом, так и для получения «административной валюты» гражданин должен был выстоять очередь, что давало претенденту административное право на потребительскую ценность. По некоторым данным, в СССР порядка 35 млн человек постоянно пребывали в различных очередях [Богданов 2009, с. 30]. Однако физическое обладание многими благами наступало лишь после торга с лицом, распределяющим его [Кордонский 2006, с. 9]. Происходивший торг мог быть разным: денежным, в обмен на услугу или информацию, с привлечением влиятельных знакомых, в крайнем случае распределителя брали в длительную осаду[2].

Вполне естественно, что в таких условиях выросли особые неформальные институты. Они дополняли формальные союзы и государственные органы в тех вопросах, которые они либо не могли решить, либо решали слишком долго (проблема очереди). Проблемы решались как бесплатно (например, для «хороших знакомых»), так и на возмездной основе. В качестве платы могли выступать деньги, билеты в театр, различные вещи (оплата натурой), а также полезная информация[3], либо возможность встречного допуска к другим услугам. Хотя при распределении дефицитного блага по блату не происходило

2. В связи с этим вспомним произведение В.Н. Войновича «Шапка», в котором главный персонаж (писатель) обошел множество начальственных кабинетов с целью получить возможность («административную валюту») заказать себе в специализированном комбинате Литфонда шапку из того меха, который он, по собственному убеждению, заслуживал.

3. Допустим, об ожидаемом поступлении какого-либо товара в определенный магазин.

открытого соревнования между претендентами, келейность процесса и отсутствие состязательности приводили к тому, что он не регулировался авторитетной фигурой судьи и не был публичным [Дубин 2008]. Как следствие, имелись предпосылки для произвола, необоснованного увеличения размера статусной ренты.

Типичная советская практика тех времен – это использование установившихся связей, знакомств с «нужными» людьми. В числе таковых могли выступать, к примеру, продавец мясного отдела гастронома, заведующий мебельным магазином или официант в ресторане. С.Ю. Барсукова и В.В. Радаев в своем исследовании обратили внимание на тот факт, что уровень цен на товары, распространяемые по блату, был существенно ниже, чем цены на «черном рынке» (это даже могли быть твердые цены, устанавливаемые государством), но доступ к ним определялся социальными связями [Барсукова, Радаев 2012, с. 101]. Естественно, что около «нужных людей» постепенно формировался круг взаимосвязанных лиц, намеренных материализовать свои желания и потребности и обладающих для этого достаточной суммой наличных денег. Известный российский специалист по экономической социологии У.Г. Николаева называет такие образования «сетью услугообменных связей», позволяющей подобным лицам использовать должностные возможности [Николаева 2014]. Данная сетевая модель взаимодействия частично напоминает канонические западные клубы (согласно экономической теории клубов Дж. Бьюкенена). К примеру, в ней также присутствует залог, предварительное поручительство одного из участников за нового члена, получавшего доступ к распределительному каналу. Также понятно, что кооперация индивидов в рамках сообщества носит преимущественно длительный характер, а поэтому она уже не может описываться моделью «игры с нулевой суммой»[4]. Конечно, случаев обмана при совершении трансакций это не исключало, но все же вероятность оппортунистического поведения не была столь высока, как, к примеру, при трансакциях со случайными встречными (скажем, на колхозном рынке или железнодорожном вокзале). Таким образом, посредством сформированной системы сигналов и знаков как механизма организации обмена товарами и услугами индивид допускался к потреблению клубных благ.

По мере нарастания кризисных явлений в экономике СССР, с целью противостояния спекуляции, государство начало лимитировать продажу не только товаров длительного использования, но и продукции массового ассортимента: продуктов, бакалейных товаров, бытовой химии, табачных изделий и алкоголя и проч. В жизнь граждан второй половины 1980-х годов вошли талоны, выдаваемые местными органами власти подушно. В дополнение к талонам

4. Победитель в таких играх получает все выгоды, а проигравший фактически остается ни с чем.

гражданам стали выдавать и «визитные карточки покупателя», подлежащие предъявлению в магазинах при покупке. Получилось, что для обладания товаром необходимо было отстоять очередь, при наличии товара предъявить талон и только потом использовать деньги по назначению.

Сложившаяся система товарообмена способствовала не только снижению доверия к денежным знакам ввиду их низкой покупательной способности (вспомним так называемый деревянный рубль), но и постепенной десакрализации коммунистической идеологии и разложению советского общества. Попытки усовершенствовать хозяйственную систему путем предоставления бóльших прав предприятиям, стимулированием частной инициативы (кооперативы и пр.) привели к обратному эффекту, выразившись в значительном росте числа спекулятивных сделок и выводе из подполья теневой экономики. Те же кооперативы, на которые возлагались большие надежды, на практике выполняли функцию механизмов по перекачиванию государственных средств в наличные деньги [Пичурин 2012, с. 157], почти ничего не производя для удовлетворения насущных потребностей населения страны. К примеру, из полученных кооперативами в 1990 г. 70 млрд руб. выручки на товары народного потребления и услуги населению приходилось лишь 15,7 млрд руб. [Кирсанов 2014, с. 539]. В результате в экономику хлынул дополнительный поток наличных денег, не обеспеченных созданными товарами [Пичурин 2012, с. 157]. Более того, во времена позднего СССР и сама правящая номенклатура, как свидетельствует член-корреспондент РАН К.И. Микульский, уже тяготилась существовавшими лимитами удовлетворения своих имущественных интересов и потребительских нужд [Микульский 2017, с. 8].

Всё происходившее в совокупности создало предпосылки для скорого изменения социально-политического строя и развала СССР. Последовавший при этом возврат к рыночному розничному товарообороту постепенно расставил дефицитные товары на полках российских магазинов и вернул деньгам их традиционные функции. В то же время процесс сопровождался инфляционным изъятием накоплений граждан и обнищанием значительной части населения, так что проблема ограниченной функциональности денег по своему значению уступила место проблеме их отсутствия.

Библиография

Архангельский В.Н. Рыночные трансформации в России (социально-экономические аспекты развития). М.: Изд-во РАГС, 2004. 276 с.

Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 99–111.

Богданов С.В., Орлов В.Н. За фасадом перестройки в СССР: власть, хозяйственная преступность, общество // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2009. № 4. С. 27–31.

Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. 206 с.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В. «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3 (59). С. 24–39.

Добренко Е.А. Политэкономия соцреализма. М.: НЛО, 2007. 592 с.

Дубин Б.В. Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 2–3. С. 24–35.

Иванова А.С. Магазины Внешпосылторга: валютная торговля в СССР (1960–1980-е годы) // Вестник Пермского университета. 2011. Сер.: История. Вып. 3. С. 86–93.

Кирсанов Р.Г. Сберегательные кассы в СССР: источник государственного кредита и фактор сдерживания потребительского спроса населения // Экономическая история. Ежегодник. М.: Институт российской истории РАН, 2014. Т. 2013. С. 518–548.

Кордонский С.Г. Рынки власти. Административные рынки в СССР и России. М.: ОГИ, 2006. 240 с.

Логинов А.А. Природа советского рубля в свете идей австрийской экономической школы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 134–141.

Мау В. От перестройки к радикальным реформам: к двадцатилетию начала посткоммунистических преобразований // Экономическая политика. 2012. № 1. С. 5–20.

Медведев Н.Н. Наличное денежное обращение в период реформ // Вестник Омского университета. 2003. Сер. «Экономика». Вып. 2. С. 132–139.

Микульский К.И. О политэкономических основах современного российского общества // Общество и экономика. 2017. № 12. С. 5–9.

Мовсесян А.Г. Либерализм и экономика. М.: Логос, 2003. 240 с.

Николаева У.Г. Архаизация отношений препятствует развитию // IQ.HSE: Научно-образовательный портал ВШЭ. 2014. 31 марта. URL: https://iq.hse.ru/news/177667899.html (дата обращения: 30.11.2019).

Осипов В.А. Частная хозяйственная деятельность в зеркале советской статистики // Экономическая история. Ежегодник. М.: Институт российской истории РАН, 2009. Т. 2009. С. 579–638.

Петраков Н.Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998. 286 с.

Пичурин И.И. Причины кризиса социалистической экономики СССР в 1989–1991 годах // Экономика региона. Екатеринбург, 2012. № 1. С. 150–160.

Рожков И.Я. Реклама советского периода: как это было // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 171–178.

Селезнева Е.Ю. Денежно-вещевая лотерея как инструмент фискальной политики на Дальнем Востоке СССР (конец 1950-х – начало 60-х годов) // Вестник Северо-Восточного научного центра Дальневосточного отделения РАН. Магадан. 2008. № 4. С. 86–91.

Хакимов Р.Ш. СССР – страна отложенного спроса // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Самара, 2016. № 4. С. 84–89.

References

Arhangel'skij V.N. Ry`nochny`e transformacii v Rossii (social`no-e`konomicheskie aspekty` razvitiya) [Market transformations in Russia (social and economic aspects of development)]. Moscow: Publishing House of RAGS, 2004. 276 p. (In Russ.)

Barsukova S.Yu., Radaev V.V. Neformal`naya e`konomika v Rossii: kratkij obzor. E`konomicheskaya sociologiya [Russia's informal economy: a quick overview. Economic sociology]. 2012. Vol. 13. No. 2. P. 99–111. (In Russ.)

Bogdanov S.V., Orlov V.N. Za fasadom perestrojki v SSSR: vlast`, xozyajstvennaya prestupnost`, obshhestvo. Izv. Altajsk. gos. un-ta [Behind the facade of perestroika in the USSR: power, economic crime, society]. Altai State University News. Barnaul, 2009. No. 4. P. 27–31. (In Russ.)

Dobrenko E. Polite`konomiya soczrealizma [Political economy of socialist realism]. Moscow: NLO, 2007. 592 p. (In Russ.)

Dubin B. Instituty, seti, ritualy [Institutes, networks, rituals]. Pro et Contra. Moscow, 2008. Vol. 12. No. 2–3. P. 24–35. (In Russ.)

Gajdar E.T. Gosudarstvo i e`volyuciya [State and evolution]. Moscow: Evraziya, 1995. 206 p. (In Russ.)

Gudkov L., Dubin B. «Nuzhny`e znakomstva»: osobennosti social`noj organizacii v usloviyax institucional`ny`x deficitov. Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny`[«Useful meetings»: the peculiarities of social organization in the face of institutional deficits. Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2002. No. 3 (59). P. 24–39. (In Russ.)

Hakimov R.Sh. SSSR – strana otlozhennogo sprosa. XX vek i Rossiya: obshhestvo, reformy`, revolyucii [The USSR – a country of deferred demand. The 20th century and Russia: society, reforms, revolutions]. Samara, 2016. No. 4. P. 84–89. (In Russ.)

Ivanova A.S. Magaziny` Vneshposy`ltorga: valyutnaya torgovlya v SSSR (1960–1980-e gody`). Vestn. Permsk. un-ta. [Shops of Vneshposyltorg: Currency Trade in the USSR (1960–1980s). Herald of the University of Perm]. Perm, 2011. Series: History. Vol. 3. P. 86–93. (In Russ.)

Kirsanov R.G. Sberegatel`ny`e kassy` v SSSR: istochnik gosudarstvennogo kredita i faktor sderzhivaniya potrebitel`skogo sprosa naseleniya. E`konomicheskaya istoriya. Ezhegodnik [Savings banks in the USSR: a source of state credit and a factor in restraining consumer demand of the population. Economic history. Yearbook]. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2014. Vol. 2013. P. 518–548. (In Russ.)

Kordonskij S.G. Ry`nki vlasti. Administrativny`e ry`nki v SSSR i Rossii [Markets of power. Administrative markets in the USSR and Russia]. Moscow: OGI, 2006. 240 p. (In Russ.)

Loginov A.A. Priroda sovetskogo rublya v svete idej avstrijskoj e`konomicheskoj shkoly`. Znanie. Ponimanie. Umenie. [The nature of the Soviet ruble in the light of the ideas of the Austrian economic school. Knowledge. Understanding. Skill]. 2014. No. 4. P. 134–141. (In Russ.)

Mau V. Ot perestrojki k radikal`ny`m reformam: k dvadczatiletiyu nachala postkommunisticheskix preobrazovanij. E`konomicheskaya politika [From perestroika to radical reforms: 20 years of post-communist transformation. Economic policy]. 2012. No. 1. P. 5–20. (In Russ.)

Medvedev N.N. Nalichnoe denezhnoe obrashhenie v period reform. Vestn. Omsk. un-ta. Ser. «E`konomika» [Cash circulation during the reform period. Herald of the University of Omsk. Economics series]. Omsk, 2003. Vol. 2. P. 132–139. (In Russ.)

Mikul'skij K. O polite`konomicheskix osnovax sovremennogo rossijskogo obshhestva. Obshhestvo i e`konomika [On the political economic foundations of modern Russian society. Society and the economy]. 2017. No. 12. P. 5–9. (In Russ.)

Movsesyan A.G. Liberalizm i e`konomika [Liberalism and economics]. Moscow: Logos, 2003. 240 p. (In Russ.)

Nikolaeva U. Arxaizaciya otnoshenij prepyatstvuet razvitiyu. IQ.HSE: Nauchno-obrazovatel`ny`j portal VShE [The archaization of relations hinders development. IQ.HSE: Nauchno-obrazovatel'nyj portal HSE]. 2014. 31 March. URL: https://iq.hse.ru/news/177667899.html (date of access: 30.11.2019). (In Russ.)

Osipov V.A. Chastnaya xozyajstvennaya deyatel`nost` v zerkale sovetskoj statistiki. E`konomicheskaya istoriya. Ezhegodnik [Private economic activity in the mirror of Soviet statistics. Economic history. Yearbook]. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2009. Vol. 2009. P. 579–638. (In Russ.)

Petrakov N.Ya. Russkaya ruletka: e`konomicheskij e`ksperiment cenoyu 150 millionov zhiznej [Russian roulette: an economic experiment costing 150 million lives]. Moscow. OAO: «Izdatel'stvo "Ekonomik"a», 1998. 286 p. (In Russ.)

Pichurin I.I. Prichiny` krizisa socialisticheskoj e`konomiki SSSR v 1989–1991 godax. E`konomika regiona [Reasons for the crisis of the socialist economy of the USSR in 1989–1991. Region's economy]. Yekaterinburg, 2012. No. 1. P. 150–160. (In Russ.)

Rozhkov I.Ya. Reklama sovetskogo perioda: kak e`to by`lo. Znanie. Ponimanie. Umenie [Soviet-era advertising: as it was. Knowledge. Understanding. Skill]. 2007. No. 2. P. 171–178. (In Russ.)

Selezneva E.Yu. Denezhno-veshhevaya lotereya kak instrument fiskal`noj politiki na Dal`nem Vostoke SSSR (konecz 1950-x – nachalo 60-x gg.). Vestnik SVNCz DVO RAN [Monetary lottery as an instrument of fiscal policy in the Far East of the USSR (late 1950s – early 60s). Bulletin of the North-Eastern Scientific Center of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. Magadan, 2008. No. 4. P. 86–91. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.14

Л.Д. Соколова, Ю.Ю. Чёрный

ЭВАКОГОСПИТАЛИ № 2002 и № 5397 НА ТЕРРИТОРИИ САНАТОРИЯ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО В КИСЛОВОДСКЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *В статье на основе архивных изысканий, выполненных в Филиале Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург), реконструируется история кисловодских госпиталей № 2002 и № 5397, расположенных на территории санатория им. А.М. Горького в Кисловодске. Эта работа продолжает исследования авторов, обобщенные в 2012 г. в сборнике статей [Санаторий 2012].*

Эвакогоспиталь № 2002 на 800 коек был сформирован в июле 1941 г. и расформирован 9 августа 1942 г. накануне оккупации Кисловодска немецкими войсками. Начальником эвакогоспиталя № 2002 была врач Аделина Львовна Златковская (р. в 1901 г.). Картина жизни госпиталя в 1941–1942 гг. воссоздана жителем г. Беэр-Шева (Израиль) Виталием Борисовичем Карлинским, который восьмилетним мальчиком вместе с семьей оказался в этом месте. Мать автора статьи, Розалия Яковлевна Карлинская, работала в госпитале хирургической медсестрой. В архиве также найден список врачей – начальников отделений и ординаторов госпиталя № 2002 за 1941–1942 гг., включающий в себя 20 человек.

Эвакогоспиталь № 5397 на 450 коек был сформирован 15 января 1943 г., после освобождения Кисловодска войсками Красной армии, и расформирован 1 октября 1944 г. В октябре 1944 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял решение о воссоздании санатория им. Горького АН СССР. Начальниками эвакогоспиталя № 5397 были Дмитрий Филиппович Полещук (р. в 1903 г.), Евгений Павлович Рождественский (р. в 1900 г.) и Алексей Кондратьевич Колесников (р. в 1900 г.). В статье представлены тексты ряда архивных документов, касающихся деятельности эвакогоспиталя № 5397 в 1943–1944 гг.

Ключевые слова: *санаторий им. А.М. Горького в Кисловодске; Великая Отечественная война; эвакогоспиталь № 2002; эвакогоспиталь № 5397; Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург).*

Соколова Людмила Дмитриевна – исследователь,
Россия, Москва. E-mail: ludamila0107@gmail.com

**Чёрный Юрий Юрьевич – кандидат философских наук,
руководитель Центра по изучению проблем информатики,
Институт научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН), доцент кафедры медиаобразования
Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ,
Россия, Москва. E-mail: yuri.chiorny@mail.ru
Scopus Author ID: 57203895497**

Sokolova L.D., Cherny Yu.Yu. Evacuation Hospitals No. 2002 and No. 5397 in the Territory of the Sanatorium Named After A.M. Gorky in Kislovodsk in the Years of the Great Patriotic War

Abstract. *Based on archival research carried out at the Branch of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (military medical documents, St. Petersburg), the article reconstructs the history of Kislovodsk's hospitals No. 2002 and No. 5397 located on the territory of the sanatorium named after A.M. Gorky. This work continues the same authors' research summarized in 2012 in the collection of articles «Sanatorium named after Gorky RAS in Kislovodsk (1923–2008)».*

The evacuation hospital No. 2002 for 800 beds was set up in July 1941 and disbanded on August 9, 1942 on the eve of the occupation of Kislovodsk by German troops. The head of evacuation hospital No. 2002 was the doctor Adelina Lvovna Zlatkovskaya (born in 1901). A picture of the life of the hospital in 1941–1942 was recreated by Vitaly Borisovich Karlinsky, a resident of Be'er Sheva (Israel), who ended up in this place with his family as an eight-year-old boy. Vitaly's mother, Rosalia Yakovlevna Karlinskaya, worked in the hospital as a surgical nurse. The archive contains a list of doctors – heads of departments and residents of hospital No. 2002 for 1941–1942, which includes 20 people.

The evacuation hospital No. 5397 for 450 beds was set up on January 15, 1943 after the liberation of Kislovodsk by the Red Army and disbanded on October 1, 1944. In October 1944, the Council of People's Commissars of the USSR made a decision to re-establish the Gorky sanatorium of the Academy of Sciences of the USSR. The head of evacuation hospital No. 5397 was Dmitry Filippovich Poleshchuk (born in 1903), Evgeny Pavlovich Rozhdestvensky (born in 1900) and Alexei Kondratievich Kolesnikov (born in 1900). The article contains the texts of a number of archival documents about the works of evacuation hospital No. 5397 in 1943–1944.

Keywords: *sanatorium named after A.M. Gorky in Kislovodsk; Great Patriotic war; evacuation hospital No. 2002; evacuation hospital No. 5397; Branch of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (military medical documents, St. Petersburg).*

**Sokolova Lyudmila Dmitriyevna – Researcher,
Russia, Moscow. E-mail: ludamila0107@gmail.com**

**Cherny Yuri Yurievich – Candidate of Philosophical Sciences,
Head of the Centre for Informatics Studies, Institute of Scientific
Information for Social Sciences of the Russian Academy**

**of Sciences (INION RAN), Assistant Professor,
Media Education Departments, Institute of Journalism,
Communication and Media Education MPGU, Russia, Moscow.
E-mail: yuri.chiorny@mail.ru
Scopus Author ID: 57203895497**

С середины 2000-х годов авторы статьи занимались изучением истории кисловодского санатория им. А.М. Горького. Результаты работы опубликованы в сборнике статей «Санаторий им. Горького РАН в Кисловодске (1923–2008)» [Санаторий 2012].

Одним из важных источников, использованных при написании книги, стал рукописный очерк истории санатория с 1923 по 1957 г. Он был составлен одним из сотрудников санатория к 40-летию советской власти. К сожалению, фамилия автора осталась неизвестной, а сама школьная тетрадь с текстом обнаружена главным врачом Т.Н. Журавлёвой в своем кабинете в 2006 г. На основе очерка нами были реконструированы события, происходившие на Крестовой горе в 1941–1945 гг.:

«В июне 1941 г. на отдыхе находится 150 человек. После начала войны в течение нескольких дней они отправляются домой, а сам санаторий превращается в эвакогоспиталь № 2002. Биллиардная и физкультурный зал, находящиеся на втором этаже корпуса столовой (ныне – лечебно-диагностический корпус № 4), переоборудуются в операционную и перевязочную. Эвакогоспиталь подчиняется по военной линии местному эвакопункту № 90, а по организации лечения – Управлению Кисловодского курорта.

Уже в июле госпиталь принимает первых бойцов. Здесь остаются работать многие сотрудники санатория. Так продолжается до начала августа 1942 г., когда Кисловодск оккупируется немецкими войсками.

К 5 августа проводится эвакуация раненых, а сам госпиталь покидается. В январе 1943 г. после освобождения Кисловодска обнаружилось, что оккупанты многое увезли с собой, а что не смогли увезти, сломали и перебили. В бывшем санатории КСУ не досчитывается ценных картин, ковров и многого другого.

С мая 1943 г. эвакогоспиталь возобновляет свою деятельность под № 5397. Поскольку отопление не работает, в каждой палате устанавливается печь-буржуйка с трубой, которая выводится через окно. В госпитале постоянно находится до 350 раненых. В это время здесь работают старшая медсестра М.В. Хоштария, сестры-хозяйки Т.А. Турлакова и М.Д. Каратыш, санитарки П.Е. Шубина, Е.И. Королькова, Н.А. Хозиева, Хомиченко, Кручинина, Нагорская, Мещерякова, Веретенникова и другие. Госпиталь действует до ноября

1944 г., когда принимается постановление Правительства о его ликвидации и превращении в санаторий Академии наук СССР[1].

В январе 1945 г. врача А.В. Венгеровского, состоявшего начальником терапевтического госпиталя № 5393 (5413) в Кисловодске, вызывают в Москву. Ему поручается восстановить санаторий им. Горького» [Санаторий 2012, с. 133–134].

К моменту выхода в свет книги в июне 2012 г. это были единственные сведения о том, что происходило на территории санатория во время Великой Отечественной войны.

Знакомство с документами, обнаруженным в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ ЦАМО РФ в г. Подольске и в Филиале ЦАМО (военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург), позволило подтвердить адекватность описания событий военных лет на Крестовой горе. Однако вновь найденные документы позволили уточнить некоторые детали: например, госпитали № 2002 и № 5397 – это не один, а два разных госпиталя, размещенные на территории санатория им. Горького до и после немецкой оккупации. Госпиталь № 5397 начал работать не с мая, а с 15 января 1943 г. и был рассчитан не на 350, а на 450–500 коек. Наконец, госпитали № 5393 и № 5413, в которых работал врач А.В. Венгеровский – это тоже два разных госпиталя. Первый существовал с 17 марта 1943 г. по 10 июля 1944 г., второй – с 25 января 1943 г. по август 1945 г.

Главная цель архивных изысканий состояла в обнаружении новых сведений, касающихся организации и деятельности кисловодских госпиталей № 2002 и № 5397. На их основе и будет построено дальнейшее изложение.

1. Эвакогоспиталь № 2002

Согласно карточке № 2244 Картотеки по дислокации госпиталей Филиала ЦАМО РФ (военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург), эвакогоспиталь № 2002 сформирован Народным комиссариатом здравоохранения Северо-Кавказского военного округа (СКВО НКЗ). Значится на 16 августа 1941 г. в г. Кисловодске. Расформирован 9 августа 1942 г. Штатное количество коек – 800.

Однако в итоговой оперсводке за январь 1943 г. Полевого управления 37-й армии, указано, что эвакогоспиталь № 2002 сформирован 20 июля 1941 г.

1. В соответствии с распоряжением СНК СССР № 20018-р от 16 октября 1944 г. санаторий им. М. Горького Академии наук СССР Управления делами Академии наук СССР был принят от Управления Кисловодского курорта в ноябре 1944 г. Основание: выписка из протокола № 3 распорядительного заседания Президиума Академии наук СССР от 6 февраля 1945 г. См.: [Санаторий].

[Итоговая оперсводка]. Согласно этому документу, почти все кисловодские госпитали были сформированы 18 или 20 июля 1941 г. Все они просуществовали до 9 августа 1942 г., а 10 августа 1942 г. Кисловодск был оккупирован.

Начальником эвакогоспиталя № 2002 была назначена майор медицинской службы Аделина Львовна Златковская. Ее анкетные данные представлены в двух карточках – по госпиталям № 2002 и № 5413 – картотеки Центрального военно-медицинского управления (ЦВМУ) Филиала ЦАМО РФ в Санкт-Петербурге. Согласно этим данным, она родилась в 1901 г. в г. Золотоноша Полтавской области, еврейка, служащая из крестьян, с 1941 г. – член ВКП (б). В 1925 г. она окончила медицинский факультет Среднеазиатского университета, стала физиотерапевтом. С 1941 г. – на военной службе, с апреля 1945 г. – майор. До назначения начальником эвакогоспиталя № 5413 она руководила госпиталем № 2002. Уволена в запас по болезни в ноябре 1945 г. Награждена орденом «Знак Почёта» и медалью «За оборону Кавказа».

Сведения о ее службе в 1941–1942 гг. в госпиталях № 2002 и № 5413 расходятся. Согласно приказу № 0100 ГВСУ, А.Л. Златковская являлась начальником эвакогоспиталя № 2002 с 22 апреля 1942 г. В другой карточке время ее службы значится с августа 1941 г. по 6 августа 1942 г., а госпиталь не указан. Однако судя по архивным документам, А.Л. Златковская действительно была начальником эвакогоспиталя № 2002, расположенного на территории санатория им. Горького с 20 июля 1941 по 9 августа 1942 г., т.е. практически с начала войны до оккупации Кисловодска [Итоговая оперсводка].

На обстановку, в которой проходила ее служба, проливает свет вышедшая в Израиле на русском языке статья «Этапы Холокоста» Виталия Карлинского. Статья была опубликована в 2015 г. в израильской газете «Negev.Info». В. Карлинский рассказывает историю эвакуации его семьи в 1941 г. из Днепропетровска в Кисловодск и работу своей мамы, Розалии Яковлевны Карлинской, в качестве хирургической медсестры в госпитале, разместившемся на территории санатория им. Горького АН СССР.

В. Карлинский, которому 9 мая 1941 г. исполнилось всего восемь лет, неверно воспроизводит по памяти номер госпиталя, называя № 2001 вместо № 2002 (госпиталь № 2001 располагался рядом – на территории санатория Центросоюза). Но важно другое – он упоминает об А.Л. Златковской: «Начальником госпиталя была военврач полковник Златковская Аделина Львовна, комиссаром – капитан Кирагозов. Все мы жили в комнатах подсобных помещений, двери из которых выходили прямо на улицу». В указании воинского звания А.Л. Златковской В. Карлинский, к сожалению, тоже ошибается. Однако он свидетельствует о работе А.Л. Златковской в качестве начальника госпиталя уже в 1941 г.:

«Зима 1941–42 выдалась очень суровой. А немцы бросили огромные силы на взятие Кавказа. Им нужна была нефть Баку. Шли кровопролитные бои за

Ростов-на-Дону, который несколько раз переходил из рук в руки. В госпиталь сплошным потоком поступали раненые. Палаты и коридоры были переполнены, повсюду стоны и крики раненых.

Мы, дети 7–10 лет, быстро повзрослели и, как могли, помогали медицинскому персоналу. Мы кормили людей, оказавшихся без рук, ослепших, парализованных. Постоянно устраивали в палатах выступления, исполняя популярные тогда песни “Катюша”, “Три танкиста”, “Идёт война народная” и др., читали стихи Пушкина, Некрасова, Маршака и др.

Видя и слушая нас, раненые представляли, что перед ними их дети, так же скитающиеся по стране и прячущиеся от фашистских бомб и снарядов. И, забывая боль, они плакали, глядя на нас».

В статье В. Карлинского речь идет также об эвакуации кисловодских госпиталей в августе 1942 г. через горы в сторону Нальчика. Поэтому она может служить ценным свидетельством событий того времени. «Пешком шли все, – вспоминает он, – только в нашем госпитале № 2001 насчитывалось более 1000 раненых. Транспортом были всего 12 подвод, на которые поперек ставили по 3–4 носилок с безногими, раненых с перебитыми позвоночниками, в живот и т.п. Ослепшие на костылях, с гипсом на руках, шее, на одной ноге и т.п. двигались пешком» [Карлинский 2015, с. 8].

* * *

С помощью архивных документов, в частности тех же карточек картотеки ЦВМУ в Филиале ЦАМО РФ в Санкт-Петербурге, удалось также конкретизировать биографические сведения о помощнике начальника госпиталя Соломоне Наумовиче Вайнере – еврее, служащем из колонистов-земледельцев, родившемся 11 октября 1884 г. в Колонии Волярка Одесской области. Старый большевик, вступивший в партию в 1905 г., он учился за границей, в 1911 г. в Мюнхене получил диплом врача. Вайнер владел тремя языками: русским, французским и немецким. С 1940 г. он – военврач 2-го ранга.

К числу других документов по эвакогоспиталю № 2002, которые хранятся в Филиале ЦАМО РФ, относится список врачей – начальников отделений и ординаторов за 1941–1942 гг. [Управление кадров, л. 232.]. Он насчитывает 20 человек: Вайнер Соломон Наумович, Зильберберг Михаил Яковлевич, 1896 г.р., хирург, доцент, начальник отделения, Виленский Николай Александрович, 1886 г.р., невропатолог, начальник отделения, Жуковский Ипполит Иванович, 1874 г.р., терапевт, начальник отделения, Невольникова Ия Фёдоровна, 1900 г.р., терапевт, начальник отделения, Дарон Давид Яковлевич, 1890 г.р., врач-гинеколог, начальник отделения, военврач 3-го ранга, Гринфельд Ася Марковна, 1908 г.р., хирург-гинеколог, начальник отделения, Панич Ида Михайловна, 1902 г.р., ларинголог, начальник отделения, Белая

Полина Давидовна, 1902 г.р., терапевт, ординатор, Леонтьева Валентина Михайловна, 1908 г.р., невропатолог, военврач 3-го ранга, ординатор, Штернберг Аркадий Львович, 1901 г.р., терапевт, ординатор, Локтева Александра Титовна, 1906 г.р., окулист, ординатор, Доль-Вайнер Сарра Борисовна, 1894 г.р., терапевт, ординатор, Гетова Екатерина Николаевна, 1897 г.р., терапевт, ординатор, Уруй-Магова Ксения Асланбековна, 1904 г.р., терапевт, ординатор, Сивчикова Полина Павловна, 1889 г.р., терапевт, ординатор, Гринберг Тина Абрамовна, 1905 г.р., физиотерапевт и невропатолог, начальник физиотерапевтического отделения, Балабан Иосиф Яковлевич, 1895 г.р., рентгенолог, доцент, начальник рентгенологического отделения, Бескина Дебора Борисовна, 1905 г.р., врач-лаборант, заведующая лабораторией, Ка Цен-Богин Сергей Яковлевич, 1880 г.р., зубной врач, начальник зубоврачебного кабинета.

2. Эвакогоспиталь № 5397

После освобождения Кисловодска 10 января 1943 г. моторизованным отрядом под командованием начальника разведотдела штаба 37-й армии подполковника В.И. Щербенко [Итоговая оперсводка] наведением порядка в городе занимался Кисловодский военный гарнизон и военная комендатура г. Кисловодска. Гарнизонную службу несли военнослужащие войск НКВД. Организацией работы госпиталей и наведением в них порядка занимались начальники госпиталей, которые подчинялись Управлению Местным эвакуационным пунктом (МЭП)–90 [Гарнизон и комендатура].

Эвакуационный госпиталь № 5397 Народного Комиссариата здравоохранения сформирован Курортным управлением г. Кисловодска; номер госпиталю присвоен 15 апреля 1943 г. Однако фактически госпиталь начал работу уже 15 января 1943 г.

1 октября 1944 г. он был расформирован Управлением Кисловодского курорта. В соответствии с распоряжением СНК СССР № 20018-р от 16 октября 1944 г. санаторий им. Горького АН СССР Управления делами АН СССР был принят от Управления Кисловодского курорта в ноябре 1944 г.

В Филиале ЦАМО РФ в г. Санкт-Петербурге удалось обнаружить бланк-отчет по эвакогоспиталю № 5397 его начальника, майора медицинской службы Дмитрия Филипповича Полещука от 10 ноября 1943 г. Согласно этому документу, госпиталь был рассчитан на 450 коек, максимально там могло быть размещено 500 человек. Госпиталь занимал здание бывшего санатория им. Горького; расстояние от госпиталя до железнодорожной станции Кисловодск составляло 1 км. Госпиталем ведал Народный комиссариат здравоохранения, своего транспорта и даже «саней» у него не было, зато было в наличии «3 лошади, из них 1 больная, при 2 повозках». В штате госпиталя

состоял один «консультант-профессор невропатолог-психиатр Останков»; невропатолог, психиатр, врач ЛФК, хирург, рентгенолог, врач-лаборант и зубной врач – всего восемь врачей.

300 коек в госпитале было предназначено для хирургических больных (из них 90 – для пациентов с газовой гангреной), 150 – для терапевтических больных (из них 100 – для неврологических больных и 50 – для больных психическими заболеваниями). По состоянию на 10 ноября 1943 г., в госпитале работали рентгенологический и физиотерапевтический кабинеты, лаборатория и кабинет лечебной физкультуры. Не было специального кабинета переливания крови – поэтому кровь переливали в операционной [Паспорта на эвакогоспитали, л. 171].

В Филиале ЦАМО РФ в Санкт-Петербурге в Картотеке ЦВМУ имеются карточки на трех начальников эвакогоспиталя № 5397 – уже упоминавшегося выше Д.Ф. Полещука, Е.П. Рождественского и А.К. Колесникова.

Согласно этим сведениям, майор Дмитрий Филиппович Полещук, русский, служащий, родился в 1903 г. в станице Курсовка Ставропольской области, был членом ВКП (б) с 1936 г., окончил 1-й Московский медицинский институт в 1939 г. С августа 1942 г. по январь 1943 г. воевал в партизанском отряде. Начальником госпиталя № 5397 он был назначен 15 января1943 г. и пробыл на этом посту до 24 марта 1944 г., когда был переведен в другой госпиталь, № 5410. В феврале 1946 г. он был уволен в запас по болезни.

Полещука сменил в должности начальника госпиталя № 5397 майор медицинской службы Евгений Павлович Рождественский, 1900 года рождения, уроженец г. Кузнецка, выпускник Краснодарского медицинского института. Он служил в Красной армии с 1941 г., был награжден Орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Третьим начальником этого госпиталя был военврач 1-го ранга Алексей Кондратьевич Колесников. Колесников, русский, происходивший из крестьян, родился в 1900 г. в с. Алексеевка Острогорского района Воронежской области, с 1920 г. служил в Красной армии, участвовал в Гражданской войне – санитаром, командиром медико-санитарного батальона, затем дивизионным врачом. После Гражданской войны он учился: в 1925 г. окончил медицинский факультет Ростовского государственного университета по специальности «врач-венеролог». В 1944 г. стал членом ВКП (б), с августа по ноябрь того же года был начальником госпиталя № 5397.

После окончания войны Колесников руководил поликлиниками, Хотстинским домом отдыха (1947), преподавал военно-санитарные дисциплины в Азово-Черноморском Сельхозинституте. В 1948 г. уволен в запас по болезни. Награжден Орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».

Следует отметить, что в фонде по эвакогоспиталю № 5397 [Отчет, л. 156] содержится одна справка-отчет за июль 1944 г., где без личной подписи стоит фамилия начальника эвакогоспиталя № 5397 – Ильин. Никакой другой информации о нем обнаружить не удалось.

* * *

Архивные документы позволяют описать некоторые аспекты быта эвакогоспиталя. Нарушение дисциплины ранеными по закону военного времени оборачивалось для нарушителей отправкой в штрафные роты. В документах Комендатуры г. Кисловодска, хранящихся в ЦАМО (г. Подольск), по эвакогоспиталю № 5397 зафиксировано два таких случая.

Из приказа комендатуры военного гарнизона г. Кисловодска за ноябрь 1943 г. следует, что сержант Тищенко А.М., находясь на излечении в эвакогоспитале № 5397, систематически совершал самовольные отлучки, сопряженные с пьянством и хулиганскими действиями, и – в итоге – был отправлен в штрафную роту сроком на два месяца [Гарнизон и комендатура, л. 24].

В обязанности начальников госпиталей входила организация дежурств по госпиталю из состава выздоравливающих раненых бойцов. Во время дежурства врачи были обязаны следить за порядком в госпитале, соблюдать светомаскировку в темное время суток. Врачи, дежурившие по госпиталю, вели записи в дневнике дежурных врачей. Согласно выписке из такого дневника, в ночь с 4 на 5 мая 1944 г. в эвакогоспитале № 5397 случилось чрезвычайное происшествие:

«В 3 часа дня 4/V больной Машлаев 4 отд[еления] стоял на посту у выхода на лестнице. На территорию зашли два бойца. Из слов санитарки Жуковой 4 отд[еления], они из “Наркомтяжпрома”. И стали рвать сирень. Тов. Машлаев запрещал им, один из бойцов ударил его веточкой по лицу, последний дал ему пощечину. Второй стоящий боец выхватил нож и ударил Машлаева в левое плечо, нанес ему ножевую рану. Общее состояние ср. тяжести. Д[ежурный] в[оенврач] Перекрёстова» [Книга дежурного врача, л. 12].

Иногда кто-то из тяжелораненых пытался покончить с собой. В дневнике дежурства с 30 апреля на 1 мая 1944 г. описан случай, когда больной Цупко выпил за один прием 13 порций люминала. «При расспросе больного он подтвердил, сказав, что так надо было. Утром 1. V после пробуждения он схватил нож из-под подушки, повторяя, что жить больше не будет. Нож у него забрали.

Потом в течение суток поили молоком, чаем… Общее состояние улучшилось» [Книга дежурного врача, л. 13].

Начальники госпиталей были обязаны отчитываться перед вышестоящим начальством не только за санитарное состояние, безопасность здания и людей, но и за материальные ценности и расходование средств.

Так, из акта ревизии 17. VI–20. VI. 44 г. следует, что «принято решение о взыскании» с врачей и сотрудников госпиталя:

«Мирошниченко И.К. 2000 р. – немедленно, недостача по кассе,

Меликова Н.М. 144 р. 00 до 1. VII – недостача по кассе,

Мирошниченко И.К. 590 р. 00 до 1. VIII – начет за переплаты ден[ежных] ср[едст]в раненым б[ойца]м,

Нагулин П.И. 920 р. 00 – до 1. VIII – то же» [Отчет, л. 158].

Эвакогоспиталь № 5397 расформирован фактически в ноябре 1944 г. В январе 1945 г. А.В. Венгеровский снова стал главным врачом санатория им. Горького АН СССР, проработав в нем до выхода на пенсию до 16 июля 1964 г.

* * *

Выражаем благодарность за помощь и внимание при сборе архивных материалов сотрудникам Филиала Центрального архива Министерства обороны (военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург): Смекалову Андрею Владимировичу, начальнику архива; Пономаренко Владимиру Николаевичу, начальнику отдела хранения; Яворскому Мирону Мироновичу, научному сотруднику; Маришенко Тамаре Алексеевне, старшему хранителю фондов; Сафоновой Александре Рифовне, старшему хранителю фондов; Мирской Светлане Леонидовне, ведущему архивисту; Семешкиной Елене Викторовне, архивисту; Амировой Татьяне Фёдоровне, архивисту; Андреевой Татьяне Васильевне, архивисту; Степановой Вере Николаевне, начальнику отдела кадров.

Библиография

Гарнизон и комендатура г. Кисловодска // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), г. Подольск. Ф. Управление военного коменданта г. Кисловодска. Оп. 694735. Д. 2. 30 л.

Книга дежурного врача Э[вако]г[оспиталя] 5397 // Филиал ЦАМО (военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург). Ф. 6598. Оп. 65763. Д. 1. 40 л.

Санаторий им. А.М. Горького РАН в Кисловодске (1923–2008): Сб. ст. М., 2012. 272 с.

Санаторий им. Горького // Архив Кисловодского объединения санаторно-курортных организаций профсоюзов. Ф. 70. Д. 1.

Управление кадров Главвоенсанупра К[расной] А[рмии] // Филиал ЦАМО.Ф. 1. Оп. 1403. Д. 289. 276 л.

Итоговая оперсводка за январь 1943 г. Полевого управления 37 армии // ЦАМО РФ, г. Подольск. Ф. 392. Оп. 8898. Д. 55.

Карлинский В. Этапы Холокоста // Negev.Info. 2015. 8 апреля. № 1010. С. 8 [Электронный ресурс]. URL: http://www.negevinfo.co.il/wp-content/uploads/8-04-2015.pdf (дата обращения: 15.03.2018).

Паспорта на эвакогоспитали, 03.10.43–09.12.43 // Филиал ЦАМО.Ф. 1. Оп. 1405. Д. 94. 489 л.

Отчет Н[ародного] К[омиссариата] о[бороны], январь 1944 – октябрь 1944 // Филиал ЦАМО.Ф. 6598. Оп. 66784. Д. 1. 216 л.

References

Garnizon i komendatura g. Kislovodska // Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii (CAMO), g. Podol'sk. F. Upravlenie voennogo komendanta g. Kislovodska [Garrison and the commandant's office in Kislovodsk. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMO), Podolsk. F. Directorate of the Military Commandant of Kislovodsk]. Op. 694735. D. 2. 30 l. (In Russ.)

Itogovaja opersvodka za janvar' 1943 g. Polevogo upravlenija 37 armii [Final operational summary for January 1943 of the Field Administration of the 37th Army]. CAMO.F. 392. Op. 8898. D. 55. (In Russ.)

Karlinskij V. Jetapy Holokosta [Holocaust Stages]. Negev.Info. 2015. 8 aprelja. N 1010. S. 8 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.negevinfo.co.il/wp-content/uploads/8-04-2015.pdf (date of access: 15.03.2018). (In Russ.)

Kniga dezhurnogo vracha Je[vako]g[ospitalja] 5397 [The book of the doctor on duty of the evacuation hospital N 5397]. Filial CAMO (voenno-medicinskih dokumentov, g. Sankt-Peterburg) F. 6598. Op. 65763. D. 1. 40 l. (In Russ.)

Otchet N[arodnogo] K[omissariata] o[borony], janvar' 1944 – oktjabr' 1944 [Report of the People's Commissariat of Defence, January 1944 – October 1944]. Filial CAMO.F. 6598. Op. 66784. D. 1. 216 l. (In Russ.)

Pasporta na jevakogospitali [Passports to evacuation hospitals], 03.10.43–09.12.43. Filial CAMO.F. 1. Op. 1405. D. 94. 489 l. (In Russ.)

Sanatorij im. A.M. Gor'kogo RAN v Kislovodske [Sanatorium im. A.M. Gorky RAS in Kislovodsk] (1923–2008): Sbornik statey. Moscow, 2012. 272 p. (In Russ.)

Sanatorij im. Gor'kogo [Gorky sanatorium]. Arhiv Kislovodskogo ob'edinenija sanatorno-kurortnyh organizacij profsojuzov. F. 70. D. 1. (In Russ.)

Upravlenie kadrov Glavvoensanupra K[rasnoj] A[rmii] [Personnel Department of the Red Army, Main Military Health Directorate]. Filial CAMO.F. 1. Op. 1403. D. 289. 276 l. (In Russ.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.15

Н.И. Бубнова

УСТРАНЕНИЕ СУЛЕЙМАНИ: БЕЗРАССУДНОЕ УБИЙСТВО ИЛИ ОПАСНЫЙ ПРОСЧЕТ ТРАМПА?

Аннотация. *В статье рассматриваются причины и последствия убийства американским авиаударом командующего элитным подразделением «Аль-Кудс» иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР) Касема Сулеймани. Особое внимание уделяется анализу того, как в данном событии отразились непоследовательность, противоречивость и волюнтаризм стратегии администрации Трампа на Ближнем Востоке в целом и в отношении Ирана, в частности.*

Убийство Сулеймани стало важным водоразделом в международных отношениях и вызвало вопросы по поводу значения американской политики в Ближневосточном регионе. Этот акт очевидно противоречил заявленным администрацией Трампа целям не ввязываться в войны и свертывать американское присутствие на Ближнем Востоке. При принятии данного решения были проигнорированы риски, связанные с возможными ответными действиями со стороны Ирана, а также негативные последствия для отношений США как с их партнерами из числа стран Персидского залива, так и с их европейскими союзниками. Была также фактически поставлена точка в судьбе международного Соглашения по ядерной программе Ирана.

Делается вывод о том, что только стечение обстоятельств позволило не дать кризису перерасти в большую войну. Однако проведенная операция ухудшила ситуацию для каждой из заинтересованных стран, включая сами Соединенные Штаты. При этом были созданы новые точки риска и дополнительные опасности для будущего развития международных отношений и нанесен ущерб как региональной стабильности, так и международной правовой системе урегулирования конфликтов. Проведенный анализ позволяет прийти к заключению о недопустимости субверсивных действий на международной арене и необходимости международного сотрудничества в разрешении конфликтных ситуаций на основе международного права.

Ключевые слова: *убийство Сулеймани; Иран; СВПД; ядерная сделка с Ираном; стратегия Трампа.*

Бубнова Наталия Игоревна – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН,
Россия, Москва. E-mail: nbubnova@imemo.ru
Scopus Author ID: 57196712897;
Web of Science Researcher ID: U-3588–2017

Bubnova N.I. Soleimani's Assassination: Reckless Murder or Trump's Dangerous Escapade on a Road to Nowhere?

Abstract. *The article analizes the implications and consequences of the assassination, in the early 2020, of the head of the Iranian elite Quds Force, Qasem Soleimani, in a U.S. air strike near the Baghdad Airport in Iraq. The piece also attempts to place the tragic event into the general context of the U.S. policy, as well as global politics at large.*

The assassination of Soleimani became a major watershed in international relations, raising questions as to the character of the U.S. policy in the region and towards Iran in particular. The act seemed to contradict the Republican administration's proclaimed goals of ending wars and withdrawing from the Middle East, while it also reflected the inconsistent and haphazard nature of Trump's politics. It also failed to anticipate Iranian possible military retalitations as well as negative repercussions from both the U.S. partners in the Gulf and the European allies. Furthermore, Soleimani's assassination all but ended Iran's participation in the Iranian Nuclear Deal, which became the collateral victim of the Trump's reckless escapade. While narrowly avoiding the spill-over into a major military confrontation, the crisis could have been damaging for each and every of the concerned countries, including the United States itself. It created obvious dangers and pitfalls for future global relations, weakened the regional stability, and undermined the existing international legal instruments for conflict resolution.

Keywords: *Qasem Soleimani's assassination; Iran; Iranian Nuclear Deal; maximum sanctions; Trump's strategy.*

Bubnova Natalia Igorevna – Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher, Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow.
E-mail: nbubnova@imemo.ru
Web of Science Researcher ID: U-3588–2017;
Scopus Author ID: 57196712897

2 января 2020 г. в ходе спецоперации ударом американских дронов, нанесенным по кортежу около Багдадского аэропорта, был убит Касем Сулеймани, командующий элитного подразделения «Аль-Кудс» иранского Корпуса стражей исламской революции, а также иракский военачальник Абу Махди аль-Мухандис и еще восемь военных.

Этой спецоперации предшествовала цепочка событий, вызывавших все возраставшее раздражение США: захват Ираном уже шести нефтеналивных судов, ликвидация, предположительно им же, двух американских беспилотников, нападение дронов на саудовские нефтедобывающие предприятия, обстрел американской базы в Киркуке, в ходе которого погиб американский гражданин. Тем не менее указанная акция шла вразрез с достаточной осмотрительностью США в действиях в отношении Ирана, демонстрировавшейся

ранее как руководством Трампа, так и предыдущими администрациями Барака Обамы и Джорджа Буша-младшего. В свое время Трамп отказался от нанесения удара в последний момент, отменив уже отданный приказ, в июне 2019 г., когда был сбит американский беспилотник.

В прозвучавших сразу вслед за событием оценках произошедшего и прогнозах относительно будущего развития ситуации, изначально отчетливо прослеживались две точки зрения. Ведущие эксперты по региону утверждали, что несмотря на возросшую опасность новой войны, Соединенные Штаты воздержатся от нанесения ударов по Ирану (Аркадий Дубнов), а Иран, в свою очередь, скорее всего не будет вступать в вооруженную конфронтацию с Америкой (Алексей Малашенко), «Иран вопит и бряцает… но сливает», а Трамп «демонстрирует готовность к возмездию …но …ничего не предпринимает» [Круткинин 2020], довольствуясь лаврами победителя (Михаил Крутихин), а «Третья мировая будет не в этот раз» [Князев 2020]. Однако ряду военных экспертов и специалистов-международников – Сергею Станкевичу (политолог), Елене Лукьяновой (юрист), Павлу Фельгенгауэру (военный журналист) и автору данного исследования (американист) – более чем вероятным представлялся сценарий эскалации с возможным вооруженным столкновением между Соединенными Штатами и Ираном, вероятность которого казалась выше, чем когда-либо со времени Иранской революции 1979 г.

Что же это было и почему на тот момент удалось «разрулить» ситуацию? Каковы уроки, которые можно извлечь из данного кризиса на будущее, и какова их цена?

Кто и почему распорядился устранить Сулеймани?

Начиная с председателя американского Комитета начальников штабов Марка Милли, представители американского руководства, включая и самого президента Трампа, один за другим выступали с утверждениями, что решение о ликвидации Сулеймани было принято в связи с «убедительными» разведданными, свидетельствовавшими о том, что под руководством Сулеймани в ближайшее время готовились враждебные акты против США, и было бы, по словам Милли, «преступной халатностью» не предупредить их. Трамп в связи с этим говорил, что у США «лучшая разведка в мире», которая сообщала о готовящихся против США атаках, «неизбежных и зловещих».

Однако что это были за данные, какие именно действия готовились, не сообщалось. О чем было достоверно известно, так это, что решение о ликвидации Сулеймани было принято непосредственно президентом. Затем в газетах появлялись рассказы, как к нему несколько дней кряду до операции приходил государственный секретарь Майк Помпео в сопровождении министра обороны и убеждал его в необходимости данной акции. Решение Трампа было

принято в обстановке повышенной секретности, без согласования с Конгрессом, в связи с чем в Капитолии выражали возмущение. Спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси в сделанном ею специальном заявлении подчеркнула, что оповещение Белым домом о совершенном нападении на Сулеймани «вызывает серьезные и неотложные вопросы о времени, способе и обоснованности решения администрации предпринять враждебные действия против Ирана» [Smith 2020]. Известно, однако, что небезызвестный Линдси Грэм, с 2019 г. возглавляющий комитет по судебной системе Сената, был в курсе готовившейся спецоперации: ему сообщили о ней за несколько дней до нанесения удара. А другой сенатор-республиканец Тед Круз постфактум даже выступил с инициативой принять резолюцию в поддержку совершенной акции.

Оставалось непонятным, однако, почему Трамп, ранее часто не доверявший данным разведки, на этот раз предпочел положиться на них. В день самой спецоперации было лишь уточнено, что якобы предотвращенные убийством Сулеймани удары могли наноситься из соседних стран и могли быть направлены против американских дипломатов и военных. Через пару дней советник по национальный безопасности Роберт О'Брайн сказал, что под руководством Сулеймани готовилось нападение на «помещение с американскими дипломатами» [Forgey 2020]. А еще несколько дней спустя Помпео выступил с заявлением, что вовсе не обязательно общественности будет представлена вся совокупность данных, побудивших принять решение о ликвидации Сулеймани. Однако лидер демократов в Сенате Чак Шумер и заместитель председателя комитета по иностранным делам Сената Роберт Менендес призвали президента США полностью рассекретить факты, послужившие обоснованием операции по устранению Сулеймани. Но Помпео на своем пресс-брифинге в Госдепартаменте, где обещал прояснить вопрос о данных, побудивших предпринять операцию, в ответ на прямой вопрос об этом давал уклончивые ответы – мол не только разведданные, но и другая информация, полученная от работающих в регионе, заставила принять решение ликвидировать Сулеймани. Потом Трамп сказал, что готовилось нападение на американское посольство в Багдаде, а его сотрудники уточнили, что он имел в виду уже состоявшееся нападение, т.е. имевшую место в декабре 2019 г. попытку штурма, пресеченную иракскими властями. Но еще через день и сам президент и другие высокопоставленные американские представители говорили о «посольствах в различных странах», на что министр обороны Марк Эспер, в ответ на заданный ему вопрос, фактически возразил, что речь не шла о конкретных посольствах. Когда же потом президент провел закрытый брифинг для конгрессменов для объяснения причин, побудивших принять решение о ликвидации Сулеймани, то те, по их собственным оценкам, не были удовлетворены полученными разъяснениями. Показательно, что среди них были и двое сенаторов-республиканцев: Рэнд Пол от штата Кентукки и Майк Ли от

штата Юта (последний заявил, что это был, пожалуй, наихудший брифинг в его жизни, по крайней мере по военным вопросам). Таким образом, в отличие от ситуации с импичментом, в каком-то смысле был преодолен межпартийный раскол, и критика в адрес президента за убийство Сулеймани и за уклончивое обоснование произошедшего звучала от представителей обеих партий. После первой декады разбирательств «вокруг да около» в Конгрессе было принято решение, обязавшее Помпео представить всю совокупность фактов, на основании которых было принято решение о спецоперации.

Президенту также припомнили, как за несколько лет ранее, когда Барак Обама готовился к переизбранию, Трамп неоднократно говорил, что тому хорошо бы для победы на выборах начать войну «где-нибудь в Иране». Кроме того, как раз накануне убийства были рассекречены ранее не обнародованные по соображениям безопасности (reducted) строчки из электронных сообщений по поводу проволочек с предоставлением Украине военной помощи, однозначно свидетельствовавшие о том, что Трамп отдавал соответствующие распоряжения и стремился добиться от украинской стороны публичного обещания расследования деятельности своего конкурента на предстоящих выборах Джо Байдена и его сына именно в обмен на военную помощь. Естественно, что интерес всех телевизионных каналов в США, в том числе и компании *CNN*, которую не жалует Трамп, на время переключился с импичмента и набившего оскомину украинского quiproquo, на убийство Сулеймани. Сайт Министерства обороны США завис, как указывалось, «по техническим причинам». Но на этом сайте в те же дни появилось сообщение, что интересующиеся возможностью призыва должны знать, что решение о нем может быть принято только специальным законом с одобрения президента и Конгресса [Selective Service 2020]. Так значит, спрашивали, интересовались, беспокоились?! Причем так, что, вероятно, обрушили сайт. В результате Конгресс проголосовал за то, чтобы ограничить право президента принимать решения о новых военных шагах в отношении Ирана. Причем за то, чтобы не позволить президенту осуществлять соответствующие действия без согласования с Конгрессом, голосовали и некоторые республиканцы. Однако, вопреки тому что можно было бы предположить, репутация президента среди поддерживающей его части американского населения, высказывающемуся в те дни по горячим следам мнению ряда американских экспертов и работающих в США российских ученых, даже укрепилась. Впрочем, более точные данные на этот счет, основанные на результатах авторитетных социологических опросов, еще только предстоит увидеть.

В США и те, кто поддержал решение президента, и те, кто высказывали опасения относительно его возможных последствий, описывали Сулеймани как воплощение зла, человека, на руках которого кровь многих сотен американцев, устранение которого оправданно и «полезно» для человечества.

Действительно, во время войны в Ираке он руководил обеспечением содействия воевавшим там против американцев шиитским группировкам, в частности поставляя им бронебойные снаряды. В Штатах считают, что он стоял и за нападением на американское посольство в Багдаде в декабре 2019 г. А еще американский вице-президент Майкл Пенс в серии вызвавших у многих недоумение твитов написал, что Сулеймани стоял за тайным проникновением в Афганистан десяти из 12 террористов, совершивших теракты в США 11 сентября [Pence 2020]. Впрочем, вскоре последовали разъяснения, что имелись в виду боевики, проникшие в США через Афганистан. Здесь явственно прослеживалось желание привязать произошедшее убийство – чтобы найти ему юридическое оправдание – к принятому после нападения на башни-близнецы американскому Закону об использовании военной силы против террористов от 14 сентября 2001 г., санкционировавшему превентивные нападения на государства, организации и физические лица, причастные к событиям 11 сентября.

В своей же стране, где Сулеймани фактически был вторым по влиянию после верховного лидера, его считали героем. В Сирии он координировал помощь Вооруженным силам Асада в их войне с повстанцами, осуществлял деятельность в Йемене, Ливане, Афганистане, а также среди палестинцев, взаимодействовал с Хизбаллой и Талибаном, являлся главной или одной из двух главных фигур в иранской внешней политике. Он также возглавлял борьбу Ирана с ИГИЛ, за что пользовался уважением не только в Иране, но и в других странах региона.

В превалировавшем в США отношении к Сулеймани очевидна свойственная американцам манера представлять своих противников в черном цвете, т.е. то, что они сами называют «квадратным мышлением», а также (что было подмечено Сергеем Станкевичем) персонифицировать любую проблему: «Надо убрать Сулеймани (Милошевича, Каддафи, Саддама, Бен Ладена и т.д.) – и все решится». Но нет и не может быть оправдания внесудебной расправы. И не аргумент, что «другие делают это»: известно, что убийства за рубежом осуществлял Израиль, Советский Союз и др., – обвиняют в этом и нынешнюю Россию. Но нет оправдания этому ни в каком случае, ни по отношению к кому-либо. И американские интенции в данном случае нельзя оправдать убеждением в собственном праве сильного.

Также создан опасный прецедент, когда ударом США за рубежом убит государственный деятель другой страны. Такое ранее случалось разве что во время Второй мировой войны, когда американским истребителем в 1943 г. был сбит самолет главнокомандующего японским флотом Исороку Ямамото, составлявшего план нападения на Пёрл-Харбор. Сколько же последователей американской политики так же заявят (или подумают), что если Вашингтону так можно, то, значит, можно и им?! А ведь теперь, с появлением автономных

летательных аппаратов, самонаводящихся или с дистанционным управлением, которые могут постоянно осуществлять наблюдение за ситуацией и в отношении которых даже не всегда можно вычислить, откуда и кем они были выпущены, становится значительно легче, чем это было прежде, осуществлять такого рода операции. Политолог Кирилл Рогов, в частности, отмечал, что это новое современное явление гибридной войны, когда в ответ на нападение proxies могут быть проведены операции по ликвидации военачальников. Очевидна и реальная опасность перерастания такого рода операций в широкомасштабную войну. Недаром произошедшее сравнивали с убийством эрцгерцога Фердинанда, ставшим отправной точкой Первой мировой войны. Бывший вице-президент США Джо Байден, являющийся основным кандидатом на пост президента от Демократической партии, сказал, что Трамп бросил шашку динамита в бочку с порохом. А другой демократический кандидат сенатор Берни Сандерс заявил, что предпринятая Трампом опасная эскалация подвинула США ближе к войне.

Возможно, и в самом Белом доме есть люди, сознающие, что «что-то пошло не так», а точнее, что изначально замыслили не то, не рассчитали, не учли последствий содеянного. Об этом может, в частности, свидетельствовать увольнение «в день после» из американского Совета национальной безопасности Ричарда Голдберга, отстаивавшего более жесткую линию в отношении Ирана. Он занимал пост помощника советника по национальной безопасности и руководителя по противодействию ядерной программе Ирана – считалось, что данная должность была создана специально для него и под него еще Джоном Болтоном – в его бытность советником по национальной безопасности. Может ли так быть, чтобы Трамп спохватился? Что козла отпущения нашли …и отпустили? О том, что Трамп, возможно, не рассчитал последствия своих действий и в дальнейшем одумался, свидетельствует и позиция, оглашенная им несколькими днями позже в послании нации. Впрочем, об этом более подробно будет сказано ниже.

Реакция других стран

Сулеймани поддерживал связи с Россией, бывал в Москве. В западных источниках даже сообщалось, что именно под его влиянием Кремль принимал решение начать военные действия в Сирии. Затем Сулеймани координировал взаимодействие с российскими Воздушно-космическими силами (ВКС) сухопутные операции «на земле» в Сирии. Однако позиция Москвы не оказала какого-либо сдерживающего воздействия на принятие Вашингтоном решения о судьбе Сулеймани. Как не оказали на Вашингтон отрезвляющего влияния прошедшие буквально несколькими днями ранее, перед самым Новым годом, трехсторонние российско-китайско-иранские учения Военно-

морских сил (ВМС) в Индийском океане и Оманском заливе. А после устранения Сулеймани Москва проявила сдержанность, хотя в заявлениях МИДа и Министерства обороны эта акция была названа «недальновидным шагом» [Минобороны 2020]. Данный вопрос не был даже вынесен на обсуждение Совета Безопасности ООН.

Поскольку операция произошла на иракской территории и среди жертв были и иракские граждане – в том числе высокопоставленный представитель иракского военного командования – данное событие было воспринято Багдадом как вызов, ставящий под сомнение его суверенитет и послуживший поводом для пересмотра американо-иракского сотрудничества. Премьер-министр Ирака Адель Абду-Манди написал, что убийство Сулеймани явилось актом агрессии «против иракского государства, его правительства и народа». Он также заявил, что оно стало «нарушением условий пребывания американских сил в Ираке». А через день парламент страны проголосовал за то, чтобы выйти из международной Коалиции под эгидой США, и потребовал убрать иностранные войска с территории страны. В Ираке прошли демонстрации с требованиями вывести американские войска. А президент Трамп написал в Твиттере, что если претензии Ирака будут носить враждебный характер, то Соединенные Штаты подвергнут его таким санкциям, по сравнению с которыми санкции против Ирана «покажутся малостью». Речь, таким образом, идет о том, что в очередной раз под сомнение были поставлены суверенитет страны и ее право решать вопросы, касающиеся иностранного присутствия на собственной земле.

Особенно курьезной в этом плане – если подобное слово применимо к драматической ситуации – была неразбериха с письмом о выводе американских Вооруженных сил из Ирака, которое 6 января было разослано от имени командующего американскими войсками в Ираке, но без его подписи. Вдогонку, уже на следующее утро, последовали опровержения из Вашингтона. В частности, министр обороны Марк Эспер оправдывался, что это был черновик; данный текст не предназначался для обнародования; письмо было написано плохо; и – самое главное – **никакого вывода войск не будет**: «Нет, и точка». На что комментатор *CNN*, с характерным для современного английского языка, хоть и малоуместным в данном случае, использованием словосочетания «a little bit», сказал, что было «немножко путаницы» («a little bit of a confusion there»).

Так что, по-видимому, единственное, что на данный момент вполне ясно, – это что американские войска из Ирака выведены не будут. Напротив, туда были направлены дополнительно около 3 тыс. военного контингента. Также на остров в Индийском океане были в срочном порядке передислоцированы шесть американских бомбардировщиков B-52, причем сообщалось, что

в дальнейшем для их размещения будет переоборудована база на территории Ирака.

Союзники США, за исключением Израиля, не поддержали осуществленной ими акции, но после ответных ударов Ирана не выступили единым фронтом с США, как это предписывается ст. 5 Хартии НАТО. Но и Израиль, по сообщениям американских СМИ, дал понять, что не намерен был на тот момент участвовать в каких-либо военных действиях против Ирана (хотя ранее с израильской стороны неоднократно делались заявления, что в случае продвижения Ирана по пути создания ядерного оружия, Израиль не остановится перед уничтожением соответствующих производственных площадок). Япония послала военный корабль в Персидский залив. Представители стран Евросоюза собрались на экстренное заседание в Брюсселе, чтобы обсудить произошедшее. Евросоюз также направил главе иранского МИДа Джаваду Зарифу приглашение в Брюссель с целью «проведения переговоров по ситуации на Ближнем Востоке после авиаударов США». При этом верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель выразил «обеспокоенность» в связи с убийством Сулеймани и призвал «Иран проявлять сдержанность, чтобы избежать эскалации» [ЕС призывает 2020]. Эммануэль Макрон провел телефонный разговор с Путиным, а Ангела Меркель в срочном порядке приехала на консультации в Москву. Но европейские союзники США не выступили единым фронтом с осуждением Соединенных Штатов, не призвали их соблюдать международные законы. Германия объявила о выводе 35 военнослужащих из Ирака – только символической трети от общего числа в 120: тогда как парламент Ирака, как упоминалось выше, потребовал убрать всех. Впрочем, и партнеры России не высказали отчетливого осуждения Вашингтона. Не прозвучало заявления и от Шанхайской организации сотрудничества. Китай ограничился только лишь выражением озабоченности и призывом «к обеим сторонам воздержаться от эскалации». Даже со стороны стран – членов СНГ: Казахстана и Беларуси – негативных оценок не прозвучало. Российским международным чиновникам оставалось только лишь сокрушаться о том, что был упущен повод, чтобы подтвердить незыблемость норм международного права и необходимость следования им. Между тем показательно, что 7 января – в день православного Рождества – Путин отправился в Сирию (единственный из мировых лидеров, посетивший регион в разгар американо-иранского кризиса) и провел переговоры с сирийским лидером Асадом: по-видимому, для координации действий в сложившейся ситуации. А 8 января в Стамбуле, где он участвовал в открытии газопровода «Турецкий поток», прошли переговоры Путина с Эрдоганом, в ходе которых обсуждалась возникшая напряженность между США и Ираном и где был подготовлен документ, позволивший затем конфликтующим сторонам внутриливийского конфликта объявить о перемирии (не закончив-

шемся, однако, вопреки ожиданиям подписанием соглашения). Быть может, единственной страной, «выигрывшей» от американо-иранского кризиса, – разумеется в зависимости от субъективной оценки американской роли в мире и Латинской Америке – можно условно считать Венесуэлу, которую на те несколько дней, – несмотря на происходившие в стране бурные события, когда изгоняли Гуайдо из парламента, – Соединенные Штаты оставили своим «попечением».

А есть ли стратегия?

Старший сотрудник вашингтонского фонда Карнеги за международный мир Бретт Макгёрк, ранее работавший на руководящих должностях в сфере безопасности в администрациях Джорджа Буша, Барака Обамы и Дональда Трампа, в связи с убийством Сулеймани констатирует, что «теперешний Белый дом осуществляет внешнюю политику с изначально не поддающимися согласованию целями, лишенную внутренней логики и даже видимости предварительной проработки представлений о последствиях принимаемых решений» [McGurk 2020]. Убийство Сулеймани со всей очевидностью высветило вопрос о том, какова все же стратегия США по отношению к Ирану и в регионе в целом и есть ли она вообще?

В принятой при Трампе «Стратегии национальной безопасности» сказано: «Иран является основным государством – спонсором терроризма, пользуется нестабильностью, чтобы продвигать свое влияние в регионе через партнеров и зависимые от него группировки, поставляет оружие и финансирование, разрабатывает все более современные баллистические ракеты …осуществляет злонамеренные кибероперации и …поддерживает цикл насилия в регионе» [National Security Strategy 2017, p. 49]. Противодействие укреплению позиций Ирана на Ближнем Востоке стало важнейшим аспектом внешнеполитической стратегии республиканской администрации [Бубнова 2018, с. 69]. Впрочем, Макгёрк и усматривает здесь определенное противоречие. Так, с одной стороны, Трамп утверждает, что для него главное – это возродившаяся конкуренция великих держав и китайский вектор в политике, предполагающий переориентацию на Азию, (зафиксировано в его «Стратегии национальной безопасности»). А с другой стороны, Трамп предпринимает действия, которые де-факто ставят Иран во главу угла политики Вашингтона. На это можно, впрочем, возразить, что в той же «Стратегии национальной безопасности» терроризм дважды обозначается в качестве главного вызова, в связи с чем отмечается, что Иран является основным государством, спонсирующим террористические группы, а также Хизбаллу, ИГИЛ и Аль-Каиду.

Помпео сразу же после убийства Сулеймани заявил, что это первое в череде событий, которые ведут к смене режима. Однако Трамп в тот же самый

день подчеркнул, что Соединенные Штаты не стремятся к смене режима. По его утверждению, они сделали, что сделали, «не чтобы начать войну, а чтобы закончить войну».

Думают ли в США, что, ликвидировав Сулеймани, они разрушат созданную им и действовавшую под его руководством сеть и действительно предотвратят эскалацию насилия? Надеются ли США, что запугают всех других в регионе? Или же вдруг – как некоторые полагали – хотят поставить последнюю жирную, кровавую точку перед тем, как выйти из региона. И кроме того, чтобы в ответе Трампа Обаме сказать, что и у него – как у того Бен Ладен, – тоже есть на счету «собственный» убитый «глава террористов»? Или же, как полагает директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин, в США предприняли акцию в ответ на нападение на американское посольство в Ираке в декабре 2019 г., за которым, как считают в США, стоял Сулеймани и которое стало последней каплей в череде того, что в Вашингтоне представлялось как «иранские провокации». «Трамп просто обязан был показать согражданам, что не потерпит даже намека на то, что произошло с диппредставительством и послом США в Бенгази при президенте Бараке Обаме» [Тренин 2020].

Для разъяснений в Государственном департаменте на брифинге в день ликвидации Сулеймани выступал Помпео, заявивший, что стратегия США в отношении Ирана будет выражаться словами «Confront and Contain», противодействовать и сдерживать. Только остается все же непонятным, какова в этой стратегии – если она есть – роль совершенного акта убийства. И тем более не прояснилось, как это соотносится с неоднократно дававшимися Трампом обещаниями уйти от политики интервенционизма. Многие американские эксперты считают, что, проявляя активность на иранском направлении, администрация Трампа, хочет она того или нет, ставит Иран во главу угла своей политики, что идет вразрез с ее декларациями, закрепленными в «Стратегии национальной безопасности», определяющей конкуренцию великих держав в качестве главного вызова Соединенным Штатам и китайский вектор как основной в американской политике.

Таким образом, в операции против Сулеймани отразилась неопределенность и непоследовательность американской политики в регионе в целом и по отношению к Ирану, в частности. Очевидно, однако, что в отношении устранения Сулеймани речь может скорее вестись о тактических, а не о стратегических мотивах.

Иран обстреливает американские базы в Ираке

«Идя на такой шаг, Трамп сильно рисковал, – пишет Дмитрий Тренин. – Никто не мог достоверно предсказать ответ Тегерана» [Тренин 2020]. Ответ-

ный удар Ирана мог привести к многочисленным жертвам среди американцев. В таком случае Вашингтон скорее всего подверг бы уничтожению важнейшие иранские объекты, после чего обмен ударами скорее всего продолжился бы, поскольку на карту поставлен был бы престиж США и само выживание Исламской Республики. В конфликт оказались бы вовлечены и другие страны региона. Однако подобной эскалации удалось избежать.

Среди возможных ответов Ирана на американскую провокацию западные аналитики перечисляли возобновление Ираном программы по созданию ядерного оружия, нанесение ударов по Израилю, нападения на объекты и силы союзников США в странах Персидского залива и возможную бомбардировку нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий, контролируемых США или же находящихся в Саудовской Аравии, нападения на американские посольства в регионе, кибероперации против инфраструктурных предприятий США, а также усиление давления на Ирак с целью побудить его добиться вывода американских войск с его территории. Не исключали и операции на территории самих Соединенных Штатов. Трамп после убийства Сулеймани заявил, что если Иран посмеет совершить нападение против США, то ответ Соединенных Штатов будет многократно превосходить нанесенный Ираном удар, что у Соединенных Штатов уже запланированы 52 цели для атаки (по-видимому, по числу заложников, захваченных иранцами в 1979 г. в Американском посольстве) и что среди объектов для поражения будут и центры культуры Ирана. Впрочем, согласно международной конвенции, подписанной и самими США, уничтожение культурных ценностей является преступлением. По поводу последней из угроз президента Помпео потом заявил, что Трамп ничего подобного не говорил. Однако Трамп собственными устами снова подтвердил, что – да, в случае нападения Ирана, в ответ будут уничтожаться в том числе и культурные памятники этой страны: «Они убивают американцев, они калечат американцев, они ставят придорожные заряды, которые взрываются. А мы что? Так это не работает». Между тем 57% американцев (но только 57%!), по опросам, не поддерживают тезис о допустимости разрушения иранских культурных объектов. Высказывания президента с угрозами подвергнуть уничтожению культурные реликвии Ирана осудили и многие в Республиканской партии. А ведь, как справедливо отмечал Сергей Станкевич, угроза Трампа фактически повторяет, пока на словах, тактику террористов из Исламского государства, целенаправленно громивших памятники культуры мирового значения в сирийской Пальмире, иракском Мосуле и других местах.

На следующий день после выступления Трампа и другие высшие государственные и военные деятели страны, и Помпео на уже упоминавшемся брифинге в Государственном департаменте вынуждены были опровергать угрозу президента и говорить, что Соединенные Штаты будут действовать,

сообразуясь с нормами международного права. Однако опять же в нарушение своих международных обязательств, в тот же день, в Вашингтоне не дали визы иранскому министру иностранных дел, который должен был участвовать в заседаниях ООН.

Известно, что по решению Нюрнбергского трибунала, согласно созданному его постановлениями прецеденту, те, кто выполняет преступные приказы, сами подлежат судебному преследованию. Неизвестно, знают ли об этом американские военные. Но в любом случае в этом плане интересно, что член комитета по Вооруженным силам Палаты представителей американского Конгресса республиканец Дон Бэйкон в интервью счел возможным утверждать, что военные, в случае подобного приказа, не станут его выполнять. Что само по себе является беспрецедентным изъявлением намерения не выполнять приказы своих военачальников и верховного главнокомандующего страны – и отражением как внешнеполитического, так и внутриполитического кризиса в США.

Параллельно Трамп также, отдав приказ об уничтожении Сулеймани и затем, на протяжении всего кризиса, ничтоже сумняшесе, продолжал упоминать о возможности переговоров – типичный случай wishful thinking: неправильной оценки ситуации и прогнозирования вероятного развития событий, отражения традиционного для Вашингтона сочетания силы с незнанием. На следующий день после убийства Сулеймани он написал в Твиттере: «Иран никогда не выигрывал войны (это не так! – *Н. Б.*), но никогда и не проигрывал переговоров». Что он имел в виду? Просто хотел за слово «переговоры» еще раз подергать?! Но от частого его употребления они не станут более вероятными. С иранской стороны тогда однозначно было заявлено, что ни о каких переговорах не могло идти и речи.

Кроме того, как сообщал журнал *Guardian* (со ссылкой на иранского министра иностранных дел Джавада Зарифа и заместителя командующего КСИР, бригадного генерала Али Фадави), Белый дом выходил на иранское руководство через посольство Швейцарии в Багдаде, стремясь убедить его ограничиться «пропорциональным» ответом [Chlov 2020].

Тем временем в Иране на похороны Сулеймани пришли несколько миллионов человек. Во время похорон в ходе давки погибли более 50 человек, тоже, по сути, ставшие жертвами изначально совершенного акта насилия. Аятолла Хаменеи, объявив трехдневный траур, предупредил, что «жестокое отмщение ожидает преступников, стоящих за убийством генерала Сулеймани» [Wright 2020]. На место погибшего был быстро назначен его ближайший соратник, бригадир-генерал Эсмаил Гаани. Сама оперативность этого решения как будто призвана была убедить Вашингтон в тщетности американских усилий «вышибить из седла» иранское военное командование. Представитель Ирана в ООН сравнил убийство Сулеймани с объявлением войны и пообещал,

что Иран будет действовать. Министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф заявил, что убийство Сулеймани было актом государственного терроризма, что со стороны Ирана будет ответ, но что этот ответ будет «пропорциональным, потому что Иран, в отличие от США, – страна закона» [Zarif 2020]. «Соединенные Штаты несут ответственность за все последствия этого безрассудного авантюризма», – написал он в Твиттере. На иранском государственном телевизионном канале убийство Сулеймани назвали «самым опасным просчетом» со времени Второй мировой войны. «Народ региона не позволит более американцам здесь находиться» [Abdul-Zahra 2020], – констатировали там.

В письме Генеральному секретарю и Совету Безопасности ООН иранские власти указали, что Тегеран имеет право на самооборону. Парламент Ирана 7 января проголосовал за признание американских Вооруженных сил и Министерства обороны США террористической организацией. В тот же день с иранской стороны было объявлено, что существует 13 вариантов ответа США (ранее один из иранских генералов упомянул о 35 возможных целях). А Зариф сказал, что если в Америке указывают число 52, то там должны помнить и о 290: очевидно, имея в виду 290 жертв авиационной катастрофы 1988 г., когда американские военные по ошибке сбили иранский гражданский самолет с 290 пассажирами и членами экипажа на борту.

Многие отмечали очевидное: иранские Вооруженные силы слабы в сравнении с американскими. И у Ирана нет ядерного оружия – что в очередной раз подчеркнул Трамп после убийства Сулеймани, пообещав, что у Тегерана его и не будет: то же самое он подтвердил потом в Твиттере и выступая с посланием к нации. Но что касается возможных действий в регионе, то у иранцев имеется преимущество proximity – географической, а также этнической и культурной, близости. А кроме того, в отличие от американцев, иранские шииты не боятся умирать. Напротив, смерть в столкновении с врагом, смерть в процессе отмщения для шиитов – праведное дело (какой им представляется и гибель самого Сулеймани). Эту разницу в отношении к жизни и смерти автор данной статьи неоднократно обсуждала со своими студентами в рамках курса по национальной безопасности, который довелось преподавать в американском университете и треть слушателей которого составляли кадеты морской пехоты: для них он был обязательным.

В ночь с 7 на 8 января с иранской стороны были обстреляны две американские военные базы на иракской территории: в Аль-Асаде и Эрбиле. Было выпущено, по различным оценкам, от дюжины до двух с половиной десятков ракет. Впервые Тегеран, не таясь, взял на себя ответственность за это. Верховный лидер Аятолла Хаменеи заявил, что это было сделано в отмщение за смерть Сулеймани, что именно с этих баз были пущены дроны, которыми был нанесен смертельный удар, что это был оборонительный шаг в соответ-

ствии со ст. 51 Устава ООН, что данный ответ был пропорциональным, а Иран не хочет войны. Таким образом, Вашингтону фактически был дан сигнал о готовности иранского руководства притормозить и избежать эскалации. При этом с иранской стороны сообщалось о 80 погибших, а в западных источниках указывалось, что обошлось без жертв, а обстреляны были пустые помещения. Трамп даже сказал, что «никто не пострадал». Через несколько дней, однако, появились сообщения сначала о 11, а потом о 34 контуженых. Есть несколько версий, однако, почему никто не погиб. Некоторые высказывали предположение о якобы имевшей место тайной договоренности между американской и иранской сторонами, когда оба государства получили возможность проявить свою «силу», а затем продемонстрировать мудрость, избежав значительных человеческих жертв и не доведя дело до военного столкновения. Но данная версия скорее устраивала представителей конспирологических подходов, хотя не исключено, что во время кризиса между двумя сторонами были какие-то контакты. Также многие говорили как о факте, о том, что Соединенные Штаты получили информацию о предстоявших атаках заранее через Швейцарское посольство в Иране, представляющее интересы США, – и таким образом иранские удары, опять же, носили в значительной степени символический характер. Однако на *CNN* целый день 12 января выступали специалисты, которые на основании совокупности данных, в том числе ставших известными буквально накануне, доказывали, что у Ирана не было намерения только лишь «разыграть» нападения и при этом намеренно сберечь американские жизни. Они, в свою очередь, полагали, что имело значение то, что американцы получили информацию о предстоящем нападении из собственных разведывательных источников. Хотя известно, что сам Тегеран сообщил Багдаду о том, что будет нанесен удар. Но, по данным СМИ, это было совсем незадолго до атаки. А в Вашингтоне информацию получили заблаговременно, и уже ночью из помещений, подвергшихся затем обстрелу, был выведен личный состав. Как бы то ни было, в любом случае можно говорить о счастливом стечении обстоятельств, предотвративших перерастание конфликта в масштабное военное столкновения и, быть может, в войну. Однако был создан еще один опасный прецедент – на этот раз открытого, преднамеренного обстрела американских военных баз.

Трамп, в свою очередь, написал в Твиттере, что «все хорошо» и что у американской стороны могущественные Вооруженные силы, превосходящие все остальные. Тем не менее все ждали его обращения к нации, затаив дыхание. (Хотя уже заранее в часы, предшествовавшие выступлению, некоторые из располагавших инсайдерской информацией предсказывали, что президент намерен проявить сдержанность.) Затем Трамп в своем выступлении сообщил, что Америка не хочет использовать военную силу, и призвал Иран к совместной борьбе против ИГИЛ (пообещав, как обычно, дополнительные

санкции). Трамп также раскритиковал администрацию Обамы за то, что именно она, по его мнению, довела ситуацию в регионе до плачевного состояния, но при этом он говорил, что у США уже нет былой заинтересованности в Ближнем Востоке, поскольку они сами стали производить большие объемы нефти. То есть в отношении всех, кроме Обамы, речь была сугубо примирительной. Любопытно, что во время трансляции его речи на *CNN* крупным шрифтом в нижнем колонтитуле на экране стояло: «Трамп: “Иран, похоже, сдает позиции”». И это – прямо вечером того же дня после ночного обстрела американских баз в Ираке! Таким образом, очевидно, пытались смягчить то обстоятельство, что после совершенного внеправового волюнтаристского акта насилия Вашингтон очевидно продемонстрировал поспешную готовность идти на попятную.

СВПД и американская спецоперация против Сулеймани

Дональд Трамп всегда негативно отзывался о заключенном при Обаме Совместном всеобъемлющем соглашении по ядерной программе Ирана (СВПД) и обещал в случае избрания отказаться от соглашения, которое, по его мнению, позволяло Ирану разработать ядерное оружие, не ограничивало его ракетную программу и одновременно разблокировало его средства. Против соглашения выступали союзники США в регионе: Саудовская Аравия, страны Персидского залива и, как уже упоминалось, Израиль. Однако, по мнению других участников, соглашение явилось результатом продуктивного международного сотрудничества и остановило создание Ираном ядерного оружия, а многочисленные инспекции МАГАТЭ подверждали добросовестное выполнение Ираном взятых на себя обязательств [Мизин 2018]. В мае 2018 г. Соединенные Штаты тем не менее вышли из соглашения, возобновили прежние и ввели в действие новые санкции против Ирана, настаивая на заключении нового, более подходящего договора. Тегеран отказался от некоторых ограничений, наложенных на него СВПД, но из режима международного мониторинга его ядерной деятельности не вышел. А европейские страны и Россия, в свою очередь, пытались убедить Иран не выходить из соглашения, всячески со своей стороны стараясь компенсировать потери, понесенные им по вине США. Так, европейские страны предпринимали усилия для создания альтернативных возможностей платежей при осуществлении экономических контактов с Ираном, а в конце января 2019 г. лидеры Евросоюза объявили о создании финансового механизма для ведения торговли с Ираном в обход американских санкций – концерна INSTEX.

Впрочем, как и следовало ожидать, Иран почти сразу же, в первые дни после убийства Сулеймани, ожидаемо объявил о выходе из Совместного плана

действий. Это означало, что может быть возобновлена программа изготовления Ираном ядерного оружия, даже если он и не собирался этого делать. Хотя, как указывалось выше, американская сторона неоднократно заявляла (и в эти самые дни не раз повторяла), что в США не допустят, чтобы Иран получил ядерное оружие (такие же заявления ранее неоднократно делались и со стороны Израиля).

С иранской стороны также пригрозили раскрыть информацию, кто из американских высокопоставленных чиновников получал взятки и в каких размерах за то, чтобы согласиться подписать СВПД. Формат данной статьи не позволяет подробно останавливаться на этом. Отметим, однако, что подобные угрозы, безусловно, не только не шли на пользу соглашению, но и одновременно свидетельствовали о намерении Тегерана окончательно поставить на нем крест.

В ходе обращения к нации, когда Трамп после иранских ударов по базам США в Ираке сообщил, что дальнейшей эскалации не будет, он одновременно обратился к пяти странам – Германии, Франции, Великобритании, России и Китаю – с призывом поддержать США в разработке нового соглашения с Ираном.

Откликнулся тогда между тем лишь один Борис Джонсон. Он с пониманием высказался по поводу нелюбви Трампа к «Сделке Обамы» и заявил, что надо в таком случае подготовить «Сделку Трампа», не уточнив, впрочем, каково будет ее содержание. Джонсон также не учитывал, что иранское руководство – помимо возмущения американской политикой – не может без ущерба для себя пойти на пересмотр Соглашения в том числе из опасения репутационных потерь среди собственного населения и в глазах других стран. Другие же европейские страны во время визита в Брюссель 13 января иранского министра Зарифа основной темой для обсуждения сделали меры, направленные на сохранение СВПД. Россия со своей стороны всегда последовательно выступала – и продолжает выступать – за сохранение исключительного мирного характера ядерной программы Ирана.

Экс-заместитель государственного секретаря Уэнди Шёрман, возглавлявшая при Обаме американскую делегацию на переговорах по подписанию Соглашения по ядерной программе Ирана, написала, что президент одновременно играет роль поджигателя и пожарного: «Он пустил языки пламени по планете, когда вышел из СВПД, и затем, когда решил убить Касема Сулеймани. А теперь хочет быть пожарным и говорит: “Я все потушил. Это президент Обама, кто создал все эти проблемы”. Тогда как, конечно же, президент Трамп создал проблемы» [Cook 2020]. А ни одна из заявленных его администрацией два года назад целей в отношении иранской ядерной программы, как справедливо отмечает Макгёрк, не выполнена: Иран «накапливает

больше – а не меньше – обогащенного урана, и он запустил больше центрифуг, а не сократил их количество» [McGurk 2020].

Трагедия с украинским авиалайнером: Версии и последствия

Буквально через два часа после обстрела иранскими силами американских баз в Ираке в небе над Тегераном потерпел катастрофу украинский авиалайнер. Как и в трагическом случае с малайзийским «Боингом» в 2013 г., небо над страной и столицей закрыто не было. Погибли 176 человек. Три дня Тегеран отрицал вину за произошедшее, утверждая, что самолет не мог быть сбит ракетой, но потом, когда стало ясно, что зарубежные специалисты, допущенные на место трагедии, все равно выяснят истину, с иранской стороны признали, что самолет мог стать непреднамеренной жертвой противовоздушных мер в острейшей ситуации готовности к обороне после ракетных пусков по американским базам. Предполагают, что иранскому руководству могло быть сообщено, в том числе европейскими странами, поддерживавшими Иран в ситуации выхода США из СВПД, что последствия непризнания вины за случившееся многократно превысят возможные плюсы от сокрытия обстоятельств произошедшего. По-видимому, в Тегеране сочли возможным для себя совершить coming out в данной ситуации, поскольку обстрел самолета был осуществлен не войсками, подчиняющимися правительству, а отдельным вооруженным формированием, подчиняющимся КСИР.

После признания Тегераном вины в произошедшей трагедии с украинским самолетом министр иностранных дел Ирана в Твиттере выразил сожаление, извинения и соболезнования. Президент страны Роухани заявил, что виновные будут наказаны. А командующий ВКС КСИР заявил, что готов сам лучше умереть, только чтобы этого не случилось. С иранской стороны вместе с тем с полным на то основанием подчеркивали, что обстановка, в которой произошло крушение самолета, была спровоцирована Соединенными Штатами, совершившими убийство Сулеймани.

Однако 14 января была опубликована еще одна версия: якобы в украинском авиалайнере летел, срочно покидая страну, соратник Сулеймани, выдавший его местоположение американцам, со своей женой, которые и были уничтожены вместе с остальными 176 пассажирами и членами экипажа «Боинга». В свете этой новой версии возможно и переосмысление возобновившихся в стране протестов – связанных в подобном контексте с возмущением иранцев не только по поводу поздно сделанного признания – но также по поводу сбитого самолета и человеческих жертв. Ведь половина пассажиров были иранскими гражданами, а многие из остальных погибших также имели иранские корни.

Также через несколько дней получила распространение еще одна видеозапись, на которой было видно попадание в самолет не одной, а двух ракет. Про две ракеты говорили и раньше. Однако после того как иранские власти признали вину за случившееся, в последующую неделю иранские представители, по наблюдениям корреспондента *CNN* Ника Робертса, упоминали о ракете исключительно в единственном числе. Тогда как, по его мнению, появившееся доказательство поражения самолета двумя ракетами ставило под сомнение ранее озвученное объяснение иранских властей, что имелось только лишь 10 секунд на принятие решения. В ином свете выглядели и сообщения о возникшем на борту пожаре, о коммуникациях пилота с диспетчерами, о попытке самолета вернуться обратно в аэропорт и проч. Впоследствии эти моменты могут получить разъяснение по мере расследования обстоятельств произошедшего (с участием, в том числе, международных экспертов) или же могут быть так и никогда не раскрыты до конца.

Как бы то ни было, очевидно, что судьба авиалайнера стала отражением и трагическим воплощением тех неизбежных рисков, которые возникают при подобных обострениях и безрассудном использовании военной силы. Не случайно, с американской стороны в день признания Тегераном вины за катастрофу официальных заявлений по поводу позиции Ирана избегали. А Трамп, опубликовав на протяжении суток девять твитов, ни разу не упомянул в них о произошедшим с украинским «Боингом».

Зато он выразил солидарность с теми, кто вышел на протесты, возобновившиеся в стране после оглашения ее руководством признания вины за сбитый самолет. При этом отмечают, что Трамп как будто забыл, что одним из первых его решений в качестве президента было запретить иранцам, в числе граждан еще нескольких, преимущественно мусульманских, стран, въезд в США. Что именно американские санкции привели к значительным экономическим проблемам и ухудшению экономического положения граждан в Иране, что, в частности, американские санкции, принятые уже при Трампе, затронули и такую чувствительную сферу, как поставки медицинских препаратов, от нехватки которых гибнут, в том числе, дети. Сторонники конспирологических версий высказывали предположения, что за выступлениями в Иране могли стоять американцы, приступившие таким образом к выполнению «Плана Б» по смене режима – что бы Трамп ни говорил по этому поводу. Однако в действительности эти события явились неожиданностью для Вашингтона и свидетельствуют о значительном протестном потенциале страны, где происходят невидимые для остального мира изменения и где б□льшую часть населения составляет активная молодежь. Между тем в самих Соединенных Штатах некоторые опытные аналитики советовали Трампу, наряду с поддержкой демонстрантов, протянуть руку реформистскому, умеренному иранскому правительству, как это в свое время сделал Рейган в отношениях

с Горбачёвым, вставшим на путь социальных и экономических реформ [Von Rennenkampff 2020], что тогда и привело к прекращению двусторонней конфронтации.

* * *

«Президент сегодня едва избежал ненужной войны» [Cook 2020], – констатировала в уже цитировавшейся выше статье Уэнди Шёрман. Трамп в случае с убийством Сулеймани в очередной раз продемонстрировал, что он провокатор, не очень осведомленный в международных отношениях, спонтанный политик, который, пользуясь английской идиомой, стреляет с бедра, или, как говорится по-русски, рубит сплеча. Это был типичный Трамп – только с отягощающими обстоятельствами: убийством. Быстрый разворот от конфликта к отступлению в духе примирения, действия по принципу наезд–откат, тоже характерная для него тактика поведения, – отмечалось в публикации в журнале «*Politico»*: он поступал подобным образом в отношениях с Китаем, Северной Кореей в бесконечных внутриполитических проблемах. «Это озадачивало некоторых из его союзников и противников, которые до сих пор пытаются понять логику президента, завершающего третий год на своем посту. Иран только лишь последний из примеров поведенческой повадки, когда администрация Трампа действовала дерзко, взвинчивала ситуацию, а затем старалась получить признание своих заслуг в преодолении кризиса. И при этом свалить всю вину на “плохую политику Обамы”» [Cook 2020]. По-видимому, «стрельнув с бедра», Дональд Трамп все же недооценил размер и последствия содеянного. И хотя парадоксальным образом в самих Соединенных Штатах его поддержка среди стойкого ядра его избирателей не уменьшилась, а кто-то по горячим следам предполагал, что даже увеличилась, эта авантюра может стать ему тех нескольких голосов выборщиков, которые в президентской гонке смогут решить судьбу его второго срока.

Хотя ни США, ни Иран, очевидно, не заинтересованы в военном столкновении и апогей кризиса удалось преодолеть, положение остается опасным. Хотя иранские власти заявляют, что отмщение свершилось, дальнейшее развитие ситуации непредсказуемо. Со стороны КСИР раздаются угрозы новых ударов, шиитские группировки прямо провозглашают, что собираются продолжать мстить, а один из депутатов иранского парламента предложил награду тому, кто убьет Трампа. По мнению многих экспертов по региону и бывших американских дипломатов и официальных лиц, нет никаких свидетельств того, что выстроенная Сулеймани сеть групп боевиков и отрядов ополченцев распадается. Убийство Сулеймани и иранский ответ на него создали одновременно два опасных прецедента: убийства зарубежного лидера атакой дронов и уничтожения американских военных баз на чужой территории

без ответного возмездия. В будущем использование дронов для гибридной войны станет еще более распространенным за счет новых технологических потенциалов, делающих возможным устранение военачальников без объявления войны и перехода ядерного порога.

Автор бестселлера «Мир в раздоре» Ричард Хаас в твите 2 января 2020 г. написал: «Любая война с Ираном – даже не сомневайтесь – будет нисколько не похожа на Войну в Заливе 1990 г. или иракские войны 2003 г. (сохранена орфография оригинала. – *Н. Б.*). Она будет вестись по всему региону с использованием широкого набора инструментов против гражданских, экономических и военных целей» [Haas 2020]. Тот факт, что от начала крупного военного конфликта в те несколько дней мир отделяла лишь тонкая грань, лишний раз подчеркивает недопустимость силовых авантюр и внеправовых операций и, напротив, делает еще более актуальным международное сотрудничество и осуществление мер по примирению сторон на основе международного права.

Несмотря на изначальное намерение Трампа уменьшить американское военное присутствие на Ближнем Востоке и не начинать новых войн, по факту его администрация никак не может определиться, уходить ей или нет из региона. К этому в соответствии с принятой при Трампе «Стратегией национальной безопасности» и собственными предпочтениями президента добавилась дилемма: рассказывать или не рассказывать о том, что Белый дом намеревается предпринять. Американская стратегия в регионе остается неясной. По мнению сторонников американского присутствия, без Соединенных Штатов в регионе воцарится хаос. Тогда как многие другие полагают, что, наоборот, в случае уменьшения роли Вашингтона увеличится шанс компромиссных подходов. Но в любом случае, очевидно, что насильственные действия США мало способствовали тому, чтобы соответствующие решения вырабатывались на долгосрочной основе международного права.

В Соединенных Штатах много спорят по поводу того, сделало ли убийство Сулеймани жизнь американцев более безопасной. Но очевидно, что – даже не беря в расчет правомерность подобной постановки вопроса – оно сделало более опасной и непредсказуемой ситуацию как для самих США, так и для других стран. Для Ирака – поскольку он подвергся нападению со стороны союзника и рискует стать ареной новой войны. Для Израиля – поскольку наряду с Америкой он становится вторым главным, но территориально более близким, объектом гнева. При этом, что показательно, Трамп во время своего обращения к нации ничего не сказал о своих партнерах из числа стран Персидского залива, которые могут подвергнуться опасности, как не упомянул он и об Ираке.

В Иране во время похорон Сулеймани погибли люди. Жертвы были и среди участников возобновившихся протестов. Известный специалист по

Ближнему Востоку Алексей Малашенко считает, что – с уходом сильного политического деятеля и возможного конкурента – нынешнему президенту Роухани будет проще удержать власть на выборах. Однако представляется, что в Иране предсказуемо большее влияние вследствие произошедшего приобретут антиамериканские и воинственные кланы и группировки. Да и для России не может быть выгодным обострение ситуации в регионе и возможное появление ядерного оружия у Ирана, являющегося ее южным соседом и находящегося в конфликтных отношениях с рядом других государств. Не говоря уже о возможности новой крупномасштабной войне на Ближнем Востоке, которая стала бы бедствием для многих стран, включая Россию.

Тогда как, по разделяемому многими мнению президента и основателя Евразийской группы Иана Бреммера, Соединенным Штатам станет труднее осуществлять борьбу с ИГИЛ в регионе. Сразу же после убийства соответствующие американские операции были приостановлены. И дальнейшее пребывание американских войск в Ираке оказалось под большим вопросом, а НАТО в первые же дни после убийства Сулеймани сократило свое присутствие в Ираке. Характерной чертой кризиса оказалось то, что он развивался через поединок двух сторон, без активного вовлечения других, при бездействии союзников США и партнеров Ирана и даже без участия НАТО.

Заявленная США цель добиться прекращения поддержки Ираном Хамас, Хизбаллы и шиитских группировок и уменьшения его влияния в регионе, остается весьма эфемерной, а силовое давление на Тегеран оказывается малоэффективным. Существовавшие у многих в Соединенных Штатов надежды на смену режима в Иране под воздействием «максимальных санкций» также не реализовались. Хотя Соединенные Штаты, добившись сокращения нефтяного экспорта Ирана на 95%, и пытаются сделать это «на все сто» (в частности, на переговорах о большой сделке с Китаем добиваются, чтобы тот отказался от иранской нефти), специалисты отмечают, что санкции достигли предела своего «потенциала насыщения» и в дальнейшем теряют действенность в качестве инструмента политики – несмотря на многотысячные манифестации с осуждением политики властей и допущенной ими задержки с признанием своей вины. А заявленное Трампом намерение добиться нового соглашения с Ираном по поводу его ядерной программы остается без ответа со стороны Тегерана, поскольку Вашингтон в его глазах является главным нарушителем достигнутых ранее договоренностей.

Библиография

Бубнова Н.И. Российский фактор в стратегии национальной безопасности Трампа // Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН. 2018. С. 56–72.

ЕС призывает Иран к сдержанности после убийства Сулеймани // SWI. Swissinfo.ch 2020. 5 Jan. URL: https://www.swissinfo.ch/rus/%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/%D0%B5%D1%81-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BD-%D0%BA-%D1%81%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5-%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0-%D1%81%D1%83%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8/45472996 (дата обращения: 10.01.2020).

Князев А. «Третья мировая будет не в этот раз» // Facebook: Social network. 2020. 8 Jan. URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=2565850623630057&id=100006154324542 (дата обращения: 9.01.2020).

Круткинин М. «Мы с двумя приятелями…» // Facebook: Social network. 2020. 7 Jan. URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=1445993732243898&id=100004998549135 (дата обращения: 24.01.2020).

Мизин В.И. Выход США из ядерного соглашения с Ираном // Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 151–174.

Минобороны РФ назвало убийство американскими военными иранского генерала недальновидным шагом // Интерфакс–АВН. 2020. 3 Янв. URL: https://www.militarynews.ru/story.asp?rid=0&nid=524754&lang=RU (дата обращения: 24.01.2020).

Тренин Д.В. Что показала военная тревога – 2020: итоги американо-иранского новогоднего обмена ударами // Московский центр Карнеги. 2020. 23 Янв. URL: https://carnegie.ru/2020/01/23/ru-pub-80868 (дата обращения: 23.01.2020).

Abdul-Zahra Q., Karam Z. US kills Iran's most powerful general in Baghdad airstrike // AP. 2020. 3 Jan. URL: https://apnews.com/5597ff0f046a67805cc233d5933a53ed (дата обращения: 4.01.2020).

Chlov M., Borger J., Abdul-Ahad G. Trump vows to hit 52 sites «very hard» if Iran retaliates over Suleimani killing // Guardian. 2020. 5 Jan. URL: https://www.theguardian.com/world/2020/jan/05/donald-trump-vows-to-hit-52-sites-very-hard-if-iran-retaliates-for-suleimani-killing (дата обращения: 6.01.2020).

Cook N., Everett B., Mcgraw M. After ripping up Obama's Iran playbook, Trump quickly pieces it back together // Politico. 2020. 08 Jan. URL: https://www.politico.com/news/2020/01/08/trump-obama-iran-war-096359 (дата обращения: 10.01.2020).

Forgey Q. O'Brien says Soleimani was conspiring to attack U.S. facilities // Politico. 2020. 7 Jan. URL: https://www.politico.com/news/2020/01/07/national-security-adviser-soleimani-conspiring-attack-us-facilities-095501 (дата обращения: 9.01.2020).

Haas R.N. «Make no mistake…» // Twitter: Social network. 2020. 3 Jan. URL: https://twitter.com/RichardHaass/status/1212942760950538240 (дата обращения: 6.01.2020).

McGurk B. The Cost of an Incoherent Foreign Policy // Foreign Affairs. 2020. 22 Jan. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/2020-01-22/cost-incoherent-foreign-policy (дата обращения: 23.01.2020).

National Security Strategy of the United States of America (NSS) // The White House: Official Website. 2017. Dec. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 4.01.2020).

Pence M. «Assisted in the clandestine travel…» // Twitter: Social network. 2020. 3 Jan. URL: https://twitter.com/Mike_Pence/status/1213189757708189699?ref_src=twsrc%5Etfw (дата обращения: 4.01.2020).

Selective Service «The Selective Service System…» // Twitter: Social network. 2020. 3 Jan. URL: https://mobile.twitter.com/SSS_gov/status/1213124918625345539/photo/1 (дата обращения: 4.01.2020).

Smith D. Trump defends «war crime» threat to target cultural sites in Iran // The Guardian. 2020. 6 Jan. URL: https://www.theguardian.com/world/2020/jan/06/suleimani-killing-donald-trump-defends-threat-to-hit-cultural-sites-in-iran (дата обращения: 7.01.2020).

Von Rennenkampff M. Let's stop revising history: Reagan didn't win the Cold War // The Hill. 2020. 19 Jan. URl: https://thehill.com/opinion/international/478941-lets-stop-revising-history-reagan-didnt-win-the-cold-war (дата обращения: 20.01.2020).

Wright R. The Breathtaking Unravelling of the Middle East After Qassem Suleimani's Death // The New Yorker. 2020. 6 Jan. URL: https://www.newyorker.com/news/our-columnists/the-breath-taking-unravelling-of-the-middle-east-after-suleimanis-death (дата обращения: 7.01.2020).

Zarif J. Interview on CNN, Breaking News // CNN. 2020. 7 Nov. URL: https://edition.cnn.com/videos/world/2019/09/19/iran-foreign-minister-mohammad-zarif-saudi-oil-attacks-full-interview-nick-paton-walsh-intv-vpx.cnn (дата обращения: 7.01.2020).

References

Abdul-Zahra Q., Karam Z. US kills Iran's most powerful general in Baghdad airstrike. AP. 2020. 3 Jan. URL: https://apnews.com/5597ff0f046a67805cc233d5933a53ed (date of access: 4.01.2020).

Bubnova N.I. Rossijskij faktor v strategii nacional'noj bezopasnosti Trampa. Bezopasnost' i kontrol' nad vooruzhenijami 2017–2018: Preodolenie razbalansirovki mezhdunarodnoj stabil'nosti. Otv. red. A.G. Arbatov, N.I. Bubnova [Russian factor in the national security strategy Trump. Security and arms control 2017–2018: Overcoming of the international stability imbalance (in Russian) Ed. by A.G. Arbatov, N.I. Bubnova]. Moscow: IMEMO RAN. 2018. P. 56–72. (In Rus)

Chlov M., Borger J., Abdul-Ahad G. Trump vows to hit 52 sites «very hard» if Iran retaliates over Suleimani killing. Guardian. 2020. 5 Jan. URL: https://www.theguardian.com/world/2020/jan/05/donald-trump-vows-to-hit-52-sites-very-hard-if-iran-retaliates-for-suleimani-killing (date of access: 6.01.2020).

Cook N., Everett B., Mcgraw M. After ripping up Obama's Iran playbook, Trump quickly pieces it back together. Politico. 2020. 08 Jan. URL: https://www.politico.com/news/2020/01/08/trump-obama-iran-war-096359 (date of access: 10.01.2020).

ES prizyvaet Iran k sderzhannosti posle ubijstva Sulejmani [The EU calls for Iran's restraint following the assassination of Suleimani]. SWI. Swissinfo.ch 2020. 5 Jan. URL: https://www.swissinfo.ch/rus/%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/%D0%B5%D1%81-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BD-%D0%BA-%D1%81% D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5-%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0-%D1%81%D1%83%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8/45472996 (date of access: 10.01.2020). (In Russ.)

Forgey Q. O'Brien says Soleimani was conspiring to attack U.S. facilities. Politico. 2020. 7 Jan. URL: https://www.politico.com/news/2020/01/07/national-security-adviser-soleimani-conspiring-attack-us-facilities-095501 (date of access: 9.01.2020).

Haas R.N. «Make no mistake…». Twitter: Social network. 2020. 3 Jan. URL: https://twitter.com/RichardHaass/status/1212942760950538240 (date of access: 6.01.2020).

Knjazev A. «Tret'ja mirovaja budet ne v jetot raz» [«World War III will not be this time»]. Facebook: Social network. 2020. 8 Jan. URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=2565850623630057&id=100006154324542 (date of access: 9.01.2020). (In Russ.)

Krutkinin M. «My s dvumja prijateljami…» [«Me and my two friends...»]. Facebook: Social network. 2020. 7 Jan. URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=1445993732243898&id=100004998549135 (date of access: 24.01.2020). (In Russ.)

McGurk B. The Cost of an Incoherent Foreign Policy // Foreign Affairs. 2020. 22 Jan. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/2020-01-22/cost-incoherent-foreign-policy (date of access: 23.01.2020).

Minoborony RF nazvalo ubijstvo amerikanskimi voennymi iranskogo generala nedal'novidnym shagom [The Russian Ministry of Defense called the killing of an Iranian general by the U.S. military a shortsighted step]. Interfaks–AVN. 2020. Jan. 3. URL: https://www.militarynews.ru/story.asp?rid=0&nid=524754&lang=RU (date of access: 24.01.2020). (In Russ.)

Mizin V.I. Vyhod SShA iz jadernogo soglashenija s Iranom. Bezopasnost' i kontrol' nad vooruzhenijami 2017–2018: Preodolenie razbalansirovki mezhdunarodnoj stabil'nosti. Otv. red. A.G. Arbatov, N.I. Bubnova [US withdrawal from the nuclear agreement with Iran. Security and arms control 2017–2018: Overcoming of the international stability imbalance. Ed. by A.G. Arbatov, N.I. Bubnova]. Moscow: IMEMO RAN. 2018. P. 151–174. (In Russ.)

National Security Strategy of the United States of America (NSS) // The White House: Official Website. 2017. Dec. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (date of access: 4.01.2020).

Pence M. «Assisted in the clandestine travel…» // Twitter: Social network. 2020. 3 Jan. URL: https://twitter.com/Mike_Pence/status/1213189757708189699?ref_src=twsrc%5Etfw (date of access: 4.01.2020).

Selective Service «The Selective Service System…» // Twitter: Social network. 2020. 3 Jan. URL: https://mobile.twitter.com/SSS_gov/status/1213124918625345539/photo/1 (date of access: 4.01.2020).

Smith D. Trump defends «war crime» threat to target cultural sites in Iran // The Guardian. 2020. 6 Jan. URL: https://www.theguardian.com/world/2020/jan/06/suleimani-killing-donald-trump-defends-threat-to-hit-cultural-sites-in-iran (date of access: 7.01.2020).

Trenin D.V. Chto pokazala voennaja trevoga – 2020: itogi amerikano-iranskogo novogodnego obmena udarami // Moskovskij centr Karnegi [What the military alert – 2020 has shown: the results of the American-Iranian New Year's exchange of strikes // Carnegie Moscow Center]. 2020. Jan. 23. URL: https://carnegie.ru/2020/01/23/ru-pub-80868 (date of access: 23.01.2020). (In Russ.)

Von Rennenkampff M. Let’s stop revising history: Reagan didn’t win the Cold War // The Hill. 2020. 19 Jan. URl: https://thehill.com/opinion/international/478941-lets-stop-revising-history-reagan-didnt-win-the-cold-war (date of access: 20.01.2020).

Wright R. The Breathtaking Unravelling of the Middle East After Qassem Suleimani’s Death // The New Yorker. 2020. 6 Jan. URL: https://www.newyorker.com/news/our-columnists/the-breath-taking-unravelling-of-the-middle-east-after-suleimanis-death (date of access: 7.01.2020).

Zarif J. Interview on CNN, Breaking News // CNN. 2020. 7 Nov. URL: https://edition.cnn.com/videos/world/2019/09/19/iran-foreign-minister-mohammad-zarif-saudi-oil-attacks-full-interview-nick-paton-walsh-intv-vpx.cnn (date of access: 7.01.2020).

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.16

Н.Ю. Казакова

ДИКТАТУРА ДУХА: РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» В КРИТИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Аннотация. *В статье впервые рассматривается критика романа Ф.М. Достоевского «Бесы» представителями Серебряного века, прежде всего литераторами. При жизни писателя в критических статьях преобладал публицистический пафос. Однако Серебряный век воспринял этот роман по-новому, предложил новые коннотации и изменил ракурс восприятия «Бесов». Для критиков этого периода роман – прежде всего религиозно-философское произведение.*

Автор рассматривает и анализирует ряд статей, в которых наиболее ярко интерпретируются основные идеи произведения: мифологемы в основе главных образов романа (Ставрогин, Мария Лебядкина), трагедия в основе определения жанра, символический характер всего повествования как будущего апокалипсиса. По мнению критиков, именно творчество Достоевского открывает возможности для утверждения той или иной концепции существования личности в новых реалиях начала XX в. В роман «Бесы» критики «вчитывают» свои представления о настоящем и будущем российской интеллигенции. Определяя роман «Бесы» как роман-трагедию в античном смысле, Вячеслав Иванов увлекается умозрительными выводами в соответствии с концепцией символизма. Он не видит катастрофы настоящего времени, на которую указывает Сергей Булгаков. Главная трагедия, как считает Сергей Булгаков, – это потеря истинной веры в среде интеллигенции, которая и приведет к катастрофе, к будущей революции. Дмитрий Мережковский также обращает внимание на этот момент в романе, считая, что религиозный характер русской революции глубоко показан в «Бесах». Таким образом, представители Серебряного века, опираясь на романы Достоевского, пытались найти ответы на вопросы, волновавшие их самих.

Ключевые слова: *критика; «Бесы»; символизм; мистицизм; Серебряный век; революция; роман-трагедия; философско-религиозная мысль.*

Казакова Наталья Юрьевна – доцент кафедры русского языка и литературы Нью-Йоркского Городского университета, Хантер колледж, США, Нью-Йорк.
E-mail: nk105@hunter.cuny.edu

Kazakova N.Yu. Dictatorship of Soul: Dostoevsky's «*The Demons*» in the Criticism of the Silver Age

Abstract. *Examining the Silver Age criticism of Dostoevsky's novel «The Demons», the author argues that during Dostoevsky's lifetime there predominated a journalistic pathos in critical articles. The Silver Age offered new interpretations and changed the perspective on «The Demons». The text analyzes a series of articles that most clearly interpreted the work's main ideas: the mythologemes at the heart of the novel's main characters (Stavrogin, Mariya Lebyadkina), the genre-defining tragedy, and the symbolic character of the whole novel as future apocalypse.*

Thus, defining the novel «The Demons» as a tragedy in the ancient sense of the term, Vyacheslav Ivanov indulges in abstract conclusions, characteristic for symbolism as a whole. Unlike Bulgakov, he does not see catastrophe in the present. Bulgakov argues that the main tragedy is the loss of true faith among the intelligentsia, which will lead to a real catastrophe: the future revolution. Dmitry Merezhkovsky also draws attention to this idea in the novel, arguing that Dostoevsky in «The Demons» reveals the religious nature of the Russian revolution. In this way, representatives of the Silver Age tried to find in Dostoevsky's novels the answers to questions that were of great concern to them.

Keywords: *criticism; Demons; symbolism; mysticism; Silver Age; revolution; tragedy novel; philosophical-religious thought.*

Kazakova Natalia Yurievna – Associate Professor,
Slavic Department, CUNY, Hunter college, USA, New York.
E-mail: nk105@hunter.cny.edu

При жизни Ф.М. Достоевского его творчество оценивалось прежде всего с точки зрения исторической достоверности и часто бывало до конца не понято. Так, например, роман «Бесы» был осуждаем современниками с двух противоположных позиций: революционеры-демократы увидели в произведении клевету на молодое поколение, тогда как более консервативная часть общества – клевету на лучшую часть умеренно-либеральной оппозиции и изображение уж слишком надуманных картин и героев.

Серебряный век предложил свои коннотации, вновь поставив Достоевского в центр внимания критики. Вопросы, заданные писателем, преломлялись представителями этой эпохи в соответствии с их восприятием мира, бытия и тайны творческого замысла. По мнению критиков, в мистических открытиях интуитивных и иррациональных начал в человеке, в поисках нового религиозного сознания и новой церкви, в глубинах символических прозрений о будущем творчество именно этого писателя открывает возможности для утверждения той или иной концепции существования личности в новых реалиях. В.И. Иванов так объяснил это магнетическое тяготение к писателю: «Он великий зачинатель и предопределитель нашей культурной сложности. До него все в русской жизни было просто. Он сделал сложными нашу душу, нашу веру,

наше искусство <…> поставил будущему вопросы, которых до него никто не ставил, и нашептал ответы на еще непонятые вопросы» [Иванов 1994, с. 283].

Роман «Бесы» был созвучен взглядам и теориям мыслителей этого времени. Так, Иванов задолго до М.М. Бахтина обратил внимание на новаторство Достоевского в создании формы и определил жанр «Бесов» как роман-трагедию в античном смысле. Критик считал, что замысел романа у Достоевского всегда трагичен и все в его действии движется к катастрофической развязке и катарсису [Иванов 1994, с. 289–290].

«Роман “Бесы” – символическая трагедия и символизм романа – именно тот “реализм в высшем смысле”, по выражению самого Достоевского, который мы называем реалистическим символизмом», – утверждал Иванов. Далее, обосновывая свою теорию интуитивного постижения реальности, Иванов дает определение некоего ядра, в котором, на его взгляд, сосредоточена символическая энергия целого и весь «высший реализм». Этому ядру соответствует содержание мифа. И роман Достоевского, как он считает, по своему строению и внутреннему содержанию является мифом. Миф, как считает Иванов, заложен в старых преданиях о «Матери-Земле». Действующие лица романа рассматриваются им как духовные личности, которые соприкасаются с «живыми силами миров иных» [Иванов 1994, с. 306]. Основная мысль всего произведения, по его мнению, сосредоточена в том, «как Вечная женственность в аспекте русской Души страдает от засилия и насильничества “бесов”, искони борющихся в народе с Христом за обладание мужественным началом народного сознания» [Иванов 1994, с. 309]. Именно в народе, по мнению критика, сосредоточены, как в личности, два начала: женское, восходящее к «Матери-Земле», «Мировой душе» и мужское начало – в слиянии с Христом. И роман «Бесы» является анализом степени одержимости России духами безбожия и своеволия, олицетворяющими зло.

Главный персонаж в романе, как считает Иванов, Хромоножка как символ «Души Земли русской». Иванов, сравнивая Хромоножку в романе Достоевского с Гретхен в «Фаусте» Гёте, указывает на общие черты этих персонажей в дискурсе символа о «Вечной Женственности». На его взгляд, все лучшие качества русского народа, весь свет его будущего открывается в Марье Лебядкиной[1].

1. Надо заметить, что и Андрей Белый считал Марью Лебядкину символом «Вечной Женственности», добра, истинной веры, света. По мнению Белого, именно в ее уста Достоевский вкладывает единственно верное определение Ставрогина – самозванца, человека, скрытого маской, истинную суть которого смогла увидеть только она. В романе ей предназначена особая роль – провидицы и первой жертвы общего бесовства в городе и, несмотря на это, «…хромая полуидиотка в “Бесах” уже и теперь среди вокруг нее разыгравшихся беснований и преступлений видит и это Солнце, и землю Святую Богородицу» [Белый 1911, с. 25].

Говоря о сатанинских образах Достоевского в «Бесах», Иванов прежде всего останавливается на Николае Ставрогине: «На него была излита благодать мистического постижения последних тайн о Душе народной и ее ожиданиях богоносца» [Иванов 1994, с. 310]. Но Ставрогин предает свое высокое предназначение, он сближается с сатаной, отдает ему свое «я» и становится изменником: «Изменник перед Христом, он неверен и Сатане» [Иванов 1994, с. 310]. Душа главного героя предается бесовству, он опустошен и погибает. Достоевский, согласно Иванову, задает «теургическую загадку» о том, «как возможен Иван-Царевич, грядущий во имя Господне, – как возможен приход суженого Земли русской жениха-богоносца?» И такая постановка вопроса таит в себе определенную антиномию: «Ведь Христом помыслить его религиозно нельзя; но что же богоносец, если не тот, кто отдал свое я Христу и Христа вместил?» [Иванов 1994, с. 310]. В этом вопросе для Иванова главный смысл русской трагедии, изображенный в романе «Бесы».

Под сильным влиянием Достоевского находился и А.А. Блок – особенно в начале 1900-х годов. Об этом свидетельствуют его пометки на полях романов писателя. По его мнению, «Из Ставрогина Ивана-царевича не вышло, потому что холодный зажигатель, швейцарский гражданин, укусивший генерала за ухо, был все-таки “дрянным, блудливым, изломанным барчонком”… Его настигло самоубийство – марево, мнимая смерть…» [Блок 1962, с. 589]. В «Бесах» его больше интересовал Кириллов, в своих записях и письмах он размышлял над статьей И. Вернера «Тип Кириллова у Достоевского». В ряде стихотворений поэта в разных вариантах прослеживаются мотивы романа (см. об этом: [Минц 1971; Корецкая 1987]).

Надо заметить, что в романе безудержный восторг Петра Верховенского и определение Ставрогина как Ивана-царевича (по словам А. Белого, Верховенский «фабрикует Бога») [Белый 1911, с. 26] сыграли важную роль в трактовке образа Ставрогина и дали большой материал для его интерпретации критиками и мыслителями. Каждый из них дает свое собственное оригинальное прочтение этого образа, именно в этом герое заложен глубокий смысл и большая тайна Достоевского. Кто он? Сложный образ, с одной стороны, Иван-царевич, с другой – последователь сатаны, или же, по словам А.Л. Волынского, «гроб повапленный», мертвая личность.

Критики Серебряного века много спорили о «трагедийности» романа «Бесы». Так, М.А. Волошин утверждал: «Это не художник – это бесноватый, в котором поселились все бесы русской жизни. Во всей европейской литературе нет ни одного писателя, который бы давал более трагически-насыщенную атмосферу. <…> В “Бесах” есть трагическая насыщенность “Семи против Фив”» [Волошин 1988, с. 363–364].

Свое мнение о «трагедийном» жанре романа высказывал и С.Н. Булгаков. Определяя жанр «Бесов» в статье «Русская трагедия», Булгаков не вполне

совпадает в оценке жанра с Ивановым. Иванов, как уже отмечалось выше, тоже писал о «трагедии», но имел в виду прежде всего ее античную форму, в основе которой лежал миф.

Булгаков же считает, что главная трагедия, изображенная писателем, – это трагедия веры и неверия, это борьба Христа с Антихристом, а совсем не анализ политических умонастроений русского общества; политика не существенна, есть более важные вещи. «Нет, здесь “Бог с Дьяволом борется, а поле битвы – сердца людей”; и потому-то трагедия “Бесов” имеет не только политическое, временное, преходящее значение, но содержит в себе зерно бессмертной жизни, луг немеркнущей истины, как и все великие и подлинные трагедии, тоже берущие для себя форму из исторически ограниченной среды, с определенной эпохой» [Булгаков 1918, с. 3].

Булгаков считает, что это прежде всего трагедия русской интеллигенции специфического духовного умонастроения, потому что «силы Зла, а не Добра владеют в ней русской душой, не Спаситель, а искуситель, имя которому – “легион, потому что нас много” – само многоликое зло» [Булгаков 1918, с. 5]. По его мнению, беснующиеся герои в романе – предупреждение миру о том, что будет, если личность потеряет в себе «меру Добра». Карамазовское «все позволено» начинается с теорий Петра Верховенского.

Отмечая мистериальный характер трагедии, Булгаков считает, что «состояние мучений о Христе переживают и главные герои “Бесов”» [Булгаков 1918, с. 6]. В этом основной конфликт произведения. Отсюда следует и странное душевное состояние героев при такой безудержной активности и таком количестве поступков, которые они совершают. «Все они в мучительном параличе личности. Она словно кем-то выедена, а вместо лица – личина, маска» [Булгаков 1918, с. 6]. Полное отсутствие лица, как считает Булгаков, и у главного героя, Ставрогина. В нем присутствует не только «дух Зла», но прежде всего дух небытия, в своей одержимости он теряет образ божий, в нем черная благодать беснования. Для Булгакова важно, что Ставрогин, по его мнению, провокатор не только в политическом смысле, но – и прежде всего – в религиозном. И здесь, на взгляд мыслителя, Достоевский пытается заглянуть в бездну религиозного отчаяния равнодушной личности, кем является, по его замыслу, Ставрогин. Борьбу совершенной веры с полным неверием увидел Достоевский не только в русской душе, но прежде всего в духовной жизни России. И в этой борьбе с силами зла, изображенной в «Бесах», Булгаков почти не видит света.

И только образ Марии Лебядкиной несет его лучи. Но даже и она до конца не принадлежит силам добра. Булгаков считает, что «в сущности и ее нет как лица, как индивидуальности, она вся как будто расщеплена своим слабоумием, юродивостью, даже ясновидением» [Булгаков 1918, с. 8]. Мыслитель полагает, что она, возможно, даже и не знает Христа, а праведна святостью

«Матери-Земли», вся во власти ее мистики, язычества и еще не родилась для христианства. Поэтому ей не справиться с бесом Ставрогина, она может только сорвать с него маску.

Но в романе есть еще один провокатор, провокатор политический – это Петр Верховенский. Он умен, циничен и даже способен на жертвы, но у него нет нравственного чувства вообще, поэтому нет укоров совести и каких-либо сомнений, не задумываясь он идет на любое преступление. По Булгакову, это один из самых последовательных героев в романе, так беззаветно служит он своей идее, для которой не гнушается любыми средствами. Но он так же одержим Ставрогиным, как и все остальные, ведь без него рушится стройная модель политического переустройства мира, которую придумал Верховенский. «Таким образом, провокатор сам оказывается жертвой провокации, одержащая его сила Зла не встречает в нем сопротивления и, превращая его в свою личину или “скорлупу”, делает его своим орудием», – утверждает Булгаков [Булгаков 1918, с. 17].

Одним из самых важных вопросов для Булгакова при анализе романа был вопрос об отношении Достоевского к революции. Автор «Бесов» рассматривает ее с религиозной точки зрения, убежден мыслитель. Булгаков так ставит вопрос о революции в романе: «Является ли в ней духовно определяющим человекобожие, которое силою вещей становится демоническим, переходит в одержимость? Ставрогин и Верховенский; орудия и жертвы духовной провокации, есть ли для нее существенный симптом или только случайное явление, накипь» [Булгаков 1918, с. 28].

Булгаков убежден в том, что роман «Бесы» нужен современной России не меньше, чем раньше, потому что должен произойти переворот в мыслях, должно совершиться то покаяние, о котором говорится в самом начале евангельской проповеди.

Не только Булгаков рассматривает вопрос о революции в творчестве Достоевского с религиозной точки зрения. Своеобразно подходит к этому вопросу Д.С. Мережковский. Он утверждает: «Достоевский – пророк русской революции. Но, как часто бывает с пророками, от него скрыт смысл его же собственных пророчеств» [Мережковский 2000, с. 439]. Анализируя современное состояние русского общества, Мережковский считает, что только через философское и религиозное осмысление творчества писателя можно понять русскую революцию. Для Мережковского главным заблуждением Достоевского является невозможность совместить православие с религиозными переживаниями, которые ему не соответствуют. Это противоречие он видит в творчестве и взглядах писателя и доходит до вывода о не совсем истинном, в духе исканий самого писателя, православии Достоевского.

В позднем творчестве и особенно в романе «Бесы», как убежден Мережковский, заложена программа русской революции, состоящая из двух частей:

в первой будет низвержение самодержавия, во второй – пришествие самозванца.

По Достоевскому, тот, кто проливает кровь, переступает определенную нравственную черту, отделяющую возможное от невозможного, действительное от призрачного, и в итоге все становится дозволенным. Мережковский рисует мрачную картину: «Один из таких призраков – “Иван-царевич”, который уже есть, хотя никто его не видел, который “скрывается, но явится, явится”. Он – вверху, вокруг него вожди религиозной всемирной революции, ученики Великого Инквизитора, “страдальцы, взявшие на себя подвиг познания Добра и Зла”; под ними – “шигалевщина”, т.е. военная диктатура пролетариата, социал-демократия, и, наконец, в самом низу – “стомиллионное стадо счастливых младенцев”» [Мережковский 2000, с. 467].

Подобное может случиться, потому что сейчас, как считает Мережковский, русская революция на начальном этапе и в ней мало религиозности. Но у нее есть возможность развиться и стать по-настоящему религиозной, а это значит, что Россия выйдет из истории и государственности и, по словам Мережковского, перейдет из плоскости исторической в глубину апокалиптическую. В этом основное пророчество Достоевского.

Мережковский обращает внимание на удивительное физическое здоровье главного героя. Он видит в Ставрогине не отвлеченный дух, напротив, в нем чувствуется огромная сила, воля и способность к действию. Мережковский считает, что этой силе соответствует сила духовная. В этом, по его мнению, тайна той удивительной способности Ставрогина вызывать восхищение у всех в романе, к ним Мережковский относит и Хромоножку, которая смотрит на него глазами народа. Но наряду с этой силой в Ставрогине, как считает Мережковский, присутствует и бессилие. Ставрогин не верит ни в Бога, ни в сатану, может проповедовать идею Христа Шатову и одновременно идею человекобога Кириллову. В этой раздвоенности – главная трагедия героя, которая приводит к раздвоенности религиозной. В Ставрогине не происходит слияния двух начал, они только сплетаются, поэтому его внешняя сила, «…не родив огня и света, вырождается в низшую, рассеянную, стынущую и темную теплоту, в тление смерти» [Мережковский 1995, с. 280]. Мережковский считает, что Ставрогин гибнет даже не от раздвоения, а от серединного соединения в пошлости и слабости.

Книгой великого гнева назвал роман Достоевского «Бесы» А.Л. Волынский (А.Г. Горнфельд, возражая Волынскому, утверждал, что «это книга великой злобы, – что не мешает ей быть книгой великой мысли» [Горнфельд 1908, с. 272]).

Это произведение писателя написано в апокалиптических красках и, главное, как считает Волынский, в нем отсутствует великое прощение Достоевским человечества, в нем нет осанны бунтующей истории, которая,

ломая и уничтожая старое, возрождает к новому. Достоевский видел в революционном движении что-то чуждое России, привнесенное извне, и в своем романе заклеймил революционеров. Но, как считает критик, «анафема, которую Достоевский бросает в это движение, закрывает от него истинный смысл его» [Волынский 1909, с. 345]. Нигилизм тоже был неотъемлемой частью русской жизни, он был некоторой защитой, как считает Волынский, от догматики, в том числе и религиозной, и от чрезмерной мистики. Это движение стало большим историческим явлением и было неизбежным звеном в развитии русской общественной жизни. Достоевский, как замечает Волынский, не видит этого: «Он не видит, что революционная евхаристия только случайно, по историческому сцеплению идей и событий, соединила себя с нигилизмом, что основы ее глубже всякого рационализма, что она заложена в духовных инстинктах человечества» [Волынский 1909, с. 347]. Однако для Достоевского подобные суждения были чужды. Для него, как пишет критик, партия движения – это кучка негодяев, безнравственных лжецов, которые живут в разврате и подлости, предательстве и лакействе. И делает вывод, что Достоевский, конечно, был против революции, «…но революция, настоящая, глубокая, идеалистическая революция современности, должна любить таких людей, как Достоевский» [Волынский 1909, с. 351].

Особое внимание в своей работе Волынский уделяет образу Ставрогина. Он последовательно вникает во все штрихи, во все детали пластического изображения этого героя. Критик однозначно считает Ставрогина отрицательным персонажем, упрощая внутреннюю структуру его личности, все время подчеркивая его полную несостоятельность во всех вопросах и прежде всего в любви. Физическая несостоятельность Ставрогина, которую Волынский исследует, анализируя последний разговор с Лизой, говорит, на его взгляд, о мелком и развратном эротическом бесе, который разоблачен в этой главе романа.

Спасение не приходит к Ставрогину, он надорван, опустошен и уже мертв, потому что в нем не проснулся дух и у него не стучит обыкновенное человеческое сердце. Волынский отказывает Ставрогину в глубине переживаний и считает его художественно незаконченным образом. Единственное, что наметил Достоевский в нем, – это едва обозначившееся в России в то время явление декадентства. И это, пожалуй, единственное положительное определение, данное Волынским Ставрогину.

Современники Достоевского воспринимали роман как оскорбительно-карикатурное изображение своего времени, в их работах преобладал публицистический анализ произведения. Критики же Серебряного века кардинально изменили ракурс его рассмотрения, увидели в романе прежде всего религиозно-философскую составляющую. Историческая дистанция, изменения в обществе и культуре, доминирующие литературные направления и религиозные поиски обусловили неизбежность совершенно иного прочтения «Бесов» Достоевского.

По мнению большинства представителей Серебряного века, главной мыслью Достоевского стало осмысление апокалиптического характера российского будущего, являвшего себя в вопросах нравственных поисков героев, анализе природы зла и добра, выборе между Христом и Антихристом, верой и неверием.

Библиография

Белый А. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М.: Мусагет, 1911. 46 с.

Блок А.А. Леонид Семенов // Блок А.А. Собрание сочинений. Т. 1–8. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 5. С. 589–593.

Булгаков С.Н. Русская трагедия // Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.А. Сахарова, 1918. С. 5–31.

Волошин М.А. Русская трагедия возникнет из Достоевского // Волошин М.А. Лики Творчества. Л.: Наука, 1988. С. 363–364.

Волынский А.Л. Достоевский. СПб.: Общественная польза, 1909. 367 с.

Горнфельд А.Г. Книги и люди. Литературные беседы. СПб.: Жизнь,1908. 342 с.

Иванов В.И. Экскурс. Основной миф в романе «Бесы». Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.

Корецкая И.В. Блок о Достоевском // Литературное наследство. М.: Наука, 1987. Т. 92. Кн. 4: Александр Блок. Новые материалы и исследования. С. 13–33.

Мережковский Д.С. Пророк русской революции: К юбилею Достоевского. Не мир, но меч. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1995. 718 с.

Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Наука, 2000. 586 с.

Минц З.Г. Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л.: Наука, 1971. С. 217–247.

References

Bely A. The tragedy of creation. Dostoevsky and Tolstoy. Moscow: Musaget, 1911. 46 p. (In Russ.)

Block A.A. Leonid Semyonov. Block A.A. Collection of works. Vol. 1–8. Moscow; Leningrad: Goslytizdat, 1962. Vol. 5. P. 589–593. (In Russ.)

Bulgakov S.N. Russian tragedy. Bulgakov S.N. Silent Thoughts. Moscow: Lemana and Sakharov Publishing House, 1918. P. 5–31. (In Russ.)

Gornfeld A.G. Books and people. Literary conversations. Saint Petersburg: Life, 1908. 342 p. (In Russ.)

Ivanov V.I. Excursion. The main myth in the novel «Demons». Native and universal. Moscow: Republic, 1994. 428 p. (In Russ.)

Koretskaya I.V. Block about Dostoevsky. Literary Heritage. Moscow: Nauka, 1987. Vol. 92. Book 4: Alexander Blok. New Materials and Research. P. 13–33. (In Russ.)

Merezhkovsky D.S. Prophet of the Russian Revolution: To the Anniversary of Dostoevsky. Not the world, but the sword. Kharkov: Folio; Moscow: AST, 1995. 718 p. (In Russ.)

Merezhkovsky D.S. Tolstoy and Dostoevsky. The Eternal Companions. Moscow: Science, 2000. 586 p. (In Russ.)

Mints Z.G. Block and Dostoevsky. Dostoevsky and his time. Leningrad: Nauka, 1971. P. 217–247. (In Russ.)

Voloshin M.A. Russian tragedy will arise from Dostoevsky. Voloshin M.A. Faces of Creativity. Leningrad: Nauka, 1988. P. 363–364. (In Russ.)

Volynsky A.L. Dostoevsky. Saint Petersburg: Public benefit, 1909. 367 p. (In Russ.)

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.17

А.В. Манойло, А.Э. Попадюк

ЗАРУБЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ «ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ» В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию сущности и содержания феномена «фейковых новостей» и их влиянию на современные политические процессы. Авторы отмечают, что с момента избрания в 2016 г. Дональда Трампа президентом США в российском и зарубежном научном сообществе в описании политических процессов стал широко использоваться термин «фейковые новости», под которыми, как правило, понимают заведомо ложную информацию резонансного характера, оказывающую сильное (часто шокирующее) воздействие на эмоциональную сферу. Еще большую актуальность приобрел данный термин в связи с недавно принятым в Российской Федерации Законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также с изменениями в Кодексе об административных правонарушениях, направленными на противодействие распространению и влиянию «фейковых новостей». Эффективность воздействия «фейковых новостей» может быть связана как с эмоциональной составляющей механизмов их распространения, так и с общей тревожностью общества, с эффектом ожидания новых сенсаций, порождающих массовый невроз. В отличие от достоверных сведений, основанных на фактах, «фейковые новости» основаны на страхах, домыслах, слухах, провокационных обвинениях и поэтому часто вызывают острый общественный резонанс, провоцируя в обществе различные формы девиантного поведения. Неконтролируемое распространение «фейковых новостей» в информационном пространстве вызывает такие негативные последствия, как: снижение доверия к СМИ, падение уровня легитимности власти, рост социальной напряженности и протестных настроений. В данных условиях особую актуальность приобретает контроль за распространением деструктивной информации. Все это в совокупности требует выработки эффективных форм и методов противодействия «фейковым новостям», их влиянию на общественные и политические процессы, основанные на прочном научном базисе, понимании природы их возникновения и механизмов распространения.*

Ключевые слова: *политика; государство; информация; информационные технологии; «фейковые новости»; политическая стабильность; безопасность; информационная война.*

**Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), профессор,
кафедра российской политики факультета политологии МГУ
им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва. E-mail: 9315891@gmail.com
Web of Science Researcher ID: AAC-6926–2020;
Scopus Author ID: 35786189200**

**Попадюк Алла Эдуардовна – аспирант, факультет политологии
МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва.
E-mail: alla.borisov2011@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: AAE-8931–2020**

Manoylo A.V., Popadiuk A.E. Foreign Scientific Approaches to the Study of «Fake News» in World Politics

Abstract. *Analyzing the phenomenon of «fake news» and its impact on today's political processes, the authors note that since D. Trump was elected President of the United States in 2016, the term «fake news» has become widely used in the political lexicon both in Russian and foreign academic circles. «Fake news» means deliberately false «resonant» information that has a strong (often shocking) effect on the emotional sphere of information consumers. The study of this subject has become still more important since the adoption in the Russian Federation of the Law on Information, Information Technologies and the Protection of Information in the Russian Federation; the same effect should have recent changes in the Administrative Offenses Code aimed at counteracting the spread and influence of fake news. The impact of fake news can be linked both to their emotional content and to public anxiety, with people expecting new sensations that generate mass neurosis. In contrast to reliable information based on facts, fake news is based on fears, speculations, rumors, inflammatory allegations, often triggering a wide public resonance and provoking various forms of deviant behavior in society. Uncontrolled distribution of fake news in the information space causes such negative consequences as reducing trust in mass media, decline in the legitimacy of authority, rising social tensions and proliferation of protests. In such situations, particularly relevant is the control over dissemination of destructive information. All of this requires development of effective forms and methods for countering «fake news» and their influence on social and political processes.*

Keywords: *politics; state; information; information technology; «fake news»; political stability; security; information war.*

**Manoylo Andrey Viktorovich – Doctor of Political Science,
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Professor, Russian Politics Program, Political Science Department,
Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.
E-mail: 9315891@gmail.com
Web of Science Researcher ID: AAC-6926–2020;
Scopus Author ID: 35786189200**

Popadiuk Alla Eduardovna – Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.
E-mail: alla.borisov2011@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: AAE-8931–2020

Введение

В настоящее время проблема защиты российского общества от деструктивного воздействия «поддельных новостей» в информационном пространстве приобретает особую актуальность. Сегодня любое значимое событие сопровождает вброс «фейковых новостей»: примером тому могут служить президентские выборы в США 2016 г. или референдум о «Brexit» в Великобритании. Сопровождающие эти события вбросы «фейковых новостей» провоцируют нагнетание страха и паники среди населения, распространение слухов и домыслов, создающих опасность политической дестабилизации общества. «Поддельные новости» как инструмент информационной войны требуют выработки мер противодействия влиянию, которое они оказывают на сознание людей.

«Фейковые новости» – это сообщения заведомо ложного резонансного характера, способные вызвать в обществе ажиотаж вокруг несуществующего (создаваемого этими же новостями) информационного повода. В сочетании с «вирусными» технологиями и механизмами распространения в СМИ и социальных сетях, «фейковые новости» в современных политических кампаниях становятся опасным инструментом воздействия на массовое сознание граждан. Основной задачей «фейковых новостей» в современных политических кампаниях и процессах становится перехват политической повестки с ее последующим замыканием на информационный повод, генерируемый самой «фейковой новостью», а также создание вокруг этого информационного повода всеобщего ажиотажа. В отдельных случаях «фейковые новости» могут использоваться экстремистами для формирования социально-политической напряженности, провоцирования паники, протестных настроений, что создает существенные угрозы национальной безопасности.

В научном плане «фейковые новости» и их влияние на формирование общественного мнения представляют собой малоизученную область, феномен, требующий глубокого и фундаментального политико-философского осмысления.

Исследование

Сам термин «фейковые новости» («фальшивые новости», «фейки») стал широко использоваться в российских политологических исследованиях сравнительно недавно – с конца 2016 – начала 2017 г., с момента избрания

Д. Трампа президентом США. Уровень значимости «фейковых новостей» и их влияния на общество и политику подчеркивается тем вниманием, которое Российское государство уделяет проблеме законодательного регулирования информационного пространства («суверенизация Интернета») и противодействия распространению «фейковых новостей» (так, Государственная дума РФ на пленарном заседании 7 марта 2019 г. приняла в третьем, окончательном чтении поправки в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и изменения в Кодекс об административных правонарушениях, направленные на противодействие «фейковым новостям»). В научном плане еще только предстоит выработать точное научное определение этому явлению и дать ему характеристику, определить его социальную и политическую значимость, характер и степень влияния на современные общественные отношения и процессы, соотносимость их с другими общественно-политическими явлениями, имеющими близкие природу и происхождение. «Фейковые новости» нуждаются не только в дефиниции, но и в классификации и типологизации, а также в разработке собственного методологического аппарата, позволяющего исследовать данный феномен в естественных условиях.

В зарубежных исследованиях постепенно формируется определенное отношение к «фейковым новостям» не только как к угрозе, но и как к объекту политологического анализа.

Так, Гордон Пенникук, Тайрон Кэннон и Дэвид Дж. Рэнд в статье «Предшествующее воздействие повышает предполагаемую точность поддельных новостей» [Pennycook et al. 2017] анализируют президентские выборы в США 2016 г., которые привлекли значительное внимание к феномену «фальшивых новостей» – полностью сфабрикованному контенту, который представляется аудитории как факт, не требующий проверки. Особое внимание авторы уделяют механизму, способствующему убеждению в правдоподобности фальшивых новостей: «беглость посредством предварительного воздействия». «Иллюзорный эффект правды» для фальшивых заголовков новостей возникает несмотря на низкий уровень общей правдоподобности, даже когда любое описываемое событие помечено редактором или модератором СМИ как оспариваемое или «несовместимое с политическими взглядами читателя». Результаты исследования, проведенные авторами, свидетельствуют о том, что платформы социальных сетей помогают внушить веру в откровенно фальшивые новости и что маркировка таких новостей как спорных не является эффективным решением данной проблемы.

В свою очередь, Джек М. Балкин в статье «Свобода слова в алгоритмическом обществе: большие данные, частное управление и новое школьное регулирование речи» [Balkin 2018] утверждает, что в период алгоритмического общества «агенты искусственного интеллекта» и «Big Data» способны

управлять населением посредством цифровой инфраструктуры, крупных многонациональных платформ социальных сетей и поисковых систем, которые находятся между традиционными национальными государствами и обычными людьми и служат в качестве специальных регуляторов общественного мнения. По мнению автора, алгоритмическое общество порождает две главные проблемы свободы выражения мыслей: во-первых, большие данные допускают новые формы манипуляции и контроля, которые частные компании будут пытаться узаконить и изолировать от регулирования, используя принципы свободы слова; во-вторых, социальные сети и онлайн-платформы в настоящее время управляют сознанием людей так же, как когда-то национальные государства.

В публичном дискурсе «фейковые новости» часто используются для обозначения нескольких различных явлений. Отсутствие ясности в отношении того, что именно является «фальшивыми» новостями, затрудняет разработку решений по противодействию им. Так, Марк Верстраете, Дерек Э. Бамбауэр и Джейн Р. Бамбауэр в статье «Выявление и противодействие поддельным новостям» [Verstraete et al. 2017] выявляют несколько разных типов поддельных новостей: обман, пропаганда, троллинг и сатира. Авторы определяют отличительные особенности каждого типа для того, чтобы выработать эффективные формы противодействия влиянию, которое они способны оказывать на общество и политику. Марк Верстраете, Дерек Э. Бамбауэр и Джейн Р. Бамбауэр выделяют две определяющие особенности поддельных новостей: 1) намерен ли автор обмануть читателей и 2) носит ли мотивация создания поддельных новостей финансовый (коммерческий) характер.

Йозеф Дрексл в статье «Экономическая эффективность и демократия: о потенциальной роли конкурентной политики в регулировании цифровых рынков в эпоху пост-правдивой политики» [Drexl 2016] утверждает, что опыт, основанный на референдуме о «Brexit» в Великобритании и «недавних президентских выборах в США», подчеркивает способность популистских политических движений использовать «фальшивые новости» в личных интересах для того, чтобы завоевать голоса избирателей с помощью своей «постправдивой политики». Автор подчеркивает, что в настоящее время граждане все чаще полагаются на новости, распространяемые интернет-посредниками или агрегаторами (такими, как «Facebook», «Twitter» или «Google»), для выбора того или иного кандидата. Такие посредники разрабатывают свои бизнес-модели и свои алгоритмы выбора новостей в соответствии с чисто экономическим обоснованием. Тем не менее автор утверждает, что распространение новостей через социальные платформы оказывает негативное влияние на демократический процесс, способствуя распространению ложных фактических утверждений и поддельных новостей. В результате это приводит

к радикализации и разделению общества по политическим и идеологическим признакам.

Канчан Каур, Шьям Наир, Йенни Квок, Масато Каджимото, Ивонна Т. Чуа, Миллиампер Диоса Лабист, Сун Кэрол, Хейли Джо, Лихьюн Лин, Триу Тан Ле и Энн Крюгер в статье «Информационная дестабилизация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: обзор дезинформационной экосистемы в Австралии, Индии, Индонезии, Японии, на Филиппинах, в Сингапуре, Южной Корее, Тайване и Вьетнаме» [Kaur et al. 2018] проводят обзорное исследование по информационной безопасности в разных азиатских странах. Авторы стремятся составить карту информационных угроз для каждой страны. По их мнению, безопасность информационного пространства зависит от многих взаимосвязанных факторов, в том числе таких, как: культура, история, политика, экономика, образование, цифровое обеспечение, технологические тренды, законы о СМИ и система печати. При этом авторы подчеркивают, что основная цель их исследования состоит не в том, чтобы охватить все подобные аспекты, а в том, чтобы выделить характерные особенности, которые будут способствовать ознакомлению ученых, работников средств массовой информации, технические компании, неправительственные организации и правительственные организации об угрозах информационной безопасности и их влиянии на сообщество.

Блейк Миллер в своей статье «Автоматическое обнаружение китайских правительственных астротурферов с использованием сетевых и социальных метаданных» представляет метод автоматического обнаружения проправительственных «астротурферов» в Китае (еще известных как «Партия пятидесятых»). В своем исследовании он использует метаданные комментариев из набора данных (70 млн комментариев СМИ), размещенных в 6 млн статей из 19 популярных новостей. «Астротурфинг – это практика организации сообщения, использующего поддельные “низовые” источники» [Miller 2016]. Астротурфинг позволяет управлять информацией посредством пропаганды. Эти сообщения пытаются имитировать обычных людей, отличить их от реальных сообщений является сложной задачей.

Омер Тене и Жюль Полонецкий в своей статье «Приручение Голема: проблемы этического алгоритмического принятия решений» [Tene, Polonetsky 2017] рассматривают возможность предвзятости и «дискриминации» в автоматизированном алгоритмическом принятии решений. По мнению авторов, алгоритмический процесс нельзя сравнить с «черным ящиком», который защищен от вмешательства извне. Признавая, что алгоритмы написаны людьми для кодирования процессов принятия решений, авторы тем не менее утверждают, что следует проводить различие между «политически нейтральными алгоритмами», в которых отсутствует активная редакционная позиция, и «политически ориентированными алгоритмами», которые преднамеренно созданы

для того, чтобы продвигать политическую повестку, выработанную дизайнером данного алгоритма. Так, в начале цикла президентских выборов 2016 г. в США критики обвинили социальную сеть «Facebook» в том, что она якобы привнесла определенную предвзятость в явно нейтральный генератор контента. Сразу же после президентских выборов, когда стало известно о распространении «фейковых новостей» через социальные сети, комментаторы отчитали «Facebook» за то, что он не осуществлял упреждающую политику по созданию контента, созданного пользователями, чтобы блокировать и удалять недостоверную информацию. Омер Тене и Жюль Полонецкий пытаются ответить на вопрос, должна ли социальная сеть «Facebook» использовать технологии, ориентированные на политику, или ее алгоритм контента должен оставаться политически нейтральным.

В свою очередь, Даниэль Китс Цитрон в статье «Экстремистская речь, вынужденное соответствие и цензура» [Citron 2018] анализирует речевую политику, принятую доминирующими онлайн-платформами в «Силиконовой долине». В соглашении с Европейской комиссией ведущие интернет-компании обязались отреагировать на сообщения о разжигании ненависти в течение 24 часов. Были объявлены планы создания отраслевой базы данных, которая позволит тем же компаниям обмениваться изображениями запрещенного экстремистского контента для просмотра и удаления в других местах. По мнению автора, в этом деле возможны и перекосы: так, вместе со «списками убийств» американских военнослужащих и «инструкциями по выполнению мероприятий террористического характера» в конечном итоге должен быть удален и достойный освещения контент. При этом автор подчеркивает, что «воздействие в рамках легального принуждения» будет «далеко идущим», так как в отличие от национальных законов, действие которых ограничено географическими границами отдельных государств, соглашение с Европейской комиссией применяется именно в глобальном масштабе.

Ричард Л. Хасен в статье «Войны США за голосование 2016 г.: от плохого к худшему» [Hasen 2018] представляет обзор правовых и политических «вопросов честности» на выборах 2016 г. Автор разбирает серию судебных процессов, направленных на формирование правил регистрации избирателей, проведения голосования и подсчета голосов. В своем исследовании он отмечает, что во многих штатах, где действуют республиканские законодательные органы, увеличилось количество и степень строгости законов об ограничении права голоса. Судебные процессы в период выборов 2016 г. выросли на 23% по сравнению с периодом выборов 2012 г. Кроме того, Ричард Л. Хасен обращает внимание на тревожную тенденцию в эволюции современных информационных войн, «прошедших путь от выдвижения необоснованных претензий к кандидату Дональду Трампу о мошенничестве и фальсификации выборов, к российскому (и другому) вмешательству в американские выборы»,

что, по мнению автора, способствует дезорганизации американского общества и снижению уровня доверия к федеральным властям.

Ян Шнелленбах в статье «О поведенческой политэкономии регулирования поддельных новостей» также анализирует стандартные модели поведения избирателей. При этом автор утверждает, что, в общем и целом, главной проблемой, связанной с «поддельными новостями», будет не убеждение, а подтверждение их правдивости (или лживости). Так, «люди могут требовать поддельные новости, чтобы подтвердить устоявшиеся убеждения, которые у них уже есть» [Schnellenbach 2017].

Шимон Коган, Тобиас Дж. Московиц и Марина Нисснер в статье «Поддельные новости: данные с финансовых рынков» [Kogan et al. 2018] утверждают, что «поддельные новости» увеличивают торговую активность и волатильность цен на акции, упомянутые в новостях. После того как стало известно о распространении «фальшивых новостей» через социальные сети, авторы обнаруживают немедленное снижение реакции на все новости, включая правдивые, на этих платформах, что согласуется с косвенными побочными эффектами «поддельных новостей».

Кирилл Погорельский и Мэтью Шум в статье «Новости, которыми мы хотели бы поделиться: как обмен новостями в социальных сетях влияет на результаты голосования» [Pogorelskiy, Shum 2019] анализируют связь между обменом новостями в социальных сетях и агрегацией информации путем голосования. По мнению авторов, субъекты чаще делятся новостями, являющимися благоприятными для их партии, чем неблагоприятными, и принимают «поддельные» новости за достоверные при голосовании, игнорируя альтернативные источники новостей.

Лукас де Лима Карвалью в статье «Дело против поддельных новостей в социальных сетях» [De Lima Carvalho 2017] представил аргументы против контроля за «поддельными новостями» в социальных сетях. Исследователь связывает распространение «фальшивых новостей» с вовлечением участников в социальные сети, что, в свою очередь, ставит вопрос о том, должны ли эти платформы активно предотвращать свое использование в целях распространения ложных заявлений или сообщений. Автор критикует современные подходы к организации контроля за «поддельными новостями»: угроза свободе выражения мнений в онлайн-пространстве, неоптимальное положение социальных сетей для ограничения поддельных новостей и потенциально непреднамеренный результат распространяющихся «поддельных новостей».

Данаэ Метакса-Какавули и Николас Торрес-Эчеверри в своей статье «Роль Google в распространении поддельных новостей и дезинформации» [Metaxa-Kakavouli, Torres-Echererry 2017] анализируют роль «Google» в распространении «фальшивых новостей» в месяцы, предшествовавшие национальным выборам в США 2016 г. и сразу после них. Авторы описывают

«гонку вооружений» между поисковыми системами и «спамерами», использующую слабые места в поисковых алгоритмах, что способствует роли «Google» в распространении «фальшивых» и предвзятых новостей на выборах 2016 г. В рамках продолжающегося учета влияния «фальшивых новостей» и дезинформации на выборах 2016 г. этот подход позволяет отслеживать результаты поиска кандидатов, показывая, что на результаты голосования по 30% кандидатов в той или иной степени влиял потенциально фальшивый или предвзятый контент.

Энтони Дж. Гоган в статье «Нелиберальная демократия: ядовитая смесь фальшивых новостей, гиперполяризации и партийного управления выборами» утверждает, что рост частоты появления «поддельных новостей» угрожает будущему избирательных прав в Америке. По мнению автора, поскольку традиционные средства массовой информации утратили статус «привратника», а Интернет способствует быстрому распространению дезинформации, ложные обвинения в мошенничестве при голосовании преобладают в новостных циклах. Обвинения СМИ в распространении дезинформации вызывают резкое снижение доверия общественности к честности выборов, хотя, по мнению Дж. Гогана, «нет никаких фактических оснований для оправдания страха общественности перед широко распространенным мошенничеством в избирательной системе в Америке» [Gaughan 2017].

Эбби К. Вуд и Энн М. Равель в статье «Обмани меня однажды: регулирование “поддельных новостей” и другой интернет-рекламы» указывают на проблему недостаточной прозрачности политической рекламы в Интернете. Интернет-платформы предпочитают саморегулирование и только недавно стали поддерживать требования государства о прозрачности рекламы в Интернете. Авторы предлагают несколько мер, направленных на достижение прозрачности Интернета. Так, они считают, что «необходимо требовать, чтобы платформы хранили и делали доступными как объявления на своих платформах, так и аудиторию, на которую было нацелено объявление» [Wood, Ravel 2018]. Предлагаемые авторами правила будут охватывать любую политическую рекламу, включая дезинформацию, которая продвигается посредством платного распространения в социальных сетях.

Лилиана Бунегру, Джонатан Грей, Томмазо Вентурини и Мишель Маури в статье «Полевое руководство по “поддельным новостям” и другим информационным нарушениям» [Bounegru et al. 2018] исследуют использование цифровых методов для изучения ложных вирусных новостей, политических мемов, методов троллинга и их социальной жизни в Интернете. Авторы исследуют различные формы взаимодействия между цифровыми платформами, вводящими в заблуждение информацией, пропагандой и практиками вирусного контента, а также их влиянием на политику и общественную жизнь в демократических обществах.

Альберто Алеманно в своей статье «Как противостоять поддельным новостям? Таксономия анти-фальшивых новостных подходов» [Alemanno 2018] представляет первую таксономию антифальшивых новостных подходов. По мнению автора, чтобы противостоять «поддельным новостям», политикам необходимо принимать во внимание основополагающие, самоусиливающиеся механизмы, которые делают это явление столь распространенным сегодня. Автор утверждает, что необходимо обратиться к принципам и практике классификации и систематизации, а также истории развития данного феномена, чтобы изучить все особенности, которые используют «фальшивые новости».

Кэтрин Клейтон, Джейс Дэвис, Кристен Хинкли и Юсаку Хориучи в статье «Партизанские мотивированные рассуждения и дезинформация в СМИ: новости из идеологически неконфессиональных источников более подозрительны?» [Clayton et al. 2019] провели исследование по поводу механизмов распространения дезинформации в современных средствах массовой информации. В эксперименте авторы представили партизанам (демократам и республиканцам) и идеологам (либералам и консерваторам) отрывок из новостной статьи, который варьировался в зависимости от показанного источника (CNN, Fox News или без источника) и контента (правдивая или ложная информация). Результаты показали, что, вопреки преобладающим взглядам на поляризацию и политизацию новостных агентств, а также на растущую склонность избирателей участвовать в «партизанских мотивированных рассуждениях», источник контента не так важен, как сама предлагаемая им информация.

Кейтлин Доус в статье «Фальсификация отзывов: стирает грань между бренд-менеджментом и фиктивными отзывами» [Dohse 2013] рассматривает текущую проблему поддельных онлайн-обзоров. Автор рассматривает законы, запрещающие скрытую рекламу, и как эти законы влияют на управление репутацией в Интернете. Кейтлин Доус углубляется в историю потребительских обзоров продуктов, в том числе охватывая тот период, когда в СМИ массово появились «поддельные обзоры», и советует, как правильно применять действующее законодательство к этим «поддельным обзорам».

Вместе с тем необходимо отметить, что «фейковые новости» существовали и до выборов президента США 2016 г., когда на них стали обращать пристальное внимание. Примером «фейковых новостей» могут служить такие информационные поводы, как «эпидемии» «атипичной пневмонии», «птичьего» и «свиного» гриппа, порождавшие ажиотаж и панику даже не в национальных, а поистине в глобальных масштабах. При этом жертвами эпидемии «атипичной пневмонии» во всем мире стали всего около 1100 человек, в то время как от обычного гриппа в мире ежегодно погибают около 400 тыс. человек. (т.е. в 400 раз больше).

Результаты исследования

В целом природа «фейковых новостей» и механизмов их распространения и влияния на сознание людей довольно просты.

«Фейковая новость» – это информационный вброс, содержащий в себе специально подготовленную информацию заведомо провокационного и резонансного характера. При этом сам фейк может содержать как заведомо ложную, так и истинную (проверяемую) информацию, вырванную из контекста конкретной беседы, разговора или выступления.

Цель «фейковой новости» – создание ажиотажа вокруг мнимого информационного повода, создаваемого вбросом заведомо провокационной информации, имеющей резонансный характер. Основной задачей «фейковой новости» при этом становится перехват информационной повестки и замыкание ее на себя, с тем чтобы содержание фейка на некоторое время стало навязчивой идеей, подчиняющей себе сознание человека, подпавшего под влияние «фейковой новости». Если информационная повестка перехвачена и общество зациклилось на обсуждении фейка, главная задача «фейковой новости» выполнена. Вместе с тем в отдельных случаях «фейковые новости» также могут использоваться и для провоцирования паники, массовых беспорядков, дискредитации публичных политиков и общественных деятелей, пропаганды деятельности террористов и экстремистов. Особенно широко «фейковые новости» применяются в современных операциях информационной войны.

Обсуждение результатов

Механизмы распространения «фейковых новостей» также предельно просты: фейки, содержащие информацию заведомо провокационного характера, оказывающее сильное («взрывное») влияние на эмоциональную сферу граждан, распространяются в обществе так называемым вирусным способом – благодаря эффекту «эмоционального заражения». Суть этого способа предельно проста: человек, попавший под влияние «фейковой новости», быстро возбуждается до пограничного состояния (высшей точки эмоционального возбуждения; фейк вступает с психикой человека в эмоциональный резонанс) и в этот момент у него появляется настоятельная жизненно важная потребность поделиться этой резонансной новостью со своими «контактами» из ближнего круга общения (родными, близкими, друзьями, доверенными лицами), причем сделать это немедленно. Тем самым фейк получает в свое распоряжение личные каналы связи и коммуникации человека, заразившегося «фейковой новостью», а сам человек становится ретранслятором фейка на новые аудитории, «заражая» сначала свое ближайшее окружение (которое доверяет ему), а затем и дальний круг своего общения, включая контакты и контакты контактов своих друзей. В результате фейк начинает распростра-

няться по сетям и личным доверительным каналам своих коммуникаторов как вирусная инфекция, передаваемая от человека к человеку через личный информационный контакт. По сути, весь секрет эффективности «фейк-ньюс» – это резонансный характер содержащейся в фейке информации плюс вирусный механизм его распространения.

Как социальное явление «фейковые новости» являются новым шагом в развитии технологий информационного влияния и массовой коммуникации. Этот шаг был сделан, когда информацию резонансного характера сделали «вирусной» и соединили с «вирусными» технологиями ее распространения.

Как инструмент информационной войны «фейковые новости» представляют собой серьезную угрозу национальной безопасности, с которой пока никто не знает, что делать (включая президента США Дональда Трампа). В этом плане с «фейковыми новостями» надо бороться. Для этого необходимо разработать основы, архитектуру и рекомендации по формированию в Российской Федерации государственной системы противодействия распространению «фейковых новостей» и их влиянию на российское общество, включая соответствующие формы, методы и технологии. Эта система позволит в сотрудничестве со структурами гражданского общества обеспечить защиту граждан от деструктивного влияния «фейковых новостей», а также – существенным образом ограничить каналы их распространения.

Заключение

Сегодня большинство сенсационных событий в мире сопровождается информационным потоком данных, значительная часть которого может представлять собой «поддельные новости», основанные на сведениях заведомо ложного характера, умышленно искажающих восприятие действительности. Данный феномен эффективен в условиях информационного «голода», когда политическая элита дает недостаточно информации или запаздывает с официальными комментариями относительно того или иного события. В этот момент «фейковые новости» заполняют информационные «пробелы» в сознании масс недостоверной или искаженной информацией. Вирусным способом «фейковые новости» способны в короткий срок сформировать повестку дня, вызвав острый общественный резонанс и даже ажиотаж.

Тема «фейковых новостей» вызывает большой интерес со стороны зарубежного профессионального сообщества. Исследователи сводят проблему «поддельных новостей» к резкому снижению доверия общественности к честности выборов, а также к дезорганизации общества и снижению уровня доверия к властям.

Научные сообщества анализируют роль поисковых систем в распространении «фальшивых новостей» и пытаются ответить на вопрос: должны ли

социальные сети и различные поисковые платформы использовать технологии, ориентированные на политику, или ее алгоритм контента должен оставаться политически нейтральным. Единого мнения на этот вопрос пока не выработано.

В большинстве случаев исследователи рассматривают «поддельные новости» как феномен дезинформации в средствах массовой информации, либо изучают методику его выявления и определения. Однако этот подход, достаточно узкий по своей сути, недостаточно отражает саму природу «фейковых новостей» и механизмов их распространения, не способствует выработке эффективных форм и методов противодействия их влиянию на социальные и политические процессы. Остается констатировать, что на сегодняшний день тема противодействия распространению данного явления слабо разработана и она нуждается в серьезной подпитке научными кадрами и идеями.

Библиография

Alemanno A. How to Counter Fake News? A Taxonomy of Anti-Fake News Approaches // European Journal of Risk Regulation. 2018. Iss. 1. URL: https://ssrn.com/abstract=3143147 (дата обращения: 24.11.2019).

Balkin Jack M. Free Speech in the Algorithmic Society: Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation // UC Davis Law Review. 2018. Forthcoming. URL: https://ssrn.com/abstract=3038939 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3038939 (дата обращения: 24.11.2019).

Bounegru L., Gray J., Venturini T., Mauri M. A Field Guide to «Fake News» and Other Information Disorders // A Field Guide to «Fake News» and Other Information Disorders: A Collection of Recipes for Those Who Love to Cook with Digital Methods. Amsterdam: Public Data Lab, 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3097666 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3097666 (дата обращения: 24.11.2019).

Citron D.K. Extremist Speech, Compelled Conformity, and Censorship Creep // Notre Dame Law Review. 2018. 2017. N 12. URL: https://ssrn.com/abstract=2941880 (дата обращения: 12.12.2019).

Clayton K., Davis J., Hinckley K., Horiuchi Y. Partisan Motivated Reasoning and Misinformation in the Media: Is News from Ideologically Uncongenial Sources More Suspicious? // Japanese Journal of Political Science. 2019 Forthcoming. URL: https://ssrn.com/abstract=3035272 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3035272 (дата обращения: 24.11.2019).

De Lima Carvalho L. The Case Against Fake News Gatekeeping by Social Networks. Sao Paulo: University of Sao Paulo, 2017. 22 p. URL: https://ssrn.com/abstract=3060686 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3060686 (дата обращения: 03.12.2019).

Dohse K. Fabricating Feedback: Blurring the Line Between Brand Management and Bogus Reviews // Journal of Law, Technology & Policy. 2013. N 2. P. 363–392. URL: https://ssrn.com/abstract=2333170 (дата обращения: 13.10.2019).

Drexl J. Economic Efficiency versus Democracy: On the Potential Role of Competition Policy in Regulating Digital Markets in Times of Post-Truth Politics // Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper. 2016. N 16. URL: https://ssrn.com/abstract=2881191 (дата обращения: 05.09.2019).

Gaughan A.J. Illiberal Democracy: The Toxic Mix of Fake News, Hyperpolarization, and Partisan Election Administration // Journal of Constitutional Law & Public Policy. 2017. N 57. URL: https://ssrn.com/abstract=2944791 (дата обращения: 07.12.2019).

Hasen R.L. The 2016 U.S. Voting Wars: From Bad to Worse // William & Mary Bill of Rights Journal. 2018. Vol. 26. N 3. P. 629–655. URL: https://ssrn.com/abstract=3001257 (дата обращения: 24.12.2019).

Kaur K., Nair S., Kwok Y., et. al. Information Disorder in Asia and the Pacific: Overview of Misinformation Ecosystem in Australia, India, Indonesia, Japan, the Philippines, Singapore, South Korea, Taiwan, and Vietnam. Hong Kong: The University of Hong Kong, 2018. 70 p. URL: https://ssrn.com/abstract=3134581 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3134581 (дата обращения: 08.12.2019).

Kogan S., Moskowitz T.J., Niessner M. Fake News: Evidence from Financial Markets. 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3237763 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3237763 (дата обращения: 10.01.2020).

Metaxa-Kakavouli D., Torres-Echeverry N. Google's Role in Spreading Fake News and Misinformation // Stanford University. Stanford Low School. Low and Policy Lab. 2017. 31 Oct. URL: https://ssrn.com/abstract=3062984 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3062984 (дата обращения: 08.12.2019).

Miller B. Automated Detection of Chinese Government Astroturfers Using Network and Social Metadata. University of Michigan at Ann Arbor, College of Literature, Science & the Arts, Department of Political Science: 2016. 21. Apr. URL: https://ssrn.com/abstract=2738325 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2738325 (дата обращения: 20.01.2020).

Pennycook G., Cannon T., Rand D.G. Prior Exposure Increases Perceived Accuracy of Fake News // Journal of Experimental Psychology: General. 2017. N 147 (12). URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2958246 (дата обращения: 08.12.2019).

Pogorelskiy K., Shum M. News We Like to Share: How News Sharing on Social Networks Influences Voting Outcomes. 2019. URL: https://ssrn.com/abstract=2972231 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2972231 (дата обращения: 13.10.2019).

Schnellenbach J. On the Behavioural Political Economy of Regulating Fake News // Ordo – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft, Forthcoming. 2017. URL: https://ssrn.com/abstract=3038508 (дата обращения: 20.01.2020).

Tene O., Polonetsky J. Taming the Golem: Challenges of Ethical Algorithmic Decision Making // North Carolina Journal of Law and Technology. 2017. URL: https://ssrn.com/abstract=2981466 (дата обращения: 11.10.2019).

Verstraete M., Bambauer D.E., Bambauer J.R. Identifying and Countering Fake News // Arizona Legal Studies Discussion Paper. 2017. N 17–15. URL: https://ssrn.com/abstract=3007971 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3007971 (дата обращения: 11.10.2019).

Wood A.K., Ravel A.M. Fool Me Once: Regulating 'Fake News' and Other Online Advertising (September 18, 2018) // Southern California Law Review. 2018. N 18–4. URL: https://ssrn.com/abstract=3137311 (дата обращения: 05.02.2020).

References

Alemanno A. How to Counter Fake News? A Taxonomy of Anti-Fake News Approaches. European Journal of Risk Regulation. 2018. Iss. 1. URL: https://ssrn.com/abstract=3143147 (date of access: 24.11.2019).

Balkin Jack M. Free Speech in the Algorithmic Society: Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation. UC Davis Law Review. 2018. Forthcoming. URL:

https://ssrn.com/abstract=3038939 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3038939 (date of access: 24.11.2019).

Bounegru L., Gray J., Venturini T., Mauri M. A Field Guide to «Fake News» and Other Information Disorders. A Field Guide to «Fake News» and Other Information Disorders: A Collection of Recipes for Those Who Love to Cook with Digital Methods. Amsterdam: Public Data Lab, 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3097666 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3097666 (date of access: 24.11.2019).

Citron D.K. Extremist Speech, Compelled Conformity, and Censorship Creep. Notre Dame Law Review. 2018. 2017. N 12. URL: https://ssrn.com/abstract=2941880 (date of access: 12.12.2019).

Clayton K., Davis J., Hinckley K., Horiuchi Y. Partisan Motivated Reasoning and Misinformation in the Media: Is News from Ideologically Uncongenial Sources More Suspicious? Japanese Journal of Political Science. 2019 Forthcoming. URL: https://ssrn.com/abstract=3035272 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3035272 (date of access: 24.11.2019).

De Lima Carvalho L. The Case Against Fake News Gatekeeping by Social Networks. Sao Paulo: University of Sao Paulo, 2017. 22 p. URL: https://ssrn.com/abstract=3060686 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3060686 (date of access: 03.12.2019).

Dohse K. Fabricating Feedback: Blurring the Line Between Brand Management and Bogus Reviews. Journal of Law, Technology & Policy. 2013. N 2. P. 363–392. URL: https://ssrn.com/abstract=2333170 (date of access: 13.10.2019).

Drexl J. Economic Efficiency versus Democracy: On the Potential Role of Competition Policy in Regulating Digital Markets in Times of Post-Truth Politics Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper. 2016. N 16. URL: https://ssrn.com/abstract=2881191 (date of access: 05.09.2019).

Gaughan A.J. Illiberal Democracy: The Toxic Mix of Fake News, Hyperpolarization, and Partisan Election Administration. Journal of Constitutional Law & Public Policy. 2017. N 57. URL: https://ssrn.com/abstract=2944791 (date of access: 07.12.2019).

Hasen R.L. The 2016 U.S. Voting Wars: From Bad to Worse. William & Mary Bill of Rights Journal. 2018. Vol. 26. N 3. P. 629–655. URL: https://ssrn.com/abstract=3001257 (date of access: 24.12.2019).

Kaur K., Nair S., Kwok Y., et. al. Information Disorder in Asia and the Pacific: Overview of Misinformation Ecosystem in Australia, India, Indonesia, Japan, the Philippines, Singapore, South Korea, Taiwan, and Vietnam. Hong Kong: The University of Hong Kong, 2018. 70 p. URL: https://ssrn.com/abstract=3134581 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3134581 (date of access: 08.12.2019).

Kogan S., Moskowitz T.J., Niessner M. Fake News: Evidence from Financial Markets. 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3237763 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3237763 (date of access: 10.01.2020).

Metaxa-Kakavouli D., Torres-Echeverry N. Google's Role in Spreading Fake News and Misinformation. Stanford University. Stanford Low School. Low and Policy Lab. 2017. 31 Oct. URL: https://ssrn.com/abstract=3062984 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3062984 (date of access: 08.12.2019).

Miller B. Automated Detection of Chinese Government Astroturfers Using Network and Social Metadata. University of Michigan at Ann Arbor, College of Literature, Science & the Arts, Department of Political Science: 2016. 21. Apr. URL: https://ssrn.com/abstract=2738325 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2738325 (date of access: 20.01.2020).

Pennycook G., Cannon T., Rand D.G. Prior Exposure Increases Perceived Accuracy of Fake News. Journal of Experimental Psychology: General. 2017. N 147(12). URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2958246 (date of access: 08.12.2019).

Pogorelskiy K., Shum M. News We Like to Share: How News Sharing on Social Networks Influences Voting Outcomes. 2019. URL: https://ssrn.com/abstract=2972231 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2972231 (date of access: 13.10.2019).

Schnellenbach J. On the Behavioural Political Economy of Regulating Fake News. Ordo – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft, Forthcoming. 2017. URL: https://ssrn.com/abstract=3038508 (date of access: 20.01.2020).

Tene O., Polonetsky J. Taming the Golem: Challenges of Ethical Algorithmic Decision Making. North Carolina Journal of Law and Technology. 2017. URL: https://ssrn.com/abstract=2981466 (date of access: 11.10.2019).

Verstraete M., Bambauer D.E., Bambauer J.R. Identifying and Countering Fake News. Arizona Legal Studies Discussion Paper. 2017. N 17–15. URL: https://ssrn.com/abstract=3007971 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3007971 (date of access: 11.10.2019).

Wood A.K., Ravel A.M. Fool Me Once: Regulating 'Fake News' and Other Online Advertising (September 18, 2018). Southern California Law Review. 2018. N 18–4. URL: https://ssrn.com/abstract=3137311 (date of access: 05.02.2020).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например, Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, страна, город, e-mail. Также требуется указать Scopus Author ID и Web of Science Researcher ID.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. **Список цитированных источников и литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы, представленный на русском языке, дается в переводе на английский язык (с указанием языка оригинала); на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква р. – обозначение страницы и «дата обращения» – «data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Кроме того, список должен быть транслитерирован латинскими буквами.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 55–66.

В переведенном и транслитерированном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili

nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ.Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14397.

В переведенном и транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14397. (In Russ.)

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (дата обращения: 02.08.2019); Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskih zonah v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Бутенко 1995, с. 170], [Личное дело Харламова, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Бутенко 1995, с. 170; Личное дело Харламова, л. 2]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Федеральный закон от 22 июля 2005 г.].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 2 – 2020 (107)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 15.06.2020 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 24,7 Уч.-изд. л. 20,0
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № 47

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33